С.И. ЗАХАРЦЕВ

**ПРАВО:
НОВЫЕ ИДЕИ И ПРОЧТЕНИЯ**

С.И. ЗАХАРЦЕВ

ПРАВО:

НОВЫЕ ИДЕИ И ПРОЧТЕНИЯ

Монография

Рецензенты:

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,

В.В. Лазарев

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

В.П. Сальников

Захарцев С.И.

Право: новые идеи и прочтения.

В монографии рассматриваются компрекендная теория права, проблема запрограммированности общества, правосознание и профессиональная деформация, гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле, опасности для человечества, связанные с информационным насилием и биологическими экспериментами, другие актуальные вопросы философии права, юридической науки и практики.

Автор книги – С.И. Захарцев - известный российский юрист, доктор юридических наук, заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности РГСУ, автор более 400 научных публикаций, в том числе 21 монографии, входит в двадцатку наиболее цитируемых российских ученых-правоведов.

Монография адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, практикующим юристам, а также всем, кто интересуется проблемами права и философии права.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. КОМПРЕХЕНДНАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

- § 1. Компреденная теория права*
- § 2. Разумность и бессмысленность права*
- § 3. Отрицательное право и развратно-негативное право*
- § 4. Показания, регламентация лжи, решение конкретного судьи и аморальность как проявления права*
- § 5. Обвинительный уклон и недостаточность профилактики*
- § 6. Зарисовка о формализме права*
- § 7. Суд присяжных*
- § 8. О праве по Льву Толстому*
- § 9. О философии права Ф.М. Достоевского*
- § 10. Перечитывая Гегеля*
- § 11. Фашизм, нацизм и И.А. Ильин. Об ошибочном и необъективном подходе к творчеству Ильина*
- § 12. Космическое право как новая научная специальность и возможность регулирования правом непознанного*
- Заключение по главе*

Глава II. ЗАПРОГРАММИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВО

Глава III. ПРАВОСОЗНАНИЕ И ЕГО ДЕФОРМАЦИЯ

- § 1. Правосознание*
- § 2. Профессиональная деформация правосознания*

Глава IV. ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРМЕННОСТИ

- § 1. Общие проблемы юридической науки*
- § 2. Этические проблемы в юридической науке*
- § 3. Объективная истина*

Глава V. БАЗОВЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

- § 1. Предмет философии права*
- § 2. Проблема происхождения права*
- § 3. Кратко о методологии права*

Глава VI. АКТУАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

- § 1. Гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле*
- § 2. Убыстрение темпа жизни и опасность информационного пространства*
- § 3. Биомедицинские эксперименты над человеком*

Глава VII. РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

- *Фундаментальный трехтомник о праве. Рецензия на научное издание В.В. Лазарева «Избранные труды (В 3 т.) / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». – М.: Новая юстиция. 2010»*

- *Достойная книга про выдающегося русского философа. Рецензия-размышление на монографию Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногора: «Будущее права. Наследие академика В.С. Степаина и юридическая наука / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор. – Москва: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2020. – 176 с.»*

- *Вышла значимая работа по философии права. Рецензия на монографию А.Н. Савенкова «Государство и право в период кризиса современной цивилизации. - М.: Проспект, 2020. – 448 с.»*

- *Ученые о демократии. Рецензия на книгу А.Д. Керимова «Демократия: опыт критического анализа. М. Норма. 2019. – 184 с.»*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

- *Перечень социологических исследований*

- *Литература*

ВВЕДЕНИЕ

Книга, которую Вы держите в руках, заметно отличается от современных традиционных книг о праве. В последнее время право принято считать неким продолжением свободы, справедливости, равенства, истинности, разумности наконец.

Увы, дорогой читатель, это не совсем так. А бывает, что и совсем не так. Право сложно, многогранно и противоречиво, в котором разумность и глупость, справедливость и нечестность тесно переплетены. Рассуждая о праве, мы всегда вспоминаем расхожую историю о знаменитом физиологе, лауреате Нобелевской премии, академике И.П. Павлове. Ученый всегда сильно возмущался, когда при нем начинали хвалить медицину. Пресекая подобные разговоры, он жестко говорил, что в нужности и важности медицины ни у кого сомнений нет. Но необходимо четко знать, что в медицине плохо, а относиться к ней надо объективно и честно. Именно тогда, по словам И.П. Павлова, будет понятно что такое медицина, а значит станет ясно как ее изучать.

Базируясь на таком подходе, медицина постепенно повернулась лицом к больному, появилось стремление к минимизации хирургического вмешательства, развилась профилактика и реабилитация, помощь населению стала системной и т.д.

Этот исторический пример обязательно надо учесть юристам. Особенно тем, кто кроме свободы и справедливости в праве ничего не замечает. О том, каким оно бывает на самом деле и как его следует изучать посвящена первая и вторая главы.

Третья и четвертая главы обращены главным образом к юридической науке. Мы поговорим о ее актуальных проблемах и способах их разрешения. Также рассмотрены вопросы правосознания и профессиональной деформации судей, прокуроров, сотрудников полиции, преподавателей права. Опыт показал, что наши исследования профессиональной деформации

понравились не только юристам, но и другим ученым. Например, в свое время исследования вызвали интерес у академика Н.П. Бехтеревой, что побудило нас их продолжить.

Пятая и шестая главы посвящены философским проблемам как права, так и общества вокруг права. У читателей России и зарубежья из написанного в них наибольший интерес вызвала выдвинутая нами гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле. С учетом имевшейся в 2020 году пандемии она, по мнению специалистов, стала еще более актуальной.

В заключительную главу мы включили рецензии на книги о праве, вышедшие в последнее время и показавшиеся нам наиболее заметными.

Работая над монографией, мы провели в России и за рубежом ряд социологических исследований, которые, думаем, будут небезыntenесны специалистам.

Пользуясь случаем, хотим выразить огромную признательность другу и учителю В.П. Сальникову, который был идейным вдохновителем и соавтором многих наших работ. Хотим искренне поблагодарить и другого рецензента - В.В. Лазарева.

Книга, в первую очередь, адресована юристам, философам, социологам, политологам, психологам. Нам важно, чтобы они обратили внимание на поднятые в монографии проблемы и подумали о выработках путей их разрешения.

Но будем искренне рады, если она заинтересует и широкий круг читателей.

ГЛАВА

КОМПРЕХЕНДНАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА И ЕЕ ОТДЕЛЬНЫЕ ГРАНИ

§ 1. Компреденная теория права

Что такое право? За тысячелетия существования человека единого и утраивающего всех определения разработано не было.

Право нам видится большим бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что ученые видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня.

То же происходит и с правом. Специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства.

Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, не мало (позитивистская, естественная, договорная, психологическая, историческая, социологическая и т.д.). Однако их и не так много, как граней бриллианта. Поэтому выскажем предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть удивительным для нас всех.

Отсюда вопрос: если мы объединим все, что нам известно *сейчас* о праве, мы получим нечто большее и всех устраивающее? Судя по всему – нет. Пока мы лишь дошли до понимания того, что нельзя останавливаться только на одной концепции права, пытаться «делать» ее господствующей, главной. Надо стремиться объять право целиком, изучать право всеохватывающе. Такой **компренхендный подход**¹ к изучению права в данном случае является наиболее подходящим.

Для указанного познания права нужна философия. Именно философия позволяет «подняться» над проблемой, оценить ее в историческом аспекте, в динамике, с учетом развития научных знаний о мире и бытии. Думается, что в философском плане значительное количество правовых исследований, хотя и имеющих глобальные цели, фактически представляют собой работу у подножия пирамиды. И наивно полагать, что «дистанцию огромного размера» мы преодолеем быстро. Причем подчас вместо подъема к знаниям работа ведется «по кругу». Например, более столетия назад Н.М. Коркунов подвел убедительный итог попыткам создания так называемой энциклопедии права. Он, в частности, написал: «Создать из энциклопедии науку наук, которая была бы вместе с тем и самостоятельной, особой наукой и обнимала бы собой содержание всех отдельных наук, оказалось невозможным»². Вместе с тем, спустя столетие, к названной идеи предлагают вернуться заново.

Другой характерный пример. В настоящее время встречаются попытки объединить в интегральную теорию права теории естественного и позитивного права. Но ведь право – не только эти две теории. Значит конструкция в таком виде обречена на провал. Философски подняться над проблемой и оценить, что объединение только указанных теорий будет совершенно не полным – получается не у всех.

¹ От латинского: *Comprehen* – всеохватываемость, *Comprehendo* - всеохватывающий.

² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Переизд. СПб. 2004. С. 33-34. См. также: Экимов А. И. Коркунов / Отв. ред. В. Д. Зорькин. М., 1983.

Философских оценок требует современное отношение юридической науки к праву. Так, в настоящее время отчетливо наблюдается, что о феномене «право» многие специалисты стали писать «возвышенно хорошо». Дескать, все, что связано с истинным правом – это справедливо и честно. А вот что несправедливо, тоталитарно, недемократично (хотя и содержится в правовых нормах) – это уже не право. Отсюда стали расхожими выражения – несправедлив закон, антиправовая власть, антиправовые отношения и т.д. То есть, право, особенно в последнее время, стало идеализироваться.

Такой подход стал настолько распространенным в студенческой среде, что преподаватели ряда отраслевых дисциплин сетуют, что в вузах, в которых студентам внушается мысль о различии и противоречиях права и закона, крайне затруднительно приохотить будущих правоведов изучать кодексы и другой законодательный материал, так как многие студенты убеждены, что почти все это не является правом¹.

Важно понять, что если будем смотреть на феномен права «через розовые очки» мы не приблизимся к пониманию права и его сущности. Следует признать, что если правовые нормы реформаторских законов приводят к массовому обнищанию населения, ущемлению потребностей в образовании и здравоохранении – то это правовой произвол. Произвол! Но именно правовой. Вместе с тем, применяемое популярное словосочетание «неправовой закон» выгораживает само право, как бы все объясняет и всех устраивает. При таких обстоятельствах право становится святыней, идолом, на который все молятся и не допускают критики. Мол: право – это по определению хорошо, честно, чисто, свободно от дурных примесей. О том же: право – это свобода, справедливость, равенство и ни как иначе. Например, В.С. Нерсесянц начал книгу о философии права так: философия права занимается познанием права как необходимой формы свободы, равенства и справедливости в общественной жизни людей.² Или С.С.

¹ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2011. С. 312.

² См.: Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 1.

Алексеев назвал свою монографию о праве: «Самое святое, что есть у Бога на Земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху».¹ Вслед за ними пошли многие. Тот же В.В. Сорокин под правом понимает регулятивную систему идей, ценностей, принципов, ориентиров, общеобязательных правил поведения, обеспеченных государством и выражающих дух Истины, Добра и Красоты.²

Но такое понимание права односторонне, а значит не объективно. Некритичность познания какого-либо явления противоречит самой сути философии. При некритичном исследовании истинных знаний не получишь.

Для философии права указанное положение таит в себе большую опасность. Некритичный подход доводит понимание какого-либо явления до гипертрофированных форм. Это неизбежно приводит к извращенному пониманию явления, сущности, концепции. Последующая критика, которая рано или поздно прорывается, подчас уничтожает не только сформированные подходы к изучаемому явлению, но и дискредитирует само явление, связанные с ним концепции и идеи.

Явный перегиб в одну сторону дает перенасыщение проблемой, в результате чего срабатывает «эффект маятника». В результате даже самые светлые и здравые идеи, приобретя гипертрофированную форму, подвергаются уже огульной критике, на длительный срок предаются забвению и вытесняются другими концепциями, которые на поверку оказываются тоже не без изъянов.

Помимо того, философы права почему-то не всегда учитывают рефлексии философии. На протяжении всей истории развития человечества для философии было характерно постоянное переформулирование своих основных проблем. Одна концепция, вроде бы достаточно обоснованная, неизбежно сменяется другой, принципиально от нее отличающейся. Если специалисты, скажем, видят перспективы естественно-правовой теории как

¹ См.: Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на Земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998.

² Сорокин В.В. Фундаментальная теория права. М., 2020. С. 52.

господствующей теории права в России на длительное время, то к данной теории тем более надо подходить более критично, осмысленно. Не только подчеркивать положительные характеристики этой теории, но и видеть определенные упущения, сложности применения с учетом сложившейся в России ментальности, правосознания и правовой культуры.

Предпринимаемые ныне попытки отгородить право от критики, думается, обречены. Даже если исходить из божественного происхождения права, то молиться будут Богу, а не праву. Что и естественно. Противопоставлять Бога праву либо дополнять Бога правом нелепо и бессмысленно.

Опять же, если попытаться как-то идеализировать право, создать такое право, к которому должны все стремиться, то его все равно не верно сводить до формы свободы, равенства и справедливости. Право значительно многогранней и неоднозначней, чем указанные выше категории. Причем точно определить указанные философские категории – сложный философский вопрос.

Право – это важное и необходимое явление общественной жизни. Но такими же по значимости являются и другие явления – культура, экономика и др. Возможна ли, например, идеальная справедливость в экономике, если, примитивно, один хочет подороже продать, а другой – подешевле купить? Возможна ли идеальная справедливость в правовом споре лиц при разделе имущества – справедливость у каждого своя. Возможна ли однозначная оценка произведений культуры (скажем, «Черного квадрата» Малевича), будет ли она полностью справедлива? При этом никто не пишет о неэкономной экономике, некультурной культуре и т.д.

Здесь следует сказать, что мы не отождествляем право и закон. Однако считаем в корне неверным эти понятия противопоставлять. Причем противопоставлять однобоко, односторонне, выгораживая право как явление от критики. Хочется спросить, почему пишут «неправовой закон», а не, например, «неправовое право»? Для чего обелять правовые нормы? Тем

более, бывает так, что нормы, кажущиеся нам на сегодняшний день правовыми и во всех смыслах справедливыми, через исторический отрезок уже правовыми не кажутся. Например, реформы в России, проведенные в 1990-х годах и оформленные соответствующими правовыми нормами, первоначально казались именно правовыми, либеральными. Однако по прошествии уже небольшого количества времени они привели к значительным негативным последствиям: развалу государства, сепаратизму в России, национализму, обнищанию значительной части населения, вооруженным конфликтам и др. Неоднозначность результатов проведенных реформ признало и руководство страны. Сейчас очевидно, что нормы права, устанавливавшие ход указанных реформ, едва ли можно отнести к правовым (в том смысле, который закладывается отдельными учеными-идеалистами).

Но есть и обратные примеры. Приказ маршала Г.К. Жукова о защите Ленинграда любой ценой по своей жестокости казалось бы вряд ли уместается в правовые рамки. Однако ход истории объективно продемонстрировал высшую справедливость такого решения, правоту и правильность, то есть именно правовой характер. Сейчас всем очевидно, что если бы не удержали Ленинград, то количество убитых было бы в разы больше и вопрос победы над фашизмом оставался бы открытым. Надо сказать, что в истории человечества накопилось немало именно правовых норм, содержащих насилие и жестокость! Задумайтесь над этим.

В.З. Лившиц верно написал, что для одних и тех же групп людей тот или иной закон олицетворяет равенство и справедливость, он правовой, а для других групп – нет. Поэтому общего и однозначного критерия отличия правового закона от неправового не существует. При этом один и тот же закон может быть правовым и неправовым на разных этапах развития общества¹.

В связи с этим, концепция правовых и неправовых законов не может стать ориентиром для государственных органов и должностных лиц,

¹ Об этом см: *Лившиц В.З.* Современная теория права. Краткий очерк. М., 1992.

применяющих право. Иными словами, данная концепция представляет собой некую умозрительную конструкцию, которая не может быть реализована при применении права. Здесь, на данном этапе в очередной раз ярко высвечивается вопрос именно научной, диалектической проверки идей и конструкций.

Глубокое исследование проблемы «правовых-неправовых» законов проведено О.Э. Лейстом. По его абсолютно справедливому мнению, серьезным препятствием на пути становления содержательных философских направлений изучения права в последние годы стала концепция, которая еще недавно называлась ее сторонниками «историко-материалистическая концепция различия и соотношения права и закона», а теперь переименована им в «либертарную». Закону, принятому государством, эта концепция противопоставляет право, сущность которого усматривается в свободе, равенстве и справедливости. На этом основано понятие «неправовой закон», не соответствующий представлениям о свободе, равенстве и справедливости. Исходя из такой концепции в многовековой истории человечества вообще трудно найти «правовые законы». Если считать право воплощением свободы, равенства, справедливости, то история права начинается только с XVII-XVIII вв., а все предыдущее право (Законы Хаммурапи, Законы Ману, римское рабовладельческое право, все право Средних веков, в России – Русская правда, все Судебники и Уложения и т.п.) не должно считаться правом. Получается, что «либертарная концепция» как бы упразднила большую часть истории права. Отдавая должное теоретической смелости и последовательности основателя этой концепции В.С. Нерсесянца¹, отметим, что недавно он упразднил и большую часть истории государства. Государство, по его мнению, конституируется только на основе «правовых законов», а все остальное, что до сих пор в истории считалось государством,

¹ См. Нерсесянц В.С. Теория государства и права. М., 2001. С. 28-30, 46-49 и след.

было различными видами деспотизма, принципиально отличающимися от государства¹.

Но дальше – больше. Как продолжил О.Э. Лейст свою мысль, на основе абстрактных рассуждений, противопоставляющих всегда хорошее право нередко плохому закону, трудно сформулировать какие-либо конкретные рекомендации современному законодателю, который принципиально признает идеи свободы, равенства и справедливости, но не всегда умеет воплотить их в законе. Кроме того, из поля зрения сторонников критикуемой концепции начисто выпало противоположное соотношение – хорошего закона и зыбкого, необеспеченного и потому плохого права. Пример такого соотношения – ст. 59 Конституции Российской Федерации о праве на замену военной службы альтернативной гражданской службой и невозможность реализовать это право из-за отсутствия законодательного определения порядка его осуществления. Сторонники различения права и закона не заметили, что право отличается от закона способностью реализовываться в конкретных правоотношениях, в правах и обязанностях членов общества и потому в праве не могут воплотиться чрезмерно общие формулировки (хорошего по замыслу) закона, не имеющие разработанного механизма их перевода в конкретные правовые отношения.

Кроме того, - как подметил, О.Э. Лейст, - из поля зрения сторонников различения права и закона начисто выпал также процесс реализации того и другого, ибо, по их мнению, право – идеи свободы, равенства и справедливости, а закон – тексты, которые могут этим идеям противоречить. Однако истории известны неплохие по литературному оформлению законы, тексты которых возвещают свободу, равенство и справедливость для того, чтобы замаскировать бесправие, террор, нарушение элементарных прав и свобод человека. Такова была Конституция СССР 1936 года, демократические положения которой носили декларативный характер и являлись формой пропаганды в годы массовых репрессий. Была ли, по

¹ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2011. С. 307-308.

мнению сторонников либертарной идеи, эта Конституция «правовым законом»?¹

Полностью соглашаясь с названным ученым, хочется добавить один пример, ярко характеризующий однобокость и неточность подхода «к праву как к определению хорошему явлению по отношению к плохому закону».

Конституцией Российской Федерации человек, его права определены как высшая ценность для Российского государства. Для реализации такого права изданы неплохие по содержанию законы. Казалось бы все верно? Действительно, к законам по большому счету претензий нет – все они соответствуют Конституции Российской Федерации, исполняют ее посыл о том, что права человека есть высшая ценность.

Однако возникает вопрос, а верно ли само право о том, что человек и его права являются именно высшей ценностью? Что выше прав конкретного человека в России иных ценностей нет? Что противопоставляя единичные интересы общим, приоритет должен быть у единичных? Что разве не является ценностью Родина, государство, Вера, наконец, жизнь и здоровье своих соотечественников?

Об этом еще в 1915 году писал С.А. Котляревский. Он отмечал, что нет правового государства без сознания у граждан ценности права, без любви к праву, борьбы за право. Но нет и государства там, где не существует готовности в известные минуты жертвовать этой любовью, этой даже привычкой к уже достигнутому правовому укладу во имя обязанностей перед родиной, во имя ответственности за ее независимость, безопасность, во имя служения достойному ее историческому развитию. «В этом смысле гипертрофия правового инстинкта, известная, так сказать, политическая изнеженность может оказаться в борьбе за жизнь (а от этой борьбы в самой острой форме не застраховано ни одно государство) опасным качеством, если оно не уравнивается достаточным запасом элементарного непосредственного патриотизма. С другой стороны, государство нуждается

¹ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2011. С. 309-310.

не только в готовности граждан принести себя в жертву, ему необходима их способность пережить эту жертву как подъем национального одушевления, ему должна быть присуща сила вызвать это одушевление. Получается странный парадокс: способность граждан жертвовать правовыми благами сама связана с высоким правовым уровнем государственной организации. Болезненная и опасная — с виду — дисгармония превращается в ту высшую гармонию, искать которой всюду велит заповедь жизни».¹

Россия, на которую не менее два раза в век нападают завоеватели, жители которой выросли в общине, воспитывались из века в век коллективным трудом, особенно воспринимают слова: патриотизм, Отечество, самопожертвование ради других.

О том же, являясь выразителем мнения русского народа, говорит Русская Православная церковь. В Декларации о правах и достоинстве человека от 6 апреля 2006 года, принятой X Всемирным русским Национальным собором, говорится: «Права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества. Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святости, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое. Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святых, угрожало бы существованию Отечества. Опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями»². Тем самым Русская Православная Церковь подтвердила мнение о том, что и

¹ Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 373–374.

² URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/16935.htm>.

поныне общественные интересы на Руси стоят по меньшей мере не ниже, чем интересы личные, собственные.

Поэтому несомненно, что Конституция Российской Федерации должна провозглашать высшей ценностью права не только конкретного человека, но и российского общества, значимость Отечества, государства, его защиту от завоевателей.¹ Мы многократно это обосновывали, но только в 2020 году, наконец, поправки по совершенствованию Конституции Российской Федерации были внесены.

Следует признать, что нормы Конституции Российской Федерации в части провозглашения прав конкретного человека высшей ценностью при недооценке значимости Родины и Отечества, были не до конца продуманы. При этом в законах содержались нормы о защите государства и общества. То есть, по сути, нормы Конституции в данном случае являлись образчиком того, что право бывает не просто несовершенно, но и хуже законов, его реализующих.

Таким образом, право не следует идеализировать. Оно представляет собой явление общественной жизни, человеческой жизни и отражает процессы, происходящие с людьми. Говоря о естественных правах человека (право на жизнь, свободу совести, перемещения, вероисповедания и т.д.) никто не будет спорить с тем, что все эти права появляются у человека после рождения, но ни как не до рождения. То есть право неразрывно связано с живым человеком, родившимся и тем самым появившимся в общественной жизни. Соответственно, нельзя отделять право от человека и общества. Право – не облако, витающее где-то вне людей. А поскольку право неразрывно связано с человеком и обществом, про него не следует говорить как о чем-то сверхъестественном, возвышенном. Оно просто отражает и общество в целом, и конкретных людей - их достоинства и их пороки.

¹ *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015. С. 82-85.

Для нас была и остается загадкой, почему именно право подвержено такой идеализации среди правоведов (в основном теоретиков права). Экономисты, культурологи, политики специалисты в этих областях оценивают более взвешенно и объективно, без иллюзий.

Возможно, сам феномен права содержит в себе постоянное стремление человека к доброте, честности, справедливости. Или может быть идеал из права создают ученые-теоретики, несколько оторванные от конкретных правовых реалий, застопоренности многих правовых механизмов, волокиты в спорах, несправедливости, нечестности, подлых уловок, подкупа или давления на суд и т.д.? Заметим, что эти качества были и есть у права всегда, на протяжении всей истории. Они многократно описаны в литературе, исторических работах, да и самими юристами.

Мы планомерно изучаем общество и право, правовую ментальность, правовой нигилизм и т.д.

Так, в 2014 году мы провели опрос двух тысяч москвичей по вопросу: «Что такое право, по Вашему мнению? Если затрудняетесь, то с каким словом (словами) у Вас ассоциируется право?». 83 % опрошенных заявили, что право у них ассоциируется с запретом и наказанием.

В 2018-2019 г.г. мы по названному вопросу опросили пять тысяч москвичей. Ответы были такими же. А именно: 86 % респондентов ответили, что право – это запрет, либо это слово ассоциируется в первую очередь с запретом и наказанием!

В 2019-2020 г.г. мы решили проводить более объемные исследования. Уверены, что таких опросов ранее не делал никто. Мы опросили десять тысяч москвичей, из которых пять тысяч имеет высшее образование, а пять тысяч не имеет. Затем по такому же принципу опросили десять тысяч петербуржцев, десять тысяч нижегородцев. Кроме того, опросили десять тысяч екатериненбуржцев, красноярцев и хабаровчан, правда уже без жесткой разбивки на наличие-отсутствие высшего образования).

Помимо россиян, для сравнения, провели опросы пяти тысяч жителей Германии, пяти тысяч жителей Италии, пяти тысяч жителей Испании и пяти тысяч жителей Франции. Причем граждан названных стран и, обязательно, этнических немцев, итальянцев, испанцев и французов. Добавим, что в основном опрашивали жителей Баварии, Рима, Мадрида и Парижа.

Везде опрашивали людей возраста от 25 лет с неограниченным верхним пределом. Почему взят именно такой минимальный возраст? Мы хотели узнать мнение не просто совершеннолетних людей, а тех из них, кто уже как-то определился в жизни.

Наши вопросы в этот раз были расширены. Анкетируемых спрашивали не только: «Что такое право? Если затрудняетесь, то с каким словом (словами) оно у вас ассоциируется?». Мы задали еще один вопрос: «Чего, по Вашему мнению, не хватает Вашему национальному праву? Что Вы хотите видеть в праве?»

Что нас поразило и что требует внимания. Во всех городах России и зарубежья право, главным образом, ассоциируется с запретом и наказанием. Так большинство и отвечает: право – это запреты и наказание! Причем ассоциации с запретом и наказанием среди людей, не имеющих высшего образования, в Москве и Нижнем Новгороде превышали 90 %. В среднем, у 86 % опрошенных россиян именно так ассоциируется право.

75-80 % набрали наказания и запреты в Европе. Отметим, как и в прошлых исследованиях, слово «наказание» у опрошенных европейцев стояло перед словом «запреты».¹ То есть, у нас «запреты и наказания», а в Европе – «наказания и запреты». Любопытно.

Но еще более любопытны ответы людей по вопросу чего не хватает их национальному праву? В Германии, Италии и Испании жители ответили, что им в праве не хватает свободы и увеличенных социальных гарантий. Французы сказали, что им кроме свободы хочется смягчения ответственности.

¹ Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука. М., 2019. С. 113

Ни в одном из городов России практически не было ответов о том, что в российском праве не хватает расширения свободы, увеличения социальных гарантий, смягчения ответственности. За явным преимуществом во всех городах люди в первую очередь хотели видеть в российском праве человечность. Чуть меньше набрала справедливость. Других ответов было относительно немного. При этом опрошенные добавляли, что на их оценку того, чего необходимо иметь в праве, повлиял как правило не жизненный опыт, а образование и воспитание.

Человечность – это не юридический термин, но возможно именно он очень точно характеризует русскую душу, русскую ментальность, нравственные и духовные обычаи.

Что же получается? Ученые пишут о мере свободы, равенства и справедливости, а у россиян право главным образом ассоциируется с запретом и наказанием, причем ждут от него человечности!? И почему запрет и наказание в праве более значимы для людей, чем обязательные установленные правила или узаконенный порядок осуществления каких-либо действий? В этой связи нам понравилась цитата Ф. Хайека: «Осмысливая собственные права, мы понимаем чего нельзя делать»¹.

С одной стороны хорошо, что право ассоциируется у россиян с запретом и наказанием, но не насилием и жестокостью. Однако, с другой стороны, запрет и наказание – не позитивные реакции человека. Они не радуют и как правило не вызывают положительных эмоций. Значит логично предположить, что право позитивных эмоций у большинства людей не вызывает. А говоря точнее, вызывает негативные. При этом даже если допустить, что при опросе конкретных слоев населения будут несколько иные результаты, то все равно 86 процентов ассоциирующих право с запретом и наказанием – это очень много.

Чем опасны запрет и наказание? В них не ищут спасения, защиты. К запрету можно привыкнуть как к необходимости. Но душа запреты не любит.

¹ Цит. по: Малахов В.П. Философия права. Идеи и предложения. М., 2008. С. 154.

И здесь важно понять, почувствовать разницу. Приведем элементарный пример. Всем понятна важность правил дорожного движения. Можно сказать, что правила дорожного движения регулируют правила поведения на дорогах и это хорошо. Можно сказать, что правила дорожного движения требуют вести себя на дорогах только так, а не иначе. Но можно сказать, что правила перечисляют, как запрещено вести себя на дороге, а за несоблюдение устанавливают наказание. Казалось бы, особой разницы нет. Все утверждения правдивы и справедливы, смысл по большому счету один и тот же. Однако в первой фразе чувствуется позитивный настрой к правилам, во втором – нейтральный. Но в третьей фразе слышится откровенно негативный настрой, из которого чувствуется, что соблюдать эти правила не хочется, если бы не опасность (строгость) наказания. Люди, воспринимающие право подобным образом, не ждут от него ни помощи, ни чего-либо хорошего. По этому поводу В.П. Малахов достаточно верно подметил, что правосознание негативно в том смысле, что вся его специфика обнаруживается в сфере запретов¹.

Вместе с тем, иногда именно с помощью строгих наказаний можно добиться уважение к праву в целом и правам окружающих в частности. Об этом мы порассуждаем в других параграфах.

Однако на изложенное можно посмотреть и с другой стороны. Право в определенной мере – это протест общества на поведение человека. А можно сказать, что общество в определенной степени и формирует право в целом, и права конкретного человека в частности. Иными словами, сплошные диалектические переплетения и взаимозависимость. Отсюда во многом корни разрабатываемого нами направления компрекендного изучения права.

Признаемся, мы не до конца поняли мысль, высказанную В.М. Сырых и поддержанную О.Э. Лейстом о том, что «...Признание закономерностей права как предмета общей теории права носит чисто формальный характер. Ибо никто еще в процессе изложения не выделил и даже не предпринимал

¹ Малахов В.П. Философия права. Идеи и предложения. М., 2008. С. 154.

попыток к тому, чтобы назвать конкретные закономерности права»¹. Но разве выявленные в процессе научных исследований сущностные характеристики права (нормативность, официальное установление и охрана государством, системность, формальная определенность, авторитетность) в определенной мере не относятся к его закономерностям, исходя из чего формулируется *юридическое* (выделено нами – С.З.) понятие права?

Указанные признаки и есть проявления системных закономерностей права как юридического явления. Причем эти признаки, выявленные в ходе изучения права, в том или ином виде приводятся во всех учебниках общей теории государства и права, в том числе в книге О.Э. Лейста? В праве исследователями отмечались и другие закономерности.

Мы специально выделили слово «юридическое» потому, что здесь право рассматривается именно и только через призму юридических, а не философских знаний. Равно как хирургическую операцию можно смотреть исключительно с точки зрения медицины как совокупность действий по удалению злокачественных опухолей. Но можно и с философской точки зрения о том, хорошо ли в принципе хирургическое вмешательство, критерии допустимости такого вмешательства, реальности сохранения качества жизни после операции и пр. То же самое и с юриспруденцией. Право – с юридической точки зрения имеет закономерности, достаточно подробно изученные теорией государства и права. С философской точки зрения вопрос стоит шире: это и ценность права, и познаваемость его норм, и правильность выбранных для познания методов, и гуманность права, и вопрос об изначальной справедливости ограничения прав других (таких же) людей, и допустимость насилия в праве, пределы насилия, и реальность получения нужного правового регулирования и т.д., и т.п.

Право как и любой феномен можно оценить через прошлое, настоящее и будущее. Если с прошлым правом более-менее понятно, то настоящее право

¹ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. М., 2000. С. 40; Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 307.

напоминает философский вопрос: наполовину налитый стакан полупустой или полуполный? Будущее право достаточно туманно, так как нельзя сказать, что ученые в настоящее время абсолютно точно представляют себе, каким оно должно быть.

В предлагаемых современных концепциях (естественных, либертарных, интегральных, других) присутствует много идеализма. Однако человечеству пока не удалось и в ближайшем будущем, несомненно, не удастся создать идеального общества, хотя бы общества абсолютно справедливого. Вне идеального общества модели идеализированного права в полном объеме не реализуемы, они будут преломляться в самых разных направлениях, возможно доходящих и до антиправовых. Примеры того, когда светлые идеи превращаются в беззаконие и террор всем известны.

В этом контексте нам понравились мысли В.И. Пернацкого. Он пишет, что политика и право публичны и демократичны. Это первый, лежащий на поверхности и потому чаще отмечаемый признак этих явлений. Реже замечают другую, противоположную, черту того и другого, а именно их тоталитарность.¹

Возможно свет в конце тоннеля будет виден тогда, когда человечество придет к единому пониманию слова справедливость. Когда этот термин будет одинаково осознаваем человечеством, можно будет говорить о правовых концепциях, обеспечивающих его реализацию в жизни, бытии. Именно в таком случае нормы права могут быть справедливыми для всех. Однако справедливость – есть философская категория. За всю историю человечества единого и устраивающего всех понимание справедливости не создано. Значит под различное понимание справедливости будут и различные, вплоть до взаимоисключающих, подходы к праву, представления о том, каким право должно быть. Думается, что человечеству в своем

¹ Пернацкий В.И. Философия политики и права. М., 2013. С. 28

развитии предстоит пройти немало ступеней, миновать не одно столетие, чтобы прийти к праву как всеобщему гаранту справедливости¹.

Надо учитывать и зависимость права от внешних факторов, например, от экономики. По Ф. Энгельсу право практически полностью зависит от экономики. Право зависит от экономики по позитивизму. Право частично, но тоже зависит от экономики по юснатуризму. Даже если признавать право некой данностью, главенствующей и правящей в мире, без сильной экономики многие естественные права человека станут ничего не содержащими и не имеющими практического смысла лозунгами (право на достойную жизнь, право на уважение, право на защищенную старость и др.). То есть право как минимум частично, в некоторой степени зависимо от экономики. Этот вывод важен, ибо в таком случае надо объективно признать, что право не может быть полностью справедливым. Ведь экономика справедливой быть не может. И если право хотя бы частично зависит от экономики, то оно как минимум иногда по определению несправедливо.

В целом, современному обществу еще далеко до таких высот как свобода, равенство и справедливость. И конкретные правовые механизмы по достижению этих целей, идеалов (именно так их и следует рассматривать) пока не созданы.

Разработка таких правовых механизмов во многом может быть связана с универсализацией (если такое возможно) понятий справедливости, равенства и свободы. Здесь открываются широкие горизонты для философов, в том числе специализирующихся на философии права.

Причем в современном мире разработать, открыть, создать что-либо не достаточно. Не менее важно иметь возможность опубликовать свои достижения, высказаться, а далее – быть услышанным. Триединство – создать, рассказать, быть услышанным – научный идеал, подчас

¹ О праве и справедливости значимые работы написал Экимов А.И. См., напр: Справедливость и социалистическое право. Л., 1980.

достигаемый, нередко достигаемый с опозданием, а иногда и не достигаемый вовсе.

Многие современные специалисты, познавая право, отталкиваются от какой-либо устраивающей их концепции происхождения права.

Однако мы бы предложили вначале оценивать сущность и содержание права. Это процесс весьма интересен.

Ведь право – это и защита от насилия, и насилие по принуждению исполнения норм, и регулятор насилия. Причем в каждом обществе с учетом его ментальности, традиций, культуры и других социальных факторов параметры регулирования насилия различны.

Право – это и реализация человеком потребностей, и их ограничение, и регулятор потребностей. При этом, если так можно выразиться, право обеспечивает жизнь человека человеческой.

Право – это и конкретные законы издаваемые государством, и бытие не зависящее от конкретных законов и даже побуждающее издавать эти законы.

Право – это и разумный регулятор жизнедеятельности, и бессмыслица, абсурд, безрассудность (например, бессмысленные и комичные законы в прецедентном праве). Право показывает как интеллектуальность, так и безрассудство человечества.

Право стремится к справедливости, но одновременно допускает и несправедливость.

Право направлено на установление объективной истины, и в то же время – допускает ее неустановление.

Право динамично и, одновременно, противоречиво в своей динамике. Так, в зависимости от внешних общественных факторов одно и то же деяние может считаться преступлением, а может эффективным ведением дела (напр. спекуляция).

Право просто и понятно с точки зрения вечных ценностей (не убий, не укради), но в то же время трудно с точки зрения квалификации указанных деяний.

Право в ряде случаев формирует политику и, одновременно, является инструментом политики. При этом право не может решать все проблемы человечества, хотя многие почему-то его таким видят.

Право регулирует экономику и в то же время зависит от экономических процессов.

Подобные размышления можно продолжать и продолжать. В конечном счете видится, что право – это несомненно сложное диалектическое многофакторное социальное явление, зависящее от объективных и субъективных факторов. К субъективным факторам, например, можно отнести самодурство лица, правомочного издавать правовые нормы (таких примеров много).

Таким образом, право – есть сложное социальное явление, многоаспектное и противоречивое, которое надо рассматривать без идеализации. Этот вывод лежит в основе формирования и формулирования нами **комплексной теории права**.

Нас не вполне устраивают распространенные в наше время определения права, поскольку они, хотя и раскрывают черты права, но, во-первых, достаточно односторонни, а во-вторых, как уже отмечалось, рассматривают право идеалистично и не объективно.

Если право само по себе сложное и противоречивое социальное явление, то соответственно этими противоречиями пропитано и правовое бытие. Противоречивость правового бытия проявляется в принятии правовых законов в сфере экономики, которые практически всегда улучшают положение одних и тем не менее ухудшают положение других. Причем подчеркнем – принятии именно правовых законов.

Или правоприменительная практика. Сейчас в мировую моду вошел так называемый состязательный процесс. Он считается наиболее демократичным, обеспечивающим равенство сторон и т.д. В ходе такого процесса стороны нередко предоставляют суду противоположные и взаимоисключающие сведения о предмете спора. Сие означает, что как

минимум одна из сторон откровенно врет. В результате суд выносит решение. Как все понимаем, решения суда отнюдь не всегда правильны. Но указанное действие считается правовым!

Нам понравилось, как о праве – нетипично для нашего времени, но точно! – размышляет Ю.А. Тихомиров. Он сказал, что право, как и любое явление, весьма противоречиво. Обладая ценностью и будучи мерой регулирования отношений в обществе, оно вводит нормативные правила общественного поведения. И одновременно оно препятствует, нейтрализует и устраняет противоправные деяния. Разрешение противоречий в природе права можно найти в сложном процессе его действия. Не менее важно анализировать общественные процессы, которые порождают противоречия в праве и «засоряют» правовое поле юридическими коллизиями.¹

Интерес к праву в последнее время, как нам кажется, в научной среде возрос. Появились содержательные работы, исследующие сущность права. Иногда в них можно встретить достаточно резкую критику современного состояния соблюдения законности, а сами законы критикуются всегда и везде. При этом, что приятно, вместо огульной критики появляются конкретные и осмысленные предложения по совершенствованию законов и других нормативных правовых актов. Собственно, распространение и популяризация права тоже есть один из элементов правового бытия. Но опять же. Практически везде право идеализировано. Например, известная сентенция, что действующие законы плохие и тем самым не правовые.

Думается, что многие юристы осознанно или в силу моды в рассуждениях допускают методологическую ошибку. Они копируют в юриспруденции процедуру рассуждений и процедуру доказываний из естественных наук, где необходимы искусственные величины (например, «идеальный газ»). Появляются такие термины как «идеальное общество», «идеальное государство». А к термину «право» слово «идеальное» уже и не

¹ Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски / Ю.А. Тихомиров. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2018. С. 16.

добавляется, так как многие стали считать, что право идеально по определению.

Допустимы ли такие грубые аналогии в гуманитарных науках? Полагаем что нет, поскольку очевидно, что создать идеальные условия в обществе и государстве для всех принципиально не возможно. Принципиально не возможно создать и устраивающее всех право. Однако для российского законодателя и его научной поддержки в лице ученых этот очевидный философский вывод перестал быть проблемой. В результате в России произошел целый парад законов, которые не исполнялись и никогда не могли быть исполненными в силу не реалистичности их требований. Самое поразительное, что авторы законов, пытаясь оправдать свои ошибки, заявляли, что законы приняты для идеального общества, до которого России еще далеко. На самом деле такое объяснение наглядно демонстрировало отход указанных авторов от основ философии и их же методологическую ошибку. В физике можно ставить опыт, имея в виду идеальные условия для какого-либо процесса или вещества. Однако в юстиции принимать законы исходя из идеальной идеи, что например, преступности больше нет, недопустимо. Такие законы не просто не смогут соблюдаться, но и обозлят общество, которое заставит законодателя внести коррективы. Но при этом может обостриться социальная обстановка в государстве и обществе, которую органы государственной власти могут не сдержать.

Юристам – ученым и практикам – надо быть ближе к философии, основываться на ней, и в силу этого больше сомневаться, смотреть на правовые явления критично. Шаг в этом направлении станет началом движения от наблюдаемого мифического правового идеализма в сторону правового реализма, комплексного изучения права.

Сейчас, наверное, не существует ни одной области общественных отношений, которые в той или иной степени не были урегулированы правом. Нормы права по-своему отражают и характеризуют экономику, культуру, политику, историю, интеллект, образ мысли, отношение к человеку и т.д.

При таких обстоятельствах, право – есть одна из форм отражения бытия. А поскольку право не мыслимо без человеческого бытия – то это форма отражения общественного бытия, призванная регулировать возникающие общественные отношения.

Вопрос о возможности наличия правового бытия без человека тоже надо смотреть через призму реализма и объективности. Что это за такое бытие, где человека нет, но право есть? Между кем право регулирует отношения в безлюдном бытии? Нужно ли право в бытии без людей? На наш взгляд, ответы на эти и другие аналогичные вопросы очевидны. Правовое бытие, конечно, не может быть без человека. Право без человека лишается смысла.

В связи с этим, право не стоит рассматривать как некую полностью самостоятельную субстанцию.

Следующий момент связан с тем, через что познается право и правовая реальность. Сейчас в российской юридической науке достаточно распространено мнение В.С. Нерсесянца о том, что право познается через правовой закон¹. Как писал ученый, правовая либертарная гносеология в качестве искомой истины берет объективное научное знание о природе, свойствах и характеристиках правового закона, о предпосылках и условиях его утверждения в качестве действующего закона. Анализируя изложенное утверждение, А.Н. Чашин пишет, что по мнению В.С. Нерсесянца гносеологическое отличие либертаризма от юснатурализма здесь проявляется в том, что упор делается на закон, а не на право (для юснатурализма характерен акцент именно на естественное право). Отличие от легизма (юридического позитивизма) – в том, что последний изучает любой закон как право, а либертаризм в качестве права изучает только правовой закон, отделяя от права законы, противоречащие ему. Поиск истины для

¹ Нерсесянц В.С. *Философия права*. М., 1998. С. 64.

юснатурализма в естественном праве, для легизма в позитивном праве, для либертаризма – в правовом законе¹.

Такая точка зрения сомнительна по той простой причине, что, как уже отмечалось, правовой закон – понятие очень субъективное. И то, что может считаться правовым для одной социальной группы, будет считаться неправовым для другой. В первом приближении нам представляется, что право более целесообразно оценивать в целом через его источники. Не следует выделять из права только законы или только правовые законы. Право надо оценивать целиком, с учетом каждого источника права, в том числе такого как правовой обычай, достаточно распространенного в мировой практике. Здесь любопытно привести высказывание директора Института философии РАН А.А. Гусейнова о его соприкосновении с правом. Он пишет: «Как директору института мне пришлось пару раз иметь дело с судом. У меня осталось самое тяжелое ощущение от всего этого. Рассматривая реальную ежедневную жизнь института, могу сказать: на 95, может быть, на 99 процентов все отношения в институте, его позитивная деятельность основаны на обычае, устоявшихся стереотипах поведения, устных договоренностях, здравом смысле – словом, на вещах, которые, если вынести их в суд, то они сразу же могут быть поставлены под сомнение»². А.А. Гусейнов также пишет, что насыщая российское общество юристами, мы нарушили историческую, характерную для нашего общества меру соотношения права и закона со справедливостью, нравственностью и обычаем³.

Комплексная и системная оценка права через источники права позволяет добиться, как нам кажется, большей объективности и честности его познания.

¹ Чащин А.Н. Современные правовые учения России / Под ред. Т.Н. Радько. М., 2014. С. 54.

² Гусейнов А.А. У философов и юристов много общих тем // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Под ред. В.В. Миронова и Ю.Н. Солониной. М., 2010. С. 14.

³ Там же

Правовое бытие диалектично, то есть содержит и внутренние противоречия. Наиболее ярко это проявляется в пределах правового регулирования общественных отношений. С одной стороны, общество стремится к максимальному урегулированию общественных отношений правом. Буквально так, чтобы на любую жизненную ситуацию, во-первых, была соответствующая правовая норма, а во-вторых, чтобы эта норма не была противоречивой, однозначно понималась и применялась. Движение в эту сторону видят и ощущают все. Правовой массив заметно увеличивается. За последнее время ушло в небытие понимание юриста как человека, если не знающего, то хотя бы ориентирующегося во всех законах. Потребовалась более узкая специализация на специалистов области уголовного, гражданского и административного права. Однако и там рост правового массива объективно обусловил необходимость еще более узких дифференциаций специальностей. Так, из гражданского права «выпестовались» специалисты по земельному, семейному, трудовому праву и т.д. Однако дальнейший рост законов и подзаконных нормативно-правовых актов продолжается, требуя еще более «узких» специалистов. Например, в настоящее время очень ценны юристы – специалисты по такой небольшой части административного права как правилам дорожного движения. Правила дорожного движения, их применение, разбор дорожно-транспортных происшествий имеет тысячи нюансов. И такие нюансы значимы для людей.

Но, с другой стороны, для любого общества желательно, чтобы законы были известны, просты и понятны всем. Сейчас даже юристу не всегда под силу разобраться с множеством тонкостей современной правовой системы конкретного государства. В итоге большинство людей, как это ни парадоксально, перед нормами права достаточно беззащитны. Указанный вывод подтверждает бесчисленное множество примеров, когда образованные люди, имеющие при этом богатый жизненный опыт, легко оказывались обманутыми не только мошенниками, но и государственными чиновниками (теми же инспекторами ГИБДД), ловкими юристами.

В правовом бытии получился очередной парадокс и внутреннее противоречие. Общество и люди с одной стороны заинтересованы в том, чтобы все было четко регламентировано правом, а с другой стороны, уже не могут «переварить» уже имеющийся правовой массив. При этом право, увы, в силу объективных причин может действовать против человека и общества. Если еще недавно, фраза: «Невозможно сделать шаг, что-нибудь при этом не нарушив!», - воспринималась с юмором, то сейчас в ней слышится все больше трагизма. Причем в данном случае все – как обычные горожане, так и государственные чиновники, - находятся в принципе в одинаковых условиях. Государственные чиновники, служба которых регламентирована комплексом инструкций и приказов, также легко могут стать субъектами как административной, так и уголовной ответственности. Под стать сказанному русская народная поговорка: «Был бы человек, а статья найдется».

Таким образом, право и правовая реальность предстают сложными и диалектически противоречивыми явлениями.

Противоречивость права наиболее ярко заметна по отношению человечества к смертной казни.

Дискуссия о том, нужна или не нужна смертная казнь, идет уже не одно столетие. В споры включены лучшие умы мира. Удовлетворяющего всех решения не получено. Напротив, борьба мнений ужесточается. Помните известный афоризм: наши взгляды как часы - они показывают разное время, но каждый верит только своим!

Однако мы обращаем внимание на то, что и противники смертной казни, и ее сторонники апеллируют к именно праву. Одни кричат: отменена казнь, наконец-то право восторжествовало! Другие не менее сочно орут: смертная казнь вновь применяется, наконец-то право победило бесправие!

Ученые по кругу переписывают аргументы в ту или иную сторону! В глобальном смысле ничего принципиально не поменялось. Одни считают, что лишать жизни человека за совершение даже особо опасных преступлений (умышленных убийств, терроризма, геноцида и т.д.) все равно нельзя потому

что нарушается право человека на жизнь. Другие, напротив, доказывают, что казнить как раз необходимо именно для защиты права на жизнь честных и законопослушных людей от нелюдей. Даже экономический взлет Китая обосновывают в том числе активным применением смертной казни к проворовавшимся чиновникам.

Причем, разумеется, противоположные аргументы сторонами сразу объявляются антиправовыми! Напоминает расхожую юмористическую поговорку: обком сказал, что погромов не будет, а погром сказал, что обкомов не будет! Вот так, точек соприкосновения нет!

И заметьте: всегда одни права чтут казненных, другие – палачей!¹

Так где же истинное право? Какое оно? Какая из сторон лукавит? На самом деле не лукавит никто. Просто само право внутренне противоречиво! Именно так – как внутренне противоречивое, сложное социальное явление – его надо воспринимать!

Самое интересное, что такой тезис будет негативно воспринят обеими сторонами! Почему? Потому что не на что будет ссылаться и не к чему апеллировать! Лозунги типа: «Именем права отменим смертную казнь!» или «Именем права возродим смертную казнь!» отпадут сами собой. Надо четко понять, что право отдельно, а смертная казнь – отдельно. Когда обществу или его лидерам, например в лице руководства государств, смертная казнь будет не нужна, она будет законодательно отменена или на нее применение будет наложен мораторий. При изменении ситуации в обществе изменится правосознание людей, в том числе отношение к жизни и смерти. И смертная казнь будет быстро, если не молниеносно, возвращена и в закон, и в практику. Таких примеров много как в мировой истории, так и в истории России. Достаточно вспомнить, что вскоре после Февральской революции 1917 года смертная казнь была отменена, но быстро возвращена причем Временным правительством. В том же 1917 году после установления

¹ Эта наша в общем-то очевидная фраза понравилась широкому кругу российских и зарубежных читателей.

советской власти смертная казнь поначалу была отменена, а менее чем через год возвращена. Это при том, что и до ее отмены на практике она активно применялась как сторонниками советской власти, так и ее противниками.

Сейчас одна из аспиранток при моей поддержке пишет диссертацию по историко-правовым вопросам регламентации смертной казни за убийства.¹

Для оценки нужности ненужности смертной казни не подходят даже религиозные оценки. Например, широкое распространение в сми, включая Интернет, получила позиция Белорусской православной церкви. Указывается, что «Церковь часто принимала на себя долг печалования перед светской властью об осужденных на казнь, прося для них милости и смягчения наказания. Более того, христианское нравственное влияние воспитало в сознании людей отрицательное отношение к смертной казни. Так, в России с середины XVIII века до революции 1905 года она применялась крайне редко. Для православного сознания жизнь человека не кончается с телесной смертью — именно поэтому Церковь не оставляет душепопечения о приговоренных к высшей мере наказания. Отмена смертной казни даст больше возможностей для пастырской работы с оступившимися и для его собственного покаяния. К тому же очевидно, что наказание смертью не может иметь должного воспитательного значения, делает непоправимой судебную ошибку, вызывает неоднозначные чувства в народе. Сегодня многие государства отменили смертную казнь по закону или не осуществляют её на практике. Помня, что милосердие к падшему человеку всегда предпочтительнее мести, Церковь приветствует такие шаги государственных властей». Однако такую позицию не разделяют многие православные священники в той же Белоруссии, да и в России. В других религиях, например, мусульманстве, смертная казнь есть.

¹ Гвай А.М., Захарцев С.И. История назначения наказания за совершение убийства в России // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 79-85; Гвай А.М., Захарцев С.И. Уголовная ответственность за совершение убийства и причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству зарубежных государств // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 6. С. 180-186 и др.

С практической точки зрения надо признать, что причинять смерть противнику всегда будут учиться военнотружущие всех армий мира и правоохранительных органов. Без смертной казни вряд ли можно обойтись на войне. И даже отказываясь от ее применения в мирной жизни, подспудно такое наказание всегда будет с человеком.

По вопросу необходимости/ненужности смертной казни мы опросили по двадцать тысяч жителей Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Казани, из которых половина мужчин, а половина женщин. За смертную казнь выступили примерно 60 % мужчин и 40 % женщин. Соответственно против смертной казни выступили примерно 40 % мужчин и 60 % женщин.

Показательно, что в целом такие же результаты мы получили, опрашивая жителей зарубежных столиц: Парижа, Рима и Берлина. Единственное, в Европе чуть больше женщин выступили за смертную казнь.

Есть и другие, может быть менее знаковые, но тоже яркие примеры по противоречивости права, с которым сталкиваются все люди. Возьмем отношение к телесным наказаниям детей. Противники считают, что телесными наказаниями нарушаются права ребенка. Сторонники говорят, что именно телесные наказания учат детей постигать и уважать право. Мы провели обширные исследования среди образованных, интеллигентных, законопослушных людей. Выяснилось, что даже среди них отношение к телесным наказаниям примерно пятьдесят на пятьдесят. Одна половина не будет применять их ни при каких обстоятельствах. Другая – применяет (часто, реже, в исключительных случаях и т.д., но применяет). И каждая из сторон, повторим, обосновывает свои действия правом. А понимание права у каждого свое.

Такие же споры происходят и за рубежом, чему мы стали непроизвольными свидетелями. Когда нашу книгу по философии права иностранные специалисты решили издать в Кембридже, то среди них при нас зашел разговор о воспитании. И судя по дискуссии мнения опять же разделились. Причем по суждениям стало понятно, что несмотря на

ювенальную юстицию, отношение к телесным наказаниям детей в Великобритании в целом положительное. При этом мнение о допустимости таких наказаний обосновывается с помощью права, в данном случае незыблемого права родителей по воспитанию своих детей.

Надо вновь вспомнить нашу мысль и признать, что право может быть и защитой от насилия, и насилием, и даже регулятором насилия.

Изложенное позволяет сформулировать **компрехендную теорию права**. Первоначально надо сказать, что актуальность формирования и формулирования этой теории вызвана необходимостью с философских позиций обратиться к понятию права, оценить его комплексно и честно, отказываясь от часто применяемого сегодня метода идеализации права. Указанная теория, по нашему замыслу, должна выполнить роль частной теории в философии права.

Данная теория направлена на познание объективно существующих общественных отношений, регулируемых правом. Это ее объект.

Предметом компрехендной теории права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, **оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции**.

Предмет теории компрехендного изучения права включает также:

- Закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии (некоторые из них были названы в параграфе).
- Закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.)
- Перспективы развития права в контексте правовой реальности.

Мы начали главу с того, что бриллиант получился из алмаза тогда, когда обосновали необходимость его 57 граней. Полагаем и надеемся, что как только перед исследователями права откроется примерно такое же множество граней и черт права, четко определится его сущность и

предназначение. Это произойдет не сейчас, и, думается, не в ближайшее время.

Кстати, констатируем, что в последнее время в правовой среде появились интересные правовые концепции. Например, В.М. Шафиров обосновывает особый статус Конституции в познании и понимании права. Он пишет, что Конституция не является видом закона, она не может быть одновременно правом и давать название отдельной отрасли права. То есть, по мысли автора, Конституция имеет надотраслевой характер.¹ Ю.П. Боруленков пытается развить идеи постмодернистов, в частности Х.-Г. Гадамера, и пытается обосновать методологический статус герменевтики в юридическом познании.² Мы специально отходим от критики этих новых концепций. Они, разумеется, не бесспорны. Но эти концепции важны тем, что заостряют внимание на новых гранях права, что собственно очень ценно для компрехендной теории права.

Но здесь вновь надо подчеркнуть, что компрехендное познание права предполагает не упорное обоснование какой-либо одной концепции права, чем нередко «грешат» многие ученые. Однако и не через интегральную теорию права, сводящуюся к попыткам взять «лучшее» из имеющихся правовых концепций. Полностью не познав право, невозможно сказать, что в нем «лучшее», а что – «худшее». Кроме того, познание права, не оценивая его негативные черты, является не полным, а значит и не объективным. Речь идет и не об объединении разных правовых концепций.

Смысл предложенного подхода нам видится в строго объективном, реальном, деидеализированном, деидеологизированном познании права, не допуская господства какой-либо концепции, но обязательно учитывая их. Концепции мы рассматриваем как новые и самостоятельные грани права.

¹ Шафиров В.М. Конституция. Отраслевое право. Правоприменение // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 2-4.

² Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 189-199; Он же: Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) / Под ред. В.Н. Карташова. М., 2014.

Чем объективней мы будем оценивать право как сложное, противоречивое, многогранное социальное явление, четче вскрывать все его противоречия и изъяны, сильные и слабые стороны, возможности и пределы этих возможностей и т.д., - тем скорее мы придем к познанию права.

Таким образом, основные отличия компрехендной теории права выражаются в следующем:

- разработчики компрехендной теории права не придерживаются какого-либо одного подхода к праву, а учитывают все.
- подходы к праву в компрехендной теории рассматриваются не критически, а как данность, как очередные грани права, которые могут проявляться в праве в тот или иной момент.
- все подходы к праву рассматриваются не раздельно друг от друга, а комплексно.

В завершение отметим, что сформулированные нами идеи о компрехендной теории познания права были отражены в нескольких монографиях.¹ Эти монографии вызвали большой интерес у специалистов и получили положительные рецензии.² Более того, компрехендная теория

¹ *Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014; *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015; *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука. М., 2019; *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019; *Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права)* / под ред. С.И. Захарцева. М., 2020.

² *Покровский И.Ф., Гук А.И.* Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 2. 184-190; *Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р.* Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 9. 203-209; *Керимов Д.А.* В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 78-85; *Керимова Т.В.* Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 168-172; *Колесникова А.С., Масленников Д.В., Гук А.И.* Размышления о философско-правовых работах С.И. Захарцева и своеобразии его философии // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 12. С. 177-184; *Масленников Д.В., Гук А.И., Числов А.И.*

права вызвала интерес за рубежом. Статьи о ней переведены на несколько языков мира, а книга, раскрывающую сущность этой теории, издана в Кембридже, ее учитывают при обучении английских юристов.¹ По различным книгам зарубежных стран разошлась и наша цитата о сравнении права с 57-гранным бриллиантом.

Мы все более убеждены, что компрекендная теория – наиболее точный путь познания права.

В дальнейших параграфах мы, - вовсе не отрицая хорошо исследованных положительных граней права! – более глубоко рассмотрим его отдельные грани, на которые нечасто обращали внимание ученые. Среди таких граней, увы, есть и негативные.

Философско-правовые работы С.И. Захарцева: от происхождения права до перспектив правового бытия // *Юридическая наука: история и современность*. 2016. № 4. С. 194-200; *Борзова Е.П., Покровский И.Ф.* Замечательная публикация в Кембридже уникальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) и ее перевод: (S.I.Zakhartsev, V.P. Salnikov. *The Philosophy of Law and Legal Science*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // *Мир политики и социологии*. 2018. № 2. С. 188-192; *Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х.* Поздравляем с выходом новой фундаментальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия и юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2019. 424 с. // *Правовое государство: теория и практика*. 2019. № 1 (55). С. 181-188; *Комаров С.А., Хабибулин А.Г.* Новая работа петербургских ученых по философии права // *Теория государства и права*. 2020. № 1 (17). С. 193-208; *Богатырев Д.К.* От логоса к праву. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2020. № 1. С. 352-360 и др.

¹ *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* *The Philosophy of Law and Legal Science*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

§ 2. Разумность и бессмысленность права

Переходя к рассмотрению новой грани права, вначале процитируем несколько действующих и недавно действовавших законов.

В Великобритании: членам парламента запрещено входить в Палату общин в доспехах. Там же: мужчине разрешается мочиться в общественном месте, если это происходит у заднего колеса его автомобиля и при этом его правая рука находится на автомобиле. Там же, в Йорке: при встрече с шотландцем в любой день недели, кроме воскресенья, разрешается застрелить его из лука.

Еще больше «интересных» законов в штатах США:

- в штате Марикоп-Кауни: в одном доме может проживать не более 6 девушек.

- в Блите: в соответствии с распоряжением городских властей человек должен являться владельцем как минимум двух коров прежде, чем ему будет позволено носить ботинки ковбоя.

- в Льюисе: вступление в брак на спор является законным основанием для расторжения подобного брака.

- во Флориде: сексуальные отношения с дикобразом являются противозаконными. Там же: домохозяйкам запрещается разбивать более трёх тарелок в день или отбивать края у более чем четырёх кружек и/или блюдец.

- в Мариетте: в соответствии с законом запрещается плевать из машины или автобуса. Тем не менее из грузовика плевать можно.

- в Урбане: чудовищам по закону запрещено заходить в пределы города.

- в Индиане: вскрывать консервные банки при помощи огнестрельного оружия противозаконно.

- в Мак-Лафе: запрещается полоскать вставную челюсть в общественном питьевом фонтане.

- в Уичите: отец не имеет права угрожать огнестрельным оружием кавалерам своей дочери.

- в Миннесоте: закон запрещает развешивать мужское и женское нижнее бельё на одной верёвке.

- в Кресскиле: все коты обязаны носить по три колокольчика, чтобы предупреждать птиц о своём появлении.

- в Нью-Йорке: запрещается арестовывать трупы за долги.

- в Кливленде: женщинам запрещается носить лакированные туфли, так как мужчины могут увидеть в них отражение нижнего белья.

- в Пенсильвании: специальный указ о чистоте запрещает домохозяйкам прятать грязь и пыль под ковёр в своём доме. Там же: нельзя ловить рыбу за какую-либо часть тела, кроме рта.

- В Сиэтле: женщинам, которые сидят без подушки на коленях у мужчин в автобусах или поездах, грозит тюремное заключение сроком на один год.

- в Южной Дакоте: если в пределах вашей собственности находится более пяти индейцев, вы имеете право стрелять по ним.

Коллекционер таких законов Д. Кромби в предисловии к своей книге с красноречивым названием «Самые глупые законы мира» пишет:

«В середине 80-х годов я был назначен мировым судьей в судейской коллегии Салисбэри в Уилтшире. В течение почти четырех лет я был вполне доволен своей должностью. Так продолжалось до тех пор, пока в Салисбэри и его округе не возникла проблема разрешения доступа к развалинам Стоунхеджа в день летнего солнцестояния. Суть проблемы... состояла в том, что хиппи и бродяги хотели отпраздновать день солнцестояния в развалинах, но на свет были извлечены древние законы, чтобы не позволить им этого. Было произведено несколько арестов, поэтому начались специальные судебные слушания. Из-за этого я потерял несколько прекрасных дней, слушая доводы стороны обвинения о том, что тот или иной непонятный закон 300-летней давности был нарушен. В это время я начал осознавать, что некоторые из этих законов действительно были очень глупыми. В суде бывали слушания, которые превращались в самый настоящий фарс, поэтому вскоре я разочаровался во всей системе в целом и подал в отставку. Однако я

сохранил интерес к дурацким законам и с тех пор стал заядлым коллекционером»¹.

Указанные законы с определенной стороны тоже характеризуют право. Это сторона называется **бессмыслицей и безумностью**.

Конечно, указанные или аналогичные законы всем юристам известны. Они характерны для англо-саксонской системы права, распространенной в определенном количестве государств. Встречаясь с подобными законами, некоторые юристы ухмыляются (дескать, чего только не бывает в жизни), некоторые воспринимают это как данность названной системы права, а некоторые, как видим, даже коллекционируют.

Однако никто из специалистов не заострил на этих фактах внимания не с точки зрения прецедента, а с точки зрения того, что право, оказывается, **подчас подразумевает в себе откровенную бессмысленность и бесполезность**. Причем указанные стороны права в нем заложены.

Бессмысленность и бесполезность – это, как мы видим, тоже грань права. Реальная, фактически существующая грань. И на нее при исследовании права ученые не должны закрывать глаза. И более того, сам феномен права без этой грани не выглядит объективно.

Встречаются реплики, что приведенные нормы – это не право, а именно законы. Однако это не так.

Во-первых, данные законы содержат нормы права.

Во-вторых, эти законы создают прецедентное право.

В-третьих, указанные законы нельзя считать неправовыми. Они приняты в соответствии с требованиями, предъявляемыми к таким нормативно-правовым актам, и соответствуют критериям права.

В-четвертых, в США и Англии вообще слово «law» переводится и как право, и как закон. Указанные термины там, как правило, отождествляются.

Но, главное, бессмысленность и безумность характерны не только англо-саксонской модели права. В романо-германской системе факты

¹ Кромби Д. Самые глупые законы мира, М., 2006. С. 5, 19-116.

откровенной глупости и неприспособленности права к современным реалиям также встречаются¹. Отсюда получается, что человечество с момента своего возникновения так и не смогло создать систему права без указанных откровенных изъянов и упущений. Либо, скорее, право настолько многофакторное явление, которое не может существовать без глупости и бессмыслицы тоже.

По нашему мнению, бессмысленность и несуразность были свойственны праву всегда. Из наиболее характерных примеров древности можно привести указ императора Калигулы об избрании сенатором своего коня. От подобных решений мы на самом деле не защищены до сих пор. Так, осенью 2012 г. депутатами законодательного собрания Санкт-Петербурга рассматривался законопроект, запрещающий средствам массовой информации в Санкт-Петербурге упоминать о конце света². Закон в итоге не приняли. То есть нормой права он так и не стал. Но объективно до его принятия было не далеко.

А вот федеральный законодатель примерно в это же время отличился не раз. Мы приведем один из самых запоминающихся и коснувшийся в наш век - век автомобилистов – наверное всех без исключения пример. До 2010 года в России была норма минимально допустимого содержания алкоголя в крови водителей, которая равнялась 0,3 промиллей. С августа 2010 года была установлена другая норма – 0 промиллей. Как известно всем и научно установлено, превышение нулевого показателя наличия спиртного в организме связано не только со спиртом. Выше 0 промиллей, - как точно подметил А.В. Наумов, – дадут употребление водителем кваса, кефира, очень многих лекарств.³ В сентябре 2013 года откровенно неразумная норма содержания спиртного в организме водителя в размере 0 промиллей была

¹ Например, в Италии женщины, которые носят имя Мария, не имеют права заниматься проституцией. Во Франции для владельцев свиней противозаконным является называть поросенка «Наполеон». *Кромби Д.* Самые глупые законы мира... С. 22, 25.

² Конец света ясновидящие предсказывали 21 декабря 2012 года.

³ *Наумов А.В.* Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. Ч. II. М., 2020. С. 608.

отменена и установлена другая - 0,35 промиллей. Три года жители России мучились, произошел всплеск коррупции в органах безопасности дорожного движения – такова цена этого закона.

А.В. Наумов привел и другой характерный в своей глупости пример. 7 декабря 2011 г. Федеральным законом № 420-ФЗ была отменена уголовная ответственность за клевету и ст. 129 УК РФ утратила силу. Прошло всего семь с небольшим месяцев (!), и 28 июля 2012 г. Федеральным законом № 141-ФЗ клевета вновь была криминализована и вернулась в Уголовный кодекс уже в образе ст. 128.1 УК РФ. Скажите, - справедливо восклицает А.В. Наумов, - что принципиально изменилось за это время применительно к криминализации или декриминализации именно клеветы?¹

Очевидно, что в первом случае поспешили и приняли необдуманный (читайте – глупый, неразумный, бессмысленный) закон, что поспешили исправить. А может быть и наоборот: криминализировать клевету действительно смысла нет, но мы раз привыкли жить с такой нормой, то и живем. Но, думаем, все согласятся с тем, что раз в семь месяцев криминализировать и декриминализировать клевету не разумно. Не говорим уже о банальных финансовых затратах на бумагу, на распечатку изменений и их почтовую рассылку, на переиздание уголовных кодексов.

В какой момент у права проявляется такая черта как бессмысленность и безумность?

Предпринятый нами несколько лет назад анализ позволил условно классифицировать бессмысленность права по нескольким основаниям.

По причинам бессмысленности и безумства мы классифицируем право так:

1. Бессмысленность и безумство, производные из англо-саксонской системы права. Эта система создает удивительные прецеденты права. Часть из них было указано выше.

¹ Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. Ч. II. М., 2020. С. 608.

2. Не обоснованные религиозные ограничения. Так, в Саудовской Аравии врачам-мужчинам запрещено осматривать женщин¹.

3. Самодурство правителей и других лиц, могущих издавать правовые нормы. В России таких примеров более чем много и каждый из них, наверное, может поконкурировать с Калигулой. Всем известен факт, когда императрица Елизавета Петровна издала указ, обязывающий всех придворных дам сбрить волосы наголо, а пока те не отрастут, носить парики установленного образца. Причиной стало то, что сама императрица была вынуждена сбрить волосы наголо, поскольку те слиплись у нее на голове из-за некачественной пудры. По ее же указу дамы высшего света могли появляться на балу в одном и том же платье только один раз. А чтобы придворные дамы не хитрили, на каждое платье при выходе с бала ставилась печать. Другие русские императоры от Елизаветы Петровны тоже ушли не далеко. Так, Павел I, как известно, официально запрещал на балу танцевать вальс (другая крайность), запрещал ношение мужчинам круглых шляп и бакенбардов, женщинам - цветные ленты через плечо. Запретил дворянам учиться за границей и даже ввозить оттуда книги (в том числе ноты).

4. Безумство и бессмысленность, связанные с политическим аспектом. Например, в 1991 году в связи с коренным изменением политической власти нашей страны и приходом к власти лиц, считающих себя демократами, стало популярным переименование улиц, связанных с коммунистическим прошлым, возвращение им старых (досоветских) названий. В связи с этим в Санкт-Петербурге решением городских властей давно любимые жителям улицы Гоголя и Герцена (кстати, как считается, первого демократа в России) в спешке переименовали в Большую и Малую Морскую.

Одной из больших проблем, стоящих в XXI веке, является защита права от самодурства должностных лиц и политической конъюнктуры. Необходимо разработать и, главное, реализовать конкретные механизмы такой защиты.

¹ Кромби Д... С. 34.

5. Глупость и бесполезность норм права, издаваемых должностным лицом, не имеющим достаточной компетенции для занимаемой им должности. К сожалению, в России этому накопилось немало примеров. Каждый взрослый россиянин сможет привести конкретные факты того, как некомпетентные люди берутся руководить крупными министерствами, отраслями и даже страной и, желая сделать лучше, принимают откровенно неумные или бессмысленные решения. Примером подобных решений является антиалкогольная компания в СССР 1985 года, из более поздних – многочисленные переименования государственных органов и т.д., и т.п. Про такие правовые акты лучше всех сказал бывший премьер-министр России В.С. Черномырдин: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!».

6. Технические ошибки. В последнее двадцатилетие эти ошибки были весьма распространены. Подряд принимались законы, нормы которых конкурировали между собой, а подчас и взаимоисключали друг друга. Еще более курьезно, когда нормы одного и того же закона содержали противоречия друг с другом.

По субъектам издания глупых норм права можно предложить такую классификацию:

1. исходящие от первого лица государства
2. исходящие от должностных лиц государства, правомочных издавать нормы.
3. исходящие от парламента.
4. исходящие от суда.

По степени реальности бессмысленные правовые нормы делятся на:

1. абсурдные, но реалистичные (например, запрет на открытие консервных банок с помощью огнестрельного оружия);
2. нереалистичные (чудовищам запрещено заходить в пределы штата Урбан).

Наконец, по источнику формирования бессмысленных правовых норм их можно подразделить на:

1. обусловленные системой права (англо-саксонская система права, религиозная система в государстве)

2. исходящие от конкретного лица (главы государства, чиновников) и парламента.

Задумаемся, можно ли уберечь, защитить право от бессмысленности и безумства? Исторический опыт любого государства убедительно показывает: нельзя. Таким образом, глупость и бессмысленность в праве – черты, находящиеся с ним постоянно.

Наши критики, наверное, возразят о том, что право и глупость не следует рассматривать вместе, ибо это разные понятия. Так, во многие явления и процессы может проникнуть глупость и сделать их абсурдными, бесполезными, смешными и пр. С такой точкой зрения можно согласиться в тех случаях, когда безумные нормы права исходят от конкретного должностного лица государства. Здесь действительно есть право, в котором «орудует» некий высший государственный сановник. Однако сие опять же означает беззащитность права от глупости. Кроме того, в основном подобные чиновники попадают на свои должности правовым путем.

Помимо этого, например, в англо-саксонском праве безумство права уже заложено в самой системе. И там, с учетом возможности человека судиться с кем угодно и о чем угодно, отделить право от глупости нереально. Благодаря российским юмористам стал расхожим современный случай, когда одна американка стала сушить свою кошку в микроволновой печи. Кошка, естественно, сгорела. Закончилось иском в суд, который создал прецедент: обязал компанию-продавца микроволновых печей записать в инструкцию к печам, что в них запрещено сушить кошек. Теперь будем ждать, когда создастся такой же прецедент с другими домашними животными.

В предыдущих монографиях мы обосновали **межотраслевой правовой институт бессмысленности права**, объединяющий все бессмысленные и

безумные нормы.¹ Отношение к нашей идее наличия такого межотраслевого правового института разделило ученых в мире на две части: кто-то отнесся к этому предложению с юмором, а кто-то признал наличие названного института права. Но поразительно то, что и сторонники, и противники активно поддерживали поднятую тему и прислали нам более сотни примеров откровенных глупостей современного российского и зарубежного права. Поэтому можно сказать, что идея вызвала интерес. А главное, все признали, что глупость тоже является составляющей права.

Вспоминается афоризм, приписываемый великому И. Канту. Чисто эмпирически учение о праве – это голова (подобно деревянной голове в басне Федра²), которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга.³ Заметьте, что отсутствие разумности у права отмечается уже не одно столетие!

Антонимом безумства является разумность. Естественно все люди желают видеть в праве именно разумность. Разумность тоже является важной гранью права, конечно более распространенной чем безумство. Право во многом и существует для разумного и справедливого регулирования общественных отношений. Доказывать эту истину смысла нет.

Но говоря о разумности права нельзя забывать и про его другую грань, названную нами **бессмысленность и безумство**, поскольку без них право тоже не существует.

¹ Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014. С. 66-72 и др.

² Федр – римский баснописец, рожден до н.э.

³ Цит. по: Смолькова И.В. Юридические афоризмы. М., 2013. С. 44.

§ 3. Отрицательное право и развратно-негативное право

Изучая в рамках сформулированной нами компрехендной теории права различные грани права мы задумались еще об одной: право разрешает и регламентирует не только положительные, но и отрицательные поступки человека и государства.

В ходе подготовки этой работы мы опрашивали одного из руководителей полиции Амстердама. Этот полицейский задал нам буквально такой вопрос: почему русские, да и не только русские специалисты, считают право хорошим явлением?¹ Право, продолжил он, несовершенно с точки зрения регламентации хороших дел, но великолепно регулирует разврат и безнравственность. Достаточно посмотреть, что в Амстердаме, в районе официально именуемом «районом красных фонарей» право регламентирует продажу легких наркотиков. Причем не просто употребление наркотиков в указанном районе разрешено, а точно указывается: сколько наркотиков, в каком возрасте, в какое время и при каких обстоятельствах можешь купить. Сколько из-за этого разрешения, подытожил наш собеседник, покалечено людей!

Затем мы пошли непосредственно в этот «район красных фонарей». На наше удивление, несмотря на обилие так называемых «злочных мест» в самом районе царил порядок и спокойствие. Более того, в районе было много полицейских. Это к разговору о том, пояснил наш спутник, что охраняет полиция: безопасность нормальных людей или безопасность наркоторговцев!

Затем мы увидели мать с ребенком лет двенадцати, скорее всего жительницу Нидерландов или туристку. Мать на английском языке возмущалась тем, что ее сыну не продали легкий наркотик. Администрации заведения, где продают наркотики, отвечала этой матери, что продажа наркотиков в таком возрасте сыну запрещена. На что мать сказала

¹ Фамилию по этическим соображениям не называем.

потрясшую нас фразу: «Законом сыну запрещено в раннем возрасте покупать и употреблять наркотики, но это нарушает свободу сына и его право на наркотики!». «Право на наркотики», - гордо повторила она.

Разговор проходил на наших глазах. Мы спросили у матери: неужели она хочет, чтобы ее сын стал наркоманом? Она ответила, что употребление легких наркотиков для здоровья не опасно. У сына, продолжила она, как и любого свободного гражданина есть право на употребление наркотиков, а закон, установивший возраст их продажи, необоснованно такое право ограничивает. Вот так!

Обратим внимание, что женщина не отождествляла право и закон. При этом, как подчас любят размышлять у нас, говорила о хорошем праве при плохом законе.

В ряде стран (и их достаточно много!) правовыми актами официально разрешена проституция. В законах этих стран, как правило, четко указано: кто, с какого возраста, при наличии каких документов может работать проституткой. И там, как нам рассказывали, тоже происходят конфликты. Например, право работать проституткой у женщины есть, а каких-то документов не хватает... Что это за страны? Назовем хотя бы европейские: Бельгия, Дания, Нидерланды, Финляндия. В каждой из стран по регламентации проституции есть любопытные отсылки именно к праву. Например, не так давно в Финляндии открыто обсуждалась тема проституции. В итоге было принято решение, что продажная любовь не противоречит закону, если она должным образом скрыта от глаз публики, а неотъемлемое право на проституцию имеет каждая женщина!

При определенных условиях проституция разрешена в Великобритании, Германии, Швейцарии. В 2010 году в Швейцарии правовым актом был официально открыт бордель для мужчин с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Как относиться к подобным примерам? Если исходить из того, что право должно регламентировать добро и справедливость, значит употребление

наркотиков и проституция – добрые, правильные, справедливые дела? Правильный ответ все же другой: право нельзя полностью осуществлять с добрыми делами, позитивными целями и т.д. Право с успехом может регламентировать и откровенно отрицательные действия.

При этом в подобных государствах, видимо, не на надлежащем уровне находятся нормы морали и нравственности. По логике, право должно защищать моральное и нравственное поведение. Но, как видим, такое бывает не всегда.

Один из наших оппонентов возразил, что право регулирует подобные явления только потому, что они все равно присутствуют в обществе. Так лучше, по его словам, официально разрешить наркоторговлю и проституцию раз они как неизбежность всегда были в Европе! Но ведь, при таких рассуждениях можно пойти и дальше. Например, в Европе всегда воровали – тогда предложат разрешить воровство? Но можно пойти еще дальше: в Европе всегда совершались убийства – регламентируем правила и порядок совершения убийств?

Кстати, насчет убийств. Несколько веков назад в Европе нормами права регламентировался порядок совершения дуэлей и убийств на них. То есть, право регламентировало и убийства! Это было в XVI-XVII веках и не в России, возраят нам. Но ошибутся. В России дуэль, на которой допускалось убийство, существовала и в XVIII, и в XIX веке. Более того, в конце XIX века в целях укрепления боевого духа в русской армии были изданы правила об офицерских дуэлях. Так, имевшиеся правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде устанавливали, что все дела об офицерских ссорах направляются командиром войсковой части в суд общества офицеров. Такой офицерский суд мог либо признать возможным примирение офицеров, либо постановить о необходимости поединка. Фактически дуэль в основном безнаказанно просуществовала в русской армии до революционных событий 1917 года.

Буквально недавно в России произошел казалось бы удивительный случай. После конфликта главы Росгвардии В. Золотова и оппозиционера А. Навального, один из парламентариев в 2018 году обратился в Государственную Думу Российской Федерации и Министерство юстиции России об установлении в России Дуэльного кодекса и предоставил его проект.¹ Этот проект пока не поддержали, но рассматривали. С точки зрения науки надо подчеркнуть, что до официального разрешения в России на дуэлях убийства или нанесения тяжких телесных повреждений было не далеко. И при принятии дуэльного кодекса многие очевидные всем преступления перестали бы быть таковыми (если совершены на дуэли). Таким образом, право всегда готово регламентировать и отрицательные, аморальные и в общем-то ненормальные действия, в том числе и убийства.

Относительно убийств можем привести яркий пример из опыта государства Израиль. Спецслужбы Израиля официально имеют право убивать лиц, ранее совершивших террористические акты на территории Израиля. Причем убивать в любой точке Земного шара. Иными словами, если спецслужбы Израиля выяснили, что к совершению террористического акта на территории Израиля причастен некий человек, живущий, например, в Египте, то спецслужбы Израиля, по законам названного государства, могут этого человека убить. Причем убить фактически без суда и на территории другого государства, в том числе общественно опасным способом! И такие вещи тоже регламентируются нормами права. И никого не интересует даже такой простой вопрос: а что если спецслужбы ошиблись?

Мы задали по этому поводу вопросы одному из сотрудников правоохранительных органов Израиля. Он ответил, что по закону совершать убийства, конечно, запрещено. Но государство Израиль, продолжил он, имеет право наказывать за совершение терроризма, а право выше закона. Тогда мы задали вопрос: «А кто наделил Израиль таким правом?». Он ответил, что наличие такого права – к сожалению, одно из обязательных

¹ Проект внес Депутат Государственной думы С. Иванов.

условий выживания этого государства в беспокойном мире.¹ Как говорится, слов нет!

Дополнительно отметим, что право в ряде стран разрешает и регламентирует производство таких неоднозначных действий как аборты и эвтаназию.²

Право в ряде стран допускает применение телесных наказаний, что сейчас, в XXI веке, кажется дикостью.

Право в ряде стран устанавливает жестокое отношение к людям. Этот перечень, к сожалению, можно продолжать.

Здесь уместно напомнить, что В.С. Нерсисянц понимал право как необходимую форму свободы, равенство и справедливости в общественной жизни людей³. Предложение звучит прекрасно и красиво, но все-таки - будем честны – несколько наивно. Право, как мы отмечали, это сложное социальное явление, многогранное явление, со своими положительными и отрицательными проявлениями. И одной из граней права, как видно, является регламентация отрицательных, аморальных действий людей и государств.

Мы назвали такую грань права: «отрицательное право» или «развратно-негативное право».

Положения об этой грани права не преподают в юридических вузах. На нее стараются не обращать внимание ученые, но ведь она существует. И здесь имеется большая нравственная проблема. Если молодые люди знают, что право не запрещает употребление наркотиков – значит их можно употреблять. Более того, у юношей, как мы сами слышали, якобы есть право на употребление наркотиков. То есть, речь идет даже не о том, чтобы один раз попробовать наркотик, а о праве, которое может быть реализовано в любой момент. Скольких человеческих жизней стоило такое право!

¹ Фамилию по этическим соображениям не называем.

² См.: Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология. СПб., 2002; Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2006; Старовойтова О.Э. Тело и закон. СПб., 2006.

³ Нерсисянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 1.

Если девушки с молодости знают, что заниматься проституцией – это их право, то убедить в аморальности таких действий практически не возможно.

Про другие, упоминающиеся в статье действия – мы даже не говорим.

Право вроде бы имеет воспитательную функцию. Но эта функция может быть как положительной, так опять же и негативной. Если, например, девушки Финляндии имеют право быть проститутками, то как убедить жительниц находящегося от них всего в двухстах километрах Санкт-Петербурга в том, что в России такого права нет? Опять же, если проституция официально легализована, значит, по логике, не аморально обращаться к услугам проституток?

Более того, теперь в Европе у каждого мужчины есть право быть гомосексуалистом. Право в воспитании гомосексуалистов и развитии гомосексуальных отношений сыграло свою роль. Ведь именно право не просто легализовало эти развратные отношения, но и регламентировало их. Правом разрешены однополые браки, разрешены усыновления детей гомосексуалистами. Весь мир, кажется, сошел с ума и встал на дорогу разврата и отрицания нравственности. И при этом негативные, отрицательные, откровенно развратные и недопустимые для нормального мужчины гомосексуальные отношения теперь регулируются правом. Что означает не просто дозволение, но и в определенной степени освобождение от нравственного осуждения.

Никого не интересует даже вопрос о том, какого будет усыновленному ребенку в гомосексуальной семье? Как его воспитают? Что заставят делать? К чему и какими методами принудят? Нормального ли человека сможет воспитать гомосексуальная пара? Не будет ли нарушена психика ребенка? Мужчиной или женщиной этот ребенок будет себя ощущать? Как сформировавшиеся психические отклонения проявятся в этом ребенке, когда он вырастит, пойдет служить в армию, возьмет в руки оружие и т.д.?

Мы, признаться, боимся ответов на поставленные вопросы. И предполагаем большие беды и неприятности.

Но жители России последнее время внимательно относятся к европейскому образу жизни и европейским ценностям. И указанные отрицательные явления все более активно приживаются в России.

Нравственность и культурные традиции России, увы, стремительно разрушаются. Причем не без помощи права (!), выполняющего отрицательную воспитательную функцию. Вспомните, еще недавно наркотизм был объявлен в России одной из главных бед, борьба с наркотиками пропагандировалась на всех центральных телевизионных каналах и в других средствах массовой информации. В ногу шла и юридическая наука: ежегодно проводились десятки научных конференций и семинаров, посвященных путям вывода молодежи из наркозависимости. Однако этот процесс со временем как-то потерял темп. Теперь, если мы не ошибаемся, в юридической науке остался только журнал «Наркоконтроль»¹, который функционирует благодаря энтузиазму его главного редактора А. Федорова.

В 1990-е годы вдоль оживленных трасс стояли девушки, занимающиеся проституцией. Теперь этого нет. Проституция пропала? Отнюдь. По данным правоохранительных органов, проститутки переместились в бордели, которых в одной Москве более сотни. И с ними по большому счету никто не борется. А юридическая наука проблеме проституции почти перестала замечать. Но опять имеется ссылка на естественное право женщины спать с кем угодно за деньги.

Увы, право многогранно и изучать его надо без иллюзий.

¹ Мы неоднократно выступали в указанном журнале по проблемам борьбы с наркотиками и неэффективностью правового регулирования. См.: *Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю.* Борьба с незаконным оборотом наркотиков и прослушивание телефонных переговоров // *Наркоконтроль*. 2006. № 4. С. 16; *Захарцев С.И.* Тезисно о современном состоянии борьбы с наркотиками // *Наркоконтроль*. 2014. № 4. С. 34-37; *Захарцев С.И., Кильдюшева О.А., Кондратьева А.Н., Сальников М.В.* Наркотические вещества в Античности и Средневековье: начало страшного пути // *Наркоконтроль*. 2016. № 2. С. 25-30 и др.

**§ 4. Показания, регламентация лжи,
решение конкретного судьи и аморальность
как проявления права в судопроизводстве**

Человек не может понять право, которое находится за пределами его сознания.

Примеров этому тысяча. Один из них – принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации. Написали Конституцию несколько высоко профессиональных юристов. Для кого написали? Для 150-миллионного населения России, не считая миллионов (!) людей из стран бывшего СССР, желавших жить в России. Из них практически все были крайне далеки от права, от новых революционных изменений, от регламентированного нового образа жизни.

Предыдущую Конституцию СССР 1977 года, ничего принципиально не менявшую по сравнению с предыдущими, буквально разжевывали всем. В 1993 году наспех приняли другую, непонятную, – и пожалуйста.

Дальше возникли вопросы. В СССР была гарантированная работа (почетная обязанность)! Теперь нет ни работы, ни зарплаты, за них надо бороться, получать соответствующее образование. Но образование в СССР было бесплатное и обязательное – сейчас платное. Причем хорошее образование стоит реальных денег. Медицина еще недавно бесплатная и обязательная, теперь платная. Более того, если раньше врач был обязан оказать помощь, то в настоящее время у него при определенных обстоятельствах появились законные способы от оказания помощи уклониться. Обратим внимание – законные способы. Пенсионное обеспечение было обязательным и в целом достойным, стало практически никаким.

Морально-этические вопросы вызвало даже разрешение торговать с прибылью. Для многих советских людей и с учетом предыдущего воспитания это не просто считалось спекуляцией по закону, но было и банально неэтичным. М.И. Клеандров приводил цифры, что в тот период лишь 8

процентов взрослых дееспособных россиян по своим индивидуальным способностям были предрасположены к ведению собственной предпринимательской деятельности.¹

Незначительная, в основном молодая часть населения, не имела советского опыта, смотрела по-другому, добилась успехов в бизнесе. Но для большинства людей происходившее было за пределами сознания, за чертой имевшихся у них образованности и понимания жизни. Одним словом, право было за пределами сознания людей и фактически было до конца не понято.

Надо признать, что многие ученые-юристы тоже были не готовы к переменам. В России появилась президентская власть и совсем по-новому стали функционировать исполнительная власть в лице правительства, законодательная власть в лице парламента и судебная власть. С ответственностью заявляем, что хотя функционирование этих органов и регламентировано правом, они учеными-юристами должным образом не изучены. Власть руководителя государства видят снаружи и совсем не представляют ее, равно как работу ее аппарата, изнутри. Также не представляют изнутри как работает правительство, как функционируют (а подчас – стопорятся) внутренние механизмы, система согласований, другие бюрократические процедуры и т.д. Ответственно заявляем, что мало кто имеет представление о реальной работе правоохранительных органов и спецслужб, хотя пишут о них многие. То же относится и к суду.

К аналогичному выводу пришел и бывший судья Верховного Суда России Н.А. Колоколов. Он написал: «Судебная власть – суть феномен, т.е. явление далеко не познанное, как и прочие виды власти (в том числе и государственной), данное нам в ощущении...В эпоху перемен, закономерно глянувших на рубеже второго и третьего тысячелетия, российская правовая

¹ Клеандров М.И. Кандидатская диссертация юриста: первые шаги исследователя. М., 2004. С. 21.

наука вошла без необходимой суммы теоретических знаний о власти вообще и о государственной и судебной власти в частности».¹

Н.А. Колоколов в отличие от многих реально представляет судебную систему России, что видно из его публикаций.²

В контексте понравившийся нам процитированной статьи мы провели исследование того, как видят современный российский суд жители нашей страны. В Москве, Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде мы опросили двадцать тысяч человек, из которых 10 имеют высшее образование, а 10 тысяч – не имеют. Им был заданы вопросы:

- Что представляет из себя, по Вашему мнению, современный российский суд?

- Пойдете ли Вы в суд защищать свои права?

- Верите ли Вы в честность и справедливость российского суда?

Ответы получены весьма показательные.

78 % людей с высшим образованием показали, что российский суд в настоящее время представляет собой коррумпированную структуру, готовую за деньги или по команде принять любое решение. Все 78 % в его честность и справедливость не верят.

Самостоятельной, независимой и справедливой ветвью власти суд назвали примерно пятая часть опрошенных (около 20 %).

Защищать свои права и законные интересы в суд пойдут, при необходимости, 43 % опрошенных.

Обобщая ответы людей, не имеющих высшего образования, было выяснено, что 89 % суду не доверяют, в его честность и справедливость не

¹ Колоколов Н.А. «Мы ждем перемен», а они уже произошли // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.Я. Капустин и др.: отв. ред. В.В. Лазарев. – М., 2020. С. 168, 172.

² Колоколов Н.А. Судебная власть: о сущем и будущем феномена в логосе. М., 2005; Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии: (избранное). М., 2006; Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М., 2010; Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность. М., 2014; Колоколов Н.А. Судебная власть в современной российской науке: теория государства и права // Теория государства и права в науке, образовании, практике / Пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. М., 2016 и др.

верят и к его услугам при нарушении их прав обращаться не будут, так как бесполезно. Суд, по их мнению, представляет собой коррумпированную (иногда говорилось «ручную») структуру властимущих (правительства, богатых, силовых структур и т.д.).

Допускаем, что особенно среди людей не имеющих высшего образования, показатели могут быть и другими. Однако не думаем, что они будут принципиально отличаться.

Но весьма любопытно другое исследование. Мы опросили 3000 действующих и бывших работников силовых структур: органов внутренних дел, органов налоговой полиции, органов наркоконтроля, прокуратуры. Было выяснено, что более 90 % опрошенных в честность и справедливость современного российского суда не верят, что подтверждает их жизненный опыт. Дополняя свои ответы они заявили, что конечно, судебные органы нужны просто потому, что без них не может работать государство. Но задача современно суда, по мнению опрошенных, обслуживать властимущих. О том же, в принципе, сказал Н.А. Колоколов: «Суд – это не более чем ресурс, который может быть использован для осуществления каких-либо определенных целенаправленных действий, но не более того. Судебно-властные отношения не могут заменить иные формы общения между людьми, они в состоянии их только дополнить».¹

Это происходит на фоне идущих уже тридцать лет подряд различных судебных реформ. Правда встает закономерный вопрос: если мы до конца не понимаем судебную систему, для чего же ее постоянно реформируют?!

Например, в части уголовного судопроизводства, помимо непосредственно рассмотрения уголовных дел, суд уже длительное время наделен обязанностью рассмотрения ходатайств следствия о заключении подозреваемых и обвиняемых под стражу, а также разрешений на

¹ Колоколов Н.А. «Мы ждем перемен», а они уже произошли // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.Я. Капустин и др.: отв. ред. В.В. Лазарев. – М., 2020. С. 176.

производство обысков, наложения ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию и некоторых других процессуальных действий. В советское время по УПК РСФСР заключение на арест санкционировал прокурор. Он же давал согласие на производство обыска и других действий, на которые теперь требуется разрешение суда.

Нам не раз приходилось слышать, что установка написать Конституцию ориентируясь на «то как в США» исходила от Б.Н. Ельцина. Тогда и написали, что только суд имеет право на ограничение прав человека. Соответственно, пришлось спешно вносить коррективы в уголовный процесс. Мы были свидетелями, как тяжело перестраивались органы следствия, прокуратуры, да и сами суды. Сейчас вроде бы все привыкли. Но остался вопрос: стало лучше или хуже? Правильно или неправильно поступили?

Мы неофициально опросили 200 судей в различных субъектах Российской Федерации (официально – с указанием фамилии и должности - говорить отказывались). Задали вопрос: «Оказывает или не оказывает влияние при вынесении оправдательного приговора или условного срока факт того, что коллега, нередко известный лично, ранее арестовал данного человека?». Из 200 судей 107 неофициально ответили: оказывает. Это проявляется по-разному. Где-то выносящий приговор судья видит, что ранее его коллега откровенно пошел на поводу у следствия (или оперативных подразделений) и арестовал фактически невиновного человека, который определенное время провел под стражей. Этот человек уже на стадии следствия выпущен под подписку о невыезде или домашний арест. В суд направлено дело по другой, более «мягкой» статье, чем было в ходатайстве о страже. Но оправдательным приговором все равно не хочется демонстрировать судебный брак.

Первый судья с точки зрения закона вроде бы и ни при чем: на этапе ареста он не оценивал виновность, а лишь рассматривал законность оснований для стражи. Но тем не менее воздействие его решения на

выносящего приговор судью есть. Совсем не хочется признавать, что невиновный человек провел определенное время под стражей по решению суда, тем более по решению хорошо знакомого тебе судьи. Когда аресты санкционировал прокурор, судья размещался над сторонами защиты и обвинения.

Но не проще ли было оставить эти функции у прокуратуры, именно для большей независимости и непредвзятости судей при вынесении приговоров?

Назывались и другие веские причины оказания влияния на суд ранних решений, о которых не хочется писать.

Мы не призываем вернуть полномочия по санкционированию ареста прокуратуре (книга о другом). Тем более, что к современному уголовному процессу вроде бы все уже привыкли. Но обидно то, что передача полномочий от прокуратуры суду осуществилась не потому, что суд является более серьезным гарантом прав человека. Просто хотели написать «как в США». И написали. Причем статью о прокуратуре спешно засунули в главу «Судебная власть». Повторимся, что человек, даже юрист, не может понять право, которое находится за пределами его сознания.

Еще менее характерную для обычного российско-советского суда функцию ввел Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». В соответствии с ним, рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища при проведении оперативно-розыскных мероприятий осуществляется судом. Основанием для решения судьей вопроса о проведении оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан, является мотивированное постановление одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ОРД). По требованию судьи ему могут представляться также иные материалы,

касающиеся оснований для проведения оперативно-розыскного мероприятия, за исключением данных о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и о тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Включение судей в ОРД тоже стало возможным из-за требований Конституции, согласно которой только суд может ограничить названные права. К таким требованиям уже все привыкли. Равно как привыкли считать, что именно суд выступает главным гарантом соблюдения прав человека.¹ Возражений вроде бы нет. Тем более, что судьи, правомочные рассматривать оперативные материалы строго определены, утечки оперативной информации от них вроде бы не было.

Но опять же давайте порассуждаем. Разве включаться в оперативно-розыскную деятельность – это задача суда? Ведь такое включение, как правило, идет задолго до возбуждения уголовного дела. Более того, далеко не всегда материалы в отношении того или иного человека доходят до суда. Правильно ли вовлечение суда в данный процесс? Обратим внимание, что далеко не во всех зарубежных странах именно суд разрешает полиции и спецслужбам проведение прослушивания телефонных переговоров и других названных специфических мероприятий.²

Возникает и следующий вопрос: являются ли судьи, разрешающие проведение указанных мероприятий, специалистами в оперативной работе? Наверное, нет. Тогда, просто по логике, в чем смысл предоставления суду возможности разрешать их проведение, если он не сможет разобраться, где ограничения прав человека обоснованы, а где нет?

¹ Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения. СПб., 2004; Оперативно-розыскная деятельность: научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А.И. Бастрыкин, В.М. Егоришин, С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенков, И.Н. Кондрат, Д.В. Ривман, В.П. Сальников, А.Г. Хабибуллин, А.В. Шахматов; под ред. А.И. Бастрыкина. М., 2020 и др.

² См.: Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2003.

Надо ли вовлекать суд в несвойственную ему деятельность? И как это влияет на право и правосудие?

К уголовному судопроизводству, собственно, много вопросов, которые мы, в контексте компрехендной теории права, здесь обозначим.

В 2016 году Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и Московским государственным юридическим университетом им. О.Е. Кутафина издана солидная монография «Теория государства и права в науке, образовании, практике», состоящая из статей специалистов по указанной науке. Каждая из опубликованных в книге работ заслуживает отдельного осмысления. Но сегодня нам опять же вспомнилась статья Н.А. Колоколова. Он, рассуждая что такое право, написал в конце расхожую фразу: «Право это не то, что задумал автор закона, и не то, что записал в нем законодатель. Право это то, что прочитал конкретный судья».¹ К ней иногда добавляют: «Прочитал и услышал в судебном заседании конкретный судья».

Иными словами, более развернуто: на практике все упирается в то, что именно понимает в норме права прочитавший ее судья и какие показания, относящиеся в его понимании к этой норме, он услышит в ходе заседания.

Эта фраза вроде бы жестокая, спорная, противоречивая. Но, увы, практика показывает, что она во многом соответствует действительности. Особенно в уголовном судопроизводстве.

Дело в том, что вся судебная практика и правосудие построены на показаниях. Именно показаниями в основном доказывается тот или иной факт, виновность и т.д. Все вещественные доказательства важны только в контексте подкрепления слов свидетеля и подсудимого. Или опровержения слов одного, но обязательного подтверждения слов другого. Отпечатки пальцев на топоре, которым было совершено убийство, будут ничего не значить, если подсудимый докажет, что в день убийства рубил им дрова.

¹ Колоколов Н.А. Судебная власть в современной российской науке: теория государства и права // Теория государства и права в науке, образовании, практике / Пред. совета Т.Я. Хабриева. М., 2016. С. 269-270.

Крайне важно, чтобы подсудимый признавался в убийстве: вот тогда отпечатки пальцев будут отличным подтверждением его виновности.

Именно поэтому оперативные сотрудники и следователи постоянно бьются над тем, чтобы обвиняемый обязательно признал свою вину. Такая картина до сих пор существует в практике работы как российской, так и зарубежной полиции, как российского, так и зарубежного правосудия. Кто-то сразу возразит, вспомнит презумпцию невиновности и то, что признания своей вины не могут быть положены в основу обвинения пока не будут подтверждены другими доказательствами. Конечно, только признательные показания в суд никто не направит. Но без признательных показаний многие доказательства могут быть поставлены под сомнение. Ярким примером является приведенный выше рассказ про топор.

В данной работе мы еще будем говорить о профессиональной деформации судей. Пока отметим, что в ходе исследований неофициально опросили двести судей. Из них 198 судей сказали, что при вынесении приговора для них очень важно, чтобы в уголовном деле были признательные показания подсудимого. Тогда психологически гораздо легче оценивать доказательства, легче выносить обвинительный приговор и назначать наказание. Опрошенные признались, что им важно слышать признательные показания от подсудимого или хотя бы знать, что он признавался в ходе предварительного расследования. Вдумайтесь в число: 198 из 200 судей!

Признание обвиняемым виновности, даже при его дальнейшем отказе от своих показаний в суде, все равно с большой вероятностью означает обвинительный приговор.

Обвинительный приговор в свою очередь для оперативников, следователей, прокуроров означает раскрытие преступления, качественное расследование, грамотный надзор за законностью и т.д. Именно так обвинительные приговоры (официально или негласно) будут оцениваться соответствующими начальниками государственных органов.

То есть, опять упираемся в признание вины. Таким образом получается, что признательные показания подсудимого выгодны практически всем участникам судопроизводства: судье, прокурору, следователю. Выгодны свидетелям, экспертам и адвокатам, так как благодаря признаниям быстрее и менее нервно идет правосудие. Выгодны потерпевшему: его выгода может иметь не только моральную, но и морально-компенсационную сторону.

Единственный участник, чья выгода от признательных показаний неоднозначна, это сам подсудимый. Бывают ситуации, когда его признание действительно смягчает его ответственность. Но, увы, бывает и наоборот.

Таким образом, признательные показания до сих пор наиважнейшая часть уголовного правосудия и в целом права. При отсутствии признания для обвинительного приговора особое значение приобретают показания потерпевшего и свидетелей. Формально все виды доказательств важны, имеют одинаковую юридическую силу и т.д. Но на самом деле уголовный процесс и правосудие, как показано, вертятся вокруг показаний. Право действительно в какой-то степени представляет собой показания, а также то, как их услышал конкретный судья. Давайте признаемся себе, что показания – это тоже грань права, причем на практике очень существенная грань.

И так не только в российском уголовном правосудии, а во всем мире. Более того. Во многих западных странах практикуется не объективная, а так называемая юридическая (формальная) истина. Там следователи, обвинители, суд не должны стремиться установить то, как было на самом деле. В таких странах суд выносит решение по формальным имеющимся в деле доказательствам. Один авторитетный американский судья делился с нами нюансами их правосудия. По его словам, если трое человек дадут прямые показания, что видели как четвертый совершил преступление, судье ничего не останется сделать как признать последнего виновным. Судья будет убежден что преступник не тот, на которого показывают, но для правосудия это значения иметь не будет – формальная истина! И все будут правы.

Оправдательные доказательства собирает сам подсудимый и его адвокат. Но на американское общество надо смотреть без иллюзий. Там также бывают слабые адвокаты. Причем адвокаты в плане заработка нередко зависят от обвинителей (значит им незачем ссориться), наконец бывает, что адвокаты обманывают подзащитных.

В западных странах, как и в России, тоже существует ответственность за лжесвидетельство. Однако, как и у нас, применяется эта норма достаточно редко. Кроме того, опять же благодаря показаниям, у опытного или хорошо проинструктированного лжесвидетеля есть возможность уголовной ответственности избежать. Как это сделать описывать не будем. Не хотим, чтобы статья стала инструкцией по нарушению законности. Просто еще раз повторим, что и у нас, и на Западе в суде не всегда даются истинные показания, а уголовная ответственность за такие действия применяется редко. Но при этом, показания лежат в основе приговоров. Вещественные и иные доказательства, как правило, лишь дополняют показания.

Вернемся к признательным показаниям. С Запада к нам в уголовный процесс пришла такая форма признательных показаний, как «соглашение о признании вины» и вынесение на его основе приговора фактически без исследования доказательств. Бывший Первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.И. Радченко абсолютно справедливо пишет о том, что с принятием УПК РФ началось сползание нашего правосудия к стандартам англо-саксонской системы права. В частности, с принятием главы 40 УПК РФ (Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением) в нашем уголовном процессе оказался реализованным постулат римского права «признание – царица доказательств» - так в римском праве называлось признание вины, которое делает излишним все иные доказательства, улики и иные следственные действия.¹

¹ Радченко В.И. Действующий УПК тормозит развитие судебно-правовой реформы // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4 (34). С. 29-30.

Российское правосудие ранее было более справедливым и никаких сделок с подсудимым о признании вины обмен на уменьшение объема обвинения не было! Более того, даже неофициальное предложение следователя обвиняемому о признании вины в обмен на сокращение объема обвинения, утаивание отдельных преступлений, могло закончиться привлечением следователя к уголовной ответственности.

Однако все поменялось. В.И. Радченко в своей статье приводит мнения специалистов Д.В. Федотовой и М.В. Спиридонова. В частности, Д.В. Федотова отмечает, что следователи и судьи с энтузиазмом освоили «особый порядок», в котором стало рассматриваться 70 % уголовных дел. Еще бы: теперь главной задачей следователя стало склонение обвиняемого о рассмотрении дела в особом порядке. Спиридонов М.В. дополняет, что на практике сложилась ситуация, что особый порядок нужен, прежде всего, стороне обвинения, так как самое шаткое дело, в котором отсутствует качественная доказательственная база, благодаря данному порядку может легко перерасти в обвинительный приговор.¹

В итоге, подводит итог В.И. Радченко, учитывая широкую распространенность особого порядка (70 % процентов от числа рассмотренных судами уголовных дел), существует опасность, что вырастет поколение судей, утративших навыки исследования доказательств по уголовным делам.²

Но эти 70 % означают еще, как минимум, две вещи. Во-первых, они ярко показывают главную роль в уголовном процессе показаний и признания своей вины. Во-вторых, они демонстрируют, что в зарубежном уголовном процессе показания тоже главенствуют. Иногда в ущерб справедливости и разумности. Но, увы, всякого рода сделки и соглашения в обмен на

¹ Радченко В.И. Действующий УПК тормозит развитие судебной-правовой реформы // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4 (34). С. 29.

² Радченко В.И. Действующий УПК тормозит развитие судебной-правовой реформы // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4 (34). С. 29-30.

признания – явление пришедшее к нам из англо-американской системы правосудия, где оно успешно применяется длительное время.

Мы рассмотрели уголовный процесс. В гражданских, трудовых, земельных и т.д. спорах показания играют меньшую роль. В таких делах нередко все упирается в договоры и иные документы. Но здесь более остро и актуально звучат приведенные выше слова Н.А. Колоколова о том, что право это то, что прочитал в норме закона конкретный судья. От себя добавим: не просто прочитал, но и понял, поскольку понимание у всех судей разное. Недаром говорят, что два юриста – а три мнения. Судья на основании того, что он прочитал и понял в законе, своим решением создает прецедент, являющийся образцом для остальных, настоящий правовой акт. В этом заключается право прецедента, распространенное в некоторых западных странах.

Н.А. Колоколов своими словами, наверное, хотел подчеркнуть важность решения конкретного судьи, статус этого решения, которое именуется чуть ли не правом. С одной стороны, так и есть, но почему мы опять забываем о другой стороне? Сейчас в мировую моду вошел так называемый состязательный процесс. Он считается наиболее демократичным, обеспечивающим равенство сторон и т.д. В ходе такого процесса стороны нередко предоставляют суду противоположные и взаимоисключающие сведения о предмете спора. Сие означает, что как минимум одна из сторон откровенно врет! В результате суд выносит решение. И указанное действие считается правовым! При этом решения суда зависят не только от норм права, но и от хитрости сторон, изворотливости адвокатов, красноречия и т.д. Как все понимаем, решения суда отнюдь не всегда правильны. А право в данных случаях, - что парадоксально! - по сути выступает регулятором вранья, провокатором и стимулятором лжи, а вовсе не служит установлению истины и справедливости. Некоторые процессуалисты считают, что и в гражданском процессе суд должен стремиться устанавливать именно объективную истину. Но это, увы, не меняет сущности права, которое своими

нормами фактически регламентирует ложь (или возможность лжи) как минимум одной из сторон в суде.

В контексте изложенного: опрошенные нами пятьсот российских и зарубежных адвокатов по гражданским делам признались, что каждый из них (вдумайтесь!) неоднократно предоставлял в суд заведомо искаженную в свою пользу информацию. И умышленное искажение информации (умолчание об одних фактах, недостоверная интерпретация других, уничтожение отдельных документов и т.д.) приводит к судебному решению, которое считается правовым и является прецедентом для других судей! Вот так. То есть, право – это не просто то, что прочитал и услышал конкретный судья, а еще откровенный регулятор лжи. Остается задуматься: регламентация лжи – не аморальное ли действие?

Решение конкретного судьи, показания, регламентация лжи – вот такие разные, но объективно существующие проявления права.

Это наверняка понимает Н.А. Колоколов, поэтому предлагает: «... задуматься о словах бывшего председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А.А. Иванова: В России честный бизнес невозможен. Если честного бизнеса нет в принципе, то что может сделать даже честный суд? Да и нужен ли он нечестному бизнесу?»¹

Но и на суд западных стран тоже призываем смотреть без романтизма и веры, что там все честно. Интересно, что некоторые из опрошенных адвокатов поставили нам условие не называть их установочные данные, что вполне логично. А отдельные, напротив, к оглашению их фамилий отнеслись нормально, заявив, что их готовность для клиентов на все, на любую фальсификацию, плюс общение с нами только сделает им рекламу. Факт тоже любопытный и характеризующий право и решения судей весьма объективно, правда, не с лучшей стороны.

¹ Колоколов Н.А. Судебная власть в современной российской науке: теория государства и права // Теория государства и права в науке, образовании, практике / Пред ред. совета Т.Я. Хабриева. М., 2016. С. 269.

Увы, в своей практической деятельности юристы нередко (вдумайтесь!) работают против правосудия, против справедливости, а в угоду конкретным лиц. И эта поднятая нами проблема тоже требует философско-правовых размышлений.

Большинство молодых людей после школьной скамьи поступают в университеты постигать право, все-таки не имея цели защищать маньяков, оправдывать хищения, обманывать людей, подсказывать, как совершать преступления и не попадаться, пользоваться несовершенством законов.

Почему они, изучив право, работают против закона, против справедливости? Прimitивно рассуждая, они главным образом руководствуются материальным аспектом.

Но мы хотим поставить вопрос чуть о другом. Ведь если врач, перестает лечить и более того начинает подсказывать, как залечить человека до смерти – он становится преступником. Если экономист, познав все тонкости экономики, начинает советовать как незаметно воровать, он тоже становится преступником. Инженер, который начинает подсказывать, как избегать соблюдение технологий и не попадаться, является правонарушителем и т.д.

Юрист (адвокат, юрисконсульт, юрист в компании) - чуть ли не единственная профессия, фактически подразумевающая, что он будет подсказывать, как нарушать закон и избегать за это ответственности. И такие юристы – парадоксально! - вроде бы нужны обществу. И так было всегда. В Подтверждение наших слов приведем известный анекдот из России XIX века.

«Профессор: Что такое юриспруденция? Проще, яснее, короче!

Студент: Искусство обходить закон!

Профессор: Гм! Да... положим... хотя, конечно... Садитесь!»¹

Причем, действия врачей, экономистов, инженеров строго осуждаются моралью. Кроме того, им будет сказано, вас же учили лечить, строить, изобретать, экономить и т.д., а вы, выучившись, стали заниматься

¹ Баранов В.М., Шутак И.Д., Гришин С.П. Юридические анекдоты. Херсон, 1993. С. 13.

деятельностью против своей профессии, изменили своей профессии! Но в отношении юристов так не говорят. Более того, если юрист сможет вывернуть противозаконное дело в свою пользу – он в глазах общества является ... хорошим специалистом!

В чем причина таких удивительных поворотов нашего бытия? В специфике профессии юриста, которая оказывается нужна не только для соблюдения закона, но и для борьбы с ним?! В несовершенстве общества? В приоритете материальных ценностей над духовными? В слабостях людей? Либо в самом бытии – противоречивой, многофакторной данности? Полно ответить на заданные вопросы не может ни одна из наук, только философия.

Если опросить практикующих юристов то выяснится, что большинство из них готово помогать преступникам. При этом (вдумайтесь!) почти все юристы хотя бы раз консультировали друзей, знакомых, родственников о том, как обойти требование закона.

Но самое поразительное, что такая абсолютно аморальная деятельность юристов по оказанию помощи преступникам избежать ответственности регламентирована правом. То есть надо признать, что аморальность тоже является гранью права.

В данной работе мы констатируем, что в судопроизводстве у права проявляются такие самостоятельные грани как:

- решение конкретного судьи, основанное на его личном понимании нормы;
- достаточно большая зависимость права от показаний;
- регламентация лжи в судопроизводстве;
- регламентация аморального поведения отдельных участников процесса.

Эти грани не во всем позитивны, но они объективно присутствуют у права.

Как к ним относиться? Философски. Но всегда их учитывать в своей жизнедеятельности. И продолжать разносторонне и честно изучать это сложнейшее явление под названием право.

**§ 5. Обвинительный уклон
и недостаточность профилактики**

Правовые решения по уголовным делам всегда вызывают особый резонанс. Это связано с различными причинами. У кого-то приговоры по преступникам вызывают справедливый гнев. Кто-то, напротив, испытывает жалость к осужденным (от суммы и от тюрьмы не зарекайся). Многим банально не хватает «хлеба и зрелищ».

Судебному разбирательству и вынесению приговора всегда предшествует предварительное расследование, которое производится в порядке установленном УПК. Это расследование всегда сопровождается, а иногда и начинается с оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Мы хотим начать с четырех примеров из практики оперативно-розыскной деятельности.

Первый. В одном из магазинов образовался залежалый товар. Хозяин магазина, чтобы расплатиться с долгами, все равно решил пустить его в продажу, переклеив данные о сроке хранения. Об этом от работников магазина сразу стало известно оперативным сотрудникам. Далее оперативные сотрудники терпеливо ждали пока будут изготовлены наклейки с измененными сроками хранения и пока их наклеят на товар. Когда товар появился на полках и совершились продажи невиновным людям, было проведено оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка». Преступление было раскрыто.

Другой пример. Оперативными сотрудниками была зафиксирована поставка в Россию наркотических средств. Можно было арестовать преступников и изъять наркотики. Но решили провести оперативно-розыскное мероприятие «контролируемая поставка». В ходе контролируемой поставки была вскрыта сеть распространителей наркотиков вплоть до учащих учебных заведений. Все отлично если бы не одно но. Пока

наблюдали, в распространение и приобретение наркотиков были втянуты и молодые ребята: студенты и школьники.

Третий пример. Одному чиновнику предложили взятку. Он ранее не брал взятку. С одной стороны, отлично понимал, что это недопустимо и преступно. С другой стороны, имелись соблазны жить красивее, богаче, лучше. О своих сомнениях он поделился с друзьями, среди которых оказались и осведомители правоохранительных органов. Оперативные сотрудники решили провести оперативно-розыскное мероприятие «оперативный эксперимент». Здесь надо добавить, что поймать взяточника с поличным является очень престижным. Это показывает класс оперативного сотрудника, ведет к поощрению, а в ряде случаев и к повышению в должности. В связи с этим, осведомители стали аккуратно говорить чиновнику, что, дескать, все берут взятки, мир не переделаешь, а ты станешь лучше жить и т.д. Одновременно запугали потенциального взяткодателя: сказали, что если не поможешь изобличить преступника, твой вопрос решить не дадим, а поможешь поймать чиновника – тебе тоже пойдем навстречу. Проситель согласился участвовать в оперативном эксперименте. Чиновник у него взятку взял и был задержан с поличным.

Четвертый пример произошел совсем недавно. Четверо 16-летних школьников (два юноши и две девушки) баловались курением сигарет, что не скрывалось перед одноклассниками. Наоборот, они демонстрировали себя перед сверстниками, старались выглядеть взрослее и опытнее. Но на сигареты нет денег и кто-то предложил в выходной день ограбить табачный киоск. Эта информация тут же разлетелась по классу, дошла как до педагогов, так и до полиции. Мер никто не принял. В один из ближайших выходных эта четверка взломала табачный киоск и украла два блока сигарет на сумму три тысячи рублей. Их, естественно, быстро «вычислили» и поймали. Возбуждено уголовное дело. Причем, как понимают все юристы, произошла не просто кража, а кража с проникновением, совершенная группой лиц по предварительному сговору. При таких квалифицирующих

признаках следствие было вынуждено этих детей (пусть они простят это слово) задержать. Они навсегда сломали себе жизнь. А оперативные сотрудники отчитались о быстром раскрытии преступления.

Сразу оговоримся. Приведенными примерами мы вовсе не хотим хотя бы как-то защитить хозяина магазина, распространителей наркотиков, чиновника и детей-воришек. Они совершили преступление.

Но мы хотим порассуждать о другом и задать вопрос: «А могло ли названных преступлений не быть?» Конечно, могло бы и не быть. У хозяина магазина еще до переклеек можно было обнаружить залежалый товар и его строго предупредить. Пресечь распространение наркотиков надо было до того, как они попадут в учебные заведения, особенно в школы. Сейчас информацией о том, что в некоторых школах Москвы (!) можно купить наркотики уже никого не удивишь. То же касается и школ во многих других городах. Оперативным сотрудникам до фиксации взяток можно было неофициально поговорить с чиновником на предмет законности и порядочности – он возможно выбрал бы другой путь.

Случай с кражей сигарет школьниками в плане предотвращения преступления тоже в комментариях не нуждается. Но такие происшествия не единичны. Видимо поэтому Президент Российской Федерации предложил срочно внести поправки в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», в которых отмечается важность воспитания молодежи. На важность воспитания молодежи всегда указывалось в дореволюционной России. Еще больше внимания процессу воспитания уделялось в Советском Союзе. Сейчас эта работа ведется на недостаточном уровне.

Кроме того, раньше первостепенное внимание уделялось профилактике преступности, недопущению преступлений. К сожалению, эта деятельность тоже оказалась полузабытой в современной России. В 1990-е годы при обвале всей государственной системы и лавинообразном росте преступности говорить о профилактике было не серьезно. Но и в 2000-х годах, при относительной стабилизации государства, работа по недопущению

преступлений тоже практически не велась. Общество забыло простую истину о том, что их предотвращение обходится намного дешевле раскрытия.

Оперативные подразделения деятельность по недопущению и профилактике преступности почти не осуществляют. Это особенно бросается в глаза в части преступности в экономической сфере. Информацией о намерениях совершить преступления владеют, однако своевременно предупредить, оттолкнуть людей от противоправных действий не хотят.

Мы выделим несколько причин происходящему.

Первое – неправильно организованная система работы субъектов ОРД. Перед оперативными сотрудниками в первую очередь ставится задача по раскрытию преступлений. Именно раскрытиями преступлений отчитываются органы внутренних дел. Причем, как все понимают, раскрытых преступлений всегда меньше чем нераскрытых. За каждое нераскрытое преступление строго спрашивают, объявляют взыскания и т.д. Отчетная позиция о том, сколько преступлений оперативный сотрудник не допустил, вообще отсутствует. Такие случаи почему-то не интересны. Поэтому служебная деятельность толкает на то, чтобы оперативник позволил совершиться преступлению, а уже потом поймал с поличным и красиво доложил об успешной работе. Из таких докладов положительно оценивается труд оперативных работников, зарабатываются поощрения и повышения.

Конечно, если ввести отчетный показатель «предотвращенные преступления», то сразу возникнет вопрос как их считать? Как фиксировать? Кто должен подтверждать работу оперативника по профилактике преступлений? Как определить ее эффективность или неэффективность? Но названные вопросы все равно необходимо проработать, чтобы толкать и настраивать сотрудников на недопущение.

Мы много откровенно общались с ветеранами органов НКВД. Они вспоминали, что начальников территориальных органов НКВД в 1930-е годы при наркомых Ягоде и Ежове могли арестовать, а затем даже расстрелять, если их подразделение мало сажало и расстреливало так называемых «врагов

народа». В погоне за плановыми показателями и (объективно!) ради собственной безопасности эти начальники жестко требовали от подчиненных соответствующих результатов по арестам.

Надо задуматься и понять: в ту ли сторону мы двигаемся? Ведь сейчас как и тогда показатели оперативной работы направлены на количество возбужденных уголовных дел!

Другая причина связана с профессиональной деформацией оперативных сотрудников. Мы много лет изучаем профессиональную деформацию оперативников, выявили ее новые типы, предложили варианты исправления подверженных ей.

Исходя из наших исследований профессиональной деформации не сомневаемся, что многие сотрудники нас не поддержат! Они уже искренне не понимают и не хотят понимать важности профилактики преступлений. Будут настойчиво и в целом аргументированно говорить о том, что из-за продажи и использования просроченного товара пострадают невинные люди. Отсюда вывод — всех жуликов-торгашей надо на много лет сажать. Распространителей наркотиков вообще расстреливать на месте. Если чиновник согласился брать взятки, то не сегодня так завтра все равно бы стал коррупционером, поэтому хорошо что его посадили. И вообще есть страны, где разрешена оперативная провокация взятки, когда оперативник или их доверенное лицо провоцируют дачу взятки. У нас провокация взятки не просто запрещена, но и наказуема и т.д.

Сотрудники, пораженные этим типом профессиональной деформации, для раскрытия преступлений сами готовы пойти на другие незаконные действия и преступления. Например, если не удалось поймать с поличным распространителя наркотиков, то подбросить их. Эти же сотрудники могут при задержании избить, а при допросе использовать издевательства. Говорить о профилактике преступлений с ними невозможно и бесполезно. Ответят примерно так: не живите иллюзиями, чем больше и жестче сажаем — тем лучше!

Ярким примером профессиональной деформации является недавняя (весной 2020 года) ликвидация полицией в квартире в Екатериненбурге мужчины 27 лет, несудимого, который, якобы, украл 4 рулона обоев из магазина. Мы не знаем была ли в действительности кража, информация о ней весьма противоречива. Нам не ясно, зачем законопослушному человеку, под видеокамеры, при наличии денежных средств, днем, прилюдно (!) красть из магазина 4 рулона обоев. Но мы хотим со строго профессиональной точки зрения поговорить об объективных вещах. Все оперативные сотрудники, равно как и сотрудники спецназа знают несколько эффективных способов выманивания и обезвреживания преступника, запершегося в квартире. Можно было в том числе применить различные специальные технические средства (нюансы здесь писать не будем). Но однозначно утверждаем, что этого парня можно было брать живым, причем без какого-либо риска для сотрудников спецназа. Добавим, обязательно нужно было задерживать именно живым! Он не террорист и не особо опасный рецидивист, а несудимый человек, совершивший при сомнительных обстоятельствах хищение 4 рулонов обоев. Если такое хищение действительно было – то его вину должен определять суд. Но не убивать же человека из-за этих несчастных обоев!

Третья причина кроется в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (Законе об ОРД). Этот закон носит откровенно наступательно-обвинительный характер.

Вообще оперативно-розыскное законодательство впервые появилось в России в 1992 году. Его цель была легализация оперативной работы с четким описанием того, что могут делать органы, осуществляющие ОРД. В частности, в законе указали исчерпывающий перечень оперативно-розыскных мероприятий, разрешенных в нашей стране (опрос, наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, проверочная закупка, контролируемая поставка и т.д.). То есть, оперативникам разрешены только поименованные мероприятия и все. А сам перечень мог быть изменен или

дополнен только федеральным законом. Принятие названного закона, причем сразу после распада СССР, подавалось как один из шагов по построению свободной демократической России. Аналогичные законы есть далеко не во всех даже западных демократических странах.¹ Субъекты ОРД там чувствуют себя гораздо более раскрепощенно.

Но проблема в том, что указанный закон был нацелен на раскрытие преступлений и имел строго обвинительный уклон. Иными словами: вот есть оперативные подразделения, которые своими методами будут заниматься раскрытием преступлений. Если считаете, что они своей работой нарушили ваши права – обращайтесь на них в суд.

Принятый в 1995 году Закон об ОРД юридически отредактировал требования первого закона, но принципиально ничего не поменял. В соответствии с ним, оперативно-розыскная деятельность - вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то данным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (статья 1). Задачами оперативно-розыскной деятельности, согласно статья 2 настоящего закона являются:

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;
- осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших;

¹ Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом. СПб., 2003.

- добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;
- установление имущества, подлежащего конфискации.

Мы видим, что в понятии ОРД ни слова о профилактике преступности нет. Среди задач упоминается предупреждение преступлений, но в контексте их выявления, пресечения, раскрытия и будущего расследования.

Более того, в законе нет ни одной статьи, направленной на профилактику преступности, недопущение преступлений, воспитания. Зато оперативно-розыскных мероприятий, непосредственно направленных на то, чтобы отправить за решетку хватает. Причем некоторые из них прямо подразумевают, что преступление уже совершено. Это, в частности, оперативное внедрение, проверочная закупка, контролируемая поставка, в какой-то степени оперативный эксперимент. Все направлено на возбуждение уголовного дела и уголовно-процессуального расследование.

Сейчас, в соответствии с Законом об ОРД, осуществлять оперативно-розыскную деятельность разрешено только семи государственным структурам:

- органам внутренних дел;
- органам федеральной службы безопасности;
- органам федеральной службы охраны;
- таможенным органам;
- органам службы внешней разведки;
- органам федеральной службы исполнения наказаний;
- органам Главного разведывательного управления Министерства обороны России.

В законодательстве, регламентирующем деятельность названных органов, вопросы профилактики преступности тоже отражены крайне куцо.

Но ведь и УПК РФ тоже в общем-то имеет обвинительный уклон. Собственно, многие уголовно-процессуальные кодексы различных

государств имеют обвинительные уклоны. В ряде стран, например в Казахстане, местный УПК предусматривает даже тайные следственные действия! Российский УПК пока до этого не дошел, хотя в нем тоже есть скажем так «странное» следственное действие под названием «контроль и запись переговоров». Фактически это следственное действие представляет собой процессуально оформленное оперативно-розыскное мероприятие «прослушивание телефонных переговоров». Более того, с введением контроля и записи переговоров в уголовном судопроизводстве появился неизвестный и неустановленный участник под названием «соответствующий орган». Цитируем ч. 4 ст. 186 УПК РФ: «Постановление о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров направляется следователем для исполнения в соответствующий орган». Но что это за «соответствующий орган», кто его начальник и к какому ведомству он относится, какие у него права и обязанности, где они регламентированы, УПК не определяет. Этот орган упоминается и в части 6 статьи 186 УПК РФ: «Следователь в течение всего срока производства контроля и записи телефонных и иных переговоров вправе в любое время истребовать от органа, их осуществляющего, фонограмму для осмотра и прослушивания». Но опять же имеются вопросы: сотрудники этого органа предупреждены о недопустимости разглашения фонограммы переговоров по уголовным делам, предупреждены об ответственности за фальсификацию доказательств и т.д.? Следующая статья УПК под номером 186.1. называется «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». То есть, следователь вправе тайно как прослушивать разговоры участников уголовного дела, так и смотреть на то, с кем они общаются! Вот такой УПК!

Приведенными примерами мы показываем, что у права есть такая грань как наличие обвинительного уклона в уголовном процессе и оперативно-розыскной работе. Это свойственно не только российскому праву, но и праву других стран.

В заключение повторим, что нужно улучшать оперативную работу и больше направлять ее именно на профилактику преступности. Кроме того, надо бы вдумчиво проанализировать формулировки Закона об ОРД и УПК РФ, чтобы освободить их от выраженного обвинительного уклона. Однако этого не происходит как в России, так и за ее пределами. Почему? Наверное, в практической правовой работе есть такая грань как обвинительный уклон. Она, собственно, органично дополняет такие неоднозначные грани как важность признания своей вины, важность показаний и наличие сделки с правосудием.

§ 6. Зарисовка о формализме права

Этот параграф первоначально был самым объемным в книге. В нем было приведено несколько десятков примеров дичайшего формализма во всех отраслях права. Формализма, от которого по ни кому не нужным требованиям страдали интересы закона и люди, в том числе законопослушные.

Но потом мы поняли, что о такой грани права как излишний формализм знают вообще все, поэтому решили подготовить о ней лишь короткую зарисовку.

Итак, проблемой является излишняя формализация норм любого процессуального права, заурядная тягомотина ведения даже простых правовых дел. Это положение, естественно, неудобно участникам правоотношений. Люди не хотят связываться с правом, поскольку в нем «затаскают по судам», заставят являться в неудобное время, многократно повторять одни и те же слова, выступать публично по неприятным поводам.

Но если обычным гражданам для участия в судопроизводстве требуется отпрашиваться с работы, терпеть другие неудобства, то для юридических клерков, даже со стороны государства, это и есть работа. И свою работу они часто выполняют не ради результата, а ради самой работы, самого процесса. Результат им не особенно нужен. И создается впечатление, что он совсем не нужен государству.

Мы можем уверенно констатировать то, что право по-прежнему движется в сторону усиления формализма. Это касается и российского права, которое мы традиционно критикуем, и права развитых иностранных государств, в котором количество нормативных правовых актов уже давно превысило уровень их изучения, даже если на это потратить всю жизнь. В праве все больше и больше формализации юридических действий, пошаговой регламентации шагов и маленьких шажочков. Соответственно, в процессе все более мелких нарушений, которые, раз нарушена

процессуальная процедура, можно трактовать как действительно нарушение закона с соответствующими выводами. В ряде государств подчас уже невозможно провести какой-либо процесс, не нарушив какую-либо формальность! Более того, юридическая наука, о чем мы писали, по-прежнему развивается в сторону детализации всех процессуальных действий, научные работы пестрят предложениями по регламентации всего, что можно регламентировать.

Однако надо хорошо понимать то, на что также не раз обращалось нами внимание: не так страшен закон как его толкование и толкователи. Ведь далеко не всегда норму права можно идеально написать, а кроме того, ее не всегда можно точно понять. В результате возникают самые разные толкования простых и по сути не очень-то обязательных для регламентации действий. Такое толкование приводит подчас к губительным последствиям.

В подтверждение своих слов приведем два парадоксальных примера: один из англо-сансонского права, другой из нашего российского.

В Англии оправдали лицо, признававшееся в совершении преступления из-за того, что обвинитель не успел к судебному заседанию. Английский судья, строго соблюдающий формальности состязательного процесса, начал заседание в положенное время и установил, что сторона защиты присутствует, а стороны обвинения нет. Из этого он сделал формально правильный вывод, что если некому обвинять, то нет и обвинения, заслушал сторону защиты и вынес оправдательный приговор. Эта история наделала много шума потому, что обществу стало не ясно, а для чего нужно судопроизводство? Для соблюдения формальностей или для достижения высшей справедливости, охраны прав и здоровья граждан, защиты людей?

Еще более дикий случай произошел в России вскоре после принятия УПК РФ.

В городе М. по факту изнасилования девочки возбудили уголовное дело. Маньяка, совершившего преступление, нашли, в отношении него возбудили уголовное дело, которое соединили с возбужденным ранее. В ходе

расследования было установлено, что маньяк действовал с сообщником. Его тоже нашли и в рамках соединенного уголовного дела сообщнику предъявили обвинение. В суде первой инстанции оба насильника под тяжестью собранных доказательств были признаны виновными, им назначено строгое наказание.

Однако в отношении второго подсудимого приговор был пересмотрен. В решении суда отмечалось, что в отношении второго насильника отдельного уголовного дела не возбуждалось. То есть, строго формально, ему предъявляли обвинение и собирали изобличающие доказательства без наличия в отношении него уголовного дела. А значит, формально, все собранные в отношении второго маньяка доказательства не имеют юридической силы! Второй насильник был оправдан!

Восторжествовало ли право и правосудие в приведенных примерах? Сомнительно.

В итоге действительно получается, что на практике право не для законности и справедливости, а для юристов и их формальностей. У практических работников подчас банально отсутствует понимание права, смысла права, предназначения своей работы. Отсюда оправдания убийц и маньяков за несоблюдение формальных процедур, не влияющих на самом деле на несоблюдение прав подсудимых. Нам вспоминается, когда один из судей, вынося уже по другому уголовному делу оправдательный приговор из-за несоблюдения действительно имевшего место нарушения закона, говорил: «Конечно, имевшееся несоблюдение закона, я мог бы устранить в ходе судебного разбирательства. Ведь понятно, что подсудимый виновен. Однако я специально вынес оправдательный приговор, чтобы потом следователю влетело, чтобы он научился работать!» Однако следователей такими методами работать не научишь хотя бы потому, что часть из них тоже выполняют работу не ради результата, а ради самой работы.

Смотря на проблему философски надо признать, что право, с одной стороны, это неизбежно формализованное явление. Но, с другой стороны,

формализация нередко приводит к негативным последствиям и недоверию к праву как таковому. От формализма страдают в том числе законопослушные люди.

Вопрос как бороться с негативными последствиями формализма открыт и за многолетнюю историю права до сих пор не решен. Он является постоянным спутником правовых норм, объективно существующей гранью права. Эту грань обычно не любят упоминать теоретики, но часто вспоминают практики.

Правда, исследуя формализм нельзя не сказать еще об одной вещи. В 1990-х годах и по сей день в России стала очень престижной профессия юриста-правоведа. Многие молодые люди – как юноши, так и девушки, – захотели стать именно правоведами. Более того, значительная часть педагогов, психологов, физиков, химиков, математиков, военных и даже музыкантов вдруг решила получить второе высшее образование, причем именно юридическое.

Откуда возникла такая любовь к праву? Смеем констатировать, что этой любви не было и нет. Просто правоведение является хорошо оплачиваемой специальностью. И многие люди стали юристами в первую очередь для того, чтобы зарабатывать на праве. Права других лиц, регистрация прав, настоящая или мнимая защита прав выступают источниками доходов юристов. А право в данном случае выступает источником заработка, причем иногда не плохого. О том, что право – это один из способов заработка как-то не принято писать, однако такая грань у права тоже есть. И на право можно смотреть просто как на одну из профессий, сформированную человечеством за время своего существования.

У нас имеется достаточно большой научный и практический юридический опыт. Мы руководили юридическими кафедрами и управлениями, выпускали юридические журналы.

Мы официально и неформально опросили более десяти тысяч человек: студентов, курсантов, аспирантов, профессорско-преподавательский состав

различных юридических вузов, а также сотрудников государственных юридических учреждений, правоохранительных органов и спецслужб. Задавался один и тот же вопрос: зачем вы пошли учиться на юриста, стали работать юристом, связали свою жизнь с правоохранительной системой? Затем проанализировали полученные ответы и поразились. Оказывается абсолютное большинство пошли работать юристами для хорошего заработка, получения престижной (и высокооплачиваемой) работы, обретения влиятельных знакомых. Сотрудников правоохранительных органов волновали также возможность быстрого выхода на пенсию по выслуге лет и льготы. Защищать права физических и юридических лиц, раскрывать преступления, восстанавливать права потерпевших хотели не более 15 процентов опрошенных, в основном – достаточно молодых! Остальные 85 процентов относились к праву и правоохранительной деятельности как к изобретенному человеком виду ремесла и соответственно виду заработка! О праве говорили, что оно представляет собой обыкновенную профессию, такую же как рабочий или служащий, официант или инженер и т.д.

Действительно, в начале XXI века в России работа юриста из-за неплохих заработков стала популярной и престижной. Поэтому вскоре открылось много юридических вузов и факультетов, в них буквально потоком хлынули желающие заработать больше деньги. Ни о каких возвышенных идеях по обеспечению прав людей они не мечтали. При этом достаточно цинично повторяли, что правоотношения за период существования человечества давно выкрестолизировались в модную профессию.

Обратите внимание, что эта профессия находится в перманентном развитии, в том числе развивает сама себя. В результате увеличивается массив нормативно-правовых актов, усложняются законы и практика, что совсем не выгодно обывателям. Однако такие процессы выгодны юристам, поскольку, во-первых, приносят им дополнительный заработок, а во-вторых дают работу молодым специалистам-правоведам. В связи с этим, в

упрощении и разъяснении права во многом не заинтересованы сами юристы, причем в основном с экономической точки зрения. Кроме того, запутанность и противоречивость норм права дает возможность правоведам (судьям, работодателям и их юристам и др.) поливариативность в принятии решений, что опять же может принести выгоду с точки зрения заработка.

Такие же процессы достаточно давно происходят на американском континенте и в ряде европейских стран. Известно, что король Франции Людовик XII часто сравнивал обращение с законами с обработкой кожи для башмаков. «Как башмачники, - говорил он, - слишком толстую или короткую кожу колотят до тех пор молотком или растягивают зубами, пока она не примет надлежащих размеров, так и юристы до тех пор выворачивают, растягивают и мнут законы, пока они не примут желательный для них смысл».¹

Здесь возникает следующий вопрос. Может ли профессия юриста быть популярной при жестко отлаженной правовой системе: где низкий уровень преступности, коррупции почти нет, за правонарушение следует всем очевидное и четко обозначенное наказание (без множества вариантов), применение норм права прозрачно и т.д.? Например, такая система была в СССР в 1970-х годах. Подобная система имеется в современной Финляндии. Ответ очевиден и подтвержден историческим опытом: в четко отлаженной государственной правовой системе профессия юриста особо престижной не является. Она чаще сводится к работе по регистрации прав, нежели их жесткой защите.

Юристы популярны и очень важны в тех странах, где у судьи широкий выбор в принятии решения, а нормативные правовые акты противоречивы, где желательны финансовые возможности или полезные знакомства. Один из крупных зарубежных юристов в неофициальной беседе сказал нам, что, например, в США можно возбудить уголовное дело в отношении любого

¹ Баранов В.М., Шутак И.Д., Гришин С.П. Юридические анекдоты. Херсон, 1993. С. 58.

популярного человека. Однако возбуждать уголовные дела в отношении владельцев базовых американских корпораций и больших деятелей бизнеса, во-первых, не принято, а во-вторых, они жестко прикрыты юристами и законами, которые сами и пролоббировали. Право, увы, во многом зависит от экономики.¹

При этом сама экономика в цивилизованной стране подразумевает правовое регулирование. Здесь хочется отметить А.В. Габова, подготовившего интересную работу о правовом регулировании предпринимательского права в России.²

Возникает другой любопытный вопрос: если право и юриспруденция – это способ заработка, то всегда ли этот способ честен? Ответ, увы, тоже очевиден. На праве и правоприменении исторически всегда зарабатывали как честным, так и не честным путем. Думается, что доказывать эту истину необходимости не имеется. Данный факт еще раз подтверждает справедливость нашей критики ученых, пытавшихся право идеализировать.

Последние наши исследования показали, что под правом многие часто понимают профессию, обычное ремесло и вид заработка.

Солидную философскую работу о финансовом рынке и его правовом регулировании подготовил Г.А. Тосунян.³

Правда, схожие выводы получили и ученые в области медицины. На одной из научных конференций на вопрос о том, что есть медицина и какой она должна быть, один из специалистов сказал: современная медицина – это бизнес и вид работы. Конечно, медицина – не только бизнес и вид заработка врачей, но подходить к ней можно и с такой стороны. И эту сторону медицины нельзя не учитывать. То же самое относится к праву.

¹ Захарцев С.И. Экономика и право: проблемы соотношения // Правовое поле современной экономики. 2012. № 8. С. 49-54.

² Габов А.В. Предпринимательское право: современный взгляд. М., 2019.

³ Тосунян Г.А. Философия финансового рынка. М., 2020; Тосунян Г.А. Генезис и теоретические основы института несостоятельности (банкротства) гражданина в системе российского права. М., 2020.

Таким образом, как мы не раз отмечали, право - многогранно и к нему надо подходить философски, компрехендно. Надо признать, что право и правоприменение можно рассматривать как изобретенный человечеством вид ремесла и вид заработка. А объективно имеющаяся у права такая грань как формализм нередко помогает юристам и их руководителям зарабатывать.

§ 7. Суд присяжных

Вопрос о необходимости или, напротив, ненужности суда присяжных давно вышел за рамки уголовно-процессуального права и стал требовать теоретико-правового и философско-правового осмысления.

Нужен ли суд присяжных вообще и в России в частности мы кратко разберем чуть позже.

А сейчас, размышляя с философско-правовых позиций о праве, отметим его удивительную грань: недоверие к самому себе. Казалось бы, право нацелено на защиту человека от посягательств, в нем должен быть заложен гуманизм и уважение прав человека, предусмотрены процедуры принятия взвешенных решений, во всех странах вроде бы существует строгий отбор в судьи и т.д., и т.п. И под всем этим проводится черта, после чего объявляется: решать виновен или не виновен обвиняемый будут не судьи, а случайно взятые «из толпы» двенадцать обычных людей, не разбирающихся ни в нормах права, ни в оценке доказательств, ни в правовых процедурах – ни в чем правовом. Причем, вдумайтесь, решать они будут не по нормам права, а по справедливости!!!¹

При этом такая процедура является, простите за тавтологию, правовой, четко предусмотренной правовыми нормами. Иначе говоря, судом присяжных право показывает, что стремление права к справедливости, честности, защите человека имеют во многом декларативный характер. Но есть настоящая справедливость, которую и установят представители общества, причем без всякого права. И их решение будет окончательным и получит именно правовой статус. То есть право против самого себя. Удивительное проявление права!

Со стороны это выглядит примерно также как если бы спор между хирургом и терапевтом о необходимости операционного или терапевтического лечения пациента доверить случайно выбранным из толпы

¹ Иначе говоря, право противопоставлено справедливости!

не врачам. Причем обязать врачей выступить перед этой публикой, привести свои сугубо медицинские аргументы и ждать, когда не врачи рассудят их спор исходя из каких-то своих мыслей и чувств.

Право, как видим, такую парадоксальную процедуру предусматривает и, видимо исходя из тысячелетнего опыта, считает ее более справедливой, нежели собственные нормы. А если выразить мысль еще более рельефно, получается, что творцы права (независимо от правовой концепции) убеждены, что право вовсе не защищает человека и не ищет справедливости, и процедуры принятий решений содержат серьезные изъяны, и нормы права не логичны и не последовательны и т.д., и т.п.

Таким образом можно сказать, что право не доверяет собственным нормам и устанавливает процедуру их проверки неправоведами (не юристами). Очень интересная грань права...!!!

Юристы, оценивая суд присяжных, обычно не пишут о парадоксальности права как феномена, а спорят о том, нужен ли такой суд или нет. Поскольку названный вопрос был поставлен, мы должны кратко обозначить по нему нашу позицию.

Как считается, история суда присяжных берет свое начало с Англии. В результате реформ, проведенных Генрихом II Плантагенетом в XII веке, в судах Англии появились присяжные, обязанность которых заключалась в даче под присягой показаний о преступлениях, совершенных в их местности. Т.е, в тот период они еще не были непосредственно судьями, а являлись скорее свидетелями. Непосредственно присяжными заседателями в современном понимании они стали только с конца XIV века. Идея такого суда, как считают многие историки, была связана с необходимостью ограничения в Англии власти Короля.

Всем известно, что взаимоотношения в Англии между королевской властью и парламентом утрясались несколько веков. В течение этого времени суд присяжных развивался и совершенствовался, дойдя в своем движении до наших дней.

С учетом истории создания суда присяжных очевидно, что он был характерен в первую очередь для англо-саксонской системы права.

Для государства с романо-германской системой правосудия введение суда присяжных как правило было связано с социальными потрясениями внутри страны. Например, во Франции суд присяжных был создан в ходе Великой Французской революции. Неудивительно, что правосудие таким судом подчас в прямом смысле осуществлялось «толпой», «улицей», со всеми вытекающими из таких приговоров последствиями. Более того, Франции принадлежит первая в мире попытка создания военного суда присяжных, которые к счастью для жителей этой страны не прижились (приговоры этих судов были крайне субъективны и беспощадны).

В целом можно согласиться с исследователями, что введение суда присяжных в странах Европы в большинстве случаев было явлением конъюнктурным¹. Это подтверждает и то, что в течение XIX - XX вв. во многих европейских странах от суда присяжных фактически отказались. Оставшиеся в странах с романо-германской системой права суды присяжных, как правило, значительно отличаются от аналогичных судов Англии и США и напоминают скорее варианты шеффенского суда.

В России суды присяжных появились в результате предпринятых реформ правосудия, начатых в 1864 году. Длительное время в научной и учебной литературе можно было встретить подававшееся за истину суждение о том, что эти реформы были с одобрением встречены общественностью, в том числе юристами. На самом деле это оказалось совсем не так. Как известно, авторами этих реформ стали специалисты прозападной, а точнее – проанглийской ориентации, коих было вовсе не большинство. Известно высказывание, приписываемое известному русскому юристу XIX века декану юридического факультета Санкт-Петербургского университета Николаю Сергеевскому о том, что в России суд присяжных не является ни плодом

¹ Бастрыкин А.И. Суд присяжных в России: мечты и реальность // Время и право, 2003, № 5 / см.: <http://viperson.ru/wind.php?ID=376852&soch=1>

исторической жизни русского народа, ни результатом борьбы народа с правительством – он есть подражание.

В 1878 году Вера Засулич совершила покушение на жизнь генерал-губернатора Санкт-Петербурга Трепова. Ее вина изначально была полностью доказана, факт покушения она не отрицала, не отрицала мотивы своего поведения. Присяжные удостоверились в том, что покушение совершила именно она и вынесли вердикт – невиновна! Настолько сильна была нелюбовь или даже ненависть к власти вообще и генерал-губернатору в частности. После этого по некоторым категориям дел суд присяжных не допускался вплоть до его отмены.

В советское время судов присяжных не было. Идея повторного введения в России суда присяжных появилась в начале 1990-х годов во время очередных кардинальных социально-экономических преобразований нашей страны. Как и ранее, идея опять же исходила от относительно небольшой группы специалистов.

Так нужен или не нужен праву суд присяжных? В настоящее время между юристами – как процессуалистами, так и теоретиками права – мнения разделились. Как верно заметил А.И. Александров: «Сложно, наверное, найти уголовно-процессуальный институт, который вызвал бы большие споры в кругу ученых и практиков, разделив их на два непримиримых противоборствующих лагеря»¹.

Часть российских процессуалистов оценили возрождение в нашей стране суда присяжных положительно. Например, И.Б. Михайловская отмечает, что обвиняемый в результате названных реформ получил право выбирать, кто будет решать вопрос о его виновности: суд, состоящий из профессиональных судей (судьи), или суд граждан – случайно отобранных представителей

¹ Использованная нами в написании параграфа работа *А.И. Александрова* заслуживает высоких оценок. См.: *Философия зла и философия преступности*. СПб., 2013. С. 501-505.

населения. Фактически, как пишет автор, - обвиняемый выбирает между судом государства и судом общества¹.

Еще дальше пошла И.Л. Марогулова. Она пишет: «Суд присяжных – наиболее справедливый суд, где судьями по существу выступают не юристы-профессионалы, а обыкновенные граждане, незнакомые с премудростями юриспруденции. Они судят по совести, справедливо оценивая те доказательства, которые были добыты правоохранительными органами в процессе расследования дела. Они лишены шаблона, им не свойственен обвинительный уклон, которым часто грешат профессиональные судьи»². И дальше: «И, будь моя воля, я ввела бы норму в Уголовный кодекс Российской Федерации, посредством которой суд был бы вправе освободить от наказания человека, совершившего даже самое тяжкое преступление, например, умышленное убийство, при полном доказывании вины подсудимого. На то он и суд, чтобы наказывать и миловать. Жизнь многообразнее писанных правил и стандартов, разные могут быть обстоятельства, приведшие человека на скамью подсудимых, в том числе и не предусмотренные законом»³.

Известный американский юрист С. Тейман, естественно, поддержал введение в России суда присяжных и высказался так: «Я хочу немного сказать о моей любимой теме – суде присяжных. Вы должны гордиться тем, что приняли этот институт. Важно, что вы не побоялись это сделать, потому что все другие государства, где фашистские и тоталитарные режимы отменялись, они пока боятся вводить этот судебный институт. Я думаю, что только тогда, когда судебные системы несправедливы, юристы должны бояться суда присяжных. ... В Венесуэле был действительно хороший УПК с институтом присяжных, но через два года после введения они отменили этот институт, побоялись того, что не смогут контролировать ситуацию. К

¹ Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 157.

² Марогулова И.Л. Некоторые вопросы судебной реформы / Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства: По материалам научно-практической конференции. Москва, 28 мая 2001 г. М., 2001. С. 53.

³ Там же.

сожалению, в Германии, Италии и Франции, где был суд присяжных до тоталитарных режимов, после войны они так и не ввели этот институт. Это не значит, что их системы несправедливы или недемократичны. Там общество достаточно справедливо и демократично. Одновременно замечу, что суд народных заседателей, как это было у вас, это ложное участие в судопроизводстве. Всегда, во всех странах профессиональный судья контролирует народных заседателей»¹. И далее: «Все юристы Европы боялись суда присяжных, потому что они думали, что тем самым аннулируют закон. Присяжные будут выносить оправдательные приговоры, когда состав преступления очевиден и доказан. Но если внимательнее посмотреть практику вышестоящих судов Италии или Германии, то следует отметить, что эти инстанции также аннулируют законодательство. Очень важно для России, что вышестоящий суд не отменяет приговор суда присяжных... Проблема правосудия – это не суд присяжных. Проблема – это качество судебного исследования и доказательств, а также качество работы правоохранительных органов. Именно там необходимо сосредоточить работу и тогда не будет критики суда присяжных»².

Вместе с тем, значительная часть российских юристов к нововведению отнеслась не позитивно и привела в обоснование своей позиции весьма четкие аргументы. По утверждению А.И. Бастрыкина, к слабым сторонам суда присяжных могут быть отнесены: ориентация присяжных на групповые интересы; чувствительность к риторике сторон и подверженность общественным страстям; правовая безграмотность и как результат – беспомощность в исследовании доказательств при рассмотрении сложных дел, что нередко приводит к судебным ошибкам, особенно когда процесс доказывания осуществляется по косвенным уликам; вытекающая из

¹ *Тейман С.* Правовое сотрудничество российских и американских политиков и юристов: новые возможности и перспективы // Судебная реформа и становление правового государства в Российской Федерации (по материалам международной научно-практической конференции) / Под ред. Комаровского В.С., Мизулина М.Ю. М., 2003. С. 63, 64.

² Там же. С. 64.

перечисленных недостатков необъективность, приводящая к принятию необоснованных вердиктов. Кроме того, как пишет ученый, в зарубежной литературе содержится большое количество примеров судебных ошибок, совершаемых судами присяжных. Из тех же источников следует, что необъективность присяжных заседателей вследствие корыстной и иной личной заинтересованности - дело весьма распространенное¹.

О том же полтора века назад сказал известный итальянский юрист Франческо Каррара: «Умный и опытный защитник может всегда с известной вероятностью предсказать участь подсудимого. Но с присяжными все предсказания безрассудны и обманчивы: они судят на основании чувства. Но есть ли что на свете более капризное и более изменчивое, чем чувство?»²

В.П. Божьев указывает на тенденциозность при оценке деятельности суда присяжных: восторгаясь тем, что такие суды выносят много оправдательных приговоров, некоторые исследователи игнорируют факт отмены около 60% из них Верховным Судом РФ. Кроме того, по свидетельству ученого, нередко звучит радость по поводу вынесения судами присяжных оправдательных приговоров при доказанности вины подсудимого. «Чему тут радоваться? – подчеркивает В.П. Божьев, – Зачем вообще деятельность судов и правоохранительных органов, если оправдание виновного при доказанности вины – верх достижений?»³. Автор напоминает, что ранее негативное отношение к суду присяжных высказывали такие мыслители, как Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский⁴, а в недавнем прошлом с аргументированной критикой этого института выступил А.И. Солженицын,

¹ Бастрыкин А.И. Суд присяжных в России: мечты и реальность...

² Цит. по: Смолькова И.В. Юридические афоризмы. М., 2013. С. 465

³ Божьев В.П. О совершенствовании уголовно-процессуального законодательства // Судебная реформа в России.... Москва, 28 мая 2001 г. / М., 2001. С. 222.

⁴ Суть негативных сторон суда присяжных кратко сформулировал в своем дневнике за 1873 год Ф.М. Достоевский: «сплошь оправдывают», подчеркнув, что оправдывают даже заведомо виновных в тяжких, умышленных преступлениях. Череда оправданий таких преступников вызвала у писателя гражданский гнев и чувство оскорбленного человеческого достоинства, поскольку он различил на физиономиях оправданных «насмешку над судом всей страны». Цит. по Ищенко Е.П. Реформой правит криминал? М., 2013. С. 12

назвавший его «сомнительным благоприобретением, ибо умаляет профессионализм суда»¹.

Вопиющий пример из собственного опыта привела И.И. Ладыженская: оправданный присяжными человек вскоре после вынесения оправдательного приговора совершил еще два убийства. Она вспоминает: «В течение двадцати минут присяжными был вынесен единодушный оправдательный вердикт при очевидных доказательствах вины подсудимого. Имелось и орудие преступления – нож, и даже отпечатки пальцев. И все бы ничего, если бы отпущенный на свободу присяжными человек потом не совершил еще два умышленных убийства. Когда тот оправдательный вердикт был вынесен, я решила, что моя профессиональная жизнь судьи закончена. Потому что при моем участии было вынесено абсолютно неправомерное решение... Присяжные решили, что отпечатки пальцев как и вещественные доказательства подброшены, что подсудимого подставили. Такие случаи происходят от общего недоверия к судебной системе»².

Как известно, практика – критерий истины. Е.П. Ищенко исследовал работу судов присяжных и привел несколько характерных примеров такого «правосудия». Кратко перескажем некоторые из них. Первый: в Старожиловском районе муж жену избил, вывез на берег реки, облил бензином, поджег. Жена сгорела заживо. Главное, как понял муж, разжалобить присяжных. Муж рассказал, как ему с женой плохо жилось, как часто она гуляла и дебоширила, как в сердцах он побил ее, а потом вывез к речке охладиться. Но впопыхах перепутал воду и бензин и облил ее бензином. Потом от нервов закурил, бросил окуроч, в результате жена загорелась и погибла. Вердикт присяжных, состоявших в основном из мужчин, – невиновен.

Другой пример. В Рязанской области у деда украли поросенка. Дед решил, что вор один из односельчан и от злости решил его убить. Ночью

¹ Божьев В.П. Там же.

² Цит. по: Горикова О. Справедливость сильнее закона // Ваш тайный советник. № 23 (301) от 23 июня 2008. С. 10.

пробрался в дом к односельчанину, услышал в комнате храп, ворвался в комнату и впотьмах зарубил двух храпевших мужчин (второго – чтобы не было очевидцев). Как выяснилось, подозреваемого им односельчанина дома не было, а дед зарубил двух его гостей. В отличие от предыдущего примера, дед оказался правдивым человеком, поостыв сам все рассказал на следствии и суде. Присяжным был поставлен вопрос: хотел ли дед убивать потерпевших и виноват ли он в произошедшем? Присяжные ответили так: в произошедшем дед не виноват, поскольку убивать потерпевших фактически не собирался. При таком вердикте мститель с оправдательным приговором был отпущен на свободу.

Третий характерный пример. Сразу после совершения заказного убийства машина с киллерами была случайно задержана для проверки документов обычным нарядом ГАИ. Киллеры занервничали, попытались скрыться, чем себя выдали и были задержаны. Милиции повезло. В автомашине, на которой передвигались киллеры, обнаружили оружие, боеприпасы, глушители, на которых были отпечатки пальцев убийц. В дальнейшем были собраны и иные доказательства. Обвиняемые – члены известной в то время «айрапетовской» преступной группировки – наняли лучших и наиболее квалифицированных адвокатов. По их версии, патрульные милиционеры подложили в автомашину пистолеты и глушители, следователи подтасовали протоколы с признаниями, угрозыск состряпал оперативные материалы, дело сфабриковано и т.д. Вердикт – невиновны.

Наконец, в Республике Дагестан присяжные оправдали лицо, привлекавшегося к уголовной ответственности за участие в террористическом акте. Затем этот оправданный террорист участвовал в нападении бандитов на школу Беслана, где и был убит при штурме¹.

Последний пример вскрывает еще одну важную проблему судов присяжных для многонациональной России. В небольших городах все друг другу знакомые, соседи либо родственники. На Севере и на Кавказе

¹ Ищенко Е.П. Реформой правит криминал? С. 6-10, 14.

родственные отношения очень сильны и развиты. При таких условиях суд присяжных бесполезен. Например, практика показала, что в Ингушетии присяжные никогда не будут выносить вердикт «виновен» в отношении ингушей (помимо родственных отношений, в Ингушетии не менее важную роль играют национальный вопрос и кровная месть).

Наконец, есть пример, схожий с делом В. Засулич. В 2008 г. суд присяжных вынес вердикт «невиновен» в отношении В. Квачкова, который, по версии следствия, организовал покушение на политического деятеля А. Чубайса. После вынесения оправдательного приговора и его последующей отмены, суд присяжных в 2010 г. вновь вынес в отношении Квачкова вердикт «невиновен».

Здесь опять же вспомнилась дореволюционная практика России XIX века. Рассеянный решением председатель суда говорит подсудимому: «Присяжные признали, что подсудимый в краже невиновен и, следовательно, не подлежит наказанию и уплате судебных издержек. Обвиняемый, Вы свободны, идите домой и не делайте так больше».¹

Очевидно, что аргументы противников суда присяжных значительно весомее, чем сторонников. Не занимая излишне много страниц полемикой о суде присяжных, хотелось бы бросить короткую реплику в отношении цитаты И.Л. Марогуловой. Столь легко рассуждать об освобождении убийцы может лишь человек, который никогда непосредственно с этим чудовищным преступлением не сталкивался. Жизненный опыт и здравый смысл показывают, что как только убийство непосредственно касается близких, разговор о судьбе убийц ведется по-другому. И вдвойне тяжело, когда оправданный убийца убивает вновь, а правоохранительная система, судья это убийство из-за решения присяжных не смогли предотвратить.

Кроме того, противопоставления закона и справедливости быть не должно. Законы вообще-то должны быть справедливыми. «Dura lex, sed

¹ Баранов В.М., Шутак И.Д., Гришин С.П. Юридические анекдоты. Херсон, 1993. С. 19.

lex»¹, - говорили древние мыслители. При этом если закон не справедлив, то его надо изменить или отменить. Это же касается и самих судов присяжных. Часть российских специалистов объективно критикуют такие суды именно за несправедливые решения, однако говорят, что отменить присяжных нельзя – они же предусмотрены Конституцией Российской Федерации. И видимо исходя из этого от специалистов возникают предложения о том, что, скажем виновность должен устанавливать профессиональный судья, а назначать виновному наказание уже должны присяжные.

Такой подход не верен. Если нормы права содержат изъяны, их надо исправлять. В средние века, например, казалось, что обойтись без пытки при дознании невозможно, однако жизнь объективно установила обратное. Если бытие свидетельствует, что нормы Конституции требуют изменений, их надо менять. С тем, что определять меру наказания будет суд присяжных, мы тоже не согласны. В этом случае, поскольку суд присяжных не будет ограничен в смягчении наказания, убийцы вполне вероятно будут приговариваться к условным наказаниям. Т.е. фактически это предполагает отпускать на свободу тех, к кому следовало применить смертную казнь или при ее отмене пожизненное или длительное заключение. Конечно, можно возразить, что у убийц даже при условном наказании формально будет судимость, однако наш личный опыт общения с этой категорией лиц говорит, что такая запись в биографии их отнюдь не пугает. Опять же: при совершении аналогичного преступления другой суд присяжных может вновь назначить условное наказание и так до без конца?

Надо сказать, что в XIX веке и сейчас отдельные российские ученые, пытаясь как-то оправдать нелепость вынесенных судом присяжных вердиктов, говорят о том, что российское общество настолько не цивилизовано, что до судов присяжных просто не готово. Таким специалистам хорошо возразил Е.П. Ищенко: «...доморощенные умники

¹ Закон суров, но он закон (лат.). Каким бы ни был суровым закон, его следует соблюдать.

рассуждают об отсутствии у наших граждан правовой культуры, что мы-де “не доросли” до суда присяжных. Это категорически не верно. Мы, россияне, являемся носителями другого типа правовой культуры, сформировавшейся в лоне континентального права. И не только мы – большая часть Европы имеет схожие принципы отправления правосудия. Однако ни немцы, ни австрийцы, ни итальянцы бескультурными себя не считают, а суд присяжных вводить не собираются. Действующая же во Франции модель такого суда имеет мало общего с англо-американской, очень активно насаждаемой у нас, в России»¹.

Здесь интересно обратиться к опыту Англии и США: какое отношение к суду присяжных в этих странах? По подсчетам исследователей процент дел, реально рассматриваемых в этих странах жюри присяжных, совершенно ничтожен. Большинство уголовных дел заканчиваются сделкой между защитой и обвинением. Поэтому можно утверждать, что там суд присяжных скорее исключение, чем правило, скорее декорация, нежели действующий правовой механизм. Поэтому ее называют привычной, но отмирающей формой².

И такому выводу есть немало подтверждений со стороны зарубежных специалистов. Так, известный английский юрист Р. Уолкер пишет: «До нынешнего столетия институт присяжных считался главной гарантией защиты личности от произвола королевской или судебной власти... К середине девятнадцатого столетия этот взгляд на роль присяжных как на нечто священное и незыблемое стал постепенно ослабевать... основными причинами этого явления были ослабление прерогативных полномочий королевской власти в отпращивании правосудия, быстрое увеличение объема гражданских тяжб и еще более быстрый рост суммарной юрисдикции по уголовным делам, а также общее убеждение, что решения присяжных иногда бывают случайными и ошибочными»³.

¹ Ищенко Е.П. С. 146-147.

² Там же. С. 145.

³ Уолкер Р. Английская судебная система. М., 1980. С. 274.

Другой уже американский известный ученый Г. Берман тоже не раз критиковал суд присяжных и сомневался в его предназначении. В частности, он писал: «Решающим доводом в пользу суда присяжных было бы, однако, четкое доказательство того, что он приводит к лучшим, т.е. более справедливым решениям, чем другие формы суда. Но опытные и знающие люди, годами объективно наблюдающие и изучающие работу судебных учреждений, не могут, к сожалению, прийти к соглашению. По этому вопросу проведено много всесторонних исследований, горы бумаги истрачены на статистические подсчеты, но ясных и непреложных выводов не получено. Никому не удалось доказать, что суд присяжных выносит более правильное решение»¹.

Там же, - в США, - суд присяжных неоднократно высмеивался в научной литературе. Например, известные профессора философии Гарвардского университета Т. Каткерт и Д. Клейн, размышляя о философии права и оценивая суд присяжных, привели такой пример. Они пишут, что идея «закона добродетели», возникшая из Аристотелевой этики, гласит, что цель законов – способствовать развитию добродетелей личности. Поборники «закона добродетели» утверждают, что цель закона о поведении в общественных местах, который запрещает мочиться на публике, - привить высокие моральные стандарты всем слоям населения, особенно тем, кто любит отлить на улице. Правда, если суд присяжных будет состоять из таких же любителей, он может не согласиться с подобной постановкой вопроса.² О том же сказал Н. Кросби: в суде присяжных вашу судьбу решают двенадцать человек, которым ума не хватило даже на то, чтобы отвертеться от этой обязанности³.

Показателен и другой зарубежный пример, высмеянный судебной практикой и обществом.

¹ Цит. по: *Бастрыкин А.И.* Суд присяжных в России: мечты и реальность...

² *Каткерт Т., Клейн Д.* Как-то раз Платон зашел в бар... Понимание философии через шутки. М, 2012. С. 193.

³ Цит. по: *Смолькова И.В.* Юридические афоризмы. С. 466.

Подсудимый обвиняется в смерти своей жены.

- Господа присяжные, - выступает защитник, - мой подзащитный полил салат синильной кислотой. Но сделал он это по ошибке, вы же сами знаете, что можно ждать от мужчины, когда его заставляют заниматься кухней...

Подсудимого оправдали.¹

Таким образом, в развитых зарубежных государствах идет постепенный отказ от суда присяжных. В Италии, Германии, Китае его вообще нет. Во Франции, как уже отмечалось, присяжные работают вместе с профессиональным судьей. В США суд присяжных остался, однако в нем рассматриваются около 3 процентов всех уголовных дел.

Но если в историческом процессе развитых зарубежных стран все, тем не менее, достаточно логично, то в России как всегда все движется по спирали (или по кругу). В 1864 году суд присяжных ввели, далее пошли необъективные и необъяснимые приговоры, апофеозом стало оправдание за покушение на высшего государственного чиновника Веры Засулич, затем последовал запрет на рассмотрение судами присяжных дел о терроризме и закончилось все отменой этих судов как таковых. Что происходит в современной истории? То же самое. В виде эксперимента в 1990-х г. суд присяжных введен, далее пошли не поддающиеся логике и юридическому анализу приговоры, пошли резонансные оправдания и запрет на рассмотрение судами присяжных дел о терроризме. Чем закончится все это объяснять не надо.

Возникают другие вопросы. Например, кто и зачем опять втянул российское правосудие в этот эксперимент? Насколько дорого обошелся и еще обойдется суд присяжных государственной казне и людям?

Мы не сомневаемся в том, что суды присяжных играют отрицательную роль для правосудия и от них следует отказаться.

¹ Баранов В.М., Шутак И.Д., Гришин С.П. Юридические анекдоты. Херсон, 1993. С. 62.

Однако готово ли право полностью от него отказаться. Мы думаем, что в обозримом будущем в США и Англии этого тем не менее не произойдет. Причина очень проста: названные страны очень консервативны в системе правосудия и менять ее не будут. Скорее всего, там произойдет эволюционная отмена названных судов: к их рассмотрению будут прибегать все реже и реже (что мы сейчас и наблюдаем), до постепенного прекращения их существования.

Есть еще одна причина, по которой суды присяжных столь медленно «уходят на нет». В Англии и США принято устанавливать не объективную, а договорную, условную истину. Т.е., и обвинители, и судьи, и защита, да и все участники процесса хорошо отдают себе отчет в том, что договорная истина это вовсе не истина. Поэтому и возникает необходимость (иногда действительно для поиска справедливости, а иногда и нет) обратиться к суду народа, коим является суд присяжных.

Таким образом, возвращаясь к философии права, надо подтвердить, что в праве такая черта (грань) как *недоверие к самому себе присутствует*. Ярким примером, подтверждающим этот вывод, является суд присяжных.

Однако это еще не все. Давайте рассмотрим этот вывод с другой стороны. Право изучает юридическая наука. На основе научных рекомендаций и заключений формулируются правовые нормы, законы, формируется правоохранительная система, осуществляется судопроизводство. Получается, что юридическая наука, выработавшая за столетия подходы к составу преступления, доказательствам, требования к следствию, суду и т.д. считает, что все ее разработки профессиональным судьям (юристам) доверять не надо, а надо доверять случайным людям? Тогда выходит парадоксальный вывод, что наша правовая наука на самом деле ничего не изобрела, если случайно отобранные и юридически неподготовленные люди вершат правосудие лучше чем судьи? Ведь вердикт присяжных для суда обязателен. То есть, подразумевается, что присяжные понимают ситуацию по делу лучше, точнее.

Добавлено примечание ([RbD1]):

Добавлено примечание ([RbD2R1]):

Или есть другой, более точный вывод, что сам подход к судам присяжных не вполне научен и связан не с логикой и разумом, а с традициями, появившимися в целях безопасности от королевской власти и давшими глубокие корни.

Представительно народа в судопроизводстве, конечно, должно быть. И это давно научно обосновано. Но вот четко обосновать, почему двенадцать случайно отобранных человек судят лучше, чем хорошо подготовленные опытные юристы, почему главное слово в судебном решении именно за этими двенадцатью, не смог никто. Обосновать сей факт, наверное, и не возможно. Вместе с тем, обозначим для себя и такую грань права, как *допущение ненаучности в своей системе*. Кроме того, напомним и грань: *недоверие права к самому себе*.

§ 8. О праве по Льву Толстому

В рамках компрекендной теории надо рассмотреть еще одну грань права, рожденную благодаря творчеству Л.Н. Толстого. Речь идет о рассуждениях писателя о праве.

Вначале хотим привести выдержки из сочинения Л.Н.Толстого под названием «Письмо студенту о “праве”».¹ «Если... по общему всем людям здравому смыслу определять то, что в действительности подразумевается под словом “право”, то ответ на вопрос о том, что такое право, будет очень простой и ясный: правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им – властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено. Право государственное есть право отбирать у людей произведения их труда, послать их на убийства, называемые войнами, а для тех, у кого отбирают произведения их труда и которых посылают на войны, право пользоваться теми произведениями своего труда, которые еще не отобраны от них, и не идти (написание Л.Н. Толстого) на войны до тех пор, пока их не посылают. Право гражданское есть право одних людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владение орудиями труда, и право тех, у кого нет земли и нет орудий труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды и голода, тем, которые владеют землею и капиталами. Уголовное право есть право одних людей ссылать, заточать, вешать всех тех людей, которых они считают нужным ссылать, заточать, вешать; для людей же ссылаемых, заточаемых и вешаемых есть право не быть изгнанными, заключенными, повешенными до тех пор, пока это тем, кто имеет возможность это делать, не покажется нужным. То же самое и по международному праву: это право Польши, Индии, Боснии и

¹ Толстой Л.Н. Письмо студенту о «праве» / Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Серия первая. – Произведения 1909-1910 гг. М., 1936.

Герцеговины жить независимо от чужих властей, но только до тех пор, пока люди, распоряжающиеся большими количествами войска, не решат иначе. Так это ясно для всякого человека, думающего... по общему всем людям здравому смыслу. Для такого человека ясно, что то, что скрывается под словом “право”, есть не что иное, как только самое грубое оправдание тех насилий, которые совершаются одними людьми над другими.

Но права эти определяются законами, говорят на это “ученые”. Законами? Да, но законы-то эти придумываются теми самими людьми, будь они императоры, короли, советники императоров и королей, или члены парламентов, которые живут насилиями и потому ограждают эти насилия устанавливаемыми ими законами. Они же, те же люди и приводят эти законы в исполнение, приводят же их в исполнение до тех пор, пока законы эти для них выгодны, когда же законы эти становятся невыгодны им, они придумывают новые, такие, какие им нужно.

Ведь все дело очень просто: есть насилующие и насилуемые, и насилующим хочется оправдать свое насилие. И вот свои распоряжения о том, как они в данном случае и в данное время намерены насиловать людей, они называют законами, разрешение же, которое они сами себе дают совершать свои насилия, и предписания насилуемым делать только то, что не запрещается им, называют правом».¹

Л.Н. Толстой, конечно, и не прав и прав. Он, разумеется, понимал, что без права невозможно нормальное человеческое существование. Во всяком случае, об этом он слушал лекции профессоров-юристов. Как известно, в 1884 г. Он поступал в Казанский университет на отделение арабско-турецкой словесности и вскоре перевелся на юридический факультет, где обучался включительно до 1887 года. Как бывший военный служащий, он хорошо знал необходимость уставов в войсках, а как гражданский философ и писатель – отлично понимал необходимость нормального урегулирования

¹ Толстой Л.Н. Письмо студенту о «праве» / Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Серия первая. Произведения 1909-1910 гг. М., 1936. С. 55-56.

правоотношений. В том, что он искусственно обострял проблему – в этом сомнений нет. Однако его рассуждения одновременно и верны, поскольку право в ряде случаев действительно является формой обслуживания сильных мира сего, а иногда выступает ширмой для прикрытия их нечестных, аморальных и даже преступных дел.

Интересно по поводу приведенных рассуждений Л.Н. Толстого сказал А.Д. Керимов. Надо четко осознавать: Л.Н. Толстой, конечно, отдавал себе отчет в том, что существуют справедливые, покоящиеся на высшем нравственном законе правовые нормы. Он прекрасно, и уж точно не хуже других, понимал, что государством формулируются, принимаются и обеспечиваются его принудительной силой немало разумных и необходимых для лучшего жизнеустройства общеобязательных установлений. Его задача, однако, состояла не в том, чтобы шокировать, смутить или впечатлить читателя (такого рода затеи в принципе не интересовали этого мудрого человека, тем более в том преклонном возрасте, в каком он писал приводимый ответ студенту), а в том, чтобы безбоязненно оголить проблему, сорвать с нее таинственные и ненужные покровы и проникнуть, таким образом, в самую суть. И ему это, как и классикам марксизма, несомненно удалось¹.

Обратим, однако, внимание и на следующее. Приведенную статью Л.Н. Толстого, несомненно, читали все современные теоретики права: разработчики и продолжатели различных естественных, либертарных, психологических и прочих правовых концепций. **Читали, но не учитывали в своих концепциях.** А ведь без приведенной Л.Н. Толстым грани права, понимание этого явления явно не полное. Обязательно надо признавать, что право это в том числе и насилие власть имущих над безвластными, а также оправдание такого насилия. Насилие циничное, жестокое, иногда совершенно не оправданное даже с точки зрения здравого смысла. И таких примеров много до сих пор, в том числе в развитых странах.

¹ Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа. М., 2019. С. 177-178.

Подобное насилие встречается и на международном уровне. Достаточно, например, посмотреть на откровенно агрессивную политику современных США в отношении слабых государств, пытавшихся быть независимыми и официально не признававшими гегемонию американцев. Так, собственно, вели и ведут себя многие сильные государства по отношению к слабым. Это позволило ученым сделать обоснованный вывод о глобальных проблемах современной цивилизации и кризисе.¹

Не учет или недостаточное внимание к описанной Л.Н. Толстым грани дает усеченное, неполное понимание права.

Увы, многие теоретики права отказываются рассматривать право с философской точки зрения и всеохватывающе, а пытаются изучать односторонне, как правило, в пределах какой-то одной понравившейся им концепции. В этом беда правовых концепций: как старых, так и относительно современных.

Мы же не раз отмечали, что право многогранно и к нему надо подходить философски, компрехендно. Надо признать, что право – это в том числе и насилие власть имущих над безвластными, а также оправдание такого насилия.

С проявлением этой грани мы недавно столкнулись при следующих обстоятельствах. Буквально в 2019 году присутствовали на защите магистерских диссертаций студентов. Одна из диссертаций была посвящена правовому положению социально-незащищенных граждан, а именно пенсионеров и инвалидов. Мы задали диссертанту справедливый вопрос:

¹ *Кокошин А.А.* Вопросы прикладной теории войны. 2-е изд. М., 2019; *Кокошин А.А.* Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2006; *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизованном развитии человечества: Доклады членов РАН / Под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019; *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5-19; *Хабриева Т.Я.* Проекция развития конвергентных технологий в праве // Трансформация парадигмы права в цивилизованном развитии человечества: Доклады членов РАН / Под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019; *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М., 2018.

«Почему вы относите пенсионеров к социально незащищенным слоям?» А когда он весьма убедительно ответил на наш вопрос, прозвучала другая реплика: «Почему пенсионеры в современной России являются социально незащищенными?!» И действительно: почему?! К пенсионерам сейчас относится послевоенное поколение, честно работавшее на благо нашей России. Почему они за свой честный труд стали никому не нужны? Неужели у столь богатого государства, каким является Россия, не находится средств на их достойное денежное и медицинское обеспечение? Или власть имущие принимают такие нормы права, которые обеспечивают сверхприбыль одних и полунищенское положение других? Здесь сразу вспомнилось, что в СССР пенсионеры были хорошо защищенной прослойкой общества и со своих пенсий нередко финансово помогали своим детям и внукам! О том, что пенсия могла быть на уровне прожиточного минимума, да еще плохо сосчитанного минимума, да еще выплачиваться с задержками – такого быть не могло!

Сейчас, увы, в нашем обществе поменялась правящая прослойка, а соответственно поменялись и ориентиры в праве. Во-первых, был увеличен пенсионный возраст. Во-вторых, уровень пенсий не позволяет жить на них также хорошо, как в СССР. Причем, будем объективны, действия по повышению пенсионного возраста и одновременному понижению размера пенсий правящий класс провел **в строгом соответствии с правовыми нормами.**

Интересно, что и Л.Н. Толстой, и марксисты, право и закон разделяли. Для Л.Н. Толстого право это было разрешение на действия, оформленное законами. Марксисты под правом понимали волю, опять же возведенную в закон. То есть, закон для них – просто оформление разрешения или воли господствующего класса. Любопытно и то, что **по утверждению Л.Н. Толстого во время его жизни были ученые-юристы, пытавшиеся игнорировать исследуемую грань права, говорившие, что право определяется законами, но не писавшие, кто за принятием этих законов**

стоит. Показательно также, что Л.Н. Толстой демонстративно уничижительно отнесся к этим специалистам, указав их как “ученые”, **взяв это слово в кавычки**. При этом не ясно, писатель тем самым насмехается над их научной специализацией или над тем, что эти юристы упорно не хотят замечать очевидных вещей, оправдывая правящий класс. А может быть на мысль Л.Н. Толстого надо посмотреть еще глубже и обратить внимание на то, что при всех правителях всех стран всегда находятся отдельные, как корректно выразился классик, “ученые”, которые занимаются оправдыванием действий властей. Увы, этот факт тоже пытаются не замечать даже сейчас.

Однако вернемся к творчеству Л.Н. Толстого. У великого писателя есть еще одна известная цитата о праве. Приведем ее дословно. Л.Н. Толстой пишет: «Говорить о воспитательном значении “права” нельзя уже потому, что решения “права” приводятся в исполнение насилиями, ссылками, тюрьмами, казнями, то есть поступками самыми безнравственными. Говорить теперь об этическом, воспитательном значении “права” все равно что говорить (да и говорили это) об этическом, воспитательном значении для рабов власти рабовладельцев».¹

Приведенная цитата разошлась по различным словарям и сборникам. Но что интересно. Хотя произведения Л.Н. Толстого включены в программу средней школы, а авторитет почитается и признается, в учебниках по истории и теории государства и права взгляд писателя на право обычно не отражается. Хотя при искренней любви к этому действительно выдающемуся писателю и человеку на его мысли о праве можно хотя бы обращать внимание. Возможно, этого не следует делать в школе, так как у школьников в силу возраста может ошибочно сформироваться выраженное негативное правосознание. Но студенты-то юридических и философских вузов цитаты Л.Н. Толстого о праве, во-первых, обязательно должны проходить, а, во-

¹ Толстой Л.Н. Письмо студенту о «праве» / Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Серия первая. Произведения 1909-1910 гг. М., 1936. С. 38.

вторых, знать, почему он так написал. **Это еще одно свидетельство того, что право обычно преподается не всеохватывающе, а односторонне, в силу симпатий конкретных преподавателей к конкретным правовым теориям. И почему-то преподается только в светлом виде.**

Мы взялись ознакомить широкую юридическую общественность с мыслями Л.Н. Толстого о праве, напомнить о такой грани права как воли правящего класса и о необходимости комплексного подхода к изучению права.

Л.Н. Толстого уже при жизни считали «главой русской литературы» и значимым авторитетом в сфере, в том числе, и морально-этических проблем. В каждом своем произведении он искал нравственный идеал, в чем был неумен, как и в реальной жизни. «Чтобы жить честно, – писал он, – надо рваться, путаться, ошибаться, начинать и бросать... и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость».

Вся жизнь писателя, публициста, просветителя, педагога и философа Л.Н. Толстого была созвучна приведенному положению. Наиболее концентрированно свою философскую позицию в этом плане мыслитель выразил в 1888 г. в своем произведении «О жизни». Как указано в предисловии к одному из изданий, он «пишет о жизни истинной, которая начинается только с проявления разумного сознания, о жизни счастливой, возможной только благодаря неустанной работе над собой, о жизни вечной, когда человек существует не только сам по себе – но еще в душе окружающих и в памяти поколений... Сам же Толстой считал “О жизни” одним из главнейших своих сочинений: в нем сконцентрировались все те его взгляды и убеждения, путь к которым был столь мучителен и долог. Его душевные метания сменились уверенностью в правильности выбора».¹

Власть имущих, создавших писаное право, напугала книга Л.Н. Толстого. В ней он обосновывал вывод о том, что законы совести и разума должны заменить все остальные правила. «Жить для каждого человека, – в

¹ Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 8.

трактовке Л.Н. Толстого, – все равно, что желать и достигать блага; желать и достигать блага – все равно, что жить».¹ Если же воля правящего класса, возведенная в закон, является благом только лишь для этого класса, а не для всех людей, живущих под этим законом, возникают вопросы: является ли этот закон справедливым? Направлен ли он на обеспечение блага всех? Является ли жизнь под таким законом благом? Достойны ли существования такой закон, да и власть, его создавшая?

Писатель считал: «Разумный человек не может не видеть, что если допустить мысленно возможность замены стремления к своему благу стремлением к благу других существ, то жизнь его, вместо прежнего неразумия ее и бедственности, становится разумною и благою».²

Начинаешь думать: разумные ли люди приняли тот закон, который не отвечает требованиям блага живущих в государстве людей. А может быть, эти люди благо понимают по-своему, тогда имеют ли они право от имени всех граждан принимать законы? Обеспечивают ли они истинную жизнь людям? В толстовской интерпретации «жизнь человека истинная – та, из которой он составляет себе понятие о всякой другой жизни, – есть стремление к благу, достигаемому подчинением своей личности закону разума».³

Истинная жизнь человека предполагает стремление к благу, но достаточно ли стремиться только лишь к личному благу? И как оценивать отречение от личного блага? Л.Н. Толстой отвечает на этот вопрос однозначно: «Отречение от блага личности – не достоинство, не подвиг, а неизбежное условие жизни человека».⁴ Более того: «Деятельность человека, направленная на достижение только блага личности, есть полное отрицание жизни человеческой».⁵ Мы видим ситуацию, когда писатель на передний план выдвигает не благо личности, права и свободы человека, а благо всех,

¹ Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 35.

² Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 40.

³ Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 99.

⁴ Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 107.

⁵ Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 110.

т.е. общественное благо. А как же естественные права человека, отрицаются ли они философом? Нет, конечно, но они связываются с человеческим разумом. Благо для человека достигается через подчинение разуму, разум – это сила, поднимающая человека до уровня общественного блага. Руководствуясь разумом, человек начинает жить, ориентируясь не на личное благо, индивидуальные естественные права, а на благо и права всего общества.

В то же время: «Человек развитой, изнеженный, праздный всегда будет доказывать, что личность имеет свои неотъемлемые права».¹ Не с этим ли мы сталкиваемся сегодня, оценивая навязываемые нам чуждые западные ценности?²

Другим словами, права неотъемлемые – это хорошо, но они не должны противоречить правам общественным и правам других людей, и лучше, если будут приносить благо не одной личности или незначительному количеству людей, а всему человечеству или хотя бы своему государству.

Вообще писатель очень резко формулирует значимость блага общества и никчемность только лишь личного блага.

Писатель целенаправленно обосновывал мысль о том, что жизнь есть стремление к благу, а стремление к благу есть жизнь. Так, по его мнению, понимали, понимают и всегда будут понимать жизнь большинство людей. Следовательно, жизнь человека есть стремление к человеческому благу, а стремление к человеческому благу и есть жизнь человека. И жизнь, и благо человека связываются с его разумом. Человек не должен свою жизнь и благо связывать лишь со своей индивидуальной потребностью, он постоянно должен помнить об общественном благе и стремиться к нему. Философ

¹ Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 126.

² Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 86-91; Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. 2015. № 11. С. 90-98; Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. 2015. № 8. С. 11-22 и др.

считал: «Бедственность существования человека происходит не от того, что он – личность, а от того, что он признает существование своей личности – жизнью и благом».¹

Жизнью и благом необходимо считать неиндивидуальные интересы, а общественные. «Жизнь личная бедственна и не имеет никакого смысла», считает философ.² Это не значит, что он требует отречения от личности и ее интересов, а предлагает ей подчиняться разумному сознанию. Человек должен чувствовать требования своего разумного сознания. Он не может ограничиваться лишь индивидуальными потребностями личности. Последнее «есть нечто иное, как утверждение того, что наши животные помыслы, на усиление которых мы употребили весь наш разум, владеют нами и скрыли от нас нашу истинную человеческую жизнь. Сорная трава разросшихся пороков задавила ростки истинной жизни».³

Разве не такую ситуацию мы сейчас наблюдаем в нашем обществе? Общество потребления все активнее наступает на человеческую жизнь. Гипертрофированные индивидуальные права и свободы отдельных меньшинств поработщают интересы большинства. Неконтролируемый ложно понимаемый либерализм навязывает большинству россиян чуждые им западные ценности, ведущие к утрате не только истинной человеческой жизни, но и собственной государственности и ее суверенитета? Пора работать над суверенной правовой идеологией, суверенным правом, суверенной российской философией права, национальной безопасностью.⁴

¹ Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 131

² Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 134.

³ Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 167.

⁴ Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 183-194; Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149-162; Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 12. С. 185-193; Шульц В.Л., Цыганов В.В. Модернизация системы национальной безопасности: модели и механизмы федеральной, региональной, муниципальной и корпоративной безопасности.

Нельзя, как настаивают наши западные партнеры, человеку употреблять силу своего разума на обеспечение, постоянное увеличение и усиление до бесконечности, игнорируя всякие разумные пределы, разрастающиеся индивидуальные потребности личности. Именно на такие субъективные права и свободы ориентируется общество потребления.

В нем индивидуальные права и свободы абсолютизируются, они гипертрофируются до таких пределов, когда не только игнорируются общественные права и писанные законы, но и возбуждается ориентация масс не только на их несоблюдение, но и уничтожение, на слом всей государственной бюрократии и государственной машины. Л.Н. Толстой не призывает к отречению личности от ее прав. Он считает, что от личности не нужно отречься, и нельзя, как и от тех условий, в которых существует человек. В то же время, по его мнению, нельзя и признавать эти условия самой жизнью. Существующими условиями жизни необходимо пользоваться, в то же время нельзя их считать целью в жизни.¹

Цель жизни великий писатель связывал с общественным благом. Толстой писал: «Жизнь, как личное существование отжита человечеством, и вернуться к ней нельзя, и забыть то, что личное существование человека не имеет смысла, невозможно. Чтобы мы ни писали, ни говорили, ни открывали, как бы ни усовершенствовали нашу личную жизнь, отрицание возможности блага личности остается непоколебимой истиной для всякого разумного человека нашего времени».²

Человек, если это истинная личность, должен видеть и понимать свои заблуждения и делать все, чтобы уменьшить их отрицательную роль. В этом мыслитель видел значимость человеческой жизни. Он считал: «Понимание

М., 2017; Шульц В.Л., Кульба В.В., Шелков А.Б., Чернов И.В. Информационное управление в условиях глобализации. М., 2017 и др.

¹ Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 170.

² Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 174.

страданий личностей и причин заблуждений людских, и деятельность для уменьшения их ведь есть все дело жизни человеческой».¹

Именно в этом и проявляется общественное благо, а «значение жизни (по толстовскому пониманию – Авт.) открыто в сознании человека как стремление к благу».²

Писатель очень серьезно относился к пониманию общественного блага и ратовал за истинные знания, а истинные знания требуют не только теоретических раздумий, но и изучения реальной практики. «Определять законы мира из одних выводов разума без опыта и наблюдения есть путь ложный и ненаучный, – полагал он, – т.е. не могущий дать истинного знания».³ Отсюда и его отношение к науке: «Не то, что назовем наукой, определит жизнь, а наше понятие о жизни определит то, что следует признать наукой».⁴

Л.Н. Толстой ориентирует нас на понимание права, исходя не из предлагаемых учеными теоретических конструкций, точнее, не только из того, что обосновывается исследователями, а заставляет учитывать при этом реальную правовую жизнь. А она очень неоднозначна и неоднородна, порой существенно противоречива, - как и само право. В этом и проявляется его комплексный характер. Приведенные здесь произведения Л.Н. Толстого еще раз демонстрируют обоснованность комплексной теории познания права.

¹ Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 196

² Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 201

³ Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 213.

⁴ Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017. С. 216.

§ 9. О философии права Ф.М. Достоевского

Изучив Льва Толстого нельзя не рассмотреть отношение к праву его современника – тоже выдающегося русского писателя и мыслителя Ф.М. Достоевского. Философия и философия права Ф.М. Достоевского давно находятся в сфере наших научных интересов.¹ В данной книге мы сжато повторим основные позиции и покажем его взгляд на право.

Ф.М. Достоевский смотрел на право по особенному и совсем по иному чем Лев Толстой. Влияние Ф.М. Достоевского на формирование русской философии права, без сомнения, было большим. В подтверждение этого приведем фрагмент статьи одного из наиболее влиятельных в начале XX столетия юристов России П.И. Новгородцева. «В произведениях Ф.М. Достоевского мы находим отчетливейшее выражение русского мировоззрения, у него мы находим и глубочайшие основы русской философии права. Если попытаться высказать в немногих словах эти основы, то их, по моему, можно сформулировать следующим образом:

1. Высший идеал общественных отношений есть внутреннее свободное единство всех людей, единство, достигаемое не принуждением и внешним авторитетом, а только Законом Христовым, когда он станет внутренней природой человека.

2. Единственный, подлинный и совершенный путь к идеалу - свободное внутреннее обновление людей и внутреннее осознание их общей друг за друга ответственности и их всепронизывающей солидарности. Поскольку это

¹ Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019; Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) / Под ред. С.И. Захарцева. М., 2020; Сальников В.П., Исмаилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Ф.М. Достоевского как объект интерпретирующей реконструкции // Мир политики и социологии. 2018. № 9-10. С. 171-183; Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 157-171; Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Свобода как конкретность абсолютного добра в философии права Ф.М. Достоевского // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). С. 4-7 и др.

обновление может быть достигнуто лишь милостью Божией как следствие веры и любви, возникающих в человеке Божией благодатью, - осуществление общественного идеала без Бога невозможно. Обустройство без Бога, без Христа - это попытка, обреченная на слабость и бесплодность. Всюду и всегда, где является действительный нравственный прогресс, имеется также и осуществление дела Божия, которое может состояться и без воли человека и воззвания его к Богу, силой высшей Воли и божественного провидения.

3. В процессе общественного строительства право и государство представляют собой лишь известные вспомогательные ступени этого развития, которые сами по себе слишком слабы для преобразования жизни. Их задача - возможно ближе подняться к действительному идеалу общественной жизни, воплощенному в Церкви в ее идеальном смысле, как месте внутреннего свободного сожития людей, освященном и поддерживаемом божественной благодатью. Это - не путь к теократии, которая стремится силой и принуждением установить совершенную гармонию при еще не созревших для нее исторических предпосылках.

4. Поскольку Закон Божий, закон любви, есть высшая норма для всех жизненных отношений, право и государство должны черпать свой дух из этой высшей заповеди. Не раскол между правом, с одной стороны, и нравственностью, с другой, как то провозгласила новая философия права, а новая, непосредственная связность права и нравственности и подчинение их более высокому религиозному закону образуют норму социальной жизни.

5. Процесс общественного строительства, развитие права и государства, их стремление к воцерковлению общественной жизни мы не вправе рассматривать с точки зрения земного, человеческого совершенства и земной, человеческой гармонии. Мы не вправе ожидать, что когда-либо на земле настанет такое совершенство и такая гармония, которая преодолела бы все жизненные противоречия в совершенной общественной форме. Для человеческих сил эти противоречия непримиримы и непреодолимы. Личность и общность, равенство и свобода, право и нравственность, -

поскольку они движутся в рамках исторического развития и человеческих возможностей, - находятся в вечном антагонизме и не допускают окончательного примирения. Лишь будучи пронизаны высшим светом божественной благодати, лишь в последние дни мира, как всеобщей гармонии, какой требует евангельски-христианский закон, лишь в конце мира может быть мыслимо подобное примирение. Не естественным развитием человеческих отношений, а их чудесным перерывом, катастрофой и спасением мира мыслится в русских религиозно-философских инспирациях разрешение социальных противоречий.

6. Если противоречащие друг другу элементы социальной жизни по существу своему непримиримы, то это означает, что никакими усилиями человеческой воли невозможно достичь абсолютной рационализации социальных отношений. "Еще ни один народ в устроении своей жизни не опирался на ум и науку, - говорит Ф.М. Достоевский, - еще не было ни единого такого примера, может быть, по глупости только и лишь на мгновение могло бы это случиться". Ум и наука всегда, от начала и до сего дня, играли в жизни народов лишь вторичную и служебную роль и не будут играть никакой роли до конца света.

7. Точка зрения, с которой рассматривается общественный прогресс, характеризуется не ожиданием грядущего рая на земле, не стремлением достичь беззаботной спокойной жизни и не верой в бесконечный прогресс человечества, а руководится сознанием неизбежного конца света и особенно убеждением в упадке всех дел человеческих, опирающихся на желание добиться земного рая и обустроиться без Бога, только силой человеческого ума.

Таковы основополагающие идеи, образующие суть русского духа в его понимании жизни и истории, права и государства. В основе своей они представляют не что иное, как совершенное признание и утверждение основ христианской религии. С другой стороны, эти принципы означают решительное отрицание всех основ классической западноевропейской

философии права, сформировавшейся в XVIII и XIX веках и формулированной Руссо, Монтескье, Кантом и Гегелем».¹

Центральная мысль всего творчества Ф.М. Достоевского – ожидание от России «слова истины», которое она должна высказать миру и донести до него. Путь к этому он видел прежде всего через ее глубокое самопознание и преодоление зияющих социальных расколов, прежде всего между народом и интеллигенцией, славянофилами и западниками.

Разрыв интеллигенции и народа Ф.М. Достоевский особенно трагически переживал, когда речь заходила о молодом поколении русской интеллигенции. Несмотря на увлечение молодежи нигилистическими и западническими идеями, Ф.М. Достоевский очень высоко ценил нравственные качества нового поколения. Он полагал, что для истинного примирения народа и интеллигенции должны были сделаны встречные шаги не только со стороны интеллигенции (которые она стремилась сделать), но и со стороны народа. В письме студентам Московского университета 18 апреля 1878 г. он писал: «Народ уже увидел и заметил разрыв с ним интеллигентной молодежи русской, и худшее тут то, что уже назвал отмеченных им молодых людей студентами. Он давно их стал отмечать, еще в начале шестидесятых годов: затем все эти хождения в народ произвели в народе лишь отвращение. "Барчонки", говорит народ (это название я знаю, я гарантирую его вам, он так назвал). А между тем ведь в сущности тут есть ошибка и со стороны народа; потому что никогда еще не было у нас, в нашей русской жизни, такой эпохи, когда бы молодежь (как бы предчувствуя, что вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной) в большинстве своем огромном была более, как теперь, искреннею, более чистою сердцем, более жаждущею истины и правды, более готовою пожертвовать всем, даже жизнью, за правду и за слово правды. Подлинно великая надежда России! Я это давно уже

¹ Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019. С. 294-296.

чувствую, и давно уже стал писать об этом».¹ В этом же письме он особо предостерегает от оскорблений народных святынь, чему сам был свидетелем во время студенческих манифестаций возле Казанского собора 6 декабря 1876 года.

Предполагал Ф.М. Достоевский будущее великого русского народа, но указывал, что говорить об этом можно, имея в виду не эмпирически данное, временное состояние народа, а воплощенную в нем вечную сущность: «чтоб судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы и в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придет тому срок. Ибо безобразие есть несчастье временное, всегда почти зависящее от обстоятельств, предшествовавших и преходящих, от рабства, от векового гнета, от загробелости, а дар великодушия есть дар вечный, стихийный, дар, родившийся вместе с народом, и тем более чтимый, если и в продолжение веков рабства, тяготы и нищеты он все-таки уцелеет, неповрежденный, в сердце этого народа». «Всемирная отзывчивость» коренится в самой национальной сущности народа, которую Ф.М. Достоевский противопоставлял «общечеловечности» либералов. Здесь заключена своеобразная диалектика писателя: оторвавшись от конкретности национальной почвы ради абстрактной «общечеловеческой» идеи, либералы оказываются бесплодны что-либо сказать человечеству и вынуждены плестись в хвосте западных идей, стремясь и внешне мимикрировать под европейцев. Напротив, цель образованного человека Ф.М. Достоевский видел в том, чтобы раскрыть в себе народное начало, «стать русским» и через это в полной мере показать свое общечеловеческое содержание: «Стать русскими во-первых, и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и

¹ Исмаилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права / Вступ. статья В.П. Сальникова и Д.В. Масленникова. СПб., 2017. С. 243.

тогда с первого шагу все изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать. И действительно: чем сильнее и самостоятельнее развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы европейской душе и, породнившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее. Тогда не отвергивались бы от нас высокомерно, а выслушивали бы нас. Мы и на вид тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина; нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу, не за стрюцких европеизма, либерализма и социализма. Мы и говорить будем с ними умнее теперешнего, потому что в народе нашем и в духе его отыщем новые слова, которые уж непременно станут европейцам понятнее. Да и сами мы поймем тогда, что многое из того, что мы презирали в народе нашем, есть не тьма, а именно свет, не глупость, а именно ум, а поняв это, мы непременно произнесем в Европе такое слово, которого там еще не слыхали. Мы убедимся тогда, что настоящее социальное слово несет в себе не кто иной, как народ наш, что в идее его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей и с указанием, в чем именно эта свобода и заключается, — единение любви, *гарантированное* уже делом, живым примером, потребностью на деле истинного братства, а не гильотиной, не миллионами отрубленных голов...».¹

Ф.М. Достоевский видел в реформах Александра II, прежде всего в освобождении крестьян, начинание, которое завершает петровский период русской истории: «Во всяком случае наша несостоятельность как «птенцов гнезда Петрова» в настоящий момент несомненна. Да ведь девятнадцатым

¹ Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): монография / Под ред. С.И. Захарцева. М., 2020. С. 158-159.

февралем и закончился по-настоящему петровский период русской истории, так что мы давно уже вступили в полнейшую неизвестность».¹

Вторая ипостась того же социального процесса – освобождение славян. Для Ф.М. Достоевского это был единый процесс освобождения, возвращения России к своей почве, возрождение к жизни. Примечательно, что в числе отдельных результатов этого процесса он ожидал утрату Петербургом столичного статуса («Не Петербург же разрешит окончательную судьбу русскую», – риторически спрашивал писатель) и изменение Россией своего геополитического положения в мире. Речь здесь шла не просто о возможной будущей роли России как лидера всеславянского союза, в возможности которого Ф.М. Достоевский, как раз, сомневался, хотя и не исключал такую возможность совсем. Речь для писателя шла прежде всего о том, что Россия выполнит свое предназначение в мире: скажет ему свое «нравственное слово», слово об истине Христа-Бога. Таким образом, мы опять приходим к тому, что для Ф.М. Достоевского идея бытия, жизни и путь избавления от бесовских миражей и от состояния «Бобка» был связан с именем Христа.

Новый этап мыслитель видел в том, что Россия должна стать поистине субъектом мировой истории и прежде всего через то, чтобы сказать миру новое нравственное слово, ведущее к единению Востока и Запада. Этому новому всемирно-историческому явлению России должно соответствовать ее возвращение в древнюю вселенскую столицу – Константинополь. «Идея о Константинополе и о будущем Восточного вопроса так, как я ее изложил, и — есть идея старая, и вовсе не славянофилами сочиненная. И не старая даже, а древняя русская историческая идея, а потому реальная, а не фантастическая, и началась она с Ивана III. Кто ж виноват, что у вас теперь везде и во всем Баден-Баден. Я ведь не про вас одного говорю; если б шло дело про вас одного, я бы и не заговорил, но в Петербурге и мимо вас много завелось баден-баденства. Я понимаю, что вас так шокировало: это будущее

¹ *Исмаилов Р.Ф.* Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права / Вступ. статья В.П. Сальникова и Д.В. Масленникова. СПб., 2017. С. 247-248.

предназначение России в семье народов, об котором я заключил словами: «вот как я понимаю русское предназначение в его идеале». Вас это раздражило. Будущее, близкое будущее человечества полно страшных вопросов. Самые передовые умы, наши и в Европе, согласились давно уже, что мы стоим накануне «последней развязки». И вот вы стыдитесь того, что и Россия может принять участие в этой развязке, стыдитесь даже и предположения, что Россия осмелится сказать свое новое слово в общечеловеческом деле. Но вам это стыд, а для нас это вера».¹

Возвращение в Константинополь не произошло. Однако, как и предчувствовал Ф.М. Достоевский, в России закончился период главенствования Санкт-Петербурга. Столицей нашего государства вновь стал родной город Ф.М. Достоевского – Москва.

И еще один момент. Россия, призванная сказать миру нравственное слово, может и обязана руководствоваться нравственными началами в международной политике. В то же время, общим местом западной политологии стал тезис о том, что в международных отношениях не может быть нравственности (об этом много писал М. Вебер). Современная западная политика, основанная на приоритетах материальной выгоды и абстрактной идеологии, в полной мере соответствует этому тезису. Наиболее наглядно это выражается в политике двойных стандартов, которая вызывает у нас удивление, но которая в полной мере соответствует западным представлениям о международной политике.

Но подобный подход сложился задолго до М. Вебера. Указанием на двойные стандарты западных политиков и прессы относительно политики Пруссии и политики России открывал свое исследование «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский. И Ф.М. Достоевский писал о том, что присутствие нравственного начала в российской внешней политике совершенно не понятно в Европе и более того: именно оно-то Европу более всего и пугает,

¹ Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): монография / Под ред. С.И. Захарцева. М., 2020. С. 160.

напоминая ей о неизбежной ответственности за забвение нравственных начал и морального долга: «“Великий восточный орел взлетел над миром, сверкая двумя крылами на вершинах христианства”; не покорять, не приобретать, не расширять границы он хочет, а освободить, восстановить угнетенных и забитых, дать им новую жизнь для блага их и человечества. Ведь как ни считай, каким скептическим взглядом ни смотри на это дело, а в сущности цель ведь эта, эта самая, и вот этому-то и не хочет поверить Европа! И поверьте, что не столько пугает ее предполагаемое усиление России, как именно то, что Россия способна предпринимать такие задачи и цели. Заметьте это особенно. Предпринимать что-нибудь не для прямой своей выгоды кажется Европе столь непривычным, столь вышедшим из международных обычаев, что поступок России естественно принимается Европой не только как за варварство “отставшей, зверской и непросвещенной” нации, способной *на низость и глупость* затеять в наш век что-то вроде прежде бывших в темные века крестовых походов, но даже и за безнравственный факт, опасный Европе и угрожающий будто бы ее великой цивилизации. Взгляните, кто нас любит в Европе теперь особенно? Даже *друзья* наши, отъявленные, форменные, так сказать, друзья, и те откровенно объявляют, что *рады нашим неудачам*. Поражение русских милее им собственных ихних побед, веселит их, льстит им. В случае же удач наших эти друзья давно уже согласились между собой употребить все силы, чтоб из удач России извлечь себе выгод еще больше, чем извлечет их для себя сама Россия...».¹

Европа не изменится и не отступит от своих стандартов в политике. Россия же, считал Ф.М. Достоевский, должна здесь поступать в соответствии со своим предназначением, т.е. вести политику нравственно и честно, и именно в этом и будет состоять ее главный интерес, превосходящий сиюминутную материальную выгоду: «Для всякого русского это не может и

¹ См.: *Исмаилов Р.Ф.* Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права / Вступ. статья В.П. Сальникова и Д.В. Масленникова. СПб., 2017. С. 249-250.

не должно составлять вопроса. Россия поступит *честно* — вот и весь ответ на вопрос. Пусть в Англии первый министр извращает правду перед парламентом из политики и сообщает ему официально, что истребление шестидесяти тысяч болгар произошло не турками, не башибузуками, а славянскими выходцами, — и пусть весь парламент из политики верит ему и безмолвно одобряет его ложь: в России ничего подобного быть не может и не должно. Скажут иные: не может же Россия идти во всяком случае навстречу явной своей невыгоде? Но, однако, в чем выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян; но всеединение это — не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству. Да и когда, часто ли Россия действовала в политике из прямой своей выгоды? Не служила ли она, напротив, в продолжение всей петербургской своей истории всего чаще чужим интересам с бескорыстием, которое могло бы удивить Европу, если бы та могла глядеть ясно, а не глядела бы, напротив, на нас всегда недоверчиво, подозрительно и ненавистно. Да бескорыстие в Европе и вообще никто и ни в чем не поверит, не только русскому бескорыстию, — поверят скорее плутовству или глупости. Но нам нечего бояться их приговоров: в этом самоотверженном бескорыстии России — вся ее сила, так сказать, вся ее личность и все будущее русского назначения. Жаль только, что сила эта иногда довольно-таки ошибочно направлялась».¹ Несомненно, Ф.М. Достоевский знал о близком изменении мира и говорил о том, что в этом мире русскому народу нельзя будет существовать, не задав миру свой «вектор цели», не заявив в нем о своих ценностях и идеалах. А в том, что идеалы эти истинны, Ф.М. Достоевский не сомневался.

¹ Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): монография / Под ред. С.И. Захарцева. М., 2020. С. 162.

Идеи свободы, морали и справедливости играли очень важную роль в мировоззрении Ф.М. Достоевского. В них он видел одну из ипостасей высшей гармонии бытия. Отсюда и его интерес к праву, преступлению и наказанию, к институту суда. От права он ждал исполнения высшей воли самой справедливости. В ее руках право должно было стать, может быть, и несовершенным, но действенным орудием отделения зла от добра.

Право возникает из потребности преодолеть последствия преступления и покарать преступника. Однако полагающееся ему наказание должно быть справедливым. Любая несправедливость в решении суда, будь то в назначении несоразмерного наказания, а в некоторых случаях и в освобождении от него, только порождает новую несправедливость, а потому искажает изначальный замысел права. Источником преступления человека в общефилософском смысле Ф.М. Достоевский считал грехопадение. Здесь точное следование православной точки зрения было адекватным теодицее Ф.М. Достоевского, которую он представил в «Братьях Карамазовых», прежде всего в «Легенде о Великом инквизиторе»: Бог не является источником зла, созданный Им мир – это мир гармонического единства и позитивного смысла. Сам человек, используя дарованную ему свободу, не признает благо, заключенное в мире, и тем сподвигается к тому, чтобы творить зло.

Но для того, чтобы отвергнуть благо, абсолютное добро, нужно обладать способностью познания добра и зла. Зло, как мы видели, связывалось христианами авторами не с первосубстанцией, а исключительно со свободой воли разумных существ, которую они могут реализовать, следуя познанному ими началу Добра или в противоположность ему, что и составляет зло. В христианском понимании свободы синтезируется, фокусируется одновременно и античное представление о всеобщей гармонии мира, и идея личности, которой не заняла античность. Но, отрицая субстанциальность зла, христиане тем не менее подчеркивали субъектность зла, которое действует активно и целенаправленно. И мы все чувствуем на

себе действия этого субъекта и догадываемся о его присутствии в мире как важного актора последнего. «Два следующих обстоятельства мучают человека, бьющегося над смыслом бытия: существование зла и непостижимость смысла бытия», - писал известный немецкий исследователь творчества Ф.М. Достоевского Р. Лаут, комментируя этот ход мысли русского писателя. Мы активно использовали исследования Р. Лаута¹ и его последователей² для познания творчества Ф.М. Достоевского и его философии права.

Согласно библейскому преданию, именно способность различения добра и зла стояла у истоков грехопадения. В философии Ф.М. Достоевского мы видим четко проведенную мыслительную линию, соединяющую грехопадение с преступлением. И именно в этом контексте мыслитель решает вопрос о преодолении преступления. Идея грехопадения была в художественной форме детально осмыслена в рассказе «Сон смешного человека». К этому вопросу Р. Лаут обращается в своей статье «Сон смешного человека» в его сопоставлении с Руссо и Фихте». Рассмотрим основные положения статьи, связанные с проблематикой грехопадения.³

У Руссо, говорит Р. Лаут, остается непонятным, является ли история культурного упадка только какой-то мысленной конструкцией, объясняющей нынешнее положение дел, или же неким историческим фактом в собственном смысле. Для Ф.М. Достоевского такого вопроса нет. Во сне или в действительности произошло грехопадение — не имеет значения. В подтверждение этих слов Р. Лаут приводит несколько цитат из рассказа Ф.М. Достоевского: «Ведь если раз узнал истину и увидел ее, то ведь знаешь, что

¹ См.: *Lauth R.* Die absolute Ungeschichtlichkeit der Wahrheit. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1966; *Лаут Рейнхард.* Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А.В. Гулыги. Пер. с нем. И.С. Андреевой. М., 1996.

² *Исмаилов Р.Ф.* Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права / Вступ. статья В.П. Сальникова и Д.В. Масленникова. СПб.: Фонд «Университет», 2017; *Масленников Д.В., Хлебосолова О.Ф.* Лаут и Достоевский: метафизическое и социально-этическое измерение // Образование. Экономика. Общество. Научно-практический образовательный журнал. 2009. № 1. С. 58-63 и др.

³ Цит. по: Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): монография / Под ред. С.И. Захарцева. М., 2020. С. 163-165.

она истина и другой нет и не может быть, спите вы или живете». «Ибо тут случилось нечто такое, нечто до такого ужаса истинное, что это не могло бы пригрезиться во сне». «Но ощущение любви этих невинных и прекрасных людей осталось во мне навеки, и я чувствую, что их любовь изливается на меня и теперь оттуда». «...я видел истину, — не то, что изобрел умом, а видел, и живой образ ее наполнил душу мою навеки. Я видел ее в такой восполненной целостности, что не могу поверить, чтобы ее не было у людей».

Грехопадение, таким образом, состоит в первую очередь в отпадении от истины, в искажении ее, и в это воронку начинают втягиваться все новые и новые люди. Все это и не зависит от того, через кого и как свершилось грехопадение, ибо не первочеловек, отдававший от древа познания виновен в нашем «нечестии», но именно — так, как и в рассказе «Сон смешного человека» — каждый из нас и сгубил человечество. Это следует прямо из выведенной Ф.М. Достоевским аксиомы: «каждый из каждого и за всех виновен». Старец же Зосима выражает эту мысль так: «если человек осознает, но не то, что он хуже всех в мире, а то, что он виновен за всех людей, за всех и за всё; виновен за все грехи, столь обременяющие мир и исходящие от прочих, и вот когда он это все поймет, то цель единения нашего и будет достигнута. Знайте же, милые, каждый из нас несомненно несет вину за всех и за всё на земле, и дело не только в том, что на нем часть вины мира, нет, каждый несет непосредственно на своей личности грех за всех людей и за каждого человека на всей земле. Только в таком знании сердца ваши соприкоснутся любви, которая безгранична, охватывает весь мир и не знает пресыщения».

Исходя из таких предпосылок, можно понять, что «смешной человек» при повторении этого нашего земного происшествия, «все погубил сам». Первый шаг грехопадения, по Достоевскому, это — ложь. «Этот атом лжи проник в их сердца и нравился им: затем быстро родилось сладострастие, породило ревность, ревность — жестокость».

В таком понимании причины грехопадения вновь восстанавливается религиозно-этическое понимание проблемы. Ложь ставит призрак на место действительности, но исходит она из сердца, а не из разума. Соответственно этому «смешной человек» в своем сновидческом самоубийстве целит в сердце, но не в голову. Ф.М. Достоевский объясняет, в чем состояло удовольствие первоначальной лжи, ибо тут ревность эгоистическая противопоставлена ревности божественной: а именно то, что существует повторение единственной в своем роде земли во вселенной. Каким образом возможно такое повторение и для чего? «Я люблю, я могу любить лишь ту землю, которую оставил, на которой остались брызги крови моей...». Стало быть, человек в своем прегрешении отказался от этой безусловной исключительной любви к своему единственному «Ты». Но ведь «Люби других как себя, вот что главное, и это все, и больше ничего не надо: найдешь тотчас как устроиться», — делает заключение «смешной человек». Не абстрактной любовью издалека ко всему человечеству кончает он, а тем, чтобы отыскать ту девочку, которая молила его в темной ночи перед его самоубийством во сне и в беспричинном страхе.

Этапы грехопадения в рассказе «Сон смешного человека» параллельны этапам грехопадения в трактате Руссо: «Речь идет в первую очередь о заботе о необходимом, а лишь потом и об излишке, затем приходят удовольствия, потом и безмерные богатства, потом и подданные, потом и рабы». «Если мы проследим за поступательным развитием неравенства во время этих разнообразных переворотов, то обнаружим, что установление Закона и Права собственности было здесь первой ступенью, установления магистратуры — второю, третьей и последней ступенью было превращение власти, основанной на законах, во власть неограниченную».

И у Ф.М. Достоевского находим сладострастие распри и распределение на «твое» и «мое». «Когда они стали преступны, то изобрели справедливость и предписали себе исполнение целых кодексов». «Каждый стал столь ревнив

к своей личности, что изо всех сил старался лишь унижить и умалить ее в других, и в том жизнь свою полагал. Явилось рабство...».

Ф.М. Достоевский, так же как и Руссо, видит, что люди мечтают о введении высшего порядка. С очевидным намеком на теорию общественного договора он пишет: «Зато стали появляться люди, которые начали придумывать: как бы всем вновь так соединиться, чтобы каждому при этом не переставая себя любить больше всех, в то же время не мешать никому другому, и жить таким образом всем вместе как бы и в согласном обществе». Естественное такое решение вопроса обречено на крушение.

Однако Ф.М. Достоевский указывает на возможность, о которой Руссо не подумал и которая является столь актуальной в наши дни: «Явились религии с культом небытия и саморазрушения ради вечного успокоения в ничтожестве». Далее последовало искоренение людей, отстававших в развитии, возведение в ранг вождей интеллигенции, воображающей себя «всемудрой», требование «всего или ничего» от гордецов, более не признававших уз нравственности, и, наконец, пришло признание «преступности» всех искусств, за которым, если ничего из этого не следует, оказывается самоубийство.

Источником грехопадения стало различение человеком добра и зла. Но и преодоление его последствий также связано со знанием добра и зла. Хотя самого по себе этого знания человеком еще недостаточно, в нем не заключено с необходимостью уклонение от пути зла. Чтобы знание добра и зла сыграло свою роль в изживании зла (в том числе и посредством права как продукта этого знания) необходимы еще смерть и Воскресение Христа.

Следует всегда иметь в виду исключительно личностное отношение Ф.М. Достоевского к Богочеловеку, в котором он видел также воплощение нравственного и эстетического идеала. «На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого бесконечно прекрасного лица уже есть бесконечное чудо (все Евангелие Иоанна в этом смысле; он все чудо находит в одном воплощении, в одном проявлении

прекрасного)», - писал Ф.М. Достоевский своей племяннице С.А. Ивановой в 1868 г. Но прежде всех идеалов для Достоевского был важен сам Иисус Христос как живая личность. И в этом, повторим, главная «тайна» философии писателя. Только относясь к Христу как к живой личности и никак иначе, можно было произнести следующие слова: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (из письма к Н.Д. Фонвизинной, 1854 г.).¹ Без понимания этого содержания, формирующегося из «апелляции» Ф.М. Достоевского не к идее Богочеловека, а к Его живой Личности, невозможно адекватно интерпретировать образ мысли русского писателя. Р. Лаут писал, что философию Ф.М. Достоевского нельзя понять только как набор философем, без учета художественно-эстетического начала его творчества, стиля и т.п. Но еще менее его можно понять, выведя за скобки собственно религиозное – не философское! – содержание. Р. Лаут резюмирует «христологию» Достоевского следующими словами: «Бытие возникло только потому, что могло осуществиться это событие – жизнь и деяния Христовы. В нем сущее завершило и очистило себя искупающим страданием и преодолевающим время и смерть воскресением к совершенному бытию в Боге и с Богом». И несколько иначе в другом месте: «Бог есть бесконечная красота, тождественная совершенному бытию».²

Без Христа – не только без идеала Богочеловека, но и без самой живой личности Иисуса Христа – Ф.М. Достоевский не видит возможности понять и принять всеобщую гармонию бытия как нравственный порядок души человека. А значит, не видит возможности бытия абсолютной свободы (точнее говоря: бытия как абсолютной свободы): свободы выбора или

¹ Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019. С. 101-102.

² См.: Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 166.

отвержения мирового порядка. По Ф.М. Достоевскому, Бог стоит у истоков бытия, а значит, для него исходным является синтез. Человек же должен только этого синтеза достичь.

Если центральным элементом *philosophia prima* Ф.М. Достоевского является учение о смысле всеобщего бытия и о значении этого вопроса для разума и воли человека, центральным элементом этики учение о добре и зле и о свободе человека, то его социальная философия вся сосредоточена на вопросе об историческом значении России и русского народа. Впрочем, все эти вопросы в творчестве мыслителя столь тесно связаны, что разделить их можно самое большее в абстракции, но, отнюдь, не в действительности. Как мыслитель Достоевский был «философом синтеза», а не «философом анализа». Прежде всего он стремился усмотреть высшее единство всех сторон и граней бытия.¹

Для дискуссий о Ф.М. Достоевском важно также и то, что Р. Лаут оспаривает возможные сомнения в искренности нравственно-идеалистических воззрений, высказываемых Ф.М. Достоевским. Когда даже Л. Толстой говорил о Ф.М. Достоевском, что он умер на высшей точке борьбы между Богом и злом, то с этим нельзя согласиться. Согласно обоснованному мнению Р. Лаута, мировоззрение Ф.М. Достоевского свидетельствует о том, что исход этой борьбы окончательно решился для него уже с 1861 года. То, что и в XX столетии трактовалось как религиозное сомнение Ф.М. Достоевского – это, по мысли Р. Лаута, не новые колебания между верностью Богу и мятежом, смыслом и бессмыслицей мира, а особая реакция писателя на искушение, собственное искушение Ф.М. Достоевского, которое Р. Лаут называет «искушением Иова». Р. Лаут совершенно убежден в том, что мировоззрение Ф.М. Достоевского – это мировоззрение глубоко мыслящего православного философа, напрочь исключаящее диалогичность гностического дуализма.

¹ Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 162.

В XX веке Р. Лаут обращался к философии Ф.М. Достоевского, призывая современников преодолеть духовный разброд, ставший характерным признаком и нашего времени. «Повсюду мы видим “представителей истины”, старательно прислушивающихся к мнению своих современников, - писал Р. Лаут. Повсюду процветают так называемые академии, где на публичных чтениях, симпозиумах, рефератах и дискуссиях обмениваются мнениями. Находятся в напряженном забеге за последней современностью. Страшнейший недостаток, который только можно себе вообразить в том, что ты уже не современен. Падают вниз пред “современным мышлением” и молят о том, чтобы быть признанным им. Готовы ежедневно менять свою позицию, если мнение Другого преодолевает собственное мнение. От всего сердца желают “реформировать” себя. Реформа – в данном омерзительном слове обозначается вся неустойчивость этой позиции: они готовы и даже жаждут все снова и снова принимать другие формы». Напротив, обоснованно показывал Р. Лаут, «истина, представляет собой принцип, который является *causa sui*, истиной своей истины, посредством которого все есть то, что есть, и познается все, что познается. Ничто не может поколебать это *causa sui*...Только это стремление осуществить истину, причем осуществить ее полностью, отличает человека от животных и делает его человеком. Окончательная цель его, согласно Ф.М. Достоевскому, Иисус Христос », - писал Р. Лаут.¹

Р. Лаут, как помнят к сожалению уже немногие, содержательно выступил о творчестве Ф.М. Достоевского в Институте философии АН СССР в 1989 году.

В завершение требуется сказать, что в эпоху Просвещения идею права связывали прежде всего с правами человека и даже дедуцировали ее из этих прав. В действительности, по суждениям Ф.М. Достоевского, дело обстоит прямо противоположным образом: права человека не первичны по

¹ *Lauth R.* Die absolute Ungeschichtlichkeit der Wahrheit. Stuttgart, Berlin, Kön, Mainz: Kohlhammer, 1966. S. 17.

отношению к праву, а производны от него. Действительным источником самих прав человека и права в целом является право Богочеловека.

Ф.М. Достоевский отчетливо видел несовершенство права, закона, института суда, как видел и их источник в абсолютных первоначалах бытия. Несовершенство закона и суда, о которых Ф.М. Достоевский писал очень много, означает для него прежде всего необходимость их развивать. Ф.М. Достоевский вовсе не призывает отвергнуть закон и суд только потому, что творимое ими добро (например, защита ребенка) несовершенно, непоследовательно и половинчато. Разум мирится с половинчатостью добра, зная о его совершенствовании, возрастании и развитии, как и всего живого. Но он не готов примириться даже с частичкой зла, зная о ее небытии и смерти. Здесь также проявляется своего рода онтологическая асимметрия добра и зла.

Кроме того, Ф.М. Достоевский сумел на языке, понятном современному читателю, раскрыть тот смысл единства абсолютного и личного начал в человеке, которое заключено в свободе как в высшем определении человека (свобода как высший дар Бога человеку). Синергия классической философии, дающей методологические средства для теоретического выражения таким образом понимаемой свободы, и философии Достоевского (в ее художественной форме и систематическом изложении¹), как полагают исследователи формируют исходную точку построения национальной суверенной философии права: развитие понятия права из идеи абсолютного единства бытия, понятого как положительная свобода.²

Философское учение Ф.М. Достоевского о праве дало толчок развитию русской суверенной философско-правовой мысли, причем не только в лагере близких к писателю славянофилов (Ю.Ф. Самарин, В.Н. Лешков, К.П. Победоносцев и др.), но и последовательных западников: В.С. Соловьева,

¹ См.: *Лаут Рейнхард*. Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А.В. Гулыги. Пер. с нем. И.С. Андреевой. М., 1996.

² *Масленников Д.В., Хлебосолова О.Ф.* Лаут и Достоевский: метафизическое и социально-этическое измерение // *Образование. Экономика. Общество*. Научно-практический образовательный журнал. 2009. № 1. С. 58-63.

Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева и др. И в контексте русского суверенитета, русской самобытности оказало влияние на зарубежную философию права. В различных источниках приходилось читать, что его творчество не получило должной оценки при жизни. Вместе с тем, это и так, и не так. Нельзя забывать, что за свои литературные произведения Ф.М. Достоевский был избран в Петербургскую академию наук,¹ что является очень редким случаем для писателей и как раз говорит о признании его творчества.² Тогда же был обозначен вопрос демаркации теологии и науки, актуальный по сей день.³

Вот такая интересная грань русской философии права от Ф.М. Достоевского.

¹ Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). С. 6.

² Из известных писателей, ставших академиками, сразу вспоминаются только И.С. Тургенев (как раз оказавший помощь Ф.М. Достоевскому в избрании академиком) и М.А. Шолохов.

³ Касавин И.Т. Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд. М., 2008.

§ 10. Перечитывая Гегеля

Одна из особенностей творческих людей состоит в переосмысливании прочитанных ранее произведений. К уже прочитанному и казалось бы известному периодически хочется возвращаться вновь и вновь, особенно когда книги оставили след в образованности и в сердце.

Одной из таких любимых нами работ является «Философия права» Гегеля. И после проведенной нами в 2020 году гегелевской конференции, опять потянуло к ней.

«Философия права» была выпущена при жизни Гегеля в конце 1820 года (на титуле 1821 год), но более известно второе уточненное издание, появившееся в свет вскоре после смерти выдающегося немецкого философа в 1833 году. Именно оно затем многократно переиздавалось и послужило основой для перевода на русский язык. Мы работаем с книгой, выпущенной в издательстве Академии наук СССР в 1990 году под редакцией Д.А. Керимова и В.С. Нерсисянца.¹ Имея возможность держать в руках немецкие издания, отметим высочайшее качество перевода этой книги с немецкого языка на русский.

Новое прочтение Гегеля заставило еще раз переосмыслить некоторые положения его философии права, да и философии в целом. Гегель, как мы помним, считал свободу идеей права, относился к нему идеалистично и отнюдь не компрехендно. Мы будем говорить об этом ниже. Однако внимательное прочтение, вместе с тем, заставляет сказать, что определенные противоречия в праве великий немецкий философ тоже видел. Достаточно сказать, что даже при идеализации права выступал за суд присяжных,² т.е. не юристов, людей, не знающих что такое право и крайне субъективно понимающих его. Имеются и другие любопытные моменты и оценки права, поэтому мы поместили эти размышления в главу о компрехендной теории.

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. М., 1990.

² Указ. соч.: С. 263.

Начнем с того, что в самом начале Гегель говорит о нахождении его современной философии в позорном упадке.¹ Не скроем, мы не особо обращали ранее на эту мысль. Но она нам показалась достаточно забавной. Забавной тем, что, например, в России в разные эпохи периодически видишь ее же у разных авторов. Вспомните сами, сколько в одном только XX веке приходилось читать об упадке философской мысли. Вначале об этом любили писать русские эмигранты, потом их критики с коммунистических философских позиций, а затем в конце века уже антикоммунисты. Эти процессы, например, отмечал В.С. Степин. Он вспоминал, что в начале 90-х гг., после распада СССР, появились оценочные суждения, согласно которым в нашей философии не было никаких достижений, что она была оторвана от мировой философской мысли и все надо начинать с нуля. Такого рода суждения можно было встретить даже в философских учебниках и энциклопедических словарях того времени.²

То же, судя по всему, периодически происходило и в Германии. Причем отголоски упадка философии встречались ранее, в том числе и у Канта. По всей видимости, философия – это такая деятельность, которая всегда в упадке. Либо философам легче начинать свои произведения со слов о кризисе, из которого надо выходить. Одна из причин может заключаться и в том, что многие философы так или иначе зависят от идеологической обстановки той страны, в котором пишут свои труды.

Выводы об упадке и кризисе обязательно сопровождаются иногда адресной, а иногда безымянной критикой других философов. Критика бывает корректной, а иногда и не совсем. Не избежал этого и Гегель. Так, он пишет, что беспокойная деятельность рефлексии и суетности (других специалистов – С.З.), так же как и отношение, которое она встречает, была бы лишь делом для себя, по-своему развивающимся в себе, если бы в результате всего этого не вызвала презрения и не дискредитировалась философия вообще. Худший

¹ Указ. соч.: С. 45.

² Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2008. С. 85.

вид такого презрения заключается в том, что каждый убежден, что он без особых усилий может разобраться в философии и высказать о ней свое суждение. Ни одному искусству, ни одной науке не высказывается эта последняя степень презрения, никто не предполагает, что обладает ими истинно. И в самом деле, то что философия новейшего времени предлагала нам с величайшей самоуверенностью в своих высказываниях о государстве, пожалуй, действительно давало право каждому желающему участвовать в обсуждении вопроса, питать уверенность в том, что он без всякой подготовки может высказывать подобные мысли и тем самым обрести доказательство в обладании философией.¹

Отсюда, возможно, и отсылка к читателям, которые, по словам Гегеля, полагают, что созданное философией не живет дольше одной ночи.² Мы уверены, что на самом деле философ так не думал. Но писал, чтобы вновь подчеркнуть бесполезность и неразумность многих других коллег-современников.

Увы, так в философии, наверное, было и есть всегда. В том числе и в СССР. А.А. Гусейнов интересно пишет о советской философской элите. Они, - свидетельствует А.А. Гусейнов, - как и вообще все творческие люди, конечно, профессионально ревновали друг друга, у них, как и у всех нормальных людей, были сложные отношения на персональном уровне. Далее приводит весьма содержательные воспоминания И.С. Кона, попавшего на банкет по случаю защиты докторской философской диссертации (события 1968 г.). Кон рассказывает, что встретил там и в последующие несколько дней буквально всех представителей философской элиты, личного общения с которыми так не доставало. И далее: «Все это были достойные и уважаемые

¹ Указ. соч.: С. 48.

² Указ. соч.: С. 44.

люди, на которых я смотрел снизу вверх. И ни один из них не сказал доброго слова ни о ком другом, только плохое».¹ Такова философская жизнь.

Другой момент из книги Гегеля, который вроде бы всем и понятен, но на котором не принято заострять внимание: Гегель – философ, а не юрист. И «Философия права» – не чисто юридическое произведение, а скорее книга обо всем. В работе частые обращения к воле, разуму, сознанию, самосознанию, истине. Много написано о любви, семье и браке, но опять же не с правовой точки зрения, а со стороны общих, подчас житейских рассуждений. Причем в том числе со ссылкой на Бога. Несколько страниц написано о воспитании детей. Встречаются и ссылки на художественные произведения, например, на повесть Ф. фон Шлегеля «Люцинда».²

В разделе о семье Гегель даже пытается дать определение любви. В его рассуждениях, любовь означает вообще сознание моего единства с другим, то, что я не изолирован для себя, а обретаю мое самосознание только как отказ от своего для-себя-бытия и посредством знания себя как своего единства с другим и другого со мной. Но любовь есть чувство, другими словами, нравственность природного в форме: в государстве любви уже нет, в нем единство создается как закон, в нем содержание должно быть разумным, и я должен его знать. Первым моментом любви является то, что я не хочу быть самостоятельным лицом для себя и что, если бы я был таковым, я чувствовал бы свою недостаточность и неполноту. Вторым моментом является то, что я обретаю себя в лице другого, что я обладаю в нем значимостью, которую он в свою очередь обретает во мне.³

Затем, словно поняв что из этих рассуждений ничего не получилось, Гегель неожиданно добавляет, что любовь – самое чудовищное противоречие, которое рассудок не может разрешить, так как нет ничего более неподатливого, чем эта пунктирность самосознания, она отрицается, и

¹ Цит. по: Гусейнов А.А. Гуманистический контекст философии российских шестидесятников // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В.А. Лекторского. М., 2014. С. 19-20.

² Указ. соч.: С. 214.

³ Указ. соч.: С. 208-209.

я все-таки должен аффирмативно ею обладать.¹ А дальше (все в одном абзаце! – С.3.) от Гегеля звучит уже новая мысль: любовь есть одновременно создание и разрешение противоречия; в качестве его разрешения она – нравственное единение.²

В свое время известный физик Фейнман с юмором говорил, что не все ненаучное плохо, например, любовь.

Так чем же видел свою философию права Гегель, если в ней таким образом рассуждал о любви, литературе, психологии, семье и т.д.: наукой, искусством, метафизикой, чем-то иным? На этот вопрос можно только спекулятивно рассуждать. Нам кажется, что ответ на него не знал и автор. Посмотрите, что содержание самой книги изобилует различными примечаниями и прибавлениями философа. Причем нередко весьма противоречивыми прибавлениями, подчас не относящимися как к философии, так и юриспруденции.

При этом мы все более укрепляемся в выводе, что юридическим произведением он свою работу все-таки не видел. Об этом, собственно, он сказал сразу в предисловии: философия права – есть раздел философии.³ И эту мысль не раз повторял.⁴ В то же время часть книги имеет строго юридический характер. Гегель демонстрирует отличное знание как древнего, так и современного для него законодательства, при этом достаточно профессионально рассуждает о нем. Но другая часть работы посвящена всему: от спекулятивной философии до любви.

При перечитывании Гегеля мы задумались о том, каким он был: идеалистом или суровым прагматиком? В книге однозначного ответа на этот вопрос тоже нет.

В рассуждениях о праве философ предстает перед читателями идеалистом, подчас романтиком-идеалистом. Посмотрите сами как он пишет

¹ Указ. соч.: С. 209.

² Указ. соч.: С. 209.

³ Указ. соч.: С. 44.

⁴ Указ. соч.: С. 60.

о праве. Философская наука имеет своим предметом идею права – понятие права и его осуществление, а идея права, в свою очередь, есть свобода.¹ Почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществления свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа.² Эта мысль разными словами тоже не раз повторяется. Например, далее Гегель пишет, что право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. Тем самым право есть вообще свобода как идея.³

Затем еще красочнее. Право есть нечто святое вообще уже потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы.⁴

Весьма любопытна следующая мысль. Добро есть идея как единство понятия воли и особенной воли, - единство, в котором абстрактное право, как и благо, субъективность знания и случайность внешнего наличного бытия сняты как для себя самостоятельные, но тем самым по своей сущности в нем содержатся и сохраняются; добро – это реализованная свобода, абсолютная конечная цель мира.⁵ Благо без права не есть добро. Так же как и право не есть добро без блага.⁶

При этом Гегель избегал критики права. Например, формализм же права (а затем и формализм обязанности) возникает из различия между степенями в развитии понятия свободы.⁷ И даже так: то обстоятельство, что насилие и тирания могут быть элементом позитивного права, является для него чем-то случайным и не затрагивает его природу.⁸

Иными словами: в позитивном праве насилие и тирания все-таки периодически встречаются, но на это не надо обращать внимание, ведь право

¹ Указ. соч.: С. 59.

² Указ. соч.: С. 67.

³ Указ. соч.: С. 89.

⁴ Указ. соч.: С. 90.

⁵ Указ. соч.: С. 172.

⁶ Указ. соч.: С. 172.

⁷ Указ. соч.: С. 90.

⁸ Указ. соч.: С. 62.

по природе всегда доброе и хорошее. В этих словах Гегель предстает откровенным романтиком, идеалистом, теоретиком. Его спекулятивные рассуждения посвящены идеалистической теории о праве и вообще не опираются на юридическую практику.

И на фоне этого, в той же самой книге следуют спокойные и даже несколько циничные рассуждения о войнах, о том, что они нужны и полезны. Благодаря войне, пишет Гегель, *сохраняется нравственное здоровье народов* (выделено нами – С.З.), их безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, *так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира* (выделено нами – С.З.).¹ Философ продолжает, что идеальность, которая обнаруживается в войне как в случайном, направленном во-вне отношении, и идеальность, согласно которой внутренние государственные власти суть органические моменты целого, что обе они – одно и то же, выступает в историческом явлении также и в том образе, что удачные войны предотвращали возникновение внутренних смут и укрепляли государственную власть.²

Это не описка и не заведшее в сторону спекулятивное рассуждение. О том же написано и далее. Так, по мнению философа, народы выходят из войны не только усиленными, благодаря внешним войнам нации, внутри которых действуют непреодолимые противоречия, но и обретают внутреннее спокойствие.³

О тысячах погибших и покалеченных в войнах Гегель не пишет и вообще не рассуждает. Однако его заботит собственность. И отсюда его мысли: правда, война приносит необеспеченность собственности, но это

¹ Указ. соч.: С. 360.

² Указ. соч.: С. 360.

³ Указ. соч.: С. 361.

реальное необеспечение есть не что иное как необходимое движение.¹ И ниже – война вообще ведется не против внутренних институтов и мирной семейной и частной жизни, не против частных лиц.² Вот так.

При этом рядом указал, что поскольку опасности подвергается государство как таковое, его независимость, долг призывает к защите всех его граждан.³ То есть, признает, что война фактически осуществляется и против частных лиц, вынужденных оставить свое дело, семьи, быт и призванных защищать Отечество. Эти очевидные противоречия Гегель не обосновал.

Гегель критикует кантовскую идею о вечном мире, поддерживаемом союзом государств, который способен уладить любые споры.⁴ Над государствами нет претора, в лучшем случае их отношения регулируются третейскими судьями и посредниками, да и то лишь от случая к случаю, т.е. согласно особенной воле. И отталкиваясь от воли и духа опять пишет о том, что если особенные воли не приходят к соглашению, спор между государствами может быть решен только войной.⁵

Такая категоричность в рассуждениях о войне вполне возможна. Достаточно вспомнить, как Лев Толстой в романе «Война и мир» говорил, что войны прекратятся если в людей вместо крови залить водицу. Но, конечно, неприемлемы попытки обоснования нравственности войн и цинично-спокойное отношение к жертвам.

При этом, даже рассуждая о войнах, Гегель остался идеалистом. По его размышлениям, вследствие того что государства взаимно признают друг друга в качестве таковых, так же и в войне, в состоянии бесправия, насилия и случайности, *сохраняется связь, в которой они значимы друг для друга как в себе, так и для себя сущие* (выделено нами – С.З.), так что в войне сама война определена как нечто должествующее быть преходящим. И далее искренне

¹ Указ. соч.: С. 361.

² Указ. соч.: С. 368.

³ Указ. соч.: С. 361-362.

⁴ Указ. соч.: С. 366.

⁵ Указ. соч.: С. 366-367.

пытался обосновать, что новейшие войны ведутся более гуманно и люди не испытывают ненависти по отношению друг к другу. (выделено нами – С.З.).¹ К сожалению, история убедительно показала ошибочность этой мысли. На приведенные слова обратил внимание и В.С. Нерсисянц, но решил их не комментировать.²

Еще раз перечитывая рассуждения о праве и войнах создается устойчивое впечатление, что они писались Гегелем в разные годы.

Возможен и вариант, что его попросили написать обоснование войны. Ведь Гегель, как и многие философы, все-таки зависел от политической обстановки в Германии, которая исторически имела агрессивный характер.

А может это то самое противоречие философии Гегеля, которое на самом деле трудно объяснить. Или скажем более философски: объяснить-то можно (объяснить можно все), а вот понять...

Следующий момент, вызывающий интерес и вопросы, – это цитата о России. Философ пишет так. Среднее сословие, к которому принадлежат государственные чиновники, представляет собой средоточие государственного сознания и выдающейся образованности. Поэтому оно и является главной опорой государства в отношении законности и интеллигентности. Государство, в котором нет среднего сословия, еще стоит поэтому не на высокой ступени. Такова, например, Россия, в которой есть крепостная масса и та, которая правит. Образование среднего сословия является главным интересом государства, но образоваться это сословие может только в такой организации, где существуют права относительно независимых особых кругов и где произвол чиновничьего мира предотвращается сопротивлением подобных правомочных кругов.³

Никаких других ссылок на Россию и на российских авторов в исследуемой работе нет. Отсюда возникает резонный вопрос: кто Гегелю

¹ Указ. соч.: С. 368.

² Нерсисянц В.С. «Философия права»: история и современность; вступительная статья / Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц. М., 1990. С. 28.

³ Указ. соч.: С. 336.

сообщил о ситуации в России или что является источником его осведомленности? Здесь, как собственно и везде, важна объективность. Гегель достаточно глубоко исследовал многие мировые источники права и труды авторов как философских, так и юридических работ. Книга изобилует цитатами Сократа, Платона, Аристотеля, Канта, Фихте, Монтескье и других. Цитат ученых из России, равно как анализа отечественных юридических памятников нет. Это, увы, объективно показывает невовлеченность наших соотечественников того времени в мировую философско-правовую мысль. Гегель возможно и знал о российских правовых памятниках, например, «Русской правде» или «Псковской судной грамоте», но не посчитал нужным их даже упоминать. Мы можем лишь догадываться, кто информировал Гегеля об обстановке, причем информировал честно. Среднего сословия (класса) в России с крепостным правом в тот период (первая четверть XIX века) было явно недостаточно. А крепостная Россия, о чем почему-то сейчас не принято писать, фактически не многим отличалась от обычного рабовладельческого строя.

Неупоминание России могло быть связано и с другой причиной, на что тоже редко обращается внимание у классика. Вместе с тем, надо иметь в виду, что Гегель как и многие немцы относился к другим национальностям свысока, что мелькает даже в его мирной философской работе. Он пишет «о простоте нравов примитивных народов»,¹ о народе, «стоящем на низкой ступени культуры»² и др. В приведенной цитате о России тоже говорится как о государстве, стоящей не на высокой ступени развития.

Здесь надо добавить, что Гегель, как и многие немцы с почтением относился к государству. Красивых слов философ не жалел. Государство есть действительность нравственной идеи – нравственный дух как очевидная, самой себе ясная, субстанциальная воля.³ Государство в себе и для себя есть нравственное целое, осуществление свободы, и абсолютная цель разума

¹ Указ. соч.: С. 232.

² Указ. соч.: С. 365.

³ Указ. соч.: С. 279.

состоит в том, чтобы свобода действительно была. Государство есть дух, пребывающий в мире и реализующийся в нем сознательно, тогда как в природе он получает действительность только как иное себя, как дремлющий дух. Лишь наличный в сознании, знающий самого себя в качестве существующего предмета. Он есть государство. В свободе надо исходить не из единичности, из единичного самосознания, а лишь из его сущности, ибо эта сущность независимо от того, знает ли человек об этом или нет, реализуется в качестве самостоятельной силы, в которой отдельные индивиды не более чем моменты: государство – это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю. Мысля идею государства, надо иметь в виду не особенные государства, не особенные институты, а идею для себя, этого действительного Бога.¹ Государство есть действительность конкретной свободы. В новое время идея государства отличается той особенностью, что государство есть осуществление свободы не по субъективному желанию, а согласно понятию воли, т.е. согласно ее всеобщности и божественности.²

Более того, уже в начале книги написал, что данная работа, поскольку в ней содержится наука о государстве, будет попыткой постичь и изобразить государство как нечто разумное в себе.³ И затем дописал, что о государственном устройстве, как и о самом разуме, в новейшее время идет бесконечная болтовня, и в Германии наиболее плоские утверждения преподносят миру те, кто убедил себя в том, что они лучше всех, и даже единственные понимают что такое государственное устройство, причем все остальные и прежде всего правительства, ничего в этом не понимают.⁴ Слово «болтовня» в отношении лиц, осмелившихся критиковать государство, употреблялось и после.

¹ Указ. соч.: С. 283-284.

² Указ. соч.: С. 286.

³ Указ. соч.: С. 54-55.

⁴ Указ. соч.: С. 308.

В государственной форме правления Гегель выступает за конституционную монархию. Причем очень оригинально рассуждал о монархии и монархе. Например, он единственный из философов и юристов, кто считал понятие монарха самым трудным для рассуждения, т.е. для рефлексии рассудочного рассмотрения. Его рассуждения по данному вопросу редки для философской и юридической литературы, поэтому приведем развернутую цитату. Гегель пояснял, что понятие монарха останавливается на обособленных определениях и вследствие этого знает лишь основания, конечные точки зрения и выведения из оснований. Тем самым оно представляет достоинство монарха как нечто выведенное не только по форме, но и по своему определению; между тем его понятие, наоборот, состоит в том, что оно не выведено, а полностью начинающееся из себя. Ближе всего к этому представлению, согласно которому право монарха основано на божественном авторитете, ибо в этом представлении содержится мысль о его безусловности. Однако известно, какие недоразумения возникли в связи с этим представлением, и задача философского рассмотрения состоит в том, чтобы постичь в понятиях это божественное.¹

При этом Гегель обосновывал, что только философии дозволено рассматривать величие монарха, ибо любой другой способ исследования, кроме спекулятивного, бесконечной, в себе самой основанной идеи сам по себе уничтожает природу величия.² Данная цитата, которой раньше мы тоже уделяли недостаточно внимания, на самом деле весьма оригинальна. Заметьте, насколько ею Гегель возвысил философию в глазах как монархов, так и других ученых. Рассматривать монархов, во-первых, могут только философы, поскольку только они могут их объективно изучить. У представителей всех других наук, включая кстати юриспруденцию, это не получится. Философия в таком случае, по замыслу Гегеля, становится элитарной наукой (или наукой по обслуживанию элиты). Во-вторых, задан

¹ Указ. соч.: С. 320.

² Указ. соч.: С. 325.

вектор, что рассматривать величие монархов нужно именно в положительном ключе. В-третьих, такими рассуждениями Гегель возвысил и себя по отношению к другим ученым.

В наших работах мы не раз обращали внимание на то, что труды философов обязательно надо соотносить со временем их написания.¹ При ранних прочтениях Гегеля его отношение с властью как-то не привлекало внимания. Сейчас, анализируя детали, видим, что, конечно, Гегель при написании книг тоже не мог не учитывать и власти Германии.

Одним из примеров этого является его фраза о покупке званий и должностей. В подразделе «Власть государя» философ достаточно неожиданно в свои измышления вставляет следующее прибавление. Деятельность государства связана с индивидами, однако они правомочны вести дела государства не в силу своего природного бытия, а в силу своих объективных качеств. Способность, умение, характер относятся к особенностям индивида: он должен получить соответственное воспитание и подготовку к особенному делу. Поэтому должность не может ни продаваться, ни передаваться по наследству. Во Франции парламентские должности некогда покупались, в английской армии офицерские должности в известной степени покупаются и в наше время, но все это находилось или находится в связи со средневековым государственным устройством, которое теперь постепенно исчезает.²

Эта фраза очень сильная, наглядно показывающая изнутри специфические процессы, которые проходили во Франции, Англии и других странах. Но вопрос: а не было ли такого же в Германии? Уверены, что было. Если бы Германию такие процессы миновали, Гегель, мы убеждены, это бы отразил. Причем гордо отразил. Про Германию он промолчал, лишь намекая, что такие средневековые процессы постепенно уходят. Но почему промолчал

¹ Захарцев С.И., Сальников В.П. Роль личности в методологии и роль судьбы исследователя в формировании методологии и мировоззрения // Мир политики и социологии. 2014. № 11. С. 185-190; Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015 и др.

² Указ. соч.: С. 317.

про Германию? Вполне возможно посчитал, что прямо критиковать власть не стоит.

Еще одно наблюдение. Раньше как-то не бросалось в глаза, что научные рассуждения Гегель любит для подкрепления «разбавлять» пословицами и поговорками. В тексте философии права в качестве дополнений к идеям встречаются поговорки, что человеку свойственно заблуждаться¹ или цель оправдывает средства.² Могут промелькнуть даже такие как камень, брошенный рукой, принадлежит дьяволу.³

Нам кажется, что подобную привычку Гегель взял у Канта. Последний тоже любил в серьезнейшие философские размышления вставлять поговорки даже хулиганистого содержания. В своей фундаментальной книге «Критика чистого разума» Кант пишет: «Если вопрос сам по себе нелеп и требует бесполезного ответа, то в этом, кроме посрамления того, кто этот вопрос предлагает, иногда возникает и еще одно неудобство: оно может вызвать у неосторожного собеседника нелепый ответ, - и получится то забавное зрелище, что один (как говорили древние) доит козла, а другой держит под ним решето».⁴

Здесь надо сказать, что не все примененные Гегелем пословицы и притчи юридически безупречны. Например, Гегель пишет: «На вопрос отца каков лучший способ нравственно воспитать сына пифагорец (этот ответ приписывают и другим) ответил: сделай его гражданином государства, в котором действуют хорошие законы».⁵ Редактор книги В.С. Нерсисянц уточняет, что эта фраза исходит от Диогена Лаэртского: «...пифагорец Ксенофил на вопрос, как лучше всего воспитать сына ответил: родить его в благозаконном государстве».⁶

¹ Указ. соч.: С. 192-193.

² Указ. соч.: С. 189.

³ Указ. соч.: С. 164.

⁴ Кант И. Критика чистого разума / Перевод Н.М. Соколова. СПб.: Издание книжного магазина М.В. Попова, 1902. С. 80.

⁵ Указ. соч.: С. 207.

⁶ Указ. соч.: С. 494.

На самом деле большим философско-правовым вопросом является следующее: что такое хороший закон?

В разработанной нами компрекендной теории права мы многократно доказывали, что право противоречиво и неоднозначно, подчас неразумно, глупо и жестоко. Такие же противоречивые и законы. Это, как уже писалось, наиболее наглядно видно в вопросе о смертной казни. Для одних закон, разрешающий смертную казнь, хороший, а для других – плохой. То же самое и наоборот. В странах, где смертная казнь законодательно запрещена много не только ее противников, но и сторонников. Но кроме названного, много других спорных законов по казалось бы незначительным проблемам, например, о разрешении/запрещении платных парковок, о разрешении/запрещении курения в общественных местах, о допустимости/недопустимости дистанционного образования и т.д. Так как определить, какой закон хороший, а какой плохой? Очевидно, что это вопрос оценочный и субъективный.

Перечитывание выявило еще несколько вопросов, которые хотелось бы хотя бы кратко обсудить с читателями.

Один из них такой. Гегель писал: что же касается поучения, каким мир должен быть, то до этого философия всегда приходит слишком поздно.¹ В середине книги, размышляя о труде, он констатировал, что абстракция в производстве делает, далее, труд все более механичным, и в конце концов оказывается, что человек может уйти и уступить место машине.² Однако эти фразы были сказаны тогда, когда машиностроительные технологии стали все больше заменять труд людей.

Сейчас, спустя двести лет, философия и вместе с ней все человечество стали активно размышлять о пользе (или вреде) информационных и биомедицинских технологий, их опасности, неясности и нерешенности в связи с этим жизненноважных проблем. Рассуждения сильны, верны и

¹ Указ. соч.: С. 56.

² Указ. соч.: С. 239.

крайне актуальны.¹ Часть работ по этой проблеме написали и мы.² Иной вопрос в том, что эти выступления появились уже после того, как все порадовались первому компьютеру, мобильному телефону, медицинским достижениям по пересадке органов и т.д. Специалистов, могущих заглядывать далеко вперед, во-первых, крайне мало, а во-вторых, их работы тоже отталкиваются от уже свершенных современных достижений.

Гегель внес неоценимый вклад в философию, познание права и государства. Причем многое – право, государство, историю, моральность, нравственность и др., – понимал через свободу, волю, дух и разум. Но как это будет востребовано, если в XXI веке, информационными технологиями чипируют людей, заменяют им интеллект и создадут полулюдей-полуроботов? Проведут операции по замене мозга и сердца на искусственные детали и программы, отняв у людей душу и волю? Или насколько опасны и сильны внеземные существа? Мы уже не говорим о том, что в современном мире накоплено столько атомного оружия, что может позволить несколько раз уничтожить Земной шар.

Насколько готова к этим вопросам философия? Сможет ли она что-то предложить? А если и сможет, то кто и в каком объеме будет философов слушать?

Пока лишь с сожалением констатируем правоту Гегеля про периодические опоздания философии.

¹ См., напр.: Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2003; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020 и др.

² Захарцев С.И. Глобальные проблемы человечества и гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 4-5. С. 9-23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. 2015. № 8. С. 11-19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Биомедицинские эксперименты над человеком и право // Стратегические приоритеты. 2018. № 2 (18). С. 40-49; Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. 2020. № 3-4 (27-28). С. 92-100.

Правота Гегеля заметна и в вопросах преступления и наказания. Приведем его афоризм. Благодаря прогрессу образования воззрения на преступления, однако, смягчаются, и в настоящее время наказания далеко не так суровы, как сто лет назад. Другими стали не преступления или наказания, а отношение между ними.¹

На указанный афоризм мы обратили внимание в ходе предыдущего перечитывания и использовали его в нашей книге в сочетании с творчеством выдающегося русского писателя Ф.М. Достоевского. Книга так и называется: «Логос права: Парменид-Гегель-Достоевский».² Интерес к Пармениду у нас тоже возник благодаря Гегелю, он считал его первым появившемся в Греции философом. Правда мыслителем, равного которому не знала история человечества, Гегель считал Аристотеля.³ Впрочем, как глубоко заметил В.А. Лекторский, вся история философии – это нескончаемый спор, вечная полемика по важнейшим вопросам человеческого бытия. В философии нет и не может быть единственно-правильной концепции, одного возможного решения. Вся история философии – это обсуждение одних и тех же проблем, которые в каждой культуре и в определенное время получают конкретизацию. В споре Платона и Аристотеля в некотором смысле победил каждый, ибо из этой полемики родилась вся западная философия.⁴

Нам понравилась вступительная статья В.С. Нерсисянца к книге Гегеля. Видно, насколько глубоко, тщательно и всесторонне он изучал работы немецкого философа. Вместе с тем, есть вопрос, который хочется обсудить.

В.С. Нерсисянец пишет, что понятие «право» употребляется в гегелевской философии права в следующих основных значениях: I). Право как свобода

¹ Указ. соч.: С. 144-145.

² См.: *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид-Гегель-Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019.

³ *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид-Гегель-Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019. С.16.

⁴ *Лекторский В.А.* Философия России второй половины XX в. как социально-культурный феномен // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В.А. Лекторского. М., 2014. С. 39-40.

(идея права), II) право как определенная ступень и форма свободы (особое право), III) право как закон (позитивное право).

Развивая сделанный вывод, В.С. Нерсисянц говорит:

I. На ступени объективного духа, где все развитие определяется идеей свободы, «свобода» и «право» выражают единый смысл; в этом отношении гегелевская философия права могла бы называться «философией свободы». Отношение «свободы» и «права» опосредуются через диалектику свободной воли.

II. Система права как царство реализованной свободы представляет собой иерархию особых прав (от абстрактных форм до конкретных). Каждая ступень самоуглубления идей свободы и, следовательно, конкретизация понятия права есть определенное наличное бытие свободы (свободной воли), а значит, и особое право. Подобная характеристика относится к абстрактному праву, морали, семье, обществу и государству. Эти «особые права» даны исторически и хронологически одновременно (в рамках одной формации объективного духа), они ограничены, соподчинены и могут вступать во взаимные коллизии. Последующее «особое право», диалектически «снимающее» предыдущее, более абстрактное «особое право», представляет его основание и истину. Более конкретное «особое право» первичнее и сильнее более абстрактного. На вершине иерархии «особых прав» стоит право государства, над которым возвышается лишь право мирового духа. Поскольку в реальной действительности «особые права» всех ступеней (личности, ее совести, преступника, семьи, общества, государства) даны одновременно и, следовательно, в актуальной или потенциальной коллизии, поскольку, по гегелевской схеме, окончательно истинно лишь право вышестоящей ступени.

III. Право как закон (позитивное право), которое В.С. Нерсисянц тоже относит к «особым правам».¹

Работу Гегеля о праве можно понимать и так. Однако нам кажется, что выделение В.С. Нерсисянцем пункта II несколько затеоретизировано и спекулятивно. Строго говоря, Гегель «особых прав» не выделял. Более того, напомним, что права личности, ее совести, преступника, семьи, общества, государства он формулировал из свободы, из духа, из идеи права. То есть, из пункта I предложенной В.С. Нерсисянцем классификации.

И в приложенном к книге предметном указателе среди многообразия значений права ни о каком «особом праве» речь не идет. Этот предметный указатель, наверное, тоже готовился при участии редактора книги В.С. Нерсисянца, который, видимо, упустил этот факт из виду.

Он верно пишет, что по Гегелю закон – есть конкретная форма выражения права. Но не некоего «особого права» (в чем неточность В.С. Нерсисянца), а именно идеи права, его духа, воли, свободы. Нам кажется, что именно такое понимание права закладывалось Гегелем.

Поэтому мы полагаем более правильным считать, что понятие «право» употребляется в гегелевской философии права в двух основных значениях:

- Право как свобода (идея права);
- Право как закон (позитивное право).

Это замечание не делает вступительную статью В.С. Нерсисянца менее значительной.

В завершении хочется вспомнить, что Гегель сравнивал познание права с художником. Дескать, у каждого человека есть пальцы, он может получить кисть и краски, но это еще не сделает его художником. И мысль о праве не есть нечто такое, чем обладает каждый.² Не менее красиво сказал М.К. Треушников о процессуальном праве и законе. Он заметил, что

¹ Нерсисянц В.С. «Философия права»: история и современность; вступительная статья / Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц. М., 1990. С. 15-16.

² Указ. соч.: С. 58.

процессуальный кодекс - это как ноты, по которым один судья сыграет так, что заслушаешься, а другой так, что уши заткнешь.¹ Мы любим приводить эти цитаты студентам, но чаще сравниваем право с врачами. Дело в том, что от дурной картины или плохого исполнения музыки испортится настроение. А от ошибки врача, неправильного понимания процесса болезни и лечения, ложного диагноза, невнимательности и даже банальной грязи в больнице может зависеть жизнь! То же касается и права, его невнимательного прочтения, неправильного понимания, ложного толкования, заведомо ложного и «грязного» использования.

В целом «Философия права» Гегеля создает удивительное настроение, когда не хочется ни есть, ни спать в сочетании с безудержным желанием размышлять и писать, получая от этого истинное удовольствие.

¹ Цит. по: Арзамасов Ю.Г., Баранов В.М., Варламова Н.В., Веденеев Ю.А., Веденеев Ю.А. и др. Теория государства и права в науке, образовании, практике / Пред ред. совета Т.Я. Хабриева. М., 2016. С. 323.

§ 11. *Нацизм, фашизм и И.А. Ильин.*

Об ошибочном и необъективном подходе к творчеству Ильина

Современным ученым представлять И.А. Ильина вроде бы не нужно. Все знают, что он религиозный философ первой половины XX века, юрист, автор книг: «Общее учение о праве и государстве», «О сущности правосознания» и других.

Известны и основные вехи биографии Ильина. Что он был ярким противником советской власти, в 1922 году вместе со ста шестьюдесятью другими известными публицистами того времени был выслан из России на так называемом «Философском пароходе», жил в Германии, затем перебрался в Швейцарию, где и скончался в 1954 году.

Творчество Ильина сейчас тщательно изучается и положительно оценивается. Но вот в чем проблема: как это нередко бывает в России изучается односторонне, а значит и необъективно.

Почему-то современные специалисты не пишут, а может быть и не знают того, что Ильин был сторонником прихода к власти Гитлера. Статьи и письма Ильина в поддержку гитлеровской партии НСДАП не публикуются. Из интернетовской Википедии в 2020 году была удалена ремарка о первоначальной поддержке Ильиным фашизма и одобрения нападения на нашу Родину. Еще в 2019 году такая строчка в Википедии была.

Помимо того, Ильин был одним из идеологов Русского общевоинского союза (РОВС). Сотрудники РОВСа вели подпольную работу на территории СССР. Цель этой работы - подготовка вооружённого восстания и свержения советской власти! С точки зрения законодательства СССР фактически РОВС являлся международной террористической организацией. Во время войны СССР с Финляндией 1939-1940 г.г. члены РОВС приняли в ней участие на стороне Финляндии, убивали советских солдат. В период Великой Отечественной войны члены и руководители РОВС воевали на стороне

фашистов против нашей Родины или, как минимум, поддерживали фашистскую Германию.

В подтверждение достаточно привести исторический факт, когда СССР в 1945 году потребовал от Финляндии задержать и передать 22 сотрудников РОВС, виновных в совершении военных преступлений, проводивших по заданию немцев шпионскую и террористическую деятельность против Советского Союза (так называемый список Лейно). Финляндия требования СССР безоговорочно выполнила и тем самым подтвердила преступную деятельность названных людей. Воинские преступления на стороне фашистов, как все понимаем, были связаны с уничтожением советских, в первую очередь русских, людей.

Работа против РОВС как террористической организации находилась в приоритете у советских органов государственной безопасности как довоенное время, так и во время Великой Отечественной войны.

Можно по-разному относиться к советской власти, ее лидерам, коммунизму и т.д., но нельзя же поддерживать фашистов, воевавших против твоей Родины и убивавших твоих соотечественников! Ильин до самой смерти в 1954 году поддерживал РОВС, выступал его идеологом, публиковался в изданиях этой организации.

Вот такой православный религиозный философ Ильин.

В настоящей работе для иллюстрации творчества Ильина мы приведем несколько развернутых цитат из его статьи с характерным названием «Национал-Социализм. Новый дух», опубликованной в 1933 году вскоре после прихода к власти Гитлера.¹

«Европа не понимает национал-социалистического движения. Не понимает и боится. И от страха не понимает еще больше. И чем больше не понимает, тем больше верит всем отрицательным слухам, всем рассказам «очевидцев», всем пугающим предсказателям. Леворадикальные публицисты

¹ Ильин И.А. Национал-социализм. Новый дух / URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/ilin/ilin_i_nacional_sociali/ (дата обращения 15.10.2020).

чуть ли не всех европейских наций пугают друг друга из-за угла национал-социализмом и создают настоящую перекличку ненависти и злобы. К сожалению, и русская зарубежная печать начинает постепенно втягиваться в эту перекличку; европейские страсти начинают передаваться эмиграции и мутить ее взор. Нам, находящимся в самом котле событий, видящим все своими глазами, подверженным всем новым распоряжениям и законам, но сохраняющим духовное трезвение, становится нравственно невозможным молчать. Надо говорить; и говорить правду. Но к этой правде надо еще расчистить путь... Прежде всего я категорически отказываюсь расценивать события последних трех месяцев в Германии с точки зрения немецких жидов, урезанных в их публичной правоспособности, в связи с этим пострадавших материально или даже покинувших страну. Я понимаю их душевное состояние; но не могу превратить его в критерий добра и зла, особенно при оценке и изучении таких явлений мирового значения, как германский национал-социализм. Да и странно было бы; если бы немецкие жида ждали от нас этого».¹

Весьма интересен и показателен его комментарий к кровавым событиям и погромам, сопровождавших приход к власти фашистов: «Я отказываюсь судить о движении германского национал-социализма по тем эксцессам борьбы, отдельным столкновениям или временным преувеличениям, которые выдвигаются и подчеркиваются его врагами. То, что происходит в Германии, есть огромный политический и социальный переворот; сами вожди его характеризуют постоянно словом “революция”. Это есть движение национальной страсти и политического кипения, сосредоточившееся в течение 12 лет, и годами, да, годами лившее кровь своих приверженцев в схватках с коммунистами. Это есть реакция на годы послевоенного упадка и уныния: реакция скорби и гнева. Когда и где такая борьба обходилась без эксцессов? Но на нас, видевших русскую советскую

¹ Ильин И.А. Национал-социализм. Новый дух / URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/ilin/ilin_i_nacional_sociali/ (дата обращения 15.10.2020).

революцию, самые эти эксцессы производят впечатление лишь гневных жестов или отдельных случайных некорректностей».¹

Иными словами: замалчивание действий гитлеровцев и их аккуратная поддержка.

Дальше больше. Ильин пишет: «Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе. Этот процесс в Европе далеко еще не кончился; червь будет и впредь глотать Европу изнутри. Но не по-прежнему. Не только потому, что многие притоны коммунизма в Германии разрушены; не только потому, что волна детонации уже идет по Европе; но главным образом потому, что сброшен либерально-демократический гипноз непротивленчества. Пока Муссолини ведет Италию, а Гитлер ведет Германию - европейской культуре дается отсрочка. Поняла ли это Европа? Кажется мне, что нет... Поймет ли это она в самом скором времени? Боюсь, что не поймет...

Гитлер взял эту отсрочку прежде всего для Германии. Он и его друзья сделают все, чтобы использовать ее для национально-духовного и социального обновления страны. Но взяв эту отсрочку, он дал ее и Европе.

И европейские народы должны понять, что большевизм есть реальная и лютая опасность; что демократия есть творческий тупик; что марксистский социализм есть обреченная химера; что новая война Европе не по силам, - ни духовно, ни материально, и что спасти дело в каждой стране может только национальный подъем, который диктаториально и творчески возьмется за “социальное” разрешение социального вопроса.

До сих пор европейское общественное мнение все только твердит о том, что в Германии пришли к власти крайние расисты, антисемиты; что они не уважают права; что они не признают свободы; что они хотят вводить какой-то новый социализм; что все это “опасно” и что, как выразился недавно Георг Бернгард (бывший редактор “Фоссише Цейтунг”), эта глава в истории Германии, “надо надеяться, будет короткой”... Вряд ли нам удастся

¹ Там же

объяснить европейскому общественному мнению, что все эти суждения или поверхностны, или близоруки и пристрастны».¹

Далее интересны рассуждения Ильина о фашизме и расизме в контексте начавшихся процессов в Германии 1933 года. «Ведущий слой обновляется последовательно и радикально. Отнюдь не весь целиком; однако, в широких размерах. По признаку нового умонстроения; и в результате этого - нередко в сторону омоложения личного состава. Удаляется все, причастное к марксизму, социал-демократии и коммунизму; удаляются все интернационалисты и большевизированные элементы; удаляется множество жидов, иногда (как, например, в профессуре) подавляющее большинство их, но отнюдь не все. Удаляются те, кому явно неприятие "новый дух". Этот "новый дух" имеет и отрицательные определения и положительные. Он непримирим по отношению к марксизму, интернационализму и пораженческому бесчестию, классовый травле и реакционной классовой привилегированности, к публичной продажности, взяточничеству и растратам.

По отношению к жидом этой непримиримости нет: не только потому, что частное предпринимательство и торговля остаются для жидов открытыми; но и потому, что лица жидовской крови (принимают во внимание два деда и две бабки, из коих ни один не должен быть жидом), правомерно находившиеся на публичной службе 1 августа 1914 года; или участвовавшие с тех пор в военных операциях; потерявшие отца или сына в бою или вследствие ранения; или находящиеся на службе у религиозно-церковных организаций - не подлежат ограничению в правах публичной службы (указ от 8 мая с.г.). Психологически понятно, что такие ограниченные ограничения воспринимаются жидом очень болезненно: их оскорбляет самое введение презумпции не в их пользу - "ты неприятие, пока не показал обратного"; и еще "важна не вера твоя, а кровь". Однако одна наличность этой презумпции заставляет признать, что немецкий еврей,

¹ Там же.

доказавший на деле свою лояльность и преданность германской родине, - правовым ограничениям (ни в образовании, ни по службе) не подвергается.

“Новый дух” национал-социализма имеет, конечно, и положительные определения: патриотизм, вера в самобытность германского народа и силу германского гения, чувство чести, готовность к жертвенному служению (фашистское “sacrificio”), дисциплина, социальная справедливость и внеклассовое, братски-всенародное единение. Этот дух составляет как бы субстанцию всего движения; у всякого искреннего национал-социалиста он горит в сердце, напрягает его мускулы, звучит в его словах и сверкает в глазах. Достаточно видеть эти верующие, именно верующие лица; достаточно увидеть эту дисциплину, чтобы понять значение происходящего и спросить себя: “да есть ли на свете народ, который не захотел бы создать у себя движение такого подъема и такого духа?”... Словом - этот дух, роднящий немецкий национал-социализм с итальянским фашизмом».¹

Комментарии таких слов Ильина, как говорится, излишни. Права человека, человеколюбие, свобода мировоззрений указанному философу, видимо, были чужды. Ведь большевизм, коммунизм – это просто другое мировоззрение, другая идеология. Однако, в отличие от коммунизма и большевизма, в национальном фашизме Ильин беды не видит. Напротив, Ильин откровенно пытается обелить фашизм.

Фраза об итальянском фашизме не случайна. Известно, что в 1925 году Ильин был послан эмигрантской газетой «Возрождение» в Италию для сбора материалов о положении дел в этой стране, о новом ее лидере Муссолини и об итальянском фашизме. Ильин был положительно встречен местными фашистами и допущен к их библиотекам. Возвратившись он за короткое время для газеты «Возрождение» подготовил серию статей под общим названием «Письма о фашизме». Статьи были посвящены сущности фашизма, внутренней и внешней политике фашистских властей, борьбе итальянских фашистов с масонами, биографии Муссолини, его личности и

¹ Там же.

т.д.¹ Причем все публикации были в поддержку итальянских фашистов. Прочитайте статьи и сами сделайте вывод, в Германии их можно найти. Правда почему-то в России эти статьи не публикуют.

Мы не знаем зачем, но биография и взгляды Ильина в России стали в настоящее время аккуратно ретушироваться. Из Википедии, как уже отмечалось, кто-то убрал фразу о том, что он на первоначальном этапе поддерживал фашизм и приход к власти Гитлера. В аннотации к изданной на юридическом факультете МГУ книге сказано, что биографический очерк об Ильине «...не только дает представление об удивительной судьбе этого замечательного человека, но и вводит читателя в мир его творчества, в царство идей великого русского мыслителя – национального гения России XX века».² Или как написал В.В. Сорокин: «Ближе всех к духовно-нравственным проблемам юриспруденции в XX в. в своих сочинениях подошел И.А. Ильин».³

Была изменена и биография. Например, известный историк права В.А. Томсинов пишет, что Ильина якобы преследовало гестапо и заставило его переехать из Германии в Швейцарию.⁴ Молодое поколение этому, возможно, поверит. Но ведь мы с Вами непосредственно общались с ветеранами Великой Отечественной войны – людьми, видевшими фашистский режим воочию. Неужели кто-то действительно думает, что Ильин смог бы работать и жить в Германии с 1933 года аж по 1938 год, если бы не поддерживал Гитлера? Или кто-то полагает, что Ильину гестапо дало бы уехать из Германии в Швейцарию, если бы он не был ей выгоден? Не уничтожило бы его как соринку, не запятало в концлагере, а дало возможность собраться и уехать?

¹ Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. Т. 2. М., 2007. С. 618.

² Ильин И.А. Теория права и государства. Издание 2-е, дополненное / Под ред. и с биографическим очерком В.А. Томсинова. М., 2008. С. 4.

³ Сорокин В.В. Фундаментальная теория права. М., 2020. С. 4

⁴ Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. Т. 2. М., 2007. С. 626-629.

Ильин, напомним, выступал идеологом РОВС, боролся с Советским Союзом, что было выгодно режиму Гитлера. Причем, заметьте, против гитлеровского режима Ильин не боролся.

Об этом же, хоть почему-то очень сдержанно, историки не могут не писать. Тот же В.А. Томсинов приводит цитату Ильина: «16 лет я был гостем Германии, и ни разу не позволил себе хоть как-то публично отозваться о ее внутренних делах, или вмешаться в политику, или ввязаться в борьбу внутри страны».¹ Иными словами, постоянно жестко писал и боролся против СССР, но Германию, Гитлера, фашизм не критиковал никогда. Плюс к этому, призывал РОВС вести подрывную деятельность против СССР, что было выгодно гестапо и нацистам. Поэтому и умудрился выжить, не был арестован и расстрелян.

Мы с уважением относимся к В.А. Томсинову и его работам. Вместе с тем, нам кажется, что Ильину в ряде позиций удалось его обхитрить. Приведем цитату В.А. Томсинова целиком: «В феврале 1938 года Ильин вновь был вызван в гестапо. После того, как Ильин снова ответил отказом на предложения гестапо о сотрудничестве с германскими властями, ему было объявлено о запрете на какие-либо публичные выступления как на русском, так и на немецком языках, под угрозой заключения в концлагерь. Сообщая об этом С.В. Рахманинову, Ильин заметил: “К сожалению, я узнал стороною, но из достоверного источника, что все это преследование имеет цель – заставить меня признать точку зрения германского “расизма” и использовать мое имя и мои силы в надвигающемся “завоевании Украины”. Это я сообщаю Вам строго доверительно!” Любопытно, что письмо к Рахманинову, в котором Ильин писал о намерении немцев завоевать Украину, датируется 14 августа 1938 года, то есть о нападении Германии на СССР в самой Германии говорили еще за три года до того, как оно реально осуществилось. В письме к И.С. Шмелеву от 13 октября 1938 г. Ильин писал о том, что в апреле 1938 г.

¹ Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. Т. 2. М., 2007. С. 630.

он был вызван на беседу к заместителю А. Розенберга, руководителя внешнего отдела НСРП. Из слов Ильина следует, что во время этой беседы речь шла о германской оккупации Украины и о привлечении русского ученого к работе по идеологическому оправданию данной акции. Ильин ответил, что на оккупацию Украины и на ее отчленение от России никогда не согласится».¹

Давайте порассуждаем над этой цитатой В.А. Томсинова. План «Барбаросса», предусматривающий нападение на СССР, как известно, был подписан Гитлером в декабре 1940 года. План был строго секретным, о нем знали только руководители этой страны, руководство вооруженных сил Германии, руководители немецких спецслужб. В 1938 году таких планов не было. Руководителей Германии в указанный период скорее волновали вооруженные конфликты с Великобританией и Европой, вспомните историю. Тем более сомнительно, что обсуждались такие детали как использование Ильина именно на Украине, а не на других потенциально захваченных территориях (Белоруссии, западной части России). Нам кажется, что подлинность таких писем Ильина весьма сомнительна. Не исключаем, что они если и были реально им написаны, то много позже для прикрытия своих действий.

Можно, правда, предположить, что высшее руководство Германии и гестапо уже в 1938 году могло знать о секретных планах Гитлера по потенциальному нападению на СССР и в узком кругу обсуждало эти планы. В этом случае надо признать, что Ильин был реально близок к фашистским руководителям и хорошо им известен, причем с правильной стороны. И что Ильину фашисты доверяли строжайше секретные на тот момент замыслы Гитлера.

В 1945 году Ильин уже писал по-другому, что якобы он с самого начала гитлеризма в Германии предвидел, что будет мировая война, нападение на

¹ Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. Т. 2. М., 2007. С. 628.

Россию и потеря войны для Германии.¹ Признаться, мы вновь сомневаемся в его искренности. Равно как сомневаемся в полной истинности и подлинности опубликованных писем Ильина, отсутствии их редактирования и полноты их издания.

Но опять же: если действительно Ильин так считал, почему ради Родины и русского народа, который на словах очень любил, своевременно не предупреждал его о войне, не боролся с фашистскими захватчиками, не защищал Родину?

В этом же письме от 1945 года есть интересная фраза в отношении национал-социалистов. Ильин пишет: «Они – враги России, презиравшие русских людей последним презрением; они разыгрывали коммунизм как свою пропагандистскую карту. Коммунизм в России для них был только предлог, чтобы оправдать перед другими народами и перед историей свою жажду завоевания».² Иными словами, если бы война с коммунизмом и СССР была у национал-социалистов не предлогом, а именно целью свержения советской власти, то она, видимо, была бы Ильиным оправдана? Отсюда можно вернуться к мелькавшим в печати и Интернет рассуждениям о том, что Ильин желал любой ценой смены власти в СССР, даже ценой войны и захватом России Гитлером.

А дальше в 1948 году Ильин пишет статью «О фашизме».³ Поскольку данную статью тоже печатают редко, приведем из нее развернутые цитаты, тоже говорящие сами за себя.

«Фашизм есть явление сложное, многостороннее и, исторически говоря, далеко еще не изжитое. В нем есть здоровое и болезненное, старое и новое, государственно-охранительное и разрушительное... Фашизм возник

¹ Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935-1946). М., 2000. С. 281.

² Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935-1946). М., 2000. С. 317.

³ Ильин И.А. Электронная библиотека Одинцовского благочиния [электронный ресурс]/ Ильин И.А. О фашизме/ URL: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_1/37 (дата обращения 15.10.2020).

как реакция на большевизм, как концентрация государственно-охранительных сил направо. Во время наступления левого хаоса и левого тоталитаризма - это было явлением здоровым, необходимым и неизбежным...

Выступая против левого тоталитаризма, фашизм был далее прав, поскольку искал справедливых социально-политических реформ. Эти поиски могли быть удачны и неудачны: разрешать такие проблемы трудно и первые попытки могли и не иметь успеха. Но встретить волну социалистического психоза - социальными и, следовательно, противосоциалистическими мерами - было необходимо. Эти меры назревали давно, и ждать дольше не следовало.

Наконец, фашизм был прав, поскольку исходил из здорового национально-патриотического чувства, без которого ни один народ не может ни утвердить своего существования, ни создать свою культуру.

Однако наряду с этим фашизм совершил целый ряд глубоких и серьезных ошибок, которые определили его политическую и историческую физиономию и придали самому названию его ту одиозную окраску, которую не устают подчеркивать его враги. Поэтому для будущих социальных и политических движений подобного рода надо избирать другое наименование. А если кто-нибудь назовет свое движение прежним именем ("фашизм" или "национал-социализм"), то это будет истолковано, как намерение возродить все пробелы и фатальные ошибки прошлого.

Эти пробелы и ошибки состояли в следующем:

1. Безрелигиозность. Враждебное отношение к христианству, к религии, исповеданиям и церквям вообще.
2. Создание правого тоталитаризма, как постоянного и якобы "идеального" строя.
3. Установление партийной монополии и вырастающей из нее коррупции и деморализации.
4. Уход в крайности национализма и воинственного шовинизма (национальная "мания грандиоза").

5. Смешение социальных реформ с социализмом и соскальзывание через тоталитаризм в огосударствление хозяйства.

6. Впадение в идолопоклоннический цезаризм с его демагогией, раболепством и деспотией.

Эти ошибки скомпрометировали фашизм, восстановили против него целые исповедания, партии, народы и государства, привели его к непосильной войне и погубили его. Его культурно-политическая миссия не удалась, и левая стихия разлилась с еще большей силой...»¹

Вот так. Заметьте: у проживавшего в Швейцарии «патриота» Ильина нет осуждения фашизма. Нет ни слова о более чем 20 миллионах погибших во время войны с Германией соотечественников. О миллионах людей, потерявших родных, оставшихся без крова, пропитания, здоровья! Ильин не писал о блокаде Ленинграда и сотнях тысяч погибших защитников его, о Сталинградской и Курской битвах, о концлагерях, об истреблении русских людей и людей других национальностей, бомбежках мирных городов, уничтожении целых сел и деревень и т.д. Но при этом сожалел, что «левая стихия разлилась с большей силой»!

И цинично писал, что надо защищать русских людей от рабства, не давать калечить русскую душу.² Характерна и другая цитата. Ильин пишет, что борьба за право является элементом нормального правосознания. Подумайте, нормально ли в принципе звучит выражение «Борьба за право»?³ Особенно если вспомнить, что борьба (как и любое состязание) бывает честной и нечестной, моральной и аморальной, нравственной и безнравственной... А само право при этом весьма противоречиво.

¹ Ильин И.А. Электронная библиотека Одинцовского благочиния [электронный ресурс]/ Ильин И.А. О фашизме/ URL: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_1/37 (дата обращения 15.10.2020).

² Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 6.

³ Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Теория государства и права. Издание 2-е, дополненное / Под ред. и с библиографическим очерком В.А. Томсинова. М., 2008. С. 363-374.

После статьи 1933 года кто-то, возможно, и мог возразить: мол, философ не разобрался, ошибался. Но в 1948 году Ильин с цинизмом пишет о том же. Более того, в конце добавляет: «Франко и Салазар поняли это и стараются избежать указанных ошибок. Они не называют своего режима "фашистским". Будем надеяться, что и русские патриоты продумают ошибки фашизма и национал-социализма до конца и не повторят их».¹

То есть, опять скрытая поддержка нацизма и фашизма. В этом суть идеологии Ильина, его истинных мыслей и желаний на завершающем этапе жизненного пути!

Истории известно не мало случаев, когда настоящие русские патриоты, даже находясь в эмиграции, выступили против нацизма, фашизма и гитлеризма, вступили в советскую армию или оказывали ей поддержку. К Ильину это не относится.

Но печально вот что. В советское время Ильина у нас не издавали. Не издавали в первую очередь потому, что всем было хорошо известно, на чьей стороне он был и кому симпатизировал. В тот период, когда боль от войны была еще велика и затрагивала практически каждую семью, поддерживать и публиковать профашистские работы или их авторов было невозможно. Невозможно и потому, что в СССР все национальности, включая евреев (по ильински – жидов) существовали достаточно дружно.

Теперь мы еще празднуем 9 мая как День победы. Но, увы, уже стараемся обелить и простить людей, убивавших и калечивших наших соотечественников, а также лиц, поддерживавших фашистов.

В настоящее время почему-то перестали честно приводить биографии. Разве не надо знать, что немало русских эмигрантов (включая отдельных философов, историков, юристов) поддержали Гитлера и даже воевали против нашей Родины? Но сейчас информации об этом нет. А там где еще есть, она искажается, уничтожается, «причесывается». Дошло даже до того, что

¹ *Ильин И.А.* Электронная библиотека Одинцовского благочиния [электронный ресурс]/ Ильин И.А. О фашизме / URL: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_1/37 (дата обращения 15.10.2020).

откровенную службу у гитлеровских фашистов пытаются подать не как предательство Родины, а как борьбу с тоталитарным большевизмом и коммунизмом. Это очень плохое веяние современности. Оно означает, что история ничему не учит.

В завершение вновь обратим внимание, что творчество и биографию Ильина стали приводить односторонне и необъективно. Вместе с тем, его жизнь и деятельность весьма противоречивы. Он вроде бы был монархист, но поддерживал февральскую революцию 1917 года и свержение монархии. Считал себя верующим, причем православным человеком. Но при этом одобрял жестокую войну против советской власти, что никак не соответствует православной вере! Позиционировал себя как русский патриот, но поддерживал фашизм и готов был истреблять русских коммунистов и большевиков, а значит на тот момент значительную часть русского населения нашей страны. Говорил о России как о порабощенной стране и смертельно замученном в советское время народе. В то же время крепостное право (по сути – рабовладельческий строй) было юридически отменено в России лишь в 1861 году, а фактически продолжалось до XX века. И абсолютное большинство русских людей были отнюдь не дворянами, а крепостными. Так, думая о монархии, Ильин желал большинству русских людей свободы или другой формы рабства?

И наконец, можно иметь любые взгляды, как советские, так и антисоветские. Но призывать или оправдывать фашизм, нацизм, войну недопустимо. Вопрос не в том: был ли Ильин за советскую власть или против, а в другом – он поддерживал фашизм и Гитлера.

Для нас совсем удивительно то, что биография и взгляды Ильина ретушируются только в России. В той же Германии и других зарубежных странах факты поддержки Ильиным режимов Муссолини и Гитлера отражены. Там же без проблем можно найти и профашистские статьи этого автора.

В наших философских работах мы неоднократно акцентировали внимание на том, что корни поведения и убеждений человека надо искать в истории его жизни. Конечно, нельзя абсолютизировать биографический фактор, однако нельзя не согласиться и с тем, что биография оказывает сильнейшее влияние на творчество человека и тем более на его философию. Познав биографию Ильина можно будет более четко понять и его философию. Единственное – познавать надо честно, объективно, непредвзято, полно.

Кроме того, нужна справедливость. Поэтому важно при издании книг Ильина или об Ильине вначале обязательно писать о том, что он поддерживал фашизм, Гитлера, Муссолини. Чтобы это бросалось в глаза. И уже потом переходить к сочинениям философа, которые объективно интересны и содержательны. След в философии и юриспруденции Ильин, несомненно, оставил.

**§ 12. Космическое право как новая научная специальность
и возможность регулирования правом непознанного**

Летом 2019 года нас попросили выступить рецензентом книги, посвященной правовой регламентации оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи. В начале научной карьеры мы посвятили немало научных работ правовой регламентации оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Книги вроде бы пользовались спросом.¹ И хотя ОРД и не является главным направлением наших научных интересов, отказаться от рецензирования мы не могли.

Мы прикинули, что рецензирование не будет затратно по времени. Дело в том, что Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает всего четыре мероприятия на каналах связи:

- контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;
- прослушивание телефонных переговоров;
- снятие информации с технических каналов связи;
- получение компьютерной информации.

При этом очевидно, что первое оперативно-розыскное мероприятие применяется все реже из-за банального отсутствия спроса на почтово-телеграфные услуги связи. То есть, книга фактически может быть посвящена

¹ См.: Сальников В.П., Степашин С.В., Кондрат И.Н. Научная школа профессора С.И. Захарцева – взгляд в будущее оперативно-розыскной деятельности // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 3 (45). С. 155-165; Маджидзода Д.М., Сальников В.П., Солиев К.Х. Научная школа профессора С.И. Захарцева – ведущая в России школа изучения оперативно-розыскной деятельности // Известия института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2016. № 4. С. 153-162; Антонов И.А., Кондрат И.Н., Числов А.И., Шахматов А.В. Уголовный процесс и ОРД однозначно одинаково правовые науки. О вкладе профессора С.И. Захарцева в становление юридической оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С. 175-184; Голубовский В.Ю., Кондрат И.Н., Хабибуллин А.Г., Числов А.И. Вклад профессора С.И. Захарцева в развитие уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной науки // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 29-36; Рахимзода Р.Х., Зоир Дж.М., Шарифзода Ф.Р. О вкладе выдающихся российских юристов Виктора Петровича Сальникова и Сергея Ивановича Захарцева в оперативно-розыскную науку // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2020. № 2 (46). С. 6-15 и др.

только трем мероприятиям, достаточно неплохо разработанным нашими учениками. Так и получилось.

Рецензия уже была практически готова, когда мы вдруг натолкнулись на распространенное в средствах массовой информации сообщение о том, что некая американская фирма для организации на всей планете Земля бесперебойного Интернета планирует запустить более 3000 космических спутников.

Мы проверили эти сведения и действительно. Официальный представитель американской компания «Amazon» подтвердил информацию о планах запустить на околоземную орбиту 3236 спутников, чтобы обеспечить доступ в интернет почти для 95% (!) населения всей планеты. Как рассказали в Amazon, проект получил название «Project Kuiper». Сумма инвестиций в проект не раскрывается. Однако по словам главы компании Джеффа Безоса она составит несколько миллиардов долларов! В сети Интернет циркулируют непроверенные сведения, что поисковик Google уже истратил на рекламу этого события 660 миллионов долларов. Даты запуска космических аппаратов также пока не известны, однако говорится, что это состоится в по возможности ближайшее время.

Это сообщение было широко распространено по всем средствам массовой информации и вызвало определенный резонанс. Ведь что такие намерения фирмы «Amazon» означают? Они означают то, что после реализации указанного проекта 95 процентов жителей Земли будет пользоваться Интернетом через американские средства связи. Поскольку, как известно, во всех развитых странах предприятия связи обязаны взаимодействовать с органами, осуществляющими ОРД, то значит, что почти все население планеты будет в определенной степени подконтрольно американским спецслужбам. И ради получения такого контроля США готовы заплатить огромные деньги. Подобные инициативы американских компаний вновь заставили вернуться к необходимости формирования космической отрасли права. Ведь если планы «Amazon» будут осуществлены, то у

человечества возникает множество вопросов, не урегулированных или крайне куцо регламентированных правом, но имеющих жизненно важное значение.

И первым среди таких вопросов является соблюдение прав человека на тайну личной жизни и общения. Сейчас для очень многих людей Интернет является обязательным спутником жизни. Через него осуществляется общение, предоставляются консультации по вопросам медицины и воспитания, раскрываются личные и семейные тайны, проводятся платежи и делаются покупки, показывается местоположение, пересылаются фотографии и видеоролики, в том числе интимного характера и т.д., и т.п. Интернет в настоящее время является главным коммуникатором жителей. Причем общение через Интернет, как всем известно, может быть не только письменным, но также голосовым и визуальным. Возможности Интернет в определенной степени смешали оперативно-розыскные мероприятия, поскольку получение через Интернет компьютерной информации в принципе может включать в себя и снятие информации с технических каналов связи, и прослушивание телефонных переговоров, и контроль почтовых отправлений. То есть, все свои личные тайны человечество будет пересылать через американские спутники.

Надо сказать, что в самих США порядок ограничения прав человека достаточно четко регламентирован.¹ Там еще в 1968 году даже принят Федеральный закон США «О прослушивании телефонных переговоров», посвященный только одному из названных мероприятий. В этом законе четко прописаны права и обязанности как человека, так и государственных структур США, наделенных правом осуществления ОРД. Ограничение прав человека на тайну телефонных переговоров и общения в США возможно только на основании решения суда.

¹ См.: *Захарцев С.И.* Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом. СПб., 2003.

Надо сказать, что возможностью проведения названных оперативно-розыскных мероприятий наделены как полицейские органы США, так и специальные службы этого государства. Однако, как все понимают, полномочия таких государственных органов США распространяются только на лиц, находящихся на территории этой страны. Полномочий прослушивать телефонные переговоры, просматривать компьютеры и электронную почту людей, находящихся далеко вне пределов США и неизвестно какого государства, но пользующихся услугами Интернета, у указанных американских государственных органов нет.

Правда, законодательство США таково, что американские спецслужбы могут легко осуществлять контроль Интернета в строго разведывательных целях! И на такие цели, как бы для безопасности США, разрешение суда уже не потребуется, а при необходимости будет легко получено.

Таким образом, США официально планируют завести 95 % населения Земного шара под свой контроль! В их число, несомненно, попадут и россияне! Как же быть с прописанными в Конституции Российской Федерации правами человека?! Кто и как защитит свободу и безопасность их общения, переписки, телефонных переговоров, в том числе строго личные тайны?!

Указанные обстоятельства диктуют необходимость четкой регламентации в международном космическом праве соблюдения естественных прав человека и процедуры ограничения этих прав при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Коммуникации по сети Интернет через американские спутники могут нести и потенциальную военную угрозу другим странам.¹ Есть известное и очень точное с военной точки зрения выражение: «Из космоса легче нападать, из космоса легче защищаться».²

¹ См.: Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / Под ред. С.И. Захарцева. М., 2017.

² Матвейчев О.А. Политические онтологии. М., 2001. С. 105.

Как продолжил указанную мысль В.Л. Жданов, военно-политические задачи эффективнее решать через космос. Подтверждение этому тезису многочисленны: начиная с 1944 года – года массового применения V-2, через рейгановскую «Стратегическую оборонную инициативу», и далее к установке систем ПРО в Европе и в Беринговом море. Не власть над космосом, но власть «через» космос характеризует эти практики. V-2, минуя «старое» пространство, контролируемое авиацией и системами ПВО, через космос, использовалось Гитлером для обстрела Лондона. Система противоракетной обороны, с помощью спутников наводит и ракетами уничтожает ракеты противника на баллистической траектории – то есть, опять через космос.¹

Соответственно, возникнет необходимость уточнения международных военных договоров. А скорее – подготовка новых военных договоров в рамках международного космического права.

Кроме того, как все понимают, способность с помощью спутников контролировать информационные потоки, дает возможность и управления этими информационными потоками. То есть, дает возможность быстрого распространения через Интернет недостоверной информации, манипулирования сознанием широких масс, оказания давления на политические процессы, например, выборы. Одним словом, дает власть.

Как верно написал В.Л. Жданов, если военный аспект власти «через» космос скорее соответствует насилию как источнику власти, то информационные технологии воздействия на общественное сознание «через» космос можно рассматривать как своего рода осевую технологию доминирования в информационном обществе. Космические технологии как элемент космической политики создали ту необходимую базу идеологического воздействия на целые культуры, практики с которой мы ежедневно можем наблюдать, включая телевизор или выходя в Интернет.

¹ Жданов В.Л. «Политика» и «власть» - соотношение понятий // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 10. С. 64-65.

Более того, именно информационный аспект власти через космос и есть наиболее перспективный, с точки зрения практической политологии, вектор диффузии власти и космической политики, способный в значительной мере детерминировать общественно-политическое развитие на современном этапе. Кроме власти через авторитет, право или насилие – классические определения источников власти – еще и власть через информационную доминанту: вот что характеризует космическую политику.... Спутники, обеспечивающие использование таких информационных практик, есть проявление космической политики. Другими словами, трансформация власти а ргіогі зависима в том числе и от космической политики. Космическая политика есть способ и средство реализации именно политической власти. С одной стороны, космическая политика - это один из основных инструментариев осуществления власти на современном этапе, а с другой стороны, она сама по себе проявление власти, ее знаковый атрибут.¹

Не менее важны и вопросы экологии, активно обсуждаемые человечеством в течение последних десятилетий. Как известно, срок службы спутника относительно недолог. То и дело в средствах массовой информации мелькают сообщения о затоплении выслуживших свой ресурс спутников. Спутники затапливают в океанах в нейтральных водах. Однако материалы, из которых спутники изготавливаются, вовсе не полезны для экологии. А ведь этой водой пользуется все человечество и в первую очередь находящиеся рядом с затопленным спутником жители стран. Экологические вопросы должны быть тоже четко урегулированы космическим правом.

Казалось бы, нормы права, регулирующие нанесение космическим объектом ущерба, имеются. Так, в соответствии со статьей VII Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 1967 года: «Каждое государство — участник Договора, которое осуществляет или

¹ Жданов В.Л. Космическая политика и власть // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 10. С. 55-57.

организует запуск объекта в космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, а также каждое государство — участник Договора, с территории или установок которого производится запуск объекта, несет международную ответственность за ущерб, причиненный такими объектами или их составными частями на Земле, в воздушном или в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, другому государству — участнику Договора, его физическим или юридическим лицам».

Иными словами, государство, которое затопливает свой спутник, несет единоличную ответственность за нанесенный спутником экологический ущерб. Однако глубоких доскональных исследований того, насколько затопленные спутники опасны для экологии, никто не проводил.

В развитие Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, в 1972 году подписана Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами. Вместе с тем, указанная Конвенция вопросов экологии не регламентирует.

В соответствие со статьей I Конвенции «термин ущерб означает лишение жизни, телесное повреждение или иное повреждение здоровья; либо уничтожение или повреждение имущества государств, либо физических или юридических лиц или имущества международных межправительственных организаций». Затопление спутника не подразумевает лишение жизни, телесные повреждения и повреждения имущества. Факт же ухудшения здоровья из-за ухудшения экологической обстановки должен находиться в прямой связи от затопления, но таких исследований, как уже отмечалось, никто не проводил.

В 1959 году в ООН создан Комитет по использованию космического пространства в мирных целях. Комитет разработал несколько основополагающих документов по регулированию космоса.

Помимо уже упомянутых здесь Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства,

включая Луну и других небесных тел, и Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, к ним относятся:

- Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство;
- Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство;
- Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах;
- Международная конвенция электросвязи.

Однако все указанные документы главным образом посвящены космосу, а не влиянию космоса на жителей нашей планеты. В этом контексте под космическим правом традиционно понималась часть международного права. Соответственно, под международным космическим правом понималась совокупность юридических принципов и норм, регулирующих отношения между государствами в процессе исследования и использования космического пространства и небесных тел и определяющих их правовой режим.¹ В задачу космического права регулирование влияния космоса, космических программ и космических экспериментов на жителей Земли традиционно не входило.

Сейчас стало очевидно, что объект и предмет космического права надо пересмотреть. Надо очень четко продумать и подготовить международные документы по международному праву, в которых должен быть заложен принцип того, что космос не ради космоса, а ради жителей планеты и их безопасности. Попытки закрепления этого предпринимались. В частности, в космическом праве заложен принцип недопущения в космосе атомного оружия. Однако работы по обеспечению безопасности жителей Земли от космических программ проведено явно недостаточно.

¹ Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М, 1998. С. 359.

В контексте космического права появляется новый взгляд и на само понимание права.

Применительно к комплексному подходу изучение космического права и феномена права интересно в таком контексте. До недавнего момента право регулировало только известные и более-менее понятные человечеству сферы деятельности: экономику, медицину, труд, семейные отношения и т.д. Вместе с тем, не вызывает сомнений, что космос пока не изучен и не известен. Космическое право представляет собой опыт регламентации правом того, что не понято и не изучено человечеством. То есть, одной из граней права является возможность регулирования неизвестного. Такая грань нуждается в самостоятельном философско-правовом осмыслении. В нормах права надо предположить и хотя бы на уровне принципов урегулировать возможные катаклизмы, связанные с космическими объектами, применительно к человечеству, Земле, жизни и здоровью.

Полагаем что следует аккуратно поднимать вопрос о введении самостоятельной научной специальности: космическое право.

Таким образом, космическое право в настоящее время становится перспективным научным направлением в юридических науках. Актуальность научной разработки космического права диктуется как потребностью жизнедеятельности и безопасности человечества, защитой его прав и здоровья, так и развитием теории права.

Заключение по главе

О компрекендной теории права мы впервые написали в 2014 году в авторской монографии «Некоторые проблемы теории и философии права», изданной под редакцией нашего друга и учителя В.П. Сальникова.¹ В дальнейшем мы разрабатывали названную теорию вдвоем с В.П. Сальниковым. Ей посвятили множество различных публикаций в России и за рубежом, получили десятки положительных рецензий.

Подводя краткий итог первой главе надо сказать, что в ней мы рассмотрели далеко не все грани права. В последующих главах, например в следующей, мы покажем и некоторые другие. А различные проявления компрекендной теории права будем отмечать во всей книге.

Сейчас для философов и юристов, а также всех тех, кто всерьез задумался о праве, мы приведем о нем несколько интересных высказываний, тоже высвечивающих его сущность.

Известный американский писатель Р. Уоррен написал, что право – это узкое одеяло на двуспальной кровати, когда ночь холодная, а на кровати аж трое. Одеяла не хватит, сколько его не тащи и не натягивай, и кому-то не миновать воспаления легких.²

Эту мысль, словно одеяло, можно повертеть со всех сторон. Это и противоречия права, основанные на личных интересах, и отсутствие справедливости, и недостаточная урегулированность отношений, и сила того, кто в итоге овладеет одеялом, и беспомощность заболевшего и т.д., и т.п. И не всегда будет ясно кто прав!

При возникновении споров желательно обратиться в суд. Но здесь вспоминается общеизвестный факт о популярном современном американском актере Хоакине Фениксе, который чтобы сыграть психически нездорового, убитого депрессией человека несколько месяцев проработал в

¹ Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014.

² Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: Жемчужины мысли / Э. Борохов. М., С. 439.

районном американском суде! Когда мы рассказывали эту историю российским судьям, почти все из них буквально выстреливали фразой, что этого актера понимают очень хорошо!

У кого-то из читателей, возможно, возникнет представление, что мы относимся к праву негативно. Вовсе нет! Право – важнейшее явление жизни! Мы с удовольствием и любовью посвятили жизнь его изучению! Вот только изучать право надо объективно и честно, без крайностей. Если видеть в нем только плохое – это не правильно. Равно как не правильно видеть в нем только хорошее и тем более идеальное.

Часто у ученых можно встретить фразу о противоречивости различных теорий права. Они действительно весьма различны, но более точно следует говорить о противоречивости самого права. Дело не в теориях, а в том, что право само по себе крайне противоречивое явление.

Иногда нам кажется, что право запуталось само в себе, в своих противоречиях и взаимоисключающих нормах. Это неизбежно привело к тому, что помимо первой и второй древнейших профессий (проституции и журналистики) в мире появилась третья профессия – юрист. Многие считают, что грамотный юрист может повернуть дело как в одну, так и в противоположную сторону. Причем и в том, и в другом случае будет основываться на правовых нормах! Ведь эти нормы противоречивы. На ум приходит расхожий афоризм: чтобы поступать справедливо, важно быть высокоморальным и воспитанным человеком и не обязательно много знать, а вот чтобы с полным основанием творить несправедливость, нужно основательно изучить право. То есть, с помощью права хороший юрист может творить как справедливость, так и несправедливость. Как правило, подобная аморальная деятельность осуществляется за достойную оплату (как проституция и журналистика). Воистину – третья древнейшая профессия.

Одним из выдающихся и наиболее заметным философом права из современников являлся член-корреспондент АН СССР Д.А. Керимов. Наши первые монографии о компрехендной теории права вышли незадолго до его

смерти. Он успел прочитать их и выступить рецензентом. Более того, на одну из книг написал последнюю в своей жизни рецензию – положительную и теплую. В ней сказано, что «несомненно заслуживает внимания предложенная авторами теория компрехендного познания права. Традиционно большинство юристов и философов, исследуя право, рассматривают его под углом той концепции, которой отдают предпочтение сами. Главным минусом таких попыток является отсутствие всеохватываемости, разносторонности изучения права и его проявлений, то есть отсутствие компрехендного подхода... Эта теория, поверьте, получит последователей и будет многократно разбираться учеными и преподавателями. Обоснование и разработка такой обобщающей теории вызывает несомненное уважение, а также показывает уровень ее авторов в науке. Компрехендный подход к изучению права является весьма перспективным».¹

¹ Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 70.

ГЛАВА 2.

ЗАПРОГРАММИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВО

Опираясь на идеи Л. Толстого и других мыслителей порассуждаем о запрограммированности общества и жизни конкретных людей. Говорить о программировании мы начнем с двух цитат известного русского дореволюционного юриста Б.Н. Чичерина. Еще в XIX веке он писал, что *«люди равны только как свободные лица, а не как члены высшего целого, в котором они могут иметь различное назначение, а вследствие этого различные права и обязанности. Поэтому в 1-й статье "Объявления прав человека и гражданина" к утверждению начал свободы и равенства прибавлено: "общественные различия могут быть основаны только на общей пользе"». Это начало весьма широкое; оно может требовать не только различия политических прав для различных общественных классов, сообразно с их политической способностью, но и наследственных преимуществ, на чем именно зиждутся монархия и аристократия»*.¹ И далее: **«Государство не обязано доставлять гражданам средства существования. Это дело частное. Каждый отыскивает себе работу и добывает пропитание сам. Когда в силу несчастного стечения обстоятельств человек не в состоянии пропитаться, он взывает к помощи ближних. Тогда наступает призывание благотворительности, сначала частной, а за недостатком последней, общественной. Государство в видах человеколюбия не может не прийти на помощь страждущим гражданам. Но благотворительность не становится для них правом; она действует по мере сил и возможности (выделено нами – С.З.)»**.²

Иными словами: если у государства не хватает возможностей (или есть другие приоритеты!) – человек не получит пособия по безработице, сносных условий для жизни и даже пропитания. Ибо государство, по Б.Н. Чичерину,

¹ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 2011. С. 108.

² Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005. С. 605.

не обязано всех кормить и, соответственно, обеспечивать право на жизнь, медицинскую помощь, образование, труд и т.д. Сам Б.Н. Чичерин – представитель одного из богатейших родов дореволюционной России – уверенно смотрел в завтрашний день и спокойно рассуждал о голоде других.

Но можно посмотреть на приведенные слова глубже. Тогда становится очевидным, что в дореволюционной России при ее формировавшемся буржуазном капитализме жизнь каждого человека была четко запрограммирована и очерчена жесткими рамками.

Что означает жизнь запрограммирована? Это значит, что уже с рождения человека сразу видно как и в каких условиях он будет жить. Родился дворянином – будешь жить достойно, с медицинской помощью, образованием, статусной работой. А родился в семье крепостных – навсегда будешь рабом! Вырваться из крепостных удавалось единицам! Крепостное право в 1861 году вроде бы отменено! Но эта отмена по большому счету поменяла не так много! Конечно, избавление от рабства – это хорошо. Но указанная формальная отмена не принесла бывшим крепостным средств к существованию. Поэтому все равно у богатых жизнь нацелена на пополнение богатства, широкое образование и возможность стать кем хочешь и кем сможешь! Бедные слои населения России опять же очутились в жестком и узком коридоре: у них при формально задекларированных правах не появилось возможности получить пропитание, работу, образование, медицинскую помощь и т.д. Поэтому они с рождения приучены к полунущетке, голоду и прислуживанию богатым. И в таком коридоре им необходимо существовать всю жизнь до смерти без права выбора. Вырваться из коридора опять же удалось мало кому. Таким образом, жизнь сразу запрограммирована и очерчена.

Жизненный коридор для бедных и так называемого «среднего класса» ограничен жесткими оградками, за которые человек не может вырваться. В рабовладельческом строе эти ограды обеспечивались насилием. По мере развития человечества обеспечение таких оград стало осуществляться менее

жестокими чем в рабовладельческом строе методами, но отнюдь не менее жесткими и не менее циничными по своей сути. Так, в буржуазно-капиталистическом обществе жизненный коридор человека стала жестко очерчивать экономика. Экономика стала диктовать (не просто определять, а именно диктовать!) место человека в обществе. И это место стало банально зависеть от наличия или отсутствия у человека денежных средств. Программировала жизнь людей относительно небольшая прослойка власть имущих.

Обратите внимание, что Б.Н. Чичерин и другие российские юристы-правоведы спокойно и цинично объясняют и показывают людям их жизненный коридор. Дескать, найдите свое место. В указанное время в России популярной была поговорка: каждый сверчок знай свой шесток, а также ее зарубежные аналоги. Возможно поэтому в России издавна был развит правовой нигилизм и неверие в право.¹

Так было в XIX веке и до половины XX века.

Мощь Советского Союза (государства рабочих и крестьян), победа в Великой Отечественной войне, наличие самой сильной в тот период армии в мире, в сочетании с объективным развитием человечества, заставили программаторов искать более тонкие и деликатные пути установления жизненных коридоров. В 1945 году была создана Организация объединенных наций (ООН), а в 1948 году принята Всеобщая декларация прав человека, а затем другие международные пакты. Все люди равны, права человека гарантируются и соблюдаются. Вроде бы все так. Но права по-прежнему не обеспечены. Только если ранее экономика обеспечивала жизненные коридоры человека через силу, то теперь стала действовать еще более цивилизованно – через образование.

¹ *Захарцев С.И.* Правовой нигилизм в России // Мониторинг правоприменения. 2015. № 2 (15). С. 12-20; *Захарцев С.И.* Правовой нигилизм в России // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 3 (11). С. 7-17; *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищеты: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 166-179.

В подтверждение наших слов приведем понятный пример. Если у человека денег на образование нет, то человек его и не получит. Закончит обязательных восемь классов и устроится на работу грузчиком или типа того. Если у человека или его родителей хватило денег только на среднее образование, то эффект будет примерно таким же. Разве что он может закончить колледж, профессиональное училище и стать квалифицированным рабочим, техническим работником в организации и т.д.

Устроиться на хорошо оплачиваемую работу может только человек, имеющий высшее образование. Причем престижное и востребованное высшее образование. Однако такое образование в абсолютном большинстве стран является платным. Если у человека нет денег, чтобы заплатить за высшее образование, то у него не будет и хорошооплачиваемой работы. Причем в так называемых цивилизованных высокоразвитых странах проводится политика, чтобы, во-первых, высшее образование стоило не символических, а серьезных денег и, во-вторых, количество вузов и соответственно людей, имеющих высшее образование, было относительно небольшим. Иными словами, количество хорошо образованных людей является регулируемым (обратите на это внимание). Для всех остальных людей жизнь четко запрограммирована, каждый в своем коридоре. При этом и наличие высшего образования не всегда избавляет от «своего коридора». Вырваться из него могут единицы, как правило, хорошие артисты или спортсмены.

Поливариативна жизнь только богатых от рождения людей.

Такая обстановка (с нюансами для каждой страны) имеется во всех современных капиталистических демократических государствах. Кроме этого имеется также и другое явление, которое отдельные исследователи путают с подлинной свободой и справедливостью: когда в программе общественной жизни для человека заложен относительно неплохой уровень социального обеспечения. При такой ситуации специалист (служащий, рабочий, крестьянин и др.) получает сносную зарплату, более-менее

удовлетворительную пенсию, терпимые социальные гарантии. Этот человек тоже выполняет свою роль и идет своим строго запрограммированным жизненным коридором (из которого также очень трудно выйти), но он удовлетворен в социальном плане и не думает о переменах. А чтобы о возможных переменах в жизни, справедливости, честности человек не думал, ему дают усеченное образование. Это образование может быть и высшим, но весьма узким, не приучающим думать и не включающим философские и нравственные ценности. Описанный выше тип жизненного коридора нередко называют «средним классом».

Теперь хочется спросить, а так ли было в Советском Союзе? Вовсе нет. Практически вся советская элита - ученые, военные, политики, чиновники, деятели искусств - происходила из обычных бедных рабоче-крестьянских семей, получивших отличное образование. То же касается и практически всех руководителей СССР.

А в основе опять же было образование. В частности, в СССР среднее образование было, во-первых, бесплатным, во-вторых, обязательным, в-третьих, фундаментальным и даже близким к зарубежному высшему. Такого среднего образования как в СССР не было нигде в мире. Надо добавить и в-четвертых: одинаковым. То есть, и в центральных школах Москвы, и в дальних уголках страны учили одинаково. Возможно, что в Москве уровень и был чуть выше, но это не мешало детям из сельских (как сейчас снисходительно говорят – провинциальных) школ поступать в столичные престижные вузы. Поступали все, кто по-настоящему хотел.

Высшее образование также было бесплатным и фундаментальным. Кроме того, во всех вузах СССР учили думать и давали широкое высшее образование. Обратите внимание, что на Западе высшее образование искусственно «заужают» под функционал конкретной профессии. В то же время большинство выпускников советских вузов могли работать в рамках своего образования везде.

Это заметно, в том числе, по юридическим наукам. В СССР студенты получали фундаментальное высшее юридическое образование с академичным преподаванием теории государства и права и широким представлением о всех правовых отраслях. Выпускник советских юридических вузов мог одинаково квалифицированно работать как в уголовно-правовых, так и гражданско-правовых специальностях. Потому что он, даже подчас не зная частностей, умел размышлять, понимал право и нацеливался на справедливость в принятии решений.

Западное образование, напротив, стремится максимально сузить юриспруденцию на отрасли и подотрасли. Там студенты неплохо изучают конкретные направления и не более того: должным образом другие отрасли не изучают. Крайне слабо по сравнению с советским образованием, преподается и теория государства и права. С Запада поднимаются и периодически встречающиеся размышления о том, что теория государства и права не нужна, что она себя изжила и пр. Обратите внимание, что уровень образования и уровень образованности – это разные вещи. Советские вузы стремились дать именно образованность, научить мыслить и понимать. На Западе образование часто сродни хорошему функционалу.

Про такое образование хорошо написал В.В. Сорокин. Он пишет, что в вузах Запада студенты-юристы уже давно должны проходить многочисленные case-study, в которых осваивают кейсы (упражнения, созданные на основе эмпирического опыта). При этом упор делается на собирании студентами готовых схем для действия в строго определенных обстоятельствах. Такого явного юридического позитивизма отечественное юридическое образование никогда не использовало. Жизнь богаче схемы, и отечественного юриста учили следовать разумной и одухотворенной логике жизни, избегая схематического, формального подхода к судьбе пострадавшего человека... На тестовых и им подобных инновациях формируется новая генерация юристов – «юрист-машина». Ее функция сугубо прикладная, как у робота – производить знания на узком социальном

пространстве в соответствии с буквой определенного нормативного акта. От такого специалиста не стоит ждать справедливости и милосердия, он не понимает, что значат эти слова. Знания юриста за пределами его узкой профессиональной деятельности показывают его весьма примитивным и невежественным человеком.¹

Сейчас советское образование – как среднее, так и высшее – развалено! Обратите внимание: при переходе к капиталистической системе отношений в современной России в первую очередь развалили и разрушили систему образования. Помните расхожий афоризм: образованный и нашедший себя человек теряет зависимость от чужих мнений. Сейчас образованность не нужна. Нужна программируемость. И предсказуемость.

Ведь все мы не раз слышали современные разговоры о ненужности большого количества образованных людей. И, видимо, сейчас делается все возможное для полного уничтожения советско-российского образования. Российское общество стали программировать с образования.

Немногие руководители современного российского бизнеса прогрессивны и по-прежнему пытаются развивать своих сотрудников, улучшать их образованность, решать бытовые вопросы. Большинству, судя по всему, нужна прослойка элиты и широкая часть общества, строго запрограммированная жить по своим коридорам. Черчиллю приписывают циничное выражение: врожденное достоинство социализма – равное распределение нищеты, врожденный порок капитализма – неравное распределение благ.

Процессы в образовании, собственно, подмечаем не только мы. Тот же В.В. Сорокин верно сказал, что сейчас научные и образовательные учреждения утратили изначальный авторитет, академизм, ориентируются на

¹ Сорокин В.В. О месте и роли общей теории права в контексте глобалистского юридического образования // Теория государства и права в науке, образовании, практике / Пред ред. совета Т.Я. Хабриева. М., 2016. С. 77.

утилитарные задачи... . Студентами движет стремление не к истинному, а к выгодному знанию. Происходит отделение научности от истинности.¹

Мы не случайно привели примеры именно из юридического образования. Программируемому обществу нужны именно такие юристы, изначально лишённые сострадания, справедливости, желающие устанавливать не фактическую, а юридическую истину.

Но и такое образование очень востребовано. По крайней мере оно является возможностью чуть улучшить свои финансовые возможности. Поэтому многие молодые люди в зарубежных странах, а теперь и в России получают высшее образование в кредит. То есть, с совершеннолетия залезают в кредиты и затем их выплачивают. При этом современные российские вузы как один проводят политику по сокращению бюджетных, бесплатных мест. Соответственно, люди с молодости становятся еще более экономически подконтрольными и зависимыми. Ведь человеком, имеющим долги, всегда легче управлять. А если еще вспомнить кредиты на жилье, на автотранспорт, на медицинские операции... Одним словом все направлено на то, чтобы у человека всю сознательную жизнь имелись долги, а он постоянно работал для их погашения.

А какова роль права и закона в запрограммированном обществе? Нам представляется, что роль права и закона в таком обществе связана, как минимум, с двумя плоскостями. Первая плоскость: декларирование всеобщего равенства, абсолютного равенства между высшим чиновником и рабочим, миллионером и бедным крестьянином, бизнесменом и школьным учителем. Другая плоскость права и закона связана с тем, чтобы с их помощью рабочий тем не менее оставался рабочим, крестьянин – крестьянином, а миллионер – миллионером. Обеспечивают эти процессы нормативно-правовые акты. Российский адвокат В.В. Овсянников по данному поводу высказался предельно ясно: «Формированием права, как

¹ *Сорокин В.В.* О месте и роли общей теории права в контексте глобалистского юридического образования // Теория государства и права в науке, образовании, практике / Пред ред. совета *Т.Я. Хабриева*. М., 2016. С. 82-83.

правило, руководит собственность».¹ О том же, только с позиции философии, хорошо сказал А.А. Гусейнов: «Пожалуй, именно в понятии и практике частной собственности юридическое равенство людей и их социально-экономическое неравенство сплелись самым непосредственным и наиболее противоречивым образом. Ключевой принцип, на котором держится философия права, гласит, что свобода одного человека ограничивается свободой другого. Да! Свобода до предела, пока она не упирается в свободу другого. Это мы более-менее понимаем, когда речь идет о свободе слова, о свободе совести. А как выглядит, когда речь идет о свободе частной собственности? Здесь нет никакого ясного ответа, ясного, по крайней мере, до такой степени, чтобы он был понятен и приемлем для общественного сознания. Похоже, что само понятие еще не включено, не введено в полной мере в контекст философско-правового осмысления, философско-правовой квалификации. А сам институт частной собственности не подвергнут тому глубокому и честному научному анализу, который трансформируется (не может не трансформироваться) в его историческую критику»².

Таким образом, роль права в программируемом обществе связана с обеспечением нормального существования тех, кто это общество программирует, то есть тех, кому принадлежит реальная власть. В зависимости от конкретной страны и ее исторического этапа власть в ней может принадлежать официальному главе государства, окружению главы государства, духовному лидеру, самому богатому человеку страны или группе таких людей.

В программируемом обществе право обязательно будет выполнять функцию законодательного обеспечения как правомочности программирования, так и получаемых в ходе программирования результатов. В обществе, где права носят на самом деле декларативный характер, а

¹ Цит. По: Смолькова И.В. Юридические афоризмы. М., 2013. С. 44.

² Гусейнов А.А. У философов и юристов много общих тем // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. СПб., 2010. С. 14.

«программы жизни» (или «коридоры жизни») жестко прописаны, роль права будет во многом схожа с известным определением – как воля правящего класса, возведенная в закон. Ярким примером таких правовых актов, имеющих в любом государстве, являются законы, обязывающие жителей показывать все свои доходы, заработки, финансовое состояние. С рождения любой человек находится под постоянным надзором налоговых и других контролирующих органов. У него не могут «вдруг» взяться какие-либо доходы.

Казалось бы: ну не показал человек свои доходы, кто от этого по большому счету пострадает? Пострадает не просто экономика в виде неуплаты налогов. Если каждому позволить выйти из своего коридора, то пострадает принцип запрограммированности общества. Пострадает управляемость, чего не должно допускать право. Именно поэтому налоговые правонарушения во всех западных странах наказываются наиболее строго.

В настоящее время в конституциях почти всех государства декларируются обширные естественные права человека. К ним относятся право на жизнь, на медицинскую помощь, на образование, на труд, на отдых, на пенсионное обеспечение и т.д. Кроме того, в рамках запрограммированности и своего жизненного коридора человек может быть достаточно свободен. Хочешь: покупай или не покупай, заводи или выкидывай, вступай в брак или нет, голосуй или игнорируй и пр.

Закрепление широких прав, конечно, является большим шагом вперед по растущей цивилизованности и разумности всего человечества. Правовой прогресс, конечно, имеет место быть. Уже раба не считают вещью, женщины и мужчины наделены равными правами и т.д. Обоснованию правового прогресса мы с В.П. Сальниковым посвятили немало работ.¹ Но надо хорошо

¹ Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. 2015. № 9. 17-31; Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 113-121; Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс как актуальная философско-правовая проблема // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 175-192; Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс:

понимать, что все эти права и дозволения только в пределах своего коридора, рамки которого жестко очерчены образованием и имеющимися финансами.

Всегда следует помнить, что многие декларируемые права финансово не обеспечены. Хорошо, например, что каждый имеет право на медицинскую помощь. Но эта помощь будет оказана ему только в том объеме, насколько у конкретного человека хватит денежных средств. Прекрасно, что есть право на труд. Однако обеспечивать работой и заработком никто не обязан. Сиди со своим правом и голодай. То же относится и ко многим другим правам. Вспомните приведенные выше слова Б.Н. Чичерина. Надо признать, что многие юристы-правоведы, увы, своими работами обеспечивали интересы правящей элиты, в том числе, а может быть в первую очередь – ее экономические интересы. Б.Н. Чичерин, наверное, делал это из личной заинтересованности, чем руководствовались и руководствуются другие специалисты – не знаем.

В принципе, наличие широких естественных прав человека характерно для демократических капиталистических режимов. Демократия, кроме того, характеризуется свободой всех и каждого. Но, как мы не раз отмечали, у такой свободы есть обратная сторона – никто никому не нужен! И если при своих широких естественных правах человек не сможет найти работу и банально умрет от голода это никого волновать не будет! Равно как не будет волновать то, что люди не получают должного медицинского обеспечения. Ярким подтверждением наших слов стала политика западных государств по отношению к своим пожилым жителям, заболевшим короновирусной инфекцией. Инфицированных пожилых людей, не могущих хорошо оплатить лечение, просто стали свозить в хосписы, где они без оказания помощи умирали. В запрограммированной жизни этих несчастных людей изначально никто не планировал бороться за их здоровье.

Почему же нет обеспеченности задекларированных прав? Нам видятся как минимум три варианта.

1. Обеспечение задекларированных прав и не планировалось. Нужен более-менее цивилизованный рабовладельческий строй.

Так рассуждали такие ученые как уже упомянутый Б.Н. Чичерин и русское Православное дворянство начала XX века. Правда, практически у всех из них жизнь закончилась трагически. А те, кому удалось в 1917-1918 гг. выехать за границу живыми, сразу были ограблены местной номенклатурой и близко не имели богатств и даже хорошего достатка. Шереметьевы, Шуваловы, Нарышкины, Чичерины и другие знатные фамилии при отрыве от России оказались в Европе обворованными и полубанкротченными. Достаточно вспомнить всем известный факт, что родственница императора Николая II чтобы выжить была вынуждена подрабатывать проституцией.

2. Обеспечение прав в принципе допускалось, но на практике у государства нашлись более значимые траты. Здесь надо понимать, что государством нередко фактически управляет не первое лицо, а его окружение. У окружения есть свое понимание, куда расходовать государственные деньги.

3. Государство частично обеспечивает задекларированные права населения. В настоящее время это имеется в Швеции, Китае и некоторых других странах. Права человека реализуются конечно не в полном объеме и далеко не всегда на высоком уровне, но их обеспечение позволяет неплохо жить.

Надо сказать, что сейчас все больше российских юристов стали весьма критично относиться к демократии. Например, Г.В. Мальцев считает, что практика проводимых президентских, парламентских и региональных выборов свидетельствует о том, что демократия не способна призвать к государственному правлению людей одарённых и честных.¹ О том же стали

¹ Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2013. С. 599.

писать и многие зарубежные специалисты. К чему все это приведет покажет время.

Тем временем не менее мы вошли в XXI век, который уже назван веком информационных технологий. В настоящее время человек стал получать значительно больше информации, чем было раньше. Это произошло благодаря, как минимум, четырем факторам:

- доступности информации. Еще недавно надо было приложить усилия, чтобы, например, прочитать о стране, в которую вы хотите посетить. Или узнать о необходимом лекарстве, событии, человеке. Теперь у каждого человека в кармане есть несколько телефонов, компьютеров, других устройств, позволяющих получать информацию фактически в любой точке земного шара. Появились специальные поисковые системы, в которых имеются достаточно полные ответы, наверное, на все жизненно важные вопросы человека. Для получения ответа на практически любой вопрос уже не надо идти в библиотеку, иметь под рукой несколько словарей, карт или советчиков. Данный факт позволяет расширять сферу интересов человека, усиливает интерес к жизни, побуждает посмотреть (узнать, пощупать купить и т.д.) все больше предметов и вещей, побывать во многих государствах и местностях, составить свое впечатление и представление.

- распространению информации. Широта и почти вседозволенность распространения информации тесно переплетаются с ее доступностью. Действительно, доступность к информации имеет большое значение. Не менее важно, чтобы информация быстро, молниеносно распространялась. Еще недавно о событиях в городе проживания его население могло не узнать или узнавало с большим опозданием. Появление ежедневных утренних газет значительно увеличило не только доступность, но и именно быстроту распространения информации. О новостях все желающие стали узнавать утром следующего дня. Появление утренних газет изменило темп жизни горожан. Изобретение и активное внедрение в нашу жизнь телевидения и радио быстроту распространения информации умножило в десятки раз.

Появление Интернета еще более увеличило распространенность информации, которую в ряде случаев стало возможно получать в режиме реального времени.

- развитию средств связи. Помните, что совсем недавно люди писали друг другу письма. Чтобы написать и отправить в XIX веке письмо нужен был определенный достаток (для покупки перьев, бумаги, чернил, конверта, почтовых принадлежностей и т.д.). Кроме того, требовалось образование и время. В XX веке человечество стало значительно грамотнее, написать и отправить письмо не составляло труда, но процесс написания все равно занимал много времени. Правда, время стала экономить телефонная связь. В настоящее время изобретено несколько способов связи, позволяющих в любой момент, без ощутимых затрат, независимо от образования, средств и других причин связываться с любым человеком в любой точке планеты. Средства связи опять же определяют как доступность, так и быстроту распространения информации.

- развитию средств перемещения. Указанный тезис также не нуждается в каких-либо доказательствах. Сейчас человек относительно легко может добраться практически до любой обитаемой точки земного шара. Разумеется, это не идет ни в какое сравнение с тем, что еще полтора века назад к путешествию, например, в Крым или из Петербурга в Москву готовились год, а затем полмесяца ехали.

Как эти изменения влияют на роль права в программируемом обществе? Она сводится к тому, чтобы, во-первых, четко и прозрачно регулировать средства связи и перемещения. А во-вторых, что не менее важно, при необходимости контролировать людей и общество. Во всех странах имеются оперативно-розыскные органы и спецслужбы, которые правомочны проводить различные мероприятия, связанные с контролем за перемещением человека, его переговорами и перепиской, оплатой счетов и т.д. В XXI веке человек в принципе стал гораздо более подконтролен, чем в даже XX веке. И

такая подконтрольность человека опять же обеспечивается необходимой законодательной базой и правом.

Более того, в связи с эпидемией коронавируса в ряде регионов России ввели электронные чипы-пропуска. Такой чип позволяет в любой момент определить местоположение человека. В электронный чип занесена полная информация о человеке и даже автотранспорте, на котором он перемещается. Отсутствие электронного чипа (равно как его отключение и блокировка) означает невозможность выхода на улицу из жилища и движения по городу. Фактически это означает полный контроль человека.

Иными словами, помимо принципиальной программируемости и подконтрольности общества в целом, появился контроль и за каждым человеком в отдельности.

Кроме того, появилось еще несколько факторов, имеющих самое непосредственное отношение к программируемости общества.

- подконтрольность отдельно взятого человека значительно усилилась введением и пропагандой безналичных расчетов с помощью банковских карт. Такие расчеты четко показывают компетентным органам сколько у человека на счетах денежных средств и куда он их тратит.

- подконтрольность отдельно взятого человека также усилилась введением электронных билетов на концерты и массовые мероприятия, железнодорожных и авиационных билетов, пропусков на работу и в организации.

- люди стали значительно более разобщены, в том числе банально меньше общаться друг с другом;

- введение дистанционного образования растит людей недоучками, что опять же выгодно с точки зрения программируемости.

Отдельные ученые наивно полагают, что всеобщая цифровизация позволит прекратить или хотя бы сократить уровень коррупции. Предлагалось даже не допускать в судьи людей и доверить правосудие цифровым роботам.

По нашему мнению, такими методами коррупцию не победить. А ее уровень не снизится, а еще более возрастет.

Рассмотрим простой пример в части обеспечения законности. Контролировать законность на улице будет осуществлять обычный сержант полиции. Остановив человека на улице, именно он фактически будет решать, есть у того электронный пропуск, если ли право на передвижение или нет. Ведь этот сержант в любой момент может сказать, что пропуск аннулирован, не продлен, «не читается» электронной системой и т.д. Правовой защиты от него нет! Обычные горожане на себе ощутят всю коррупционность известной фразы «казнить нельзя помиловать»: все дело в том, где в корыстных мотивах поставит запятую сержант. Вот такие реалии права.

Идею роботизации судопроизводства, в том числе уголовного судопроизводства, пропагандируют юристы США. Мы не раз писали об опасности роботизации. Тезисно повторим наши аргументы.

Робот будет судить именно с позиции юридической истины, причем без справедливости и без сострадания. Он не в состоянии чувствовать, соболезновать, переживать. Электронный мозг будет просто рассматривать юридический факт и выносить формальное решение. Он не будет рассматривать личности подсудимого и потерпевшего. А ведь их изучение в контексте с содеянным имеет подчас важнейшее значение для вынесения справедливого приговора.

Применение роботов лишит еще одного важнейшего принципа уголовного правосудия – гуманизма. Человек со своей судьбой и жизнью для правосудия перестанет существовать. А ведь данный принцип, в идеале, должен лежать в основе любого процессуального действия. Конечно, на практике до идеала бывает достаточно далеко. Однако в головах следователей, прокуроров и судей этот принцип все равно имеется. Они понимают, что напротив них тоже находятся люди.

С юридической стороны изложенное показывает то, что применение робота фактически полужачеркнет субъективную сторону преступления. Он в

силу понятных причин не сможет оценить степень вины соучастников преступления, не сможет понять мотивы и цели преступников (а может и вовсе не преступников, а лишь лиц, выполнивших объективную сторону преступления). Сколько столетий прошло с того момента, когда человечество отказалось от объективного вменения и доросло в своем развитии до того, чтобы осознать важность вины для определения состава преступления. Всегда ли робот сможет понять виновен человек или нет, например при причинении смерти в условиях необходимой обороны? А если мы признаем очевидный факт того, что оценить субъективную сторону робот может не всегда, то это является фундаментальной причиной для невозможности внедрения практики вынесения электронным устройством приговоров. И названная причина, соответственно, полностью перечеркивает все аргументы сторонников робота-судьи.

Использование робота сведет на нет и казалось бы незыблемое правило уголовного правосудия - предоставление подсудимому последнего слова. Для робота-судьи при рассмотрении дела сущность последнего слова, разумеется, иметь значения не будет.

Одним из главных аргументов сторонников судьи-робота заключается в том, что он будет судить честно и беспристрастно, тем самым изначально не допустит преступные действия судьи-человека (коррупцию, субъективность и т.д.). Но ведь на самом деле это не так. Надо помнить, что введение робота и электронного мозга может породить и наверняка породит вал компьютерных преступлений, которых раньше просто не могло быть. Как ни защищай электронику, всегда найдется какой-нибудь хакер или умелец, способный ее вскрыть и перепрограммировать робота. Что тогда? Появятся необоснованные и преступные приговоры. И что важно – виновных не будет, все жалобы на правосудие адресуйте роботу.

Трудно ли хорошему специалисту манипулировать роботом, при этом не оставляя видимых следов? А электронные следы еще не достаточно изучены криминалистикой, они спорны и всегда сомнительны. Собственно,

хороший компьютерщик может запрограммировать обслуживаемого им робота на любые действия. Иными словами, от человеческого фактора уйти все равно не получится.

Более того, при указанной ситуации будут подвержены коррупции специалисты, обслуживающие электронику и робота. При этом они, как правило, не юристы, но фактически именно от этих работников будет зависеть правосудие. А ведь над ними есть начальники и еще более высокие начальники. И здесь опять возвращаемся к запрограммированности общества. Не будут ли эти начальники фактически зависеть от тех, кто обществом реально руководит и его программирует? Уверены, что будут!

Мы неоднократно утверждали, что человечество еще близко не представляет опасности от информационных технологий. Это же относится и к ученым. Многие специалисты, искренне думая только о хорошем, видят в развитии информационных технологий и информационном праве только большой прогресс. Но у названных процессов есть и обратная сторона, которая связана с усилением контроля как за обществом в целом, так и конкретными людьми, более жестким очерчиванием их жизненного коридора.

Запрограммированность, подконтрольность, а в конечном счете - расчеловечивание... Нам понравились рассуждения Р.Ф. Исмаилова в его книге о Ф.М. Достоевском. «“Время достоевствует”, - говорили в Германии в начале XX века и повторяют эти слова в начале века XXI. В те годы, когда Ф.М. Достоевский создавал свои первые повести, немец К. Маркс разрабатывал учение об отчуждении от человека его сущности. В XX веке, ссылаясь на К. Маркса и Ф. Ницше, об этом же говорил М. Хайдеггер. Сегодня суждение о “расчеловечивании” человека стало общим местом. Человек все более становится объектом манипуляции, управляемые потоки информационного общества отучают его мыслить, отчуждают его от самого мышления, а значит и от сути бытия. Экономические процессы, давно вышедшие из-под контроля суверенных государств, оказываются вне

достижимости демократических институтов; тем самым разрывается последняя нить, оставляющая хоть какую-то возможность для человека контролировать базис его собственного существования. Похоже, и сама природа восстает против человека и словосочетание “экологический кризис” сегодня связывают не только с кризисом природы, но и с кризисом человека, и все чаще говорят об “экологии человека”».¹

Возвращаясь к разработанной нами компрехендной теории права вспомним, что право имеет как разумные, так и откровенно бессмысленные черты, проявляет как позитивные, так и негативные грани, например, разрешение в ряде стран однополых браков, проституции, торговли наркотиками, биологических экспериментов над людьми и т.д. Но вопросом остается то, почему многие специалисты такие грани права не хотят замечать, а искусственно возвеличивают только его отдельные позитивные проявления? Или любят писать о правах человека, как мы разобрали, ничем не обеспеченных?

Приятно, что теория набирает популярность в мире. А регламентация программирования человеческих жизней является, увы, одной из граней права. Отдельной гранью является и обязательное взаимодействие права с экономикой, где последняя нередко играет главенствующую роль.²

¹ *Исмаилов Р.Ф.* Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья В.П. Сальникова и Д.В. Масленникова. СПб., 2017. С. 311-312.

² *Захарцев С.И.* Экономика и право: проблемы соотношения // Правовое поле современной экономики. 2012. № 8. С. 49-54.

ГЛАВА 3

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ЕГО ДЕФОРМАЦИЯ

§ 1. Правосознание

Философия права немыслима без исследования правосознания. В данной главе мы рассмотрим отдельные проблемы правосознания, правового нигилизма и профессиональной деформации, расширив и уточнив публиковавшееся ранее наше видение этих вопросов.¹

По нашему мнению, право зарождалось на Земле как минимум трижды.² Первый: с появлением на Земле человека, в сознании которого заложено стремление к праву, необходимость права. Второй: с возникновением первого государства и появлением исходящего от него позитивного права. Третий: с зарождением обычаев, получивших со временем статуса правовых. (об этом мы будем более подробно говорить в другом параграфе).

Несомненно, что на каждом из витков зарождения права, у человека есть и правосознание. В сознании родившегося человека есть стремление к праву, он на примитивном уровне оценивает свои права (право на жизнь, на пропитание, на охрану здоровья), частично регулирует свое поведение, а уже в дальнейшем воспринимает и оценивает правовые обычаи и нормы права, издаваемые государством. Право и, соответственно, правосознание, находятся рядом с человеком всегда. Различен уровень осознания права.

Сознание и правосознание соотносятся как целое и часть. То есть, сознание человека обязательно включает в себя правосознание. Если человек в силу каких-либо причин не научился читать, считать и писать, то у него не будет понимания большинства научных, в том числе юридических истин. Но сознание, пусть примитивное, будет. И правосознание все равно будет. При любых условиях жизни (в ненаселенных местах, в нецивилизованном

¹ Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. 2012. № 2. С. 48-53.

² Захарцев С.И. Возвращаясь к дискуссии о происхождении права // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 6. С. 279-293.

обществе, среди необразованных людей) человек даже на примитивном уровне всегда будет понимать и оценивать правила своего поведения, то есть, что можно делать, а чего следует избегать. Помимо потребности сознания в праве, регулировать свое поведение человеку помогут и обычаи, которые в необразованных слоях весьма распространены. Исходя из таких обычаев и собственного сознания человек будет оценивать свое поведение, то есть руководствуясь правосознанием.

Иными словами, право не мыслимо без осознания его человеком. Но и сознание невозможно представить без права, которое является для каждого человека жизненно необходимым.

Вопрос о том, присуще ли правосознание человеку непосредственно с рождения или нет, малоизучен. С одной стороны, правосознание связывают с уже определенным умственным развитием. Правосознание – это разумная деятельность. С такой точки зрения с рождения правосознания не возникает, а формируется чуть позже. С другой стороны, человек наделен правами с рождения. С рождения у него начинается и мыслительная деятельность. Значит и правосознание начинает формироваться с начала мыслительной деятельности, то есть практически с рождения. Отсюда и берет начало известная мудрость:

Женщина задала вопрос мудрецу: - с какого возраста надо начинать воспитывать ребенка? Мудрец спросил: - А сколько лет ребенку? - Только исполнилось пять, – ответила женщина; - В таком случае, - заключил мудрец, – вы опоздали с воспитанием на пять лет.

То есть, уже с начала мыслительной деятельности ребенка, пусть примитивной, закладывается основа его правопонимания, правосознания, поведения. Правовые обычаи и законы он будет постигать и оценивать позже, в процессе всей жизни.

Вместе с тем, философию права и юридическую науку, разумеется, интересует не правосознание дошкольников, а правосознание более взрослой части населения.

В принципе, подходы к правосознанию определены наукой достаточно давно. Под правосознанием обычно понимают систему правовых чувств, эмоций, идей, взглядов, оценок, установок, представлений и других проявлений, выражающих отношение человека как к действующему праву, своим правам и свободам, юридической практике их реализации, так и к желаемому праву, к другим желаемым правовым явлениям.

В регулятивном воздействии правосознания П.П. Баранов выделяет следующие моменты:

1. Правосознание не просто способствует осознанию гражданином цели юридически значимого поведения, но и является определяющим источником и каналом этого осознания. Правосознание помогает человеку всесторонне осмыслить ситуацию. Именно здесь происходит невидимый глазу процесс «расщепления» сознания на правовое или противоправное.

2. Правосознание помогает человеку «увидеть» набор возможных средств достижения целей юридически значимого поведения и произвести выбор конкретных средств из этого гипотетического множества.

3. Правосознание индивида помогает ему правильно оценить социальную эффективность избранной стратегии достижения целей юридически значимого поведения.¹

К этим верным словам надо лишь повторить то, что право бывает различным, противоречивым. Например, в одной стране распространение наркотиков противоправно, а в другой – правомерно. И правосознание надо оценивать применительно к конкретному времени и конкретной стране.

На правосознание, то есть внутреннюю оценку человеком правовой реальности, помимо непосредственно правовых норм, оказывают влияние и другие факторы. К таким факторам, в частности относятся, сложившаяся в обществе система нравственных норм, принятые в социуме правила поведения, пример окружающих тебя людей и сослуживцев и др. Как

¹ *Общая теория права* / Под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород. 1993. С. 480 (автор главы – П.П. Баранов).

показывает опыт, эти факторы оказывают больше влияния на формирование правосознания, чем правовые нормы. В этом смысле совершенно прав В.Н. Кудрявцев, давно обосновавший этот тезис. По его мнению, норма права в диспозиции определяет желательное для общества и личности поведение. Однако следует иметь в виду одно принципиальное положение: правосознание всегда ближе к «поступку», чем правовая норма. Именно оно, а не правовая норма «предотвращает противоправное поведение» и придает поступку «желательное юридическое значение».¹

В юридической науке правосознание принято подразделять на три уровня:

- обыденное;
- научное (теоретическое);
- профессиональное.

Вместе с тем, несмотря на общепринятость, такая позиция вызывает определенную критику. Ведь научно-педагогические работники в области права, несомненно, наделены именно *профессиональным* юридическим правосознанием. Более того, своей педагогической практикой и научными публикациями эти специалисты вырабатывают правосознание как обыденное у граждан, так и профессиональное у будущих и действующих юристов. Указанная категория людей стоит во главе формирования правосознания.

Однако не совсем верно говорить о том, что, например, председатель суда, глава крупной адвокатской конторы, директор юридической фирмы обладают профессиональным правосознанием, а профессор теории права — научным, то есть не профессиональным. В этом чувствуется противопоставление научного и профессионального правосознания, чего, конечно, не должно быть.

Полагаем, что научное правосознание относится к профессиональному правосознанию и является его высшим уровнем.

¹ Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М. 1976. С. 38.

Следует иметь в виду и то, что в юриспруденции, как и в медицине, многие практические работники имеют ученые степени и звания. Собственно говоря, после достижения человеком определенных успехов в практической юриспруденции, у него возникает осознанная потребность повысить свои знания, лучше систематизировать их, по-новому оценить и осмыслить. Где это можно сделать, кроме как в науке?

Именно поэтому многие состоявшиеся практические сотрудники стремятся в науку, пытаются с научной точки зрения заново посмотреть на те или иные проблемы, поделиться опытом и, напротив, более тщательно оценить предложения других коллег.

Этот процесс всем известен. Многие известные государственные деятели, политики, судьи, прокуроры, адвокаты не просто имеют высокие научные степени, но и стали известными учеными¹. Однако правосознание-то у них одно. Так какое это правосознание: профессиональное или научное? Едва ли возможно предположить, что их правосознание меняется в зависимости от места нахождения: в служебном кабинете – профессиональное, а на кафедре или в домашних стенах – научное?

Сказанное относится не только к государственным и общественным деятелям, известным практикам. Мы знаем не мало специалистов, активно и эффективно совмещающих научное и практическое. Их основная сфера деятельности связана с практикой (адвокатов, следователей, прокуроров и т.д.), что не мешает им одновременно заниматься подготовкой

¹ Перечислить всех невозможно. Председатели Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин и В.А. Туманов – известные теоретики права, бывший Председатель Высшего арбитражного суда В.Ф. Яковлев – член-корреспондент РАН. Академик РАН Т.Я. Хабриева занимала ответственные посты на государственной службе. А.И. Бастрыкин возглавлял Следственный комитет Российской Федерации уже будучи широко известным криминалистом. Член-корреспонденты РАН Д.А. Керимов и С.С. Алексеев были народными депутатами СССР. Так было и ранее. Например, известный теоретик права академик А.Я. Вышинский был Генеральным прокурором СССР, видные посты в Генеральной прокуратуре в тот период занимали член-корреспонденты АН СССР М.С. Строгович и С.А. Голунский. Если взять дореволюционный период: Л.И. Петражицкий был депутатом Первой Государственной Думы Российской Империи, Б.Н. Чичерин – московским городским головой. Этот список можно значительно расширить.

диссертационных исследований, преподаванием. Опять возникает тот же вопрос об их правосознании.

На наш взгляд будет лучше классифицировать правосознания на:

- профессиональное;
- непрофессиональное (обыденное).

При этом профессиональное правосознание разделять на:

- научное и научно-практическое (комплексное);
- ненаучное (строго практическое).¹

Научное и научно-практическое правосознание являются высшими уровнями правосознания. Низший уровень профессионального правосознания, напротив, составляют практические работники, не стремящиеся или не могущие в силу объективных причин подняться на более высокую ступень осознания и восприятия правовой действительности. По нашим наблюдениям эти люди, как правило, превращаются в ремесленников, хорошо знающих очень узкую часть права, ту, с которой приходится сталкиваться в повседневной деятельности. Другие составляющие права даже в пределах одной отрасли для них нередко являются (или быстро превращаются) в неизвестные и непонятные.

Может быть, мы выскажем не бесспорную мысль. *По нашему мнению, настоящий юрист обязательно должен заниматься или хотя бы пытаться заниматься научной деятельностью.* Без этого юридические нормы забываются и даже известные положения становятся возможными для применения только в типичных случаях.

Только научная деятельность позволяет систематизировать знания, постоянно совершенствовать их, расширять свои познавательные горизонты. Поэтому эффективная практическая юридическая деятельность не возможна без мыслительного движения вперед, без постоянного расширения познания права и правового бытия.

¹ Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. 2012. № 2. С. 48-53.

Видимо, также думал и О.Э. Лейст, который предложил подразделять уровни профессионального познания права на:

- практикующую юриспруденцию;
- общую теорию права;
- философию права.¹

Правосознание практикующего юриста обычно не выходит за пределы оценки действующего права; все, что относится к оценке этого права, к перспективам его изменения и развития, к проблемам происхождения права, его смысла и социального назначения, не связано с его практической деятельностью. Привычка мыслить формулировками и понятиями наличного права порождает консерватизм части корпорации юристов, отторжение новшеств в правовой системе, даже если эти новшества ведут к совершенствованию содержания права и процедур его реализации. Профессиональное правосознание юристов порой расходилось с потребностями общества и общепринятыми понятиями справедливости... Государство для практической юриспруденции – это сумма должностных лиц и государственных органов, уполномоченных решать и рассматривать различные категории дел; юриста-практика интересуют подведомственность или подсудность порученных ему дел, а потому компетенция различных государственных учреждений и должностных лиц, часы и дни их работы, порядок оформления документов (исков, заявлений), сроки рассмотрения дел или обжалования решений и т.п.

Общая теория права является по О.Э. Лейсту вторым, более высоким, чем практическая юриспруденция уровнем знаний о праве. Общая теория права не учит решению конкретных дел. Но она помогает при исследовании материалов дела отличать юридические факты от обстоятельств, не имеющих юридического значения, определять наличие юридического состава и его квалификацию, решать не всегда простые вопросы выбора нормы, подлежащей применению, проверять юридическую силу этой нормы,

¹ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2011. С. 259.

элементы которой содержатся в разных нормативно-правовых актах и т.д....Общая теория права видит в государстве оформленную правом правотворческую организацию, применяющую право и охраняющую его от нарушений. Общая теория права изучает такие проблемы, обусловленные существованием государства, как соотношение частного и публичного права, правовой статус государственных органов и должностных лиц в качестве особых субъектов права, особенности материально-правовых и процессуальных норм, место и роль суда и других правоохранительных органов в охране правопорядка, обеспечение законности и др.

Третьим, самым высоким уровнем познания права является *философия права*, стремящаяся постичь законы бытия права, его место и роль в социокультурном мире разных цивилизаций, его связь с человеком, коллективом, обществом и государством, с общественным сознанием и культурой человечества. Поскольку философия права использует выводы других общественных наук и притом несвободна от ориентации на определенную систему ценностей, философские взгляды на государство, как и на право, разнообразны. В зависимости от идеалов и ценностной ориентации одни видят в государстве потустороннюю силу, действительность нравственной идеи, другие – организацию, форму общества, третьи – машину для подавления одного класса другим, орудие насилия и принуждения, четвертые – выделенный из общества в результате разделения труда иерархически централизованный класс лиц, профессия которых состоит в управлении и (или) принуждении, пятые – олицетворение России, Отечества, Нации и т.п... Философское видение права разнообразно и противоречиво. Но и оно связано с практической юриспруденцией и способно оказать влияние на практику решения юридических дел.¹

С такой высокой оценкой философско-правового познания права мы согласны. В целом поддерживая предложенную О.Э. Лейстом классификацию, отметим, что он не указал важную деталь: общеправовым и

¹ См.: Лейст О.Э. Сущность права. М., 2011. С. 259-266.

даже философско-правовым уровнем знаний обладают не только теоретики-мыслители, но и некоторые практикующие юристы, а также лица, совмещающие практикующую и научную работы. При этом мы солидарны с О.Э. Лейстом в том, что философия права несет в себе и практическую функцию, может в ряде случаев оказать влияние на практику рассмотрения юридических дел, а основополагающие проблемы праксиологии права входят в предмет данной дисциплины.

Отдельно требуется сказать об обыденном правосознании. Этот уровень правосознания является наиболее распространенным, так как абсолютное большинство людей не имеют юридического образования. На формирование такого правосознания значительное влияние оказывают воспитание, среда жизни людей, непосредственные условия их существования, уровень жизни, интеллектуальность, образованность и др. Велико и значение опыта общения с правом. Этот опыт накапливается как собственными действиями человека, так и пополняется через средства массовой информации, коммуникации, кинофильмы и пр.

Обыденное правосознание начинается с обыденного сознания. Рассуждая о нем, В.С. Степин писал, что обыденное сознание, как правило, не осуществляет рефлексии над своими глубинными основаниями. Человек в повседневной жизни понимает, что такое пространство, время, добро, зло, справедливость и т.п., и соответственно этому пониманию оценивает конкретные события, поступки и действия других людей. Но он обычно не задумывается над смыслами этих категорий, и если речь пойдет об их определении, о выявлении их связей и отношений, то обыденное мышление не может решить. Их решает философия. Она осуществляет рефлексию над универсалиями культуры, выносит их на суд разума, превращает в особые идеальные объекты, с которыми философ затем оперирует также, как математик с числами и геометрическими фигурами, изучая их свойства и отношения¹. Соглашаясь с этим мнением, Д.А. Керимов дополняет: «связи и

¹ Цит. по: Керимов Д.А. Методология права. М., 2000. С. 388.

отношения указанных (и иных) универсалий культуры решает не только философия, но и все другие гуманитарные и общественные науки, в том числе правоведение и прежде всего философия права¹.

Обыденному правосознанию юристы должного внимания не уделяли. Возможно поэтому в учебной литературе по юриспруденции встречаются очень упрощенные понятия обыденного правосознания. Например, А.Б. Венгеров считает, что «обыденное правосознание – это отношение к праву, его оценка на уровне стереотипов, штампов, слухов, курсирующих в тех или иных социальных группах, иногда толпе»². В данном определении автором совершенно игнорируются такие важные факторы формирования правосознания как интеллектуальность, образованность, наконец, воспитанность. Воспитанный в законопослушности и нравственности человек, хотя и не являясь юристом, не будет оценивать право через призму штампов, слухов и т.д. При этом если человек интеллектуально развит и образован – тем более. Едва ли предложенное А.Б. Венгеровым определение можно отнести к известным физикам, математикам, врачам, учителям и т.д., хотя их правосознание в плане юриспруденции вовсе не профессиональное и не научное. Д.А. Керимов верно сказал о том, что зрелость правосознания индивида зависит от уровня его интеллектуальности, которая вовсе не является наследственным благоприобретением или замкнутой в самой себе ценностью. Она представляет собой тот особый склад ума и характера, который вырабатывается самим человеком в процессе практической деятельности, общения с другими людьми в условиях жизнедеятельности всего общества³.

Другим периодически встречающимся в научной и учебной литературе спорным суждением, является противопоставление обыденного правосознания научному. Так, обыденное правосознание по отношению к научному нередко характеризуется в негативном ключе. Вместе с тем,

¹ Там же.

² Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2009. С. 563.

³ Керимов Д.А. Методология права. М., 2000. С. 393.

значение обыденного правосознания очень велико. Именно оно является своеобразным индикатором эффективности действия правовых норм. И в этой связи оно дает импульсы для научного осмысления таких норм, формулирования предложений по их совершенствованию. Научное правосознание немыслимо и невозможно без изучения обыденного правосознания, которое является отправной точкой для изучения тех или иных общественных правоотношений.

Поскольку интеллектуальность традиционно понимается как высшая форма сознания, игнорировать ее при оценке обыденного правосознания совершенно не верно.

Кроме того, обыденное правосознание как наиболее массовое правосознание является основой правопорядка. Чем выше именно его уровень, тем выше, соответственно, уровень правопорядка. Поэтому юристы каждым своим словом и действием должны поднимать уровень обыденного правосознания.

Необходимо кратко высказаться еще по одному вопросу. Сейчас в научный оборот введен термин «интуитивное знание» - понимание сути предмета, полученное благодаря интуиции, непосредственному постижению сущности вещи. Отсюда скоро возникнет вопрос о том, существует ли интуитивное правосознание?

Надо сказать, что термину «интуиция», на наш взгляд, недостаточно внимания уделяли как философы, так и психологи. В результате, интуиция как правило определяется как чувственное познание.

Мы думаем несколько иначе. Скорее интуиция есть предчувствие, то есть перед чувствами, до чувств. Отсюда, говоря об интуитивном знании, более правильно его определять как предчувствие о признаках предмета, но ни как не о понимании, постижении его сущности. То есть, в данном случае речь идет не о сознании и тем более не о правосознании, а о предчувствии, до осознанности. Потому мы считаем, что говорить об интуитивном правосознании не верно.

Вместе с тем, интуиция может играть определенную роль в правомерном поведении. Так люди, не имеющие юридического образования и профессионального правосознания, но обладая жизненным опытом интуитивно могут юридически правильно поступить в сложной ситуации. То есть, интуиция может выступать и выступает неким подсказчиком для сознания. Однако смешивать ее с сознанием и познанием не следует.

В завершение повторим, что на каждом из витков зарождения права у человека имелось и правосознание.

Мы классифицируем правосознание на:

- профессиональное;
- непрофессиональное (обыденное).

При этом профессиональное правосознание разделяем на:

- научное и научно-практическое (комплексное);
- ненаучное (строго практическое).

§. Профессиональная деформация правосознания

Каждый человек мечтает стать профессионалом в своей деятельности. Но на профессионализм следует смотреть не только с точки зрения быстроты и качества выполнения определенных действий. Профессионализм подразумевает и психологический взгляд.¹

К сожалению, вслед за профессионализмом у ряда людей наступает профессиональная деформация.

Тема профессиональной деформации правосознания, ее истоки, причины и последствия давно находятся в сфере наших научных интересов. Возможно это связано с тем, что в практической правоохранительной деятельности нам приходилось неприятно сталкиваться с людьми, имеющими на профессиональной почве деформированное сознание и лично испытать, насколько это опасно. Возможно в интересе к такой теме лежит любовь к психологии, чему способствовало личное знакомство с известными психологами. Не исключено, что существуют и какие-то другие, пока совсем не ведомые нам причины. Но так или иначе, мы достаточно подробно изучали вопросы профессиональной деформации работников оперативных подразделений органов правопорядка. Результаты этих исследований отражены в монографии². Затем взяли более широкую тему и изучили вопросы профессиональной деформации сознания практикующих юристов: следователей, прокуроров, судей, оперативных работников. Это позволило нам выделить новые для науки типы профессиональной деформации правосознания, которые успешно внедрены в учебный процесс, вызвали интерес у специалистов.

В данном параграфе мы уточним некоторые результаты наших предыдущих исследований.

¹ См.: Журавлев А.Л. Личность профессионала в современном мире. М., 2012; Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М., 2011 и др.

² См.: Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2011. С. 99-109.

Однако писать о профессиональной деформации правосознания ученых-юристов, признаемся, не хотелось до следующего неприятного момента. Зайдя на кафедру мы непроизвольно стали свидетелем возмущенного монолога одного известного ученого. Он, костеря чью-то научную статью, возмущался, что в ней нет ссылок на его работы. «Какая же наука может быть в этой писулке, - так он назвал статью, - если в ней обо мне даже не упоминают!». Прочитав статью и вспомнив работы собеседника, мы корректно, как по крайней мере нам показалось, заметили, что по заявленной в статье теме он никогда не писал. Присутствовавшие в тот момент на кафедре специалисты услышали буквально такой ответ: «Неважно. Я же светило, главный авторитет в этой дисциплине. Ссылки на меня должны быть везде». Статью этот ученый, конечно, не пропустил, а мы в его лице нажили настоящего врага.

Вначале исследования мы подчеркиваем, что научно-педагогическая среда, искренне любимая нами, в основном состоит из достойных и порядочных людей. Однако подобные примеры, к сожалению, в ней тоже не единичны. Это означает и где-то обязывает нас и других ученых внимательнее посмотреть на поднятую проблему.

Как известно, в теории и философии права выделяются три типа деформации правосознания: правовой инфантилизм, правовой нигилизм и перерождение. Однако очевидно, что подобная классификация совершенно не подходит для преподавателей юридических вузов и ученых. То есть, как уже не раз доказывалось нами, для выделения типов профессиональной деформации правосознания требуются другие подходы

Профессиональной деформации правосознания мы предлагаем дать общее и наиболее простое определение, отражающее сущность этого феномена. По нашему мнению, профессиональная деформация правосознания – это искаженное изменение правового сознания лица под отрицательным воздействием своей профессии.

Применительно к юристам-педагогам первоначально следует разделить самих преподавателей как минимум на две большие группы:

- известных ученых-педагогов;
- не состоявшихся и не ставших известными ученых-педагогов.

Начнем с известных юристов-педагогов. Сразу подчеркнем, что большинство из них профессиональной деформации не подвержены. Однако, увы, есть и меньшинство. Проведенные опросы специалистов – от аспирантов до профессоров – помогли выявить несколько характерных типов профессиональной деформации известных ученых-юристов.

По мнению опрошенных, наиболее часто встречается деформация:

- *Болезненное самолюбие*, самолюбование.

Для таких ученых характерна искренняя вера в то, что они являются самыми талантливыми в юриспруденции, причастны ко всем открытиям в науке. Они требуют того, чтобы их фамилия всегда упоминалась во всех работах, так или иначе затрагивающих сферу их интересов. Неоднократно приходилось видеть, что если такой ученый не видел своей фамилии в автореферате диссертации, то он стремился «завалить» соискателя, препятствовать его защите. Диссертационные советы, как известно, нередко создаются по нескольким специальностям. Так даже в том случае, когда и тема исследования, и специальность, с работами ученого не связана, все равно требовалось указания его фамилии в автореферате.

Специалисты, подверженные такой деформации, в отношении своих работ не стесняются без самоиронии упоминать такие слова как «мои фундаментальные исследования», «выдающиеся достижения» и т.п.

Перед описанием другой деформации требуется сказать несколько слов. Плодотворный век ученых, когда пишутся наиболее ценные труды, на самом деле не так долог. Проведенные нами исследования позволяют утверждать, что его активная фаза, как правило, длится не более десяти-пятнадцати лет. Далее специалист, даже сотворивший выдающиеся результаты, в основном уже дорабатывает или дорабатывает свои открытия. Случаи того, что

великие ученые и в сильно преклонном возрасте не теряют остроту ума, продолжают творить, конечно, имеют место. Но они скорее исключения из правил. Нам посчастливилось быть знакомыми с некоторыми из таких выдающихся российских ученых, не потерявших свежесть идей и мыслей. Однако по их откровенному признанию, к старости они все равно объективно потеряли часть трудоспособности, творческого запала, быстроты и оригинальности мышления.

А большинство, как отмечалось, нередко трудятся над доформулированием и развитием своих ранее сформированных идей. Такой труд нередко успешен, но иногда в ходе него появляется профессиональная деформация правосознания. Она условно названа нами *крайний субъективизм*. У людей, подверженных названной деформации, он проявляется, в вере в непогрешимость собственных идей, их абсолютной истинности навсегда. В результате понятия и выводы, сформулированные такими учеными двадцать, тридцать и более лет назад они по-прежнему считают верными. Причем, единственно верными. И «закрывают глаза» на то, что за последнее десятилетие сильно изменилось законодательство, развились подходы к праву, произошли, наконец, глобальные социально-экономические преобразования в стране, да и в мире.

Ученые с описываемой деформации такого откровенно не замечают. А если не заметить перемены невозможно, то специалисты отнюдь не меняют и не уточняют свою позицию, а с упорством пытаются доказать свою правоту, основанную на своих прошлых работах.

Примеров такой деформации, к сожалению, можно привести немало из разных отраслей права. Не так давно нам попала на глаза работа одного известного процессуалиста, который доказывал, что результаты оперативно-розыскной деятельности не могут применяться в доказывании по уголовным делам. Такая позиция действительно была в советско-российском уголовном процессе в 1980-х годах и ранее. Затем были приняты Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», разрешающий использование

названных результатов в доказывании, принят УПК РФ, также установивший возможность их использования, полностью изменилась судебная практика. Указанный выше процессуалист указывает эти нормативно-правовые акты, однако далее не смущаясь пишет, что все равно использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании не просто неправильно, но и ... незаконно.

В гуманитарных науках, в том числе юриспруденции, у известных ученых встречается такая деформация как *недоверие к молодости*, молодым ученым. Такая деформация, как правило, выливается в искусственном «торможении» молодого ученого с защитой кандидатской и докторской диссертаций, получением ученых званий, изданием книг, привлечением в авторские коллективы для написания учебной литературы.

Неоднократно приходилось слышать даже такое, что защищать докторскую диссертацию по юридическим наукам раньше сорока лет неприлично! Некоторые искренне утверждают о целесообразности введения возрастного ценза, определяющего с какого возраста можно защищать докторскую диссертацию по праву. И ладно, если бы подобные высказывания исходили не от ученых. Отнюдь, они периодически исходят именно от ученых, причем объективно внесших заметный вклад в юриспруденцию.

При этом очевидно, что подобные измышления идут полностью вразрез с наукой, принципами и целями научного познания. Науке все равно, во сколько лет специалист проведет исследования, совершит открытия или даже подготовит фундамент для будущих достижений, напишет полезную и содержательную монографию.

Медицине, физике и ряду других наук такая деформация сознания ученых в целом не свойственна. Она, наверное, тоже присутствует, но в гораздо меньшем размере. И защиты докторских диссертаций в возрасте около тридцати лет там не редкость.

Специалисты гуманитарных наук ей подвержены достаточно масштабно. По нашим наблюдениям, среди авторитетных ученых-правоведов людей, готовых во всем поддержать молодых ученых, примерно равно количеству тех, кто, напротив, готов «притормозить» их карьерный рост в науке.

К сожалению, среди профессиональных деформаций встречается *неэтичность поведения* по отношению к коллегам и младшим коллегам. И в основном она встречается именно у людей, зарекомендовавших себя в науке. Речь здесь идет не только и не столько о том, что один ученый с явным превосходством общается с другим коллегой. Это, конечно, тоже плохо, но может быть результатом обычного невежества. Речь идет о сведении счетов одного ученого с другим, создании препятствий ученикам своих «неприятелей», пасквильных письмах в диссертационные советы, ВАК и т.д.

Ярким примером является случай, когда конфликт двух авторитетных профессоров практически полностью парализовал работу диссертационного совета одного из учебных заведений. Профессора «принципиально» заваливали учеников друг друга. Более того, если один из них был благосклонен к диссертанту (даже не ученику!), другой принципиально не давал ему защититься. Члены диссертационного совета разделились примерно на две равные части: одна часть поддерживала одного профессора, другая – другого.

И происходило это не где-нибудь, а в одном из престижных вузов страны, с хорошими научными традициями.

Однако не только именитые специалисты подвержены профессиональной деформации. Ей могут быть подвержены и не ставшие широко известными преподаватели-юристы. Различие в том, что типы указанных деформаций различны.

Как и выше, мы рассмотрим встретившиеся нам и выявленные в ходе исследований наиболее распространенные типы профессиональной деформации правосознания ученых-педагогов, не ставших широко известными. Здесь резонно задать вопрос, кого к данной категории относить?

Конечно, деление на известных и неизвестных достаточно условно. Вместе с тем, следует признать, что в России в последние два десятилетия значительно прибавилось докторов и кандидатов юридических наук, чьи работы и изыскания оказались невостребованными. К данной категории, мы в первую очередь относим этих людей. Они преподают юридические дисциплины, иногда пишут статьи и книги, но авторитетными специалистами для научной общественности они никогда не были.

Одна из распространенных профессиональных деформаций правосознания у данной категории ученых – *боязнь собственного мнения*. Нам встречалось не мало работ, когда такие авторы очень аккуратно подходят к высказыванию собственного мнения. Также осторожно выступают на конференциях, защитах. Приходилось слышать самому, когда такой ученый говорил, что если согласен с мнением другого ученого – то хвалит его не менее двух раз. Но если не согласен - все равно хвалит (только один раз)! Научные работы таких специалистов в основном носят описательный характер. Из них достаточно трудно четко выкристаллизовать позицию авторов по тем или иным вопросам.

Другим типом является *конъюнктура*. Известные ученые конъюнктуре тоже подвержены, но, думается, значительно меньше. Они своим мнением, пусть даже спорным, как правило, дорожат. В среде менее известных специалистов конъюнктуру можно встретить достаточно часто. Думается, что каждый ученый встречался с таким типом профессиональной деформации правосознания, когда педагоги-юристы в течение научно-педагогической карьеры неоднократно меняли свою точку зрения на один и тот же вопрос. Причем меняли не потому, что действительно стали думать иначе, а потому, что так выгодно с точки зрения современной политики государства, мнения руководства или более авторитетного специалиста. Конъюнктура заставляет ряд специалистов не писать то, что им известно, а подчиниться мнению более авторитетного юриста-педагога.

Такая профессиональная деформация как *плагиат* рассматривается нами в контексте этических проблем юридической науки. Но, вместе с тем, плагиат – есть несомненное отклонение от нормального правосознания, повлекшее нарушение авторских прав. Тем более дико, когда ее допускают юристы-преподаватели. В данном случае речь должна идти именно о нарушениях нормального сознания и, соответственно, правосознания ученого.

Существуют профессиональные деформации сознания, характерные как для известных ученых-педагогов, так и не состоявшихся и не ставших известными ученых-педагогов.

Мы выделим три из них.

Первый: *«желание оставить след в юридической науке любым способом»*. Для этого обосновываются нелепые, а иногда и не вполне нормальные пути решения проблем в праве и законодательстве. Не состоявшиеся ученые – «изобретатели» подобных идей - в них начинают верить и за счет них стремятся стать знаменитыми.

Второй тип – совершение преступлений. Писать о таком типе профессиональной деформации правосознания, как о совершении юристами-педагогами преступных действий, не хочется. Однако всем известно, что такие факты есть и они свойственны как известным, так и не известным юристам. В первую очередь, имеется в виду *коррупция*, связанная с поступлением в вуз, сдачей зачетов и экзаменов. Оговоримся, что эмпирических фактов, то есть случаев, где взяточник был пойман с поличным, в отношении него вынесен обвинительный приговор, не много. Несомненно, что их гораздо меньше, чем случаев совершения этих латентных преступлений.

По нашим наблюдениям, борьба с коррупцией в юридических вузах ведется не так эффективно, как должна бы вестись. Создается впечатление, что в борьбе с такими проявлениями коррупции не заинтересованы ни ректорат вузов, ни студенты. Ректорату, видимо, важно сохранить имидж и

престиж вуза, многие студенты в свою очередь, рады тому, что могут без усилий (за плату), сдать зачет и экзамен. Активной борьбы со стороны профессорско-преподавательского состава с коррупционными проявлениями их коллег тоже не особенно видно. Мы так уверенно пишем об этой проблеме потому, что неоднократно при приеме на работу молодых юристов, приходилось честно слышать их ответы о том, кто из юристов-педагогов сколько берет денег. Огорчает также и то, что проблеме борьбы с коррупцией в юридических вузах и факультетах в науке уделяется явно недостаточно внимания. О подобных явлениях специалисты стараются избегать писать.

В последнее десятилетие появилось еще одна профессиональная деформация, которой «заражены» как известные, так и малоизвестные юристы-педагоги. Она связана с преобразованиями, произошедшими в России с 1991 года. Ранее юристы в основном подготавливались для работы в органах правопорядка, других органах государственной власти и государственных организациях. С 1990-х годов студенты юридических вузов нередко готовятся трудоустроиться на работу в частные компании, адвокатуру. И, как мы уже писали, со студенческой скамьи интересуются не столько нормами права, а тем, как избежать ответственности при их несоблюдении. И находятся преподаватели, подробно объясняющие и фактически *обучающие тому, как избежать ответственности при несоблюдении закона*, какие пробелы имеются в правовом регулировании конкретных отраслей права и как ими можно воспользоваться.

С такой деформацией нам приходилось встречаться неоднократно. И.А. Возгрин в 2000 году не допустил защиту по криминалистике кандидатской диссертации, посвященной тактике адвоката по противодействию расследования уголовных дел. И.А. Возгрин подчеркнул, что задача криминалистики в оказании помощи работникам следствия по объективному расследованию преступлений, правильному применению норм уголовно-процессуального права¹.

¹ Была ли защищена указанная диссертация или нет, мы не знаем.

Однако в том же году нам встретился преподаватель, подробно объясняющий студентам, что нужно сделать, чтобы «развалить» уголовное дело по взятке, какую позицию на следствии в каких случаях надо занимать, при каких обстоятельствах взятка не доказывается, в том числе разъяснял и рекомендуемые места передачи взятки. На наше недоумение, преподаватель ответил, что не считает такое преподавание профессиональной деформацией. Он преподает нормы уголовно-процессуального права, рассказывает, где и как они применяются, а в каких ситуациях фактически не работают. Затем добавил, что он готовит адвокатов, которые должны будут уметь защищать клиентов. Да и в принципе, добавил он, такие знания лишними не бывают.

Заметим, что с названного времени о подобных фактах преподавания нам периодически приходилось слышать. По нашему убеждению, указанные проявления относятся именно к профессиональной деформации правосознания. Преподаватели обязаны обучать юристов в духе соблюдения норм права, законопослушности, а не учить их не соблюдать закон или избегать ответственности.

Из этичности, в параграфе мы специально не называем фамилии ученых, подверженных профессиональной деформации.

Уверены, что большинство юристов-педагогов, имеющих определенный стаж научно-преподавательской деятельности, про такие деформации знают. Но молодым специалистам знать о подобных фактах в юридической науке, думается не лишне. Поэтому написанное выше больше обращено к ним. Думаем, что прочитать данный текст будет полезно и лицам, чье поведение послужило основой для изложенного.

Таким образом, профессиональная деформация правосознания ученых-правоведов - есть тормоз юридической науки. Она не дает развиваться, требует подчинения авторитетам, мешает движению мысли. По сути, страдающие профессиональной деформацией правосознания ученые, вводят науку «по кругу», препятствуют ее прогрессу.

Как бороться с профессиональной деформацией ученых-юристов? Наиболее предпочтителен путь внутреннего исцеления науки. Для этого следует строго осуждать лиц, правосознание которых искажено, держать их поведение под общественным (кафедральным, вузовским и пр.) контролем, не потворствовать ему. Заставлять извиняться в случаях нанесения обид. Требуется строго пресекать заведомо ложные измышления ученых, заставлять публично опровергать «измышления», не соответствующие закону и праву.

В заключение подчеркнем, что ученых с профессиональной деформацией правосознания, не так много, что, во-первых, радует, а во-вторых, дает определенную уверенность в завтрашнем дне.

Вместе с тем, в органах правопорядка профессиональная деформация правосознания уже не является чем-то удивительным. На основе наших исследований мы выявили несколько основных типов деформации сознания сотрудников полиции, судей и прокуроров.

Типы профессиональной деформации правосознания сотрудников полиции.

Первый тип деформации нами условно назван «*боязнь права*», боязнь своих полномочий.

К этой деформации относятся сотрудники, избегающие принятия решений по вопросам, относящимся именно к их правовым полномочиям, компетенции.

Таким сотрудникам свойственны:

- боязнь ошибиться;
- желание получить конкретное указание от руководства по каждому поводу;
- категорическое непринятие решений по «острым» оперативным вопросам;
- опасение заговора («подставы») против себя со стороны коллег;

- постановка грифа секретности «на всякий случай»;
- стойкое желание не работать, а давать советы по работе;
- отсутствие проявления инициативы.

Для руководителей, подверженных этой деформации, помимо изложенного, свойственно:

- работа по образцу, а не по закону;
- избегание принятия ответственности и перекладывание ее на других;
- «размывание» ответственности путем многочисленных согласований;
- ставка на подчиненных, умеющих беспрекословно подчиняться и выполнять любые приказы, независимо от их законности, нравственности и честности.

Руководящим сотрудникам свойственно также интриганство и постоянное опасение заговора против себя со стороны начальников, подчиненных, руководителей соседних подразделений и др.

В основе этой деформации иногда лежат причины, связанные не с профессиональной деятельностью, а с жизненными обидами и комплексами. Например, неприязненное отношение (а то и тайная ненависть) ко всем людям, которые образованнее, красивее, моложе, сильнее, успешнее.

Второй тип деформации назван нами *правовой цинизм*. Этой деформации подвержена отдельная категория.

Правовой цинизм заключается в том, что сотрудник считает обязательным соблюдение закона всеми, кроме себя самого. Этот полицейский обладает правовыми знаниями (т.е., нет правового инфантилизма), убежден в необходимости соблюдения норм (т.е., нет правового нигилизма) и не допускает изменения своих взглядов. Однако это касается других людей. В своем же поведении (на работе и в быту) сотрудник спокойно допускает нарушения норм права. Причем, если полицейские, вставшие на преступный путь, свое поведение по понятным причинам стараются скрыть, то рассматриваемая категория сотрудников своим поведением охотно демонстрирует пренебрежительное циничное отношение

к праву, выставляет его на показ. К типичным случаям циничного отношения к праву в личном поведении относятся безнаказанная езда за рулем в нетрезвом виде, хулиганские выходки на улице и т.д., что сопровождается гордыми рассказами о своей лихости на следующий рабочий день.

На службе цинизм к праву выражается в демонстративном уклонении от требований законодательства, ведомственных приказов и инструкций и др. При этом время и обстановка не препятствовали сотруднику поступить в строгом соответствии с требованиями законов и приказов. То есть, указанное поведение не было вызвано какой-либо необходимостью, оправдательной мотивацией.

К третьему типу относятся сотрудники, желающие бороться с преступностью и хорошо выполнять свои обязанности в правильных целях. Однако со временем на основе верных и понятных установок у них деформирует сознание, что выражается *в искаженном восприятии действительности, окружающих людей, в том числе коллег по работе.*

Таких сотрудников можно разделить на две части.

Первая часть сотрудников, хотя и искаженно воспринимая окружающую действительность, не идет на преступления и правонарушения «во благо закона» (этот тип нами назван «*кривое зеркало*»). Их деформированность заключается в излишней подозрительности, иногда доходящей до маниакальной, постоянным обнаружением за собой наблюдения и др. Этим лицам свойственно недоверие к коллегам, подозрение их в коррумпированности, злоупотреблениях и т.д., и т.п. Причем для возникновения таких подозрений достаточно чужой сплетни, навета, неосторожного высказывания. Как правило, указанные сотрудники лишены чувства юмора либо имеют весьма специфический юмор.

В работе деформация этих сотрудников наиболее ярко проявляется:

- в выраженном обвинительном уклоне по уголовным и оперативным делам;

- в полной уверенности в собственной непогрешимости и непогрешимости собственных действий и решений;
- в нежелании проверять собственные подозрения и умозаключения, носящие обвинительный уклон;
- в произвольном, как правило, явно расширительном толковании закона.

Эта лица нередко имеют явно завышенное самомнение и осторожно-неприязненное отношение к коллегам. Рассуждая со специалистами о подобных сотрудниках, невольно подмечалась характерная деталь. Если таким людям сказать о каком-либо другом сотруднике плохое – они верят сразу. Если, напротив, охарактеризовать человека положительно, то у этих лиц появляются сомнения в нашей искренности, а также вопрос о том, с какой целью мы положительно оценили человека.

Другая часть сотрудников, в отличие от первой, для достижения казалось бы правильных целей, например, борьбы с преступностью, способна совершать и совершает преступления (эффект «Робин Гуда»). Как считают указанные люди, совершаемые ими преступления «идут во благо обществу». Такой мотивировке помогает расхожая фраза Жеглова из кинофильма «Место встречи изменить нельзя»: «Вор должен сидеть в тюрьме и никого не интересует, каким способом я его туда отправил». Преступления, совершаемые «во благо», можно условно классифицировать по направленности на:

- преступления, направленные на привлечение к уголовной ответственности и осуждение лица, вероятно совершившего преступление. К таким преступлениям относятся: злоупотребления и превышения служебных полномочий; служебный подлог; фальсификация доказательств; провокация взятки и т.д. Типичные случаи подобных преступлений связаны с подбрасыванием в ходе следственных действий боеприпасов, оружия, наркотических веществ.

- преступления, направленные на расправу с лицом, вероятно совершившим преступление. К указанным преступлениям относятся такие позорные действия: избивание при задержании или доставлении в следственное подразделение; издевательство, пытка и др.

Чем руководствуются названные сотрудники в своей преступной деятельности сказать трудно. Исторический опыт показывает, что если подобным образом нарушать закон можешь ты, то **всегда** рано или поздно обязательно найдутся люди, которые аналогичным образом поступят с тобой. Однако в оперативной среде тем не менее этой истиной подчас пренебрегают и руководствуются тезисом: «Мы оперативное подразделение – мы можем все».

Для всех сотрудников, имеющих третий тип деформации, независимо от того, идут они на преступление или нет, характерно то, что их сознание не склонно менять точку зрения. Так, если они убедили себя в виновности того или иного лица, то разубедить их бывает практически не возможно. Даже если со временем устанавливается истинный виновный, эти сотрудники свою неправоту в подозрениях не признают, придумывая различные доводы.

К четвертому типу относятся сотрудники, у которых желание бороться с преступностью и выполнять свои обязанности пропадает (или изначально не имеется) и обращается в преступность (*этот тип назван нами «перерождение»*). В настоящее время преступное поведение таких людей в основном связано с незаконным обогащением, коррупционными проявлениями, то есть корыстным мотивом¹.

Одна часть таких сотрудников приходит в органы правопорядка с правильными установками и убеждениями. Но преступная среда, не достижение справедливости «ломает» их психологию. По словам таких лиц, они становятся «мудрее», что означает появившееся у них их умение «закрывать глаза» на преступное обогащение лица, при возможности, лично

¹ Практике известны случаи совершения сотрудниками и иных преступлений: убийств, изнасилований и др. Но их совершение, как правило, связано не со служебной деятельностью, а с другими, в основном личными причинами.

участвовать в обогащении. В оправдание собственных действий оперативниками приводятся фразы «мир изменить нельзя», «начальники тоже незаконно зарабатывают» и т.д. В дальнейшем такие сотрудники все активнее включаются в процесс собственного обогащения самыми разными способами: «крышевание» фирм, участие в рейдерских захватах, выбивание долгов, искусственное создание предпринимателям «проблем» и их «решение» за вознаграждение и т.д.

Другая часть сотрудников полиции намеренно идет в органы правопорядка, чтобы с использованием служебного положения зарабатывать деньги. У указанных лиц изначально присутствует преступная установка, которую невозможно как-либо изменить. В совокупности этим вызван наблюдающийся в настоящее время в полиции престиж работы в подразделениях, нацеленных на борьбу с преступностью в экономической сфере.

Типы профессиональной деформации правосознания судей.

Есть расхожее юмористическое выражение, приписываемое известной английской писательнице Д. Лессинг: важнейшая часть юриспруденции – умение терпеть дураков.

Увы, не все судьи с обязанностью стойко терпеть названную категорию людей успешно справляются. Что, в том числе, приводит к профессиональной деформации. Сразу оговоримся, что эта причина не единственная.

Результаты наших исследований позволяют дифференцировать профессиональные деформации судей на несколько типов.

Первый тип деформации нами условно назван «*боязнь ошибиться*».

У истоков этой деформации находится совершенно нормальное желание судить совершенно объективно, устанавливая истину, наказывая виновных, и не допуская осуждения невиновных. Для достижения этого желания (целей)

судья тщательно скрупулезно разбирается во всех мелочах уголовного дела. Это замечательно. Однако как выясняется в дальнейшем в основе такого совершенно правильного поведения лежит не установления истины, торжество правосудия, а человеческий страх ошибки. Причем такие судьи боятся не столько учинения несправедливости, сколько собственных неприятностей в связи с допущенной ошибкой.

В итоге страх перерастает в деформацию. Она выражается в том, что названные судьи подспудно ставят во главу угла в доказывании показания подсудимых. Если подсудимый в суде признал свою вину, то судьи вершат правосудие спокойно и уверенно. Причем иногда проявляя может быть излишнюю принципиальность и неприязнь к поступку подсудимого.

Но если подсудимый вину не признал, у судьи в сознании начинается тревожность. Начинаются размышления: а вдруг я приговорю невиновного, а что мне за это будет и т.д.? В таких случаях судебный процесс начинает приобретать форму критичной оценки всех действий следствия, противоречий с прокурором и др. Разрешение таких дел, если доказательств вины достаточно, но подсудимый все равно не признается, заканчивается как правило условным или минимальным сроком (на всякий случай).

Про такую деформацию судей имеется расхожая юмористическая поговорка: «Чистосердечное признание смягчает ответственность, но ... удлиняет срок!» Иначе говоря, если подсудимый вину не признал, то вполне вероятно, что судья если и вынесет обвинительный приговор, то скорее всего не такой строгий. Однако если признал вину, то судья по определению вынесет обвинительный приговор, причем неизвестно, оценит ли признание и помощь следствию как смягчающие ответственность обстоятельства, а если и оценит, то как это повлияет на наказание? Нам известны случаи, когда признающие вину подсудимые, находившиеся в преступной группе «на

вторых ролях» получали большее наказание, чем не признающие активные участники преступления¹.

На подобные случаи обращали внимание и другие специалисты. Наиболее подробное исследование подобных действий судьи провел С.А. Новиков. Проанкетированный этим ученым один из судей описал мотивы своих решений так: «Когда судья выносит обвинительный приговор, отрицающему свою вину подсудимому, нередко в глубине души, несмотря на большой объем изобличающих доказательств он боится, что совершит ошибку. Поэтому назначает менее строгое наказание. Если же обвиняемый признает вину, сам подробно рассказывает как совершил преступление, он тем самым дает судье практически полную уверенность в правильности принимаемого решения, что зачастую приводит к весьма суровому наказанию»². В данном случае налицо профессиональная деформация правосознания судьи, выражающаяся в боязни совершения ошибки, фактически в боязни своих же прав и полномочий на вынесение справедливого приговора.

Некоторым опрошенным приходилось сталкиваться с ситуацией, когда судья кулуарно выговаривал следователю или оперативнику: ну что же вы не смогли его (обвиняемого) расколоть, как мне теперь судить вы подумали?

Имеется и противоположная деформация, названная нами «*правовая самоуверенность*». Она связана с выработкой у некоторых судей уверенности в непогрешимости своих действий. Они не боятся права и своих полномочий, охотно реализуют их, руководствуясь собственным правосознанием. Однако с течением времени у этих судей появляется вера в непогрешимость своих решений. Причем убеждение о виновности или невинности подсудимого у них сформировано еще на стадии назначения судебного заседания. Причем, что страшно, *окончательно* сформировано. И

¹ Махов В., Пешков М. Сделка о признании вины // Российская юстиция. 1998. № 7. С. 18.

² Новиков С.А. Правдивые показания: правовые меры стимулирования в России и за рубежом (уголовное судопроизводство). СПб. 2008. С. 54-55.

судебное разбирательство для них является не более чем формальностью. Свое решение они уже приняли и, не дожидаясь окончания разбирательства, уже написали приговор¹.

В своем большинстве - это судьи, имеющие значительный опыт судейской практики и которые действительно редко ошибаются. Но они самоуверенны и убедить их в ошибке практически не возможно. Если такой судья еще до судебного рассмотрения примет решение, что подсудимый виновен, доказать обратное практически уже не возможно.

Исток этой деформации, как правило, кроется в человеческих слабостях, гордыни, самовлюбленности. Профессионально подготовленный и уверенный в себе судья, если перестанет совершенствовать свои знания, критично относиться к себе и своим поступкам, может со временем стать одним из образчиков деформированной личности.

Другая деформация связана с неприязнью судьи к определенному роду деятельности или к отдельным видам преступлений. Мы назвали этот тип *синдромом обиды*. Эта неприязнь, как правило, связана с личными неприятностями или полученными обидами. В дальнейшем, постоянно циркулирующие в мыслях желание отмщения приводит к искажению сознания, что реализуется в вынесении излишне суровых приговоров.

Так, значительная часть судей выносит преданным суду сотрудникам полиции более строгие приговоры, чем другим, штатским гражданам. В качестве титульного мотива вынесения строгих приговоров у таких судей звучит: чем строже отношение к полиции, тем больше там законности. Однако при опросах этих судей проявляются и другие мотивы. Например, привод ребенка судьи в полицию, невнимание к личным просьбам.

Часть судей особенно «не любит» некоторые конкретные преступления, за которые присуждают максимальное (или почти максимальное) наказание. Нетрудно догадаться, что в данном случае судьи или их родственники,

¹ Практика написания приговора до окончания судебного разбирательства у некоторых судей распространена.

знакомые стали жертвами именно этих преступлений (грабежей, хулиганства и т.п.).

Расхожим стал случай, когда судья пострадал от хулигана, нанесшего ему в драке телесные повреждения. После этого для вынесения лицам мужского пола строгого обвинительного приговора было достаточно намекнуть судье о том, что подсудимый известен своей драчливостью.

Некоторые судьи не свободны от такой деформации как *правовой цинизм*. Он заключается в демонстративном, циничном поведении судей, пренебрежении по отношению к праву.

Многие из анонимно опрошенных сотрудников правоохранительных органов практикующие юристы сталкивались с ситуацией, когда судья вел судебное заседание в нетрезвом виде. Приводится пример, когда судья не просто был откровенно не адекватен, но и в таком состоянии умудрился приговорить подсудимого к двум годам лишения свободы, хотя минимальным по санкции статьи являлось три года. Об этом ему после завершения заседания подсказал прокурор. Судья бросился догонять осужденного, которого уже сажали в конвойную автомашину, и вслед ему на всю улицу прокричал, одновременно показывая на пальцах: «Вам не два года, а три. Три, поняли?!»

Нам известны случаи, когда по уголовным делам, где обвиняемые согласились на особый порядок, судьи выносили приговоры фактически не знакомясь с материалами дела. Например, по одному из дел судья пригласил следователя, расспросил его о сущности преступления, доказательствах и попросил электронный вариант обвинительного заключения для его внесения в приговор. При этом уголовное дело не покидало канцелярию суда. То есть, налицо, спокойно-циничное отношение к правовым нормам и их соблюдению.

При этом подобные истории такие судьи смакуя пересказывают своим коллегам, наслаждаясь, видимо, своим статусом. Кстати о статусе. Судьи,

подверженные описываемому искажению, начинают искренне верить в то, что их правовое положение «над правом».

Вместе с тем, свое «легкое» отношение к соблюдению правовых норм, подобные судьи, конечно, на других граждан не распространяют. Здесь всегда декларируется требование для всех соблюдать закон вплоть до мельчайших формальностей.

Источком описываемой деформации является ненаказуемость или недостаточная наказуемость за проступки. Это порождает у таких судей определенную вседозволенность.

Писать о следующей деформации судей – *перерождении* – наиболее сложно. По данному вопросу не достаточно эмпирического материала, поскольку случаев привлечения судей к уголовной ответственности и их дальнейшего осуждения за преступления, связанные со служебной деятельностью, крайне мало. Но как мы все понимаем, это вовсе не означает отсутствие коррупции в судейском корпусе, отсутствие фактов злоупотреблений судьями своих полномочий, предательства интересов службы. Мало именно зафиксированных и доказанных фактов. Поэтому мы, не приводя конкретных примеров и не опускаясь до слухов и домыслов, только выделим перерождение как объективно существующий тип профессиональной деформации правосознания судей.

При этом в правоприменении для коррупции все готово. Например: судье не везде требуется устанавливать объективную истину. Соответственно, любое решение – честное или нет! - подходит, лишь бы такое решение было обосновано. Или: в законах очень много формализма, что создает трудности в их полном соблюдении, чем можно воспользоваться и обвинить противоположную сторону в нарушении закона.

В результате: коррумпированный, берущий взятку за незаконное решение судья, при высокой юридической квалификации, может умело развернуть дело в необходимую ему сторону. И крайне трудно доказать, что им двигал коррупционный мотив.

Впрочем, коррупция в суде является не только российским феноменом. От указанного зла страдают люди и в других государствах, подтверждением чему являются многие иностранные публикации. Например, известный французский писатель Стендаль в начале XIX века написал: «Правосудие было почти всегда продажно».¹

Профессиональная деформация судей в сочетании с имеющимся правовым нигилизмом приводит к тому, что у населения России невысок авторитет судебной власти. Люди пока медленно привыкают к суду, как к способу разрешения конфликта, спора, уяснения, кто прав. Но и в тех случаях, когда по спору судебное решение вынесено, оно не все равно имеет такого авторитета. Нередко считается, что судья помог выиграть спор не бескорыстно (русская поговорка «что мне законы, были б судьи знакомы») или судья, извините, глуп и в законах не разбирается. Весомого авторитета в российском обществе суды не набрали.

На этом фоне мы приветствуем усилия М.И. Клеандрова по совершенствованию организации правосудия в России, механизма формирования судейского корпуса, механизма формирования этической ответственности судей. Мы согласны с М.И. Клеандровым, что люди, достойные судебного кресла, были во все времена. Важно их найти и правильно организовать их работу.²

Деформации правосознания прокуроров

Прокурорам, в принципе, свойственны те же деформации, что и судьям с нюансами, определенными спецификой работы. Если судьи достаточно самостоятельны, то система прокуратуры строго вертикальна и попадающий в нее человек сразу ощущает себя частью этой системы. Но в своей работе по надзору за законностью прокурор относительно самостоятелен.

¹ *Энциклопедия афоризмов*. М., 2003. С. 439.

² *Клеандров М.И.* Правовая организация механизма правосудия РФ: проблемы совершенствования. М., 2019; *Клеандров М.И.* Судейский корпус России: совершенствование механизма формирования. М., 2019; *Клеандров М.И.* Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования. М., 2019.

Отсюда и деформации, свойственные, с одной стороны, «людям системы», а с другой стороны, имеющим значительную самостоятельность.

Типичной деформацией у «людей системы» является боязнь собственной ошибки. От нее зависит карьера, сопутствующие высокой должности блага и т.д. В связи с этим, часть прокуроров боится себя в принятии тех или иных решений.

У других прокуроров, как и судей, напротив, возникает уверенность в непогрешимости своих действий.

Присутствует и правовой цинизм. Причины в целом одинаковы с судейскими.

На деформацию правосознания прокуроров влияют еще и то, что когда служба человека заключается в надзоре за работой других, он непроизвольно начинает меняться, привыкает, что к его советам (верным и не очень) прислушиваются, появляется привычка давать советы, иногда не неся ответственности за результат. Нужно иметь глубокие профессиональные знания и стойкий моральный дух, чтобы при этом не подвергнуться деформации и остаться профессионалом.

Практика накопила не мало примеров привлечения сотрудников прокуратуры к ответственности за предательство интересов службы. Нас в данном случае интересует то, что такой тип профессиональной деформации как перерождение в прокуратуре присутствует. Основой перерождения, как правило, выступает корыстный мотив, который на определенном этапе жизни «переламинает» нормальное правосознание. Под этот мотив для оправдания своих преступных действий придумываются различные доводы:

- на пенсию не прожить, надо скопить денег на старость;
- коррупция в России непобедима;
- желание социальной справедливости, т.е. отнять деньги у того, кто их незаконно заработал (даже иногда искренне добавляется «за счет трудящихся»);
- мир изменить нельзя, все зарабатывают на интересах службы;

- нет достаточного социального обеспечения (нет квартир, машин, дач) – на них надо заработать, ибо их никто не даст;
- родители честно работали и умерли в нищете, я не повторю их ошибок;
- хочу жить хорошо, как другие и др.

Такие доводы являются ни чем иным как жалкими попытками оправдать свое преступное поведение, в основе которого лежат жадность, алчность, зависть. Впрочем, аналогичные оправдания высказывают и сотрудники других правоохранительных органов, попавшиеся на противоправной деятельности.

Надо сказать, что в советское время ученые достаточно аккуратно подходили к исследованиям деформаций правосознания сотрудников правоохранительных органов. И действительно, при весьма небольшом уровне преступности в стране и серьезном подборе в органы правопорядка, деформация правосознания, тем более носящая преступные проявления, была редка. Случаи двурушничества, коррупции, предательства интересов службы имели место, но не носили массового характера.

В настоящее время ситуация изменилась и не в лучшую сторону. Принимаемые руководством страны экстренные меры по наведению порядка в правоохранительной сфере приносят определенные положительные результаты. Такие результаты выражаются главным образом в конкретных лицах, наказанных за свои преступные деяния. Это в некоторой степени останавливает других от совершения противоправных деяний. Но, увы, не меняет их сознания, а лишь заставляет действовать (то есть нарушать закон) более осмотрительно. При этом если сознание деформировано, то назад в нормальное состояние оно уже никогда не возвращается.

Надо сказать, что в течение последних лет коллектив Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации выпустил солидные книги, посвященные борьбе с коррупцией. В книгах проанализированы результаты междисциплинарных научных исследований правовых и институциональных основ

противодействия коррупции. На основе проведенного анализа раскрыты современные подходы к противодействию коррупции, с учетом новых угроз и факторов, способствующих распространению этого негативного социального явления. Кроме того, отражены теоретико-методологические основы мониторинга проявления коррупции и антикоррупционных мер, сформулированы предложения по их ориентации на устранение причин и условий коррупции. Помимо того, в книгах проанализированы правовые основы противодействия коррупции в национальных законодательствах отдельных зарубежных стран.¹ Изданные книги своевременны и содержательны, высоко оцениваются нами. Главным у них является системное изложение коррупционных опасностей и способов борьбы с ними. Думаем, они будут очень полезны как теоретикам, так и практикам.

В итоге надо признать, что типы профессиональной деформации у всех сотрудников правоохранительных органов схожи. Схожи и обстоятельства, которые приводят к деформации правосознания. Это обязывает науку тщательно изучить имеющуюся проблему и выработать комплекс рекомендаций по совершенствованию кадровой работы в правоохранительных органах. Такая работа должна начинаться уже с момента изучения человека в качестве кандидата на работу в правоохранительные органы. На этой стадии надо обращать внимание не только на формальные факторы (судимость, административные правонарушения, психическое и физическое здоровье), но и изучать внутренний мир человека (беспринципность, страстная любовь к деньгам и ценностям, моральная неустойчивость, зависть, жадность и др.). Еще больше следует придавать значение названным факторам личности человека при назначении на руководящие должности как в правоохранительной, так в любой другой государственной службе.

¹ См.: Противодействие коррупции: новые вызовы / С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2019; Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы: в 2 т. / под общ. ред. Т.Я. Хабриевой, Р.А. Курбанова. М., 2019.

Кроме этого очевидно, что традиционная классификация деформаций правосознания (правовой инфантилизм, правовой нигилизм и перерождение) для сотрудников правоохранительных органов уже устарела.

Собственно, чуть отвлечемся, такая классификация не удовлетворяет современным реалиям и в отношении людей, не связанных с органами правопорядка.

То есть, факты инфантилизма, нигилизма и перерождения имеются у обычных людей. Но кроме них встречаются и такие деформации как проявления *правового цинизма*. Особенно в настоящее время это свойственно хорошо обеспеченным людям. Они ценят свой покой и стремятся, чтобы вокруг них права и, главное, обязанности соблюдали. В то время как сами позволяют себе незаконные действия: управление автомобилем без водительского удостоверения и в нетрезвом состоянии, незаконное хранение оружия, хулиганство, самоуправство и т.д.

В другой – малообеспеченной и социально незащищенной – среде стали встречаться факты такой деформации правосознания как *боязнь права*, боязнь реализации собственных прав. Боязнь реализации своих прав порой происходит даже в случае совершения в отношении человека преступления. Имеется не мало случаев, когда люди не обращаются в полицию по фактам совершения в отношении них преступных действий. При этом у них нет отрицания права (как у нигилистов), но есть уверенность в том, что в нынешнее время искать преступников все равно не будут, а если будут, то этим людям может стать еще хуже от самих же преступников или сообщников. Такие люди не отрицают силы права, но стараются держаться от правоохранительной системы подальше, даже в случае нарушения их прав.

Встречаются факты *«эффекта Робин Гуда»*. Здесь, как правило, речь идет о мести, даче отпора обидчикам незаконным способом (и даже преступным). Так, решившиеся на месть люди, обычно до факта мести законопослушны и не совершали преступлений. И более того, после мести

они не будут совершать преступлений. Но желание, например, отца отомстить насильнику дочери не правовым путем, а собственными руками, естественно деформирует правосознание. При этом говорить, что в правосознании расправившегося с насильником отца произошло перерождение не вполне верно. Здесь речь идет о другой деформации – о совершении одного конкретного преступления в отношении конкретного лица, причем, как считают такие деформированные, «во благо всем».

Имеется такая деформация сознания как *«правовая самоуверенность»*. Пораженные ей люди считают, что разбираются во всем лучше всех, имеют по каждому вопросу свое мнение. Не являясь специалистами, они искренне сознают, что лучше всех знают: как правильно лечить, как правильно учить, как ловить преступников, как руководить государством и даже как писать стихи и играть в футбол. В отношении к праву это проявляется в пренебрежительном отношении к нему «как простейшему и понятному всем явлению», на которое жалко тратить много времени. Как правило, эти люди в силу искаженного «всезнающего» правосознания заключают глупые правовые договоры на передачу собственного имущества, средств, в результате чего получают большой ущерб.

Иной вопрос, что профессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов, по понятным причинам, наиболее опасна. Сформулированные нами выводы по профессиональной деформации вызвали интерес у многих руководителей. Надеемся, что предложенные меры по противодействию профессиональной деформации будут активно применяться.

ГЛАВА 4
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

§ 1. Общие проблемы юридической науки

Замысел данной книги охватывает исследование юридической науки. В предложенной главе мы обозначим общие и при этом весьма часто встречаемые упущения научных работ по юриспруденции, коснемся современных вопросов преподавания правовых дисциплин, этических проблем юридической науки и других вопросов.

1. Первое замечание относится к хорошим и полным монографическим исследованиям: научные выводы медленно реализуются или вообще не реализуются законодателем.

Результаты научных исследований, сформулированные в виде конкретных предложений по внесению изменений в законодательство, в своем абсолютном большинстве остаются лишь «на бумаге». Это связано с отсутствием должной связи между учеными-правоведами и законодательными органами. Множество интересных и дельных предложений вообще не изучаются. В аппаратах законодательных органов отсутствуют подразделения, в задачу которых входило бы изучение результатов научных исследований. И, напротив, в научных советах и учреждениях нет функций по доведению выводов и предложений ученых до логического конца.

В итоге выводы специалистов остаются в монографиях, научных статьях, диссертациях, где подчас и «умирают». Необходимость при подготовке диссертаций апробации результатов исследований тоже не дает большого эффекта.

Видимо настало время создать научный центр, в задачу которого входило бы доведение предложений ученых до законодателей.

Создание такого центра, конечно, связано с большим количеством проблем. Во-первых, он, естественно, не сможет «переварить» все предложения специалистов. Во-вторых, этими предложениями можно «завалить» на многие годы вперед как сам центр, так и законодательные структуры. В-третьих, нельзя все предложения специалистов сразу выпускать на рассмотрение, например, Государственной Думы России. В особенности, в-четвертых, с учетом полярности взглядов специалистов по отдельным проблемам. Есть и другие объективные проблемы.

Но все-таки функция реализации научных предложений в области права нужна. Соответственно, нужен и орган, претворяющий эту функцию в жизнедеятельность. В качестве рабочего варианта функционирования системы реализации научных предложений можно предложить такой. Представляется, что должна существовать определенная и разноуровневая система оценки предложений. Как вариант: если специалист проанализировал практику применения законодательства, пришел к выводу, что необходимо внести коррективы в закон, апробировал результаты, то он должен получить по этому поводу заключение научного учреждения. Это научное учреждение (им может выступать вуз, НИИ, диссертационный совет), должно направить предложения ученого в центр. В центре данные предложения должны изучить специалисты и после их экспертной оценки направить в соответствующую парламентскую комиссию или аппарат для проработки и далее для внесения на рассмотрение парламентом или законодательным органом субъекта Российской Федерации.

В принципе, ничего оригинального в такой схеме не имеется. Она схожа с существующим порядком оценки диссертационных исследований. Но при рассмотрении диссертаций экспертный совет ВАК, например, оценивал, достойна ли работа присуждения искомой ученой степени. Однако экспертный совет не отвечал за «продвижение» результатов исследований. В результате часто получалось так: автор актуальной работы, содержащей важные предложения, получал искомую ученую степень, но сами идеи и

предложения нигде не реализовывались. Бывало и так, что идеи реализовывались спустя какое-то время, когда необходимость внесения изменений то что называется «перезрела». А депутаты потом высказывали недоумение: а где были ученые раньше, хотя важность и срочность изменений были давно сформулированы в диссертациях, в которых имелись и соответствующие законопроекты.

Применительно к диссертациям, если в них содержатся конкретные предложения по совершенствованию законодательства, то по ходатайству диссертационного совета их тоже нужно направлять в центр для оценки и реализации.

Думается, что предлагаемый путь, с одной стороны, должен повысить статус научно-правовых учреждений. И, с другой стороны, усилить ответственность этих учреждений.

И ученые, и законодатели должны двигаться навстречу друг другу. Парламентарии также особо заинтересованы в качестве принимаемых законов. Поэтому должна быть больше распространена практика экспертных правовых оценок законопроектов, при необходимости их широкое обсуждение в научной среде.

Все изложенное даст возможность сблизить научные предложения и их реализацию.

Иначе, что собственно происходит сейчас, имеется объективный разрыв между практикой, законом и наукой. Например, закон декларирует одно, в практической деятельности требования закона подчас коверкаются, изменяются, извращаются или просто не выполняются в силу разных причин. Иногда эти причины объективны, иногда – нет. Такие процессы выявляются наукой. Она выявляет несоблюдение закона, вскрывает причины этого, формулирует предложения, которые отражаются в научных (в первую очередь, монографических и диссертационных) работах. И далее эти предложения остаются невостребованными.

Затем появляется новый исследователь, который вскрывает те же самые, уже известные проблемы, добавляет в них авторские уточнения, подчас не носящие принципиального характера, - и защищается новая диссертация. Но на этом движение по кругу не заканчивается. И спустя незначительное время появляется новый специалист, «вскрывающий» те же проблемы, формулирующий схожие выводы, справедливо настаивающий на том, что необходимость внесения поправок в закон уже перезрела – но, как в старой поговорке, воз нередко и ныне там.

Кроме того, важно понимать, что значительная часть предложений по совершенствованию законодательства носит технический характер. Во многих законах не хватает четкого понятия, уточнения, дополнения нескольких слов и подчас даже запятой. Эти предложения при реализации только улучшат и упростят закон, совершенно не меняя его духа и не требуя значительных временных, финансовых и прочих затрат. Однако и подобные законопроекты редко реализуются.

В Российской Федерации более-менее функционирует механизм реализации достижений медицинских наук. Хотя опыт борьбы с ковидом в 2020 году показал, что он тоже не совершенен. В юриспруденции такой механизм фактически не создан. Однако заметим, что ученый-юрист – очень значимая и статусная профессия. Государство и мы сами не должны допускать, чтобы наши специалисты писали «в стол».

Надо учитывать и следующее.

Жизнь объективно показывает, что подготовить объемный нормативно-правовой акт, учитывающий все случаи общественных отношений даже в конкретной отрасли права не возможно. Всегда найдутся десятки примеров, не охваченных либо не достаточно регламентированных в этом акте. Любой кодекс требует дополнительных разъяснений по его применению. Для восполнения имеющихся пробелов применяется толкование права «по духу закона», которое исходит из прописанных в нем целей, задач, принципов. Однако и они не всегда могут помочь.

Тогда возникает вопрос: где же еще отражен дух закона? Как ни странно, такой документ существует. Это пояснительная записка, прилагаемая к законопроекту перед его рассмотрением в законодательном органе власти. В ней, как правило, указана актуальность принятия закона, его приоритеты и основные моменты, подлежащие изменению. Поскольку многие депутаты - не юристы (а если и юристы, то не обязательно специалисты по отрасли принимаемого законопроекта), они чтобы понять смысл предлагаемых изменений в первую очередь читают этот пояснительный документ, исходя из которого нередко и голосуют. Именно прочитав эту записку можно понять, что особенно важно в предлагаемом законе, о чем именно думали депутаты, принимая его, и наконец, почему закон приняли именно в конкретный момент (ни раньше, ни позже).

Мы бы, двигаясь в направлении гласности и демократичности, предложили бы такие пояснительные записки публиковать.

Важно и другое. Не беремся утверждать, но видимо бывает так, что пояснительная записка не точно отражает характер самого нормативно-правового акта. То есть, в записке написаны правильные цели, но сами нормы изложены таким образом, что с их введением декларируемых целей не достигнуть, и более того в случае принятия предполагаемого закона правовое регулирование станет еще хуже.

В этом случае, кстати, сразу будет видно, кто и с какой целью ввел депутатов в заблуждение. Кроме того, публикация записки даст возможность ученым, непосредственно не допущенным к законопроектам, быстрее включиться в дискуссию, разъяснить принятые нормы, предложить свои варианты достижения поставленных целей либо убедить, что принятие подобного закона поставленным целям не соответствует.

Например, в 2000 году больше года некая группа специалистов писала проект нового УПК. К проекту были подготовлены пояснительные документы, убедившие депутатов Государственной Думы РФ этот УПК принять. УПК вступал в действие через полгода после опубликования.

Однако как только его опубликовали научная общественность и практики вскрыли столько недочетов и упущений, что в еще не вступивший в действие закон (!) спешно внесли десятки поправок. На этом, естественно, ничего не закончилось, а только началось. Только за первое десятилетие с принятия современного УПК в него внесли более 700 (!) поправок. Очевидно, что закон приняли совершенно не подготовленный.

Здесь возникает несколько вопросов.

Первый к практикам: можно ли в таких условиях работать, бороться с преступностью, защищать потерпевших и незаконно обвиненных? Ответ понятен.

Другой вопрос к депутатам Думы: как можно было принять подобный закон?

А вот здесь как раз хотелось бы прочитать подготовленные авторами УПК пояснительные к законопроекту документы. А затем спросить, почему они ввели в заблуждение депутатов: в силу своей самонадеянности, умышленно, в силу незнания объективных реалий, по каким-то иным причинам? Хочется, чтобы из этой в общем-то позорной для права истории выводы сделали и сами депутаты.

Д.А. Керимов подметил то, что в настоящее время российский законодатель впадает в крайность, когда менее всего учитывается объективность регулирования общественных отношений. В результате воцаряется не только неразбериха в самом законодательстве, но и правопорядок уступает место хаосу и произволу. Отсутствие законотворческой культуры и игнорирование правил законодательной техники большинством депутатов, а также чиновников государственных структур в конечном счете приводят к резкому обособлению и разрыву связей между объективным и субъективным, к недооценке их диалектического взаимопереплетения и взаимопереходов.¹

¹ Керимов Д.А. Методология права. М., 2000. С. 103.

Пояснительную записку лучше публиковать не вместе с уже принятым соответствующим законом, а раньше. Установить, например, практику, что пояснительные записки и объемные законопроекты (скажем, кодексы) должны публиковаться в момент их поступления на рассмотрение Государственной Думой. Это позволит ученым быстрее включаться в процесс обсуждения и не допускать глупостей в праве. Ведь дело не в отсутствии четко выработанной уголовно-процессуальной стратегии, на что, оправдываясь, возможно будут ссылаться авторы этого печального УПК, а в том, что предложенный ими и принятый Государственной Думой его первый вариант сплошь состоял из пробелов, упущений и дыр.

Надо сказать, что после принятия УПК его критиковали, причем справедливо, практически все. Но вопрос в том, почему не было столь широкого обсуждения этого закона до принятия? И почему не были восприняты замечания небольшой группы специалистов, видевших проект закона до его рассмотрения Государственной Думой и пытавшихся его исправить?

В законодательном опыте имеется еще немало подобных вопиющих фактов. Но поскольку мы заговорили именно об уголовном процессе, приведем пример из названной отрасли права. В мае 2000 года Государственная Дума Российской Федерации вынесла Постановление от 26 мая 2000 г. № 398-III «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Подпункт «б» пункта 8 Постановления требовал прекратить уголовные дела, находящиеся в производстве органов дознания, органов предварительного следствия и судов, о преступлениях, совершенных до вступления в силу настоящего Постановления, в отношении лиц, награжденных орденами или медалями СССР либо Российской Федерации.

Депутаты в этой формулировке, естественно, ничего особого не заметили. Не заметили того, что речь в пункте 8 шла не об осужденных, а только лишь о подозреваемых или обвиняемых. Не заметили, что для этого

пункта не имеет значения, по какому преступлению (небольшой тяжести или особо тяжкому) обвиняется человек.

В итоге, действие этого пункта распространялось даже на убийц и бандитов 1990-х годов, если у тех имелись государственные награды. А с учетом того, что такие преступники, как правило, имели опыт боевых действий в Афганистане и Чечне и имели награды, их требовалось освободить из-под стражи, а уголовные дела прекратить. Причем по действовавшему в тот период УПК для прекращения дела по амнистии не требовалось, чтобы человек признавал себя виновным в совершении преступления. Нужно было только его согласие на применение амнистии. И следователи не раз слышал от обвиняемых: я виновным себя не признаю, но на применение в отношении себя амнистии и прекращения уголовного дела согласен. Причины согласия на применение амнистии назывались самые разные, но вполне понятные: желание освободиться из-под стражи, нежелание «общаться» с судопроизводством. Впрочем, для большинства из описываемой группы людей не имело значения, по реабилитирующему или нереабилитирующему основанию в отношении них прекращалось уголовное дело.

Один из депутатов той Государственной Думы, принявшей это абсурдное постановление об амнистии, оправдываясь объяснял нам, что он и некоторые его коллеги поняли этот пункт по-другому. А именно: что если обвиняемым по уголовному делу является ветеран Великой Отечественной войны, имеющий награды, то его надо освободить и дело прекратить.

Уже через месяц (в июне 2000 года) в спешном режиме Государственной Думой Российской Федерации было издано Постановление, исправляющее содержащиеся в указанном постановлении об амнистии несуразности. Но уже кого-то успели освободить. А ведь ничего не мешало заранее опубликовать проект того, что хотели принять депутаты. В этом случае огрехи и неточности сразу бы были выявлены учеными.

В целом изложенное показывает проблему оторванности широких слоев ученых-правоведов от органов принятия правовых актов. Чего, по логике и сути, быть не должно.

С учетом того, что в Государственной Думе, Совете Федерации и органах государственной власти достаточно неюристов получается, что ученым подчас достается удел научно изучать право и законодательство, принятое не специалистами. Изложенную проблему надо осознать и найти пути решения.

Надо сказать, что нами позитивно оценивается подготовленная Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации книга, посвященная концепциям развития российского законодательства (под редакцией Т.Я. Хабриевой и Ю.А. Тихомирова).¹ Концепции развития надо публиковать и широко обсуждать, чтобы на их основе, с учетом полученных замечаний и предложений подготовить качественный закон. Возможно, что именно указанному институту будет лучше всего взять на себя координирующую роль по продвижению предложений ученых.

2. В научных работах по юриспруденции практически никогда не учитывается и не прогнозируется экономический эффект от полученных результатов и сформулированных предложений. Причем предложения и выводы подчас могут иметь серьезнейшие последствия как политического, так и экономического характера. Но эта сторона, важная для реализации предложений, совершенно упускается из виду.

Например, высказываемые в конституционном праве идеи о возвращении прямых выборов губернаторов требуют серьезных экономических затрат. В таможенном праве изменения ТК РФ могут значительно увеличить либо также значительно снизить доходность бюджета России. В земельном праве некоторые предлагаемые изменения требуют

¹ См.: Концепции развития российского законодательства / Под ред. и с предисл. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010.

колоссальных экономических вложений, которые диссертантами не рассматриваются.

Наглядным примером могут служить работы по административному праву, посвященные необходимости реформирования государственных органов. В соответствии с программой реформирования, подкрепленной научными работами, десятки подразделений министерств и ведомств было переименовано (!) и переструктурировано с увеличением штата. Даже милицию переименовали в полицию. В результате были израсходованы колоссальные деньги. Окупятся ли понесенные затраты? И так уж ли принципиальны в экономически нестабильный период страны подобные траты?

Россия в настоящее время живет в рыночной экономике. Соответственно, при формулировании выводов и предложений надо обязательно понимать, во-первых, затраты на реализацию предложений, а, во-вторых, экономические последствия.

Об этом верно написал М.А. Клеандров. Он обратил внимание, что довольно часто обосновываются и вносятся предложения, которые у нас попросту не смогут быть реализованы. Кстати, это подчас присуще и федеральному законодателю. И нормы ряда принимаемых законов, и некоторые предложения отдельных диссертантов (может быть послужившие теоретической основой для этих норм?) рассчитаны для исполнения в идеальном обществе, до которого России еще далеко. Поэтому стоит ли удивляться тому, что законы наши часто не исполняются либо исполняются «с точностью до наоборот», тому, что некоторые законы отдельные граждане пытаются «приспособить» под себя для использования в личных корыстных интересах (пример – законодательство о банкротстве).¹

Диссертация по своей сути – это проект по улучшения правового регулирования каких-либо отношений. Любой проект, за исключением

¹ Клеандров М.И. Кандидатская диссертация юриста: первые шаги исследователя. М., 2004. С. 52.

сугубо теоретического, должен быть просчитан, определена его стоимость, затраты, выгоды. Этого не происходит. Отсюда и формулируются, как сказал классик, предложения космического масштаба и такой же глупости.

Имеются и положительные примеры. Так, гуманизация уголовно-правового законодательства в части уменьшения наказания в виде лишения свободы за экономические преступления способствует сокращению затрат на содержание осужденных. Предложения по активизации использования такого вида наказания как штраф тоже способствует увеличению казны и не влечет дополнительных расходов. Только надо ясно понимать, в отношении каких преступлений и в каких случаях наказание «штраф» применяться не может.

Конечно, диссертация по юриспруденции не должна быть посвящена экономическим расчетам. Однако учитывать расходы на реализацию предложений, понимать экономический эффект очень важно. И конечно, затраты должны соотноситься с пользой от реализации предложений. То есть, если нововведения требуют расходов, но от них выиграет население России в защите своих прав, свободе, законности – такие идеи полезны и требуют реализации.

3. Помимо экономического эффекта, существует еще политический эффект, социальный эффект и др. Иначе говоря, конкретная польза от обоснованных в диссертации изменений. Но эта польза тоже далеко не всегда прогнозируется, оценивается и даже упоминается в работах.

Нередко это связано с тем, что диссертант не видит или не ставит перед собой конечной цели исследования. Стандартная, упоминаемая в диссертациях фраза гласит, что диссертант хочет внести предложения в тот или иной нормативно-правовой акт, чтобы тем самым улучшить регулирование общественных отношений в конкретной сфере. Но, даже если согласиться с его предложениями и внести поправки, регулирование общественных отношений, тем не менее, лучше не становится. Потому что в работе не было глубины, не проанализировано регулирование общественных

отношений в целом, не оценен весь нормативно-правовой акт, а рассмотрена лишь его малая часть. А сам этот акт, как выясняется на защите, несовершенен, не соответствует реалиям времени. И от того, что в него будут внесены ничего не значащие по его сути изменения, обстановка в позитивную сторону не меняется.

В результате формулируются предложения, что-то уточняющие, но которые на самом деле ни на что не влияют, потому что несовершенен сам нормативно-правовой акт.

Какая польза от подобных исследований? Незначительная польза есть - чуть лучше понят маленький сегмент в одной-двух нормах права. Это возможно принесет пользу, но при условии изменения самого нормативно-правового акта. И никак иначе. В итоге жалко трудов соискателей.

4. Искусственное усложнение науки.

Правовые науки ежегодно прирастают новыми знаниями (по крайней мере, в это хочется верить). Проводятся различные исследования, охватывающие самые разные стороны правовой реальности, формулируются выводы, уточняются понятия. В конечном счете, такое движение и создает научный прогресс, который можно только приветствовать.

Однако наряду с этим, происходит и мнимое движение вперед, названное нами *искусственным усложнением науки*. Сюда можно отнести несколько типичных случаев, встречаемых во многих диссертациях.

- стремление соискателей всю жизнедеятельность свести к правовым нормам, регламентировать в законе все, что только возможно по теме их исследования. В диссертациях практически по любой специальности встречаются предложения о включении в закон того или иного определения, законодательной регламентации частных случаев применения отдельных норм и т.д., и т.п. Вместо того, чтобы, как говорили мудрецы, сделать законы простыми и понятными, их постоянно предлагают дополнить, детально регламентировать, «утяжелить». Попытки упростить законы встречаются крайне редко.

- многие диссертанты, разрабатывающие конкретную тему, пытаются дать ей «свое» определение. На поверку оказывается, что это новое определение на самом деле новым не является, а представляет собой пересказ другого определения. Если же и предложить новое определение не удастся, то соискатели обязательно пытаются что-то уточнить в уже имеющихся понятиях. Этот процесс почти бесконечен и, как правило, пуст с точки зрения содержания. На наш неофициальный вопрос к одному из соискателей о том, для чего он перефразирует имеющиеся понятия, он честно ответил, что должен же он что-то свое внести.

- Искусственное «утяжеление» языка. Некоторые специалисты имеют склонность к употреблению сложно читаемых и сложно воспринимаемых терминов. Простые и понятные слова заменяются на синонимы, редко употребляемые даже в научной литературе. Причем ладно, если бы подобные понятия употреблялись бы точно и верно. Но ведь многие понятия имеют несколько значений, что в итоге только создает путаницу. Можно хорошо относиться к тому, что используют понятия, взятые из философии. Однако сейчас стало популярным заимствовать термины из физики, математики, внешне сходные по смыслу, но применяемые в технических дисциплинах и не вполне подходящие для правоведения. Сюда же следует отнести громоздкость предлагаемых понятий. В научных работах все реже встречаются короткие и емкие определения, и все чаще – массивные определения, содержащие трудные для восприятия обороты. Видимо, соискатели, допускающие подобные вещи, искренне думают, что именно в этом и заключается наука. Однако они заблуждаются. И начисто забывают, что верх профессионального достижения для юриста – умение излагать мысли и законы простым и понятным всем языком.

Выделенные в данном пункте замечания типичны для многих современных работ. В качестве предложения предлагаем усилить требовательность к научным работам со стороны диссертационных советов.

5. Следующая проблема связана с толкованием права. Как известно, любой ученый-юрист занимается толкованием правовых норм. Никто не вправе запретить специалисту (или лицу, выдающему себя за такового) комментировать, анализировать, обсуждать конкретные нормы, высказывать предложения по их применению.

Вопрос в том, насколько свободен ученый в широте толковании норм права? А точнее: может ли он, комментируя законодательство, предлагать нарушать закон или уклоняться от его выполнения?

Конечно, нет, ответят, наверное, все. Более того, сама постановка вопроса кажется, на первый взгляд, удивительной и несурзной.

Однако такая проблема есть. И в подтверждение наших слов приведем конкретные примеры из уголовно-процессуальной науки.

Для уголовного судопроизводства России в последнее двадцатилетие одной из актуальных проблем является использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. И вот в комментарии к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (ОРД) читаем то, что незаконно полученные результаты оперативно-розыскной деятельности, оказывается можно использовать в доказывании. В данной книге утверждается, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий и использовании их результатов «факт нарушения Федерального закона (об оперативно-розыскной деятельности. — С. 3.) не должен повлечь аннулирования полученных результатов».¹ И далее: «Аналогичный подход необходимо применять и при решении вопроса о придании процессуального статуса вещественного доказательства материальному предмету, полученному оперативно-розыскным путем с нарушением Федерального закона. Дело в том, что данное нарушение находится за рамками уголовного процесса и не означает нарушения предусмотренной уголовно-процессуальным законом процедуры

¹ Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Отв. ред. А. Ю. Шумилов. М., 1997. С. 120.

формирования вещественного доказательства».¹ Несложно предположить, что если допускается использование незаконно полученных результатов оперативно-розыскных мероприятий (да еще где — в уголовном судопроизводстве!), то авторы комментария весьма спокойно относятся и к незаконному проведению мероприятий.

Для неспециалистов в столь деликатной сфере поясним, что оперативно-розыскные мероприятия — это, например, прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых отправлений, переписки (в том числе по Интернету), наблюдение (слежка), опрос, тайное обследование жилища.² Большинство из них допустимы на основании судебного решения, при наличии достаточных оснований по ограниченному количеству статей УК РФ. Что понимали авторы указанного комментария под незаконным проведением мероприятий и получением, соответственно, незаконных результатов сказать трудно. Из судебной практики осужденных за незаконно проведенные оперативно-розыскные мероприятия можно сделать вывод, что это, видимо, незаконное обследование жилища, опрос с применением насилия и пыток, проведение прослушивания переговоров без надлежащего разрешения суда и т.д.

Указанная позиция была строго осуждена юридической общественностью. Некоторые даже полагали, что в данном случае авторы комментария просто опечатались или неточно выразили свою мысль.

Но прошло несколько лет и в учебнике (!) по оперативно-розыскной деятельности написано буквально следующее: «В связи с тем, что среди приведенных оснований о недопустимости доказательств отсутствуют прямые указания о признании доказательств недопустимыми в связи с нарушением требований ФЗ об ОРД, можно констатировать, что по смыслу УПК нарушения этого закона не влияют на отнесение доказательств,

¹ Там же: С. 120-121.

² См.: *Захарцев С.И.* Оперативно-розыскные мероприятия: общие положения. СПб., 2004; *Захарцев С.И.* Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2011; *Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П.* Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. М., 2015.

полученных в процессе ОРД, к числу недопустимых. Это связано с тем, что результаты ОРД сами по себе не являются доказательствами, а нарушения норм оперативно-розыскного законодательства не находятся в прямой связи с производством следственных или процессуальных действий. Следственно, они не влияют на содержание следственных действий и характер данных, полученных при их проведении».¹ Автором процитированного перла был О.А. Вагин.

Но это еще не все. Названный ученый повторил свое мнение в новом комментарии к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». Причем в этом комментарии О.А.Вагин пошел еще дальше и после изложенной цитаты написал буквально так: «Положения ФЗ об ОРД не регулируют уголовно-процессуальные отношения, а следовательно, и не могут определять допустимость доказательств, которые могут быть получены только в порядке и способами, предусмотренными нормами УПК. Требование допустимости может предъявляться только к результатам ОРД (например, прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, проникновение в жилище, контролируемая поставка, оперативный эксперимент или иные), представленным в документах или в виде вещественных доказательств. Что касается иных результатов ОРД (например, опрос, наведение справок, наблюдение и ряда других), которые являются лишь сведениями о фактах, то они не изменяют содержания фактических данных, полученных в результате проведения следственных действий».²

Таким образом, по мнению О.А. Вагина, результаты незаконно проведенных оперативно-розыскных мероприятий – опроса, наблюдения, наведения справок – можно без проблем использовать в доказывании по уголовным делам! Иными словами, в доказывании, видимо, можно

¹ Теория оперативно-розыскной деятельности. М., 2006. С. 574-575 (автор параграфа О.А. Вагин).

² См.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / Вступ. ст. В.Д. Зорькина. М., 2006. С. 239-240.

использовать: результаты опроса, проведенного с пытками, результаты тайного наблюдения в частном жилище, проведенного без судебного решения, фальсифицированные документы, полученные в ходе мероприятия «наведение справок».

Комментировать мнение О.А. Вагина даже как-то не серьезно. Любой первокурсник знает, что незаконно проведенное юридическое действие порождает незаконный, не имеющий юридической силы результат. Не будем и много полемизировать об опасности подобных действий как для прав человека, так и для режима законности, объективности судопроизводства и т.д. Это и так понятно.

О законности великолепно сказал С. С. Алексеев: «Законность — одно из немногих общественных явлений, которое строится по принципу “или” — “или”: или безусловная, стопроцентная законность везде и всюду — или ее крушение, если допускается отступление от строжайших требований даже в самом малом. Ибо дозволенность нарушать закон “в самом малом”, “по уважительным причинам”, “иногда” на деле означает допустимость отступления от нее в любом случае и всегда (разве так уж трудно обосновать, что именно данный случай “самый малый”, “уважительный”?)».¹

Приведем другой характерный пример. Часть 4 ст. 157 УПК РФ устанавливает: «После направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя. В случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах».

Содержание этой нормы, на наш взгляд, предельно ясно и не может иметь двойных толкований. С момента направления органом дознания

¹ См.: Алексеев С.С. Право и перестройка. М., 1987. С. 503.

уголовного дела оперативно-розыскные мероприятия по нему проводятся только по поручению следователя (за исключением случая, когда по делу не обнаружено лицо, совершившее преступление). Из первого предложения нормы слово «*только*» можно было бы исключить — смысл написанного от этого нисколько не изменится. Законодатель, тем не менее, формулировкой «*только по поручению следователя*» внес в статью эмоциональную ноту, чтобы категорически исключить двойное толкование статьи, а ее содержание сделать понятным всем.

Однако в монографии А. Е. Чечетина написано, что после направления дела из органа дознания «оперативно-розыскные мероприятия в отношении лиц, привлекающихся к уголовной ответственности, могут производиться и без поручения следователя».¹ Мотивировка такова: «Выполнение оперативными подразделениями обязанности по раскрытию преступлений не может ставиться в зависимость от решения следователя и от наличия (отсутствия) его поручения».² Ни больше, ни меньше.

Ученые, — специалисты по другим отраслям права, - помогли нам собрать достаточно богатую коллекцию подобных комментариев законов, идущих совершенно вразрез изложенному в нормах самих законов. То есть, проблема заведомо извращенного толкования закона имеется во всех отраслях права!

И ладно, если бы речь шла об описках, неточных формулировках, наконец, ошибках. Но в данных случаях речь идет о предложениях принципиального игнорирования требований закона, умышленном введении читателей в заблуждение.

И подчеркнем, что авторами таких высказываний являются юристы, имеющие ученые степени кандидатов и докторов юридических наук.

¹ Чечетин А. Е. Оперативно-розыскная деятельность и личность. Барнаул, 2006. С. 12.

² Чечетин А. Е. Оперативно-розыскная деятельность и личность. Барнаул, 2006. С. 10.

А кто читатели? Если учесть, что большинство примеров изложено в учебной литературе, то, не считая преподавателей, читателями в основном являются студенты юридических вузов – будущие юристы-практики, в том числе правоохранительных органов. А это не просто плохо, но и страшно!

Воистину не так страшен закон как его толкование!

Как с такой проблемой бороться мы, признаемся, не знаем.

Одним из вариантов может быть жесткое, принципиальное отношение научной общественности к заведомо ложным измышлениям. Публичное осуждение таких толкований, критичный анализ подобных высказываний на конференциях и семинарах. Убеждение авторов подобных «перлов» в публичном признании своей неправоты.

6. Россияне, в том числе юристы, стали заметно меньше читать. Особенно это касается печатной продукции, в первую очередь книг и научных журналов. Изложенное приводит к сокращению тиражей научной литературы. Соответственно, мнения и идеи специалистов в части права и законодательства стали труднее распространяться даже в научной и профессиональной среде.¹

Частичным выходом из такой ситуации может стать дублирование идей и мнений в нескольких научных журналах, частичные повторы написанного ранее в других книгах. Такие частичные повторы ранее написанного – есть объективная необходимость в доведении своих взглядов до специалистов. При этом одновременно надо обязательно расширить рекламу книг и статей по соответствующей тематике. То есть должно быть примерно так. Пользователь набирает в электронной базе данных интересующий его правовой вопрос, а база выдает книги и статьи, где отражены ответы и мнения по искомому вопросу.

Вместе с тем, в работе одного из диссертационных советов мы столкнулись со следующим случаем. Диссертационное исследование одного

¹ Далее буквально напрашивается призыв к чтению, но он в современных условиях, увы, будет являться лишь лозунгом.

из соискателей в значительной степени совпадало с его научными статьями. Это и логично, поскольку научные выводы и предлагаемые изменения в закон, разумеется, должны быть «слово в слово». После этого система «Диссернет» научную работу этого соискателя поставила под сомнение. И к выводам системы «Диссернет» отдельные члены диссертационного совета прислушались. Причем соискателю порекомендовали на будущее писать научные статьи с теми же выводами, но другими словами! Такие же рекомендации в другом диссертационном совете дали докторанту уже в части написания монографии, иначе будут трудности в прохождении «Диссернета»! Вновь вспоминается политик, который говорил: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!».

Давайте разберемся и договоримся. Задача «Диссернета» выявлять плагиат, выдачу чужих мыслей и идей за свои. Но свои-то мысли и идеи пусть ученый многократно публикует во всех своих публикациях хоть дословно. Это же не плагиат. Более того, с учетом нелюбви современной молодежи к чтению, чем больше раз учеными будут тиражированы умные идеи, тем больше вероятность, что такие идеи кто-то воспримет или хотя бы прочитает.

Относительно дословности очень важно понимать еще одну, как мы думали ранее, очевидную всем вещь. В праве крайне важна точность формулировок, ибо любой термин, слово или даже запятая может играть для человека фатальную роль. Классический пример: «Казнить нельзя помиловать!». От запятой в прямом смысле зависит жизнь человека. Как можно излагать основные мысли в работах не дословно?!

Однако не так давно столкнулись с такой ситуацией. Как уже отмечалось, несколько лет назад мы сформулировали компрехендную теорию права. Названную теорию мы опубликовали в нескольких юридических журналах и монографиях. Но что происходит далее. Как нам сообщили, в системе «Диссернет» появилось сообщение, что наши работы о компрехендной теории права относятся к «некорректным публикациям». Мы

обратились к системе «Диссернет» и установили, что некорректными наши публикации названы потому, что мы не единожды публиковали нашу теорию в различных журналах с незначительными дополнениями. Да, публиковали. Старались, чтобы с ней познакомилось максимально большое число специалистов. Мы же не можем писать ее разными словами, давая новые понятия, постоянно по-новому излагать ее предмет, придумывать новые аргументы, обоснования и т.д.! Наоборот, как уже не раз отмечалось, в праве как нигде важна четкость и точность формулировок. Постоянно изменять, дополнять, расширять статьи о правовых нормах и научных теориях невозможно. Да этого по названным причинам и нельзя делать. Поэтому здорово, что большая часть специалистов ознакомились с нашими исследованиями так сказать без изменений.

Мы периодически немного дополняем и уточняем наши выводы. Однако оставляем за собой право многократно тиражировать наши работы, пусть и с небольшими изменениями. По нашему мнению, некорректности в наших действиях нет.

И уж совсем никакой некорректности нет в случаях многократного опубликования поздравительных статей или некрологов.

Мы не знаем как и каким образом функционирует «Диссернет». Однако призываем людей, вовлеченных в процесс поиска плагиата, самим соблюдать этичность и корректность. Наша позиция по поднятой проблеме проста и понятна. Мы не просто не видим никакой беды, а считаем отличным то, что соискатель распространяет результаты своих исследований в различных научных изданиях (монографиях, сборниках, статьях и т.д.). Чем больше ученых с этими результатами ознакомятся, а то и выскажут отношение к ним, тем более объективно будет оценен труд диссертанта. И очень важно, чтобы основные выводы исследователя тиражировались именно «слово в слово». Для гуманитарных наук, особенно юридических, как все понимают, очень важна точность слов. Замена одного слова казалось бы синонимом может значительно изменить (расширить или ограничить) действие закона.

По таким принципам функционировала система защит диссертаций в СССР, когда требовалось, чтобы основные результаты диссертаций обязательно были опубликованы в научных журналах. И никто не ставил вопрос о том, что «диссертант списал сам у себя». Наоборот. Было важно, чтобы диссертант в статьях и выступлениях точно привел результаты своих исследований и сформулированные на их основе предложения.

В части рекламы своих монографий мы предлагаем еще такой вариант: к каждой монографии выпускать и прилагать автореферат, в котором кратко излагать основные положения работы. Если он заинтересует, то возникнет потребность прочитать всю работу. Этот автореферат широко распространять в Интернете, издательствах, средствах массовой информации. Примерно такой же принцип, как и с диссертациями.

Кроме этого, возможно появится традиция излагать основные выводы монографии во введении или заключении. Читатель на момент покупки ознакомится с введением или заключением и оценит важность приобретения всей книги.

7. Большой современной проблемой юридической науки является слабое изучение наследия недавно ушедших ученых. Посмотрите, еще совсем недавно с нами работали В.Н. Кудрявцев, О.Е. Кутафин, Д.А. Керимов, С.С. Алексеев, другие выдающиеся юристы. Но кто внимательно, подробно и конспективно изучал их труды? Кто ловил их мысли и полунамеки по всем отраслям права?

Увы, по нашему мнению, труды недавно ушедших внимательно не изучают. Как правило, к их работам обращаются только в контексте конкретной диссертации или монографии, причем в части касающейся. У нас нет ни института, ни практики изучения наследия ученых-юристов.

В СССР была практика глубокого изучения трудов К. Маркса и В.И. Ленина. Такое изучение, кто бы чего сейчас не утверждал, было полезным. На базе подобного изучения глубоко развивались отдельные философские направления, например, та же диалектика. Да и никто из философов и

юристов, мы уверены, никогда не скажет, что знания трудов К. Маркса и В.И. Ленина были лишними. Плохо было то, что работы К. Маркса и В.И. Ленина рассматривались некритично, односторонне и в контексте с идеологией. А в самом факте глубокого изучения трудов ничего плохого нет.

Нам представляется важным создать практику тщательного изучения учеными юридического наследия. Следует издавать монографии-обзоры по трудам и мыслям выдающихся и просто известных ученых-юристов. Их идеи не должны пропадать. Более того, было бы полезным и важным по работам таких юристов подготавливать диссертационные исследования: кандидатские и докторские. Но если дореволюционные ученые хоть и не часто, но попадают в орбиту внимания диссертантов, то более-менее современные – крайне редко. Тем самым мы обедняем сами себя. А ведь работы недавно ушедших ближе к современному состоянию науки и практики.

Мы специально оговоримся, что подлежат тщательному изучению работы не только всемирно признанных ученых и академиков. В каждой из юридических наук традиционно имеется два-три наиболее авторитетных специалиста, профессора, классика. Их труды и идеи крайне важны для той отрасли права, которой они посвятили свои изыскания. А работы выдающихся юристов надо изучать само собой.

Полагаем, что задачу серьезного и полного изучения трудов ушедших ученых должен решать Институт государства и права РАН. В 2016 году этим институтом под редакцией В.Г. Графского была издана монография, посвященная отдельным российским философам права XX века¹. В исследование попали как дореволюционные, так и некоторые советские ученые. Независимо от того, насколько согласны специалисты с имеющейся в книге оценкой трудов того или иного философа права, сама по себе задумка вызывает всяческую поддержку.

Интересную книгу, показывающую вклад недавно ушедших и современных ученых в теорию права, выпустили В.В. Лазарев и С.В.

¹ Философия права в России: из опыта XX века / Отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016.

Липень.¹ Солидную книгу о значении трудов философа В.С. Степина в юридической науке выпустили Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор.² Содержательную работу об элите советской философской мысли подготовили в Институте философии РАН под редакцией В.А. Лекторского.³ Весьма интересна в этом контексте и книга Г.К. Толстого.⁴

Такую работу надо продолжать.

8. Зависимость юридических знаний от конкретного исследователя, его субъективных оценок, уровня образованности, идеологии, мировоззрения и т.д., и т.п. Юридическая наука полна противоречивых выводов. Особенно хорошо это заметно в части истории юридической науки. Здесь наблюдается двойная субъективность: субъективность юридических знаний и субъективность исторических знаний, также зависящих от идеологии исследователя, его убеждений и даже эмоций. Например, В.С. Нерсесянц в работах по философии права и истории политических и правовых учений достаточно сдержанно описывает право при рабовладельческом строе, право средних веков (когда допускались и активно применялись пытки, колесования, четвертования, сжигания заживо и пр.), поздние политические режимы, тоже имеющие заметный кровавый след. Но когда доходит до описания советского строя, из страниц буквально выделяются оскорбления, желчь.⁵ В результате этот ученый даже пришел к выводу, что в СССР права вообще не было – был сплошной тоталитаризм. Как писал В.С. Нерсесянц: «Общественные (в том числе и хозяйственные) отношения регулируются здесь иными (неправовыми) средствами и нормами»⁶.

¹ Лазарев В.В., Липень С.В. История и методология юридической науки. М., 2016.

² Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина в юридической науке. М., 2020.

³ Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В.А. Лекторского. М., 2014.

⁴ Толстой Г.К. Портреты заговорили. М., 2014.

⁵ Об этом мы будем говорить и в разделе этических проблем юридической науки.

⁶ Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в общий курс теории права и государства. М., 1998. С. 20.

Этот вывод настолько не соответствовал реалиям, что даже С.С. Алексеев, в целом разделявший позднее мировоззрение В.С. Нерсисянца, написал, что такая оценка не точна¹. В частности, автономное развитие блоков частного и публичного права при социализме выражается в том, что право публичное может подавляться и подменяться внеправовыми методами со стороны государственной власти, а вот право частное так и остается вполне полноценным правом, используемым гражданами и применяемым судами, иными государственными органами, компетентными в частноправовой сфере. Так, институт брака, хотя и претерпевал некоторые технические изменения в советский период исторического развития нашего государства, но все же оставался истинно правовым (а точнее гражданско-правовым) институтом. Граждане СССР вступали в брак, пользовались взаимными правами и обязанностями супругов, расторгали брак, признавали его недействительным и т.п., на основе норм семейного права, в административно-правовом либо судебном порядке. Поэтому все семейные кодексы РСФСР являются законами, более того, законами правовыми, и по сути источниками права.²

Однако работы В.С. Нерсисянца имеют много последователей, которые воспринимают выводы этого ученого как научную данность, пытаются их развить. На базе и таких выводов тоже, юридическая наука движется. Но истинны ли эти знания? И могут ли подобные крайне субъективные выводы В.С. Нерсисянца служить основой для изучения истории государства и права? Отсюда вопрос: в ту ли сторону подчас движется юридическая наука?

Вспоминается, что в 1990-е годы в ряде диссертационных советов было крайне трудно защищать исследования, где не было критики советского строя.

¹ Алексеев С.С. Избранное: Наука права. Общесоциальные проблемы. Публицистика. М., 2003. С. 97, 97.

² Об этом см.: Чашин А.Н. Современные правовые учения России / Под ред. Т.Н. Радько. М., 2014. С. 38-39.

В сумме: несомненной серьезной науковедческой проблемой юридической науки является определенная субъективность, подверженность идеологии, мировоззрению, политическому режиму и прочим факторам, в основном - внешним. Зафиксировано много эпизодов, когда под воздействием этих внешних факторов, а вовсе не новых научных достижений в юриспруденции, один и тот же ученый в течение жизни неоднократно менял свою позицию и отношение к праву. Достаточно взглянуть на ранние и поздние работы уважаемого С.С. Алексеева.¹ Таким образом, науковедческой проблемой для юридической науки является не просто зависимость знаний от конкретного исследователя, а еще и от эпохи проведения ученым своих исследований.

Надо сказать, что молодые специалисты данную проблемы решают, правда весьма своеобразным способом. Так, нередко можно услышать выражение: не важно, какая у тебя работа, важно, кто у тебя научный руководитель. К сожалению, такое выражение во многом верно. От статуса и авторитетности научного руководителя в юридической науке зависит многое.

Но на самом деле сие означает заведомую зависимость молодых исследователей от мнения научных руководителей, которое может быть крайне субъективным. А также означает и зависимость науки от своих «авторитетов», от их мнения, идеологии, но не всегда от деперсонифицированных знаний.

Увы, наука о праве, как и любая гуманитарная наука, достаточно субъективна. Она имеет своих авторитетов и весьма редко подвергает ревизии имеющиеся знания. Во многом это как раз связано с тем, что многие авторитеты не допускают расходящееся с его рассуждениями мнение в широкую научную дискуссию. Эмпирических измерений, имеющих объективный характер, в гуманитарных науках очень мало. Такие

¹ См., напр.: *Алексеев С.С.* Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма. М., 1962; *Проблемы теории права: Курс лекций в двух томах.* Свердловск, 1972—1973; *Правовое государство — судьба социализма.* М., 1988; *Уроки: Тяжкий путь России к праву.* М., 1997; *Философия права: История и современность, проблемы, тенденции, перспективы.* М., 1999.

обстоятельства усиливают роль научного руководителя. Чем более он авторитетен, тем больше шансов на защиту, публикацию книги и даже статьи.

В идеале знания должны быть деперсонифицированы, однако юридические науки не могут этого полностью обеспечить. Это, во-первых, дает возможность, для нечестности, а во-вторых, снижает темп развития науки.

9. Науковедческой проблемой, ставшей достаточно распространенной в гуманитарных науках, стало смещение монографий, учебных пособий и учебников. Для юридической науки указанное особенно актуально. Встречается, что учебник или учебное пособие подготовлены как монография, фактически представляют собой самостоятельное исследование или несколько обобщенных исследований. В то же время содержание некоторых монографий носит описательный характер, в ней отсутствует постановка вопросов, исследовательская часть, обоснованный вывод. Создается впечатление, что как будто кто-то специально смешал понятия, чтобы всех запутать.

Научно-исследовательские работы тоже следовало бы более-менее четко разграничивать на теоретические, прикладные исследования и научные разработки. Теоретическое исследование связано с совершенствованием и развитием понятийно-категориального аппарата юридической науки и направлено всестороннее познание объективной реальности, в первую очередь выяснение ее существенных связей и закономерностей; прикладные исследования – это исследования, направленные на решение конкретных социально-практических проблем юридической науки; научные разработки – разрешения научных проблем, связанных с созданием новых методик, рекомендаций, применением новых форм закона и т.д. параллельно с совершенствованием существующих. К таким работам недопустимы

одинаковые требования по внедрению их результатов в практическую юридическую деятельность.¹

В Советском Союзе проблема смешения монографий, учебников и учебных пособий тоже была. Но она была не науковедческая, а связывалась с другими причинами. Как вспоминал Р.С. Белкин, всесоюзное издательство «юридическая литература» не могло «переварить» всех желающих издать монографии юристов. Поэтому многие криминалисты издавали свои монографии под видом учебных пособий.² Сейчас данная проблема уже стала науковедческой.

10. Фундаментальные исследования юридической практики требуют многих лет. Поэтому начинать их надо намного ранее того периода, когда возникает необходимость в осуществлении очередных закономерных преобразований системы гражданского, уголовного, административного судопроизводства. Только при таком условии можно будет вовремя и на надлежащем уровне подготовить научно-обоснованные рекомендации и разработки для внедрения результатов в законотворческую и судебную практику. Предлагаемые рекомендации и разработки должны подвергаться всестороннему обсуждению в научном сообществе, широкой юридической общественности, практиков.³

Однако опыт показывает, что в российской жизни все происходит с точностью до наоборот. Многолетних исследований юридической практики проводится крайне мало. А кардинальные изменения в законодательство, как правило, осуществляются стихийно, быстро и все равно с опозданием. При этом обсуждение законопроектов в широкой юридической общественности

¹ Указанная науковедческая проблема применительно к науке уголовно-процессуального права хорошо освещена *А.В. Волеводзом*. См.: О действенности внедрения достижений уголовно-процессуальной науки в практику уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 360-370.

² См.: *Белкин Р.С.* История отечественной криминалистики. М. 1999.

³ Об этом см.: *Волеводз А.Г.* Уголовно-правовые препятствия международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 2. С. 164-172.

не осуществляется. Практикующие юристы ставятся перед фактом новых изменений и к ним, естественно, не готовы.

Таким образом, юридическая наука по объективным и субъективным причинам не своевременно реагирует на изменения законодательства, практику его применения, а в целом - не в полной мере выполняет свою функцию.

И здесь надо признаться, что весьма небольшое количество научных учреждений готово проводить длительные многолетние исследования. У специалистов нет стремления его проводить в том числе потому, что они затратны, не всегда благодарны с точки зрения использования результатов и не имеют быстрой по времени отдачи в виде, например, ученой степени, признания и пр.

Большой науковедческой проблемой права стало то, что юристы в своих исследованиях избегают изучения практики и фактических реалий. Подготовленные ими научные работы на самом деле являются сугубо теоретическими выкладками, далеко не всегда объективными. А если учесть то, что значительная часть современных научных работников не знает практических реалий, их предложения даже не всегда разумны. Весьма жестко по этому поводу в части ситуации, например, в Институте государства и права РАН высказался его многолетний сотрудник В.В. Лунеев. Про указанный институт он, в частности, написал: «главная трагедийность нашего положения ныне в том, что мы точно не знаем реального обобщенного объема преступности и ее отдельных устоявшихся видов; мы не знаем ее полных социальных и экономических последствий; мы не знаем действительной эффективности борьбы с преступностью; мы не знаем, как дорого она в целом обходится нашему народу; мы не имеем сколько-нибудь адекватного прогноза ее возможного развития на основе интенсивных изменений в мире и стране. Более того, мы глубинно научно не изучаем эти проблемы. Мы привыкли ко всему этому “незнанию” как к стихии. Развитие права в нашем недалеком прошлом, да и в современном

осуществляется в основе своей на условном уровне в форме науки слов, а не науки реалий. Институт государства и права никогда не имел и не имеет никакой системной реалистичной, фактической или экспериментальной базы. Мы системно не владем никакой статистической и социологической информацией наших реалий. Мы не имеем возможности самим в необходимых условиях получать и собирать репрезентативные сведения о правовых реалиях в стране. Философия и теория права в нашем институте, благодаря некоторым отраслевым наукам, развиваются в плане абстрактных либертарных суждений, не опираясь ни на какие реалии. Логическое мышление, которое доминирует в юридической науке, не может дать знания эмпирического мира».¹

Такое игнорирование социологических и статистических исследований права особенно печально потому, что именно Россия богата крупными, широко известными социологами. Из современников отметим академиков М.К. Горшкова, В.И. Жукова, Г.В. Осипова, В.И. Иванова, В.Н. Кузнецова, Н.И. Лапина, Ж.Т. Тощенко.²

¹ Лунеев В.В. Необходимые перспективы развития Института государства и права Российской академии наук // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 2. С. 425.

² Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М., 2020; Жуков В.И., Федякина Л.В. Плен: социология бесправия. М., 2018; Жуков В.И. Социально-демографический НАБАТ. М., 2017; Ключарев Г.А., Мошкова Д.М., Барбашина Н.С. Интеграция российской науки и производства: социологический анализ / Под ред. акад. Г.В. Осипова. М., 2020; Иванов В.Н., Сергеев В.К. Всегда Великая Победа. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2020; Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты / С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов и др.; Отв. ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов. М., 2020; Кузнецов В.Н. Теория Коммуникационного Общества 3.0: Социологический гуманистический аспект. М., 2015; Культура национальной безопасности: облачные 3.0 методологии, теории, институты и технологии в России 2015–2020. Особенности гуманистической безопасности в Коммуникационном Обществе 3.0. Колл. авт.; ред.-сост. и авт. глав В.Н. Кузнецов. М., 2015; Социология Великой Победы / под ред. В.Н. Кузнецова. М., 2005; Стратегия демографического развития России / под ред. В.Н. Кузнецова и Л.Л. Рыбаковского. М., 2005; Лапин Н.И., Здравомыслов А.В. Социология. Хрестоматия в 2 т. М., 2016; Атлас модернизации России и ее регионов: социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М., 2016; Лапин Н.И. Теория и практика инноватики. М., 2010; Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020; Тощенко Ж.Т. Неизбежные уроки пандемии // Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие

Российскому научному сообществу необходимо критично подходить к результатам исследований, не основанных на изучении правовых реалий. Незнание учеными таких реалий возможно является причиной их необоснованно возвышенного отношения к праву, которое на самом деле является многогранным и противоречивым явлением.

11. Проблема наукометрии в юридической науке. Как известно, наукометрические данные в последнее десятилетие стали активно применяться в науке для различного рода отчетности научных учреждений, самих ученых, а также оценки их научной деятельности за определенный срок. Наиболее распространены различные индексы цитирования, в основе которых лежат статистические научные методы.

На настоящем этапе указанные методы слегка потеснили давно апробированные на практике метод комиссионной экспертной оценки работ ученого, а также метод рецензирования его отдельных трудов.

В юридической науке наукометрические оценки ученых становятся все более распространенными. Появились весьма интересные книги по юридической наукометрии.¹ Некоторые отдельные юридические науки пытаются разработать свою наукометрию. Возможно, что увлечение наукометрией было бы менее сильным, если бы в ряде вузов за более высокие индексы цитирования не стали выплачивать большую заработную плату.

Однако зависимость оплаты является не единственной причиной современного увлечения наукометрией. Практика рецензирования, как известно, всегда субъективна и имеет все связанные с субъективизмом недостатки. Это обусловило необходимость поиска интерсубъективных деперсонифицированных методов оценки ученых.

Российской Федерации в 2020 году / *Осипов Г.В.* и др.; отв. ред. *В.К. Левашов*. М., 2020. С. 57-68 и др.

¹ См.: *Шуმიлов А.Ю.* Введение в юридическую наукометрию. М. 2012.

Ориентация на востребованность трудов ученых через количество цитирований его работ показала на первоначальном этапе достаточно привлекательной.

Вместе с тем, активно применяемая ныне практика оценки через индекс Хирша и другие индексы цитирования тоже не свободна от серьезных замечаний, в том числе от субъективизма. Например, главные редакторы научных журналов при решении о публикации могут отдавать предпочтения авторам, делающим ссылки на их работы. И, соответственно, наоборот.

Есть и другая сторона. Цитирование автора не дает оценку его работе. Просто учитывается, что на работу специалиста сослались. Поэтому достаточно написать в какой-либо книге или статье глупость либо высказать мнение, не соответствующее закону – и эту работу будут критиковать, то есть на нее ссылаться. Получится, что при негативной оценке и критикуемости самой работы, индекс ее цитирования будет высоким!

В индексе цитирования большое значение играет популярность самого права. Так, специалисты по судебно-экспертной деятельности при важности их трудов для конкретной юридической науки всегда будут иметь меньший индекс чем специалисты по гражданскому праву. Более того, специалисты по теории государства и права по определению будут иметь в целом более высокие рейтинги, ибо любое серьезное научное исследование начинается с теоретико-правовой базы.

Надо учитывать и то, что интерес к некоторым отраслям права то возрастает, то угасает. Например, сейчас вряд ли кого-либо заинтересуют работы по колхозному праву, хотя ранее они были достаточно популярны. Как оценивать труды ученых, разрабатывавших подобное право?

То же относится и к работам отдельных ученых. Так, ранее ссылок на труды известных русских дореволюционных юристов было немного. Сейчас, наоборот, стало популярно ссылаться не на современников, а на работы русских правоведов XIX- начала XX века. Есть и яркие индивидуальности, интерес к книгам которых то практически гаснет, то ярко возгорается. К

таким, например, относятся труды основателя психологической концепции права Л.И. Петражицкого.

Индексы цитирований несвободны от субъективизма и потому, что в России есть странный обычай – к месту и нет ссылаться на руководство страны, руководство министерств и ведомств и пр. Если считать объективно и полностью все, что издано в России за XX век, то наибольший индекс цитирования будет у К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина. На них в советское время ссылались во всех научных работах. То же, в той или иной степени сохранилось и по сей день. В системе МВД, например, есть мода ссылаться на выступления Министра внутренних дел. В ряде вузов обязательно ссылаются на труды его ректора (или декана юрфака).

Говоря о различных индексах цитирования необходимо учитывать и «разнокалиберность» юридических журналов. Например, журналы «Государство и право», «Правоведение» по статусу и популярности трудно сравнить с каким-либо региональным изданием. Статьи в названных журналах по определению заставляют обратить внимание на ученого. А если у специалиста нет возможности опубликоваться в популярном журнале? Его индекс цитирования, независимо от качества работ, не будет высоким. Правда есть и обратная сторона, частично опровергающая изложенный выше тезис. В России издается определенное количество юридических журналов по очень «узким» проблемам, интересующих относительно небольшое количество специалистов. Специалисты, интересующиеся освещаемыми в этом журнале проблемами, постоянно публикуются именно в этом издании, спорят друг с другом, ссылаются друг на друга, повышая тем самым свой индекс и индекс оппонентов. В сумме: и журнал имеет неплохой рейтинг, и ученые увеличивают количество цитирований друг друга, хотя на самом деле многие дискуссии уже идут то что называется «по кругу».

Теперь непосредственно в отношении наиболее распространенного и популярного сейчас индекса Хирша.

О существовании индекса Хирша и электронной библиотеки РИНЦ мы узнали несколько лет назад. Тогда же зарегистрировались и «привязали» многие из «непривязанных» публикаций.

Какие «плюсы» мы получили с регистрацией в РИНЦ? Их несколько.

Во-первых, сразу получаешь информацию о том, кто тебя цитирует и в каком контексте. Сразу видны положительные моменты работы - если хвалят, или негативные - если справедливо критикуют (что, увы, встречается). Сразу понятно, какие моменты в работе изложены недостаточно аргументированно, какие фрагменты требуют пояснений. То есть, значительно убыстрилась обратная связь от читателей к автору.

Во-вторых, хорошо видна география ссылок. В частности видно, в каком регионе работа оказалась недоступна читателю.

В-третьих, появилась возможность ознакомиться со многими неизвестными ранее работами, причем в достаточно короткое время.

В-четвертых, стало видно, кто их коллег по научному цеху над чем работает, кто что написал и как к его трудам отнеслись другие ученые.

Существование этих плюсов уже полностью оправдывает существование РИНЦ и индекса Хирша. Иной вопрос, как относиться к значению этого индекса? Конечно, иметь высокий индекс Хирша очень приятно. Однако значение индекса Хирша нельзя преувеличивать и оценивать труды ученого только на его основе (к сожалению, такое стало встречаться в современной России).

В настоящее время у нас достаточно неплохие показатели по индексу Хирша. Так, на 1 января 2021 года мы по названному индексу уверенно входим в двадцатку наиболее цитируемых всех юристов России (по состоянию на указанную дату в электронной библиотеке РИНЦ было зарегистрировано более 44000 ученых). Мы специально обратили внимание на наши показатели индекса Хирша потому, чтобы иметь моральное право критиковать его недостатки и не быть обвиненными коллегами в том, что

индекс не нравится неудачникам. Напротив, имея высокий индекс Хирша, мы тем не менее, видим в нем и существенные недостатки.

Во-первых, как отмечалось выше, значение индекса Хирша далеко не всегда объективно.

Самый примитивный способ поднятия индекса: напишите в двадцати публикациях какую-нибудь резонансную глупость, например, что в оперативной работе полиции необходимо разрешить пытки. Уверяем, что на все двадцать статей будет очень много критических откликов. Но индекс-то поползет вверх. Ведь строго по индексу не видно, хвалят Вас или ругают. Такой прием применил один уголовно-процессуалист, издавший оскорбительную статью в отношении криминалистов и криминалистики, ее каких-то «грехах» и т.д. Его жестко и справедливо раскритиковали. Однако в результате он получил популярность и по индексу Хирша стал входить в первые сто наиболее цитируемых ученых. Известные процессуалисты первые, хотя и с запозданием, раскусили эту хитрость и стали избегать ссылаться на данного ученого. Мы тоже не будем его упоминать.

Другой примитивный пример: ссылки на электронные публикации в других электронных публикациях. Как мы понимаем, нет гарантии, что это сам автор под чужими данными без устали ссылается сам на себя.

Наверное, есть и более хитрые способы.

Во-вторых, за индексом надо постоянно следить, постоянно «привязывать» свои публикации. Если этого не делать, то многие работы окажутся «непривязанными», что значительно обеднит индекс.

В-третьих, много трудов известных, но уже ушедших ученых не имеется в библиотеке и их некому прикрепить. Более того, ушедших ученых даже некому зарегистрировать. Например, во взятой нами для примера криминалистике, не зарегистрированы в РИНЦ такие ученые как А.И. Винберг, Р.С. Белкин, И.А. Возгрин и др. Тоже касается и многих других наук, в том числе не юридических. Так, нам не удалось найти среди

зарегистрированных ученых несколько выдающихся физиков, в том числе лауреатов Нобелевской премии.

Наконец, четвертое и самое главное – этический аспект. Насколько этично и корректно измерять методом цитирований вклад ученых в науку? Правильно ли в принципе заниматься таким измерением? В культурологии удалось избежать сравнений: кого из композиторов – Чайковского или Глинку – цитируют больше. В искусствознании, насколько нам известно, математически не сравнивают между собой вклад в искусство Айвазовского и Репина. Более того, неоднократно поднимался вопрос о том, насколько возможны наукометрические оценки в гуманитарных науках, в том числе юриспруденции?

Если такие оценки и возможны, то, во-первых, не между собой (это не этично), а, во-вторых, оценки должны быть комплексными. Учитываться должно не только цитирование, но и известность в России, известность за рубежом, количество монографий, их рецензируемость, популярность, использование в учебном процессе вузов и т.д. Но и эти комплексные оценки могут ничего не дать. Как можно даже теоретически сравнить, кто из наших выдающихся советских юристов – В.Н. Кудрявцев, Д.А. Керимов или С.С. Алексеев – внесли больший вклад в правоведение? Также нельзя - невозможно - сравнить и вклад дореволюционных юристов. Но ведь их немало.

То же относится и к современным специалистам: как известным, так и не очень. Поэтому мы совершенно не согласны с предложением уважаемого А.Ю. Шумилова, что индекс Хирша надо учитывать при представлении к почетным званиям (если показатель большой), либо применять «организационные выводы» (если показатель маленький).¹

В журнале «Оперативник (Сыщик)» А.Ю. Шумилов предложил новый индекс – индекс научной индивидуальности. Считать этот индекс указанный автор предложил по формуле:

¹ См.: Шумилов А.Ю. Введение в юридическую наукометрию. М., 2012. С. 175-180.

$$\text{НИ-индекс} = \frac{(M+C)}{2} - \text{КС}$$

Где:

- НИ-индекс – индекс научной индивидуальности;
- М – количество ссылок на самую цитированную индивидуально написанную монографию;
- С – количество ссылок на самую цитированную индивидуально написанную статью;
- КС – количество ссылок посредством самоцитирования.¹

Отдавая должное стремлению А.Ю. Шумилова разработать качественный наукометрический показатель, тезисно хотим внимание на серьезные недостатки его предложения.

Начнем с того, что этот индекс научной индивидуальности также привязан к механическому сложению ссылок, независимо от того, положительные они или отрицательные, а также независимо от того, честным или не вполне честным путем они получены.

Кроме того, учитывая индекс научной индивидуальности, А.Ю. Шумилов предлагает не считать учебники и учебные пособия. Однако надо понимать, что в гуманитарных науках, в том числе юриспруденции, имеется смешение научной и учебной литературы.

Помимо этого, А.Ю. Шумилов совершенно необоснованно предлагает оценивать только индивидуальные монографии. Но почему нельзя писать и работать в соавторстве? При таком подходе даже всемирно известные ученые – например, создатели атомного оружия или космонавтики – несмотря на выдающиеся достижения не смогут претендовать по данному индексу на научную индивидуальность. Что уж говорить об ученых, чьи заслуги в науке куда скромнее, например, об авторе этих строк? Лично мы любим писать в соавторстве, в основном с известным российским ученым В.П. Сальниковым. Каждый из соавторов, одновременно, является редактором и критиком друг друга. В результате, как нам кажется, монографии, учебники и даже статьи становятся точнее, весомее, интереснее.

¹ Шумилов А.Ю. Новый индекс «научной индивидуальности» и некоторые другие индексы цитирования в отечественной юридической науке // Оперативник (ссылик). 2015. № 3 (44). С. 58-64.

И наконец, опять же этический вопрос – сравнение по данному индексу ученых между собой.

Мы не раз жестко, но справедливо критиковали увлечения различными индексами, включая РИНЦ.¹ И получили поддержку специалистов. Например, Н.А. Боброва написала, что С.И. Захарцев и В.П. Сальников первыми проанализировали как плюсы, так и минусы новой наукометрии в виде индекса Хирша, а также две возникающие крайности: либо возведение индекса в фетиш, либо призыв к полному отказу от наукометрических и рейтинговых оценок.²

С другой стороны, наукометрия уже заявила о претензиях именно на научность своих знаний. Научный прогресс остановить невозможно. Более того, невозможно остановить процесс приращения научной информации независимо от ее качества. Поэтому, судя по всему, наукометрия в том или ином виде будет развиваться дальше. Отсюда перед наукой, философией науки и философией появляется большая науковедческая проблема – выработать объективную шкалу оценки научного труда.

Решая поставленную проблему надо учитывать несколько вопросов.

Во-первых, научность, научная обоснованность рейтингов и индексов цитирований. Именно научная составляющая индексов, с учетом множества принципиальных недостатков, пока кажется сомнительной, не до конца продуманной, не учитывающей даже поливариативность жизни и науки.

Во-вторых, что дают многочисленные рейтинги и индексы непосредственно для науки? Пока напрашивается вывод, что ничего не дают. Можно быть выдающимся ученым, имеющим низкий, если не нулевой

¹ Захарцев С.И., Сальников В.П. Этические проблемы в юридической науке // Юридическая наука: история и современность. 2015. №1. С.189-197; Захарцев С.И., Сальников В.П. Индексы цитирования и наукометрия: плюсы и минусы // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 2 (14). С.180-185; Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015.

² Боброва Н.А. О вреде современных критериев оценки научной деятельности вузов: общетеоретический анализ // Образование и право. 2018. № 8. С. 165.

индекс. Более того, как уже писалось, отдельные выдающиеся ученые в системах учета цитирований даже не зарегистрированы.

В-третьих, проблемы науки не связаны с индексом цитирования. Глобальные проблемы, стоящие перед наукой, увы, другие. Организационные проблемы в науке тоже другие. Например, проблема внедрения, воплощения результатов работы ученых в жизнь с индексом цитирования никак не связана.

Представляется, что разрешение указанных вопросов будет ключевым значением для развития наукометрии и ее подвида – юридической наукометрии.

Если брать практический аспект, что пока предлагаем применять и рецензирование, и индексы цитирования, и другие оценки в комплексе, избегая при этом сравнения ученых между собой.

Мы для оценки ученого, признаемся, всегда особое внимание уделяли таким моментам.

- что нового сказал или сделал ученый в науке. Имеется в виду: открыл (или первым сформулировал) новые науки, новые направления в науке, новые теории. Сюда же относятся случаи, когда ученый значительно развил в теоретическом или практическом плане уже имеющуюся науку. Например, удачно сформулировал фундаментальные понятия и подходы, ставшие в результате его трудов общепризнанными.

- сколько книг ученый написал. По нашему мнению, статьи – это все-таки не полный научный труд. Если в статье, допустим, высказывается какая-либо гениальная, уникальная идея, то логично посвятить ей монографию, да и не одну. Статья, будем объективны, небольшое по объему произведение, не позволяющее раскрыть все стороны высказанной идеи или предложения. Для глубокой проработки идей существуют книги.

При этом очень важно, где и каким тиражом книги изданы. Сейчас нередки случаи, что книги выпускают при небольшом учебном заведении тиражом 50-100 экземпляров. Такие книги, конечно, не становятся

известными широкой научной аудитории. И высказанные в них идеи либо умирают, либо впоследствии публикуются автором или его последователями уже в более солидных изданиях другим тиражом. В абсолютном большинстве случаев, польза от издания книги тиражом 50 экземпляров невелика.

Мы бы предложили ко всем рейтингам, индексам и иным наукометрическим показателям прилагать в виде справки развернутые ответы хотя бы по двум изложенным выше вопросам. И тогда многое сразу станет очевидно.

Надо сказать, что в советское время имелись работы, в которых затрагивались науковедческие проблемы юридической науки. Такие исследования в основном проводились специалистами теории государства и права и ряда отраслевых юридических наук. Однако минусом этих работ было то, что они главным образом рассматривали науковедческие проблемы правоведения как бы внутри самого правоведения. Но чтобы быть более объективным, необходимо подняться «над» юридической наукой и посмотреть на имеющиеся проблемы «сверху» и «со стороны». Для таких оценок и исследований как раз нужны философия и философия права.

Мы специально обращаем внимание на эту несложную истину потому, что философию права, как уже отмечалось, подчас пытаются свести к изучению только «идеи права», «смысла права», забывая о науковедческой - подлинно философской - составляющей этой научной дисциплины.

В целом науковедение сейчас представляет собой быстро развивающееся философское направление. И вполне возможно, что специалисты в этой области знаний порадуют нас достижениями, которые позитивно отразятся на юридической науке.

12. В значительной части монографических работах по отраслевым юридическим наукам теряется связь с философией права. Фактически это приводит к тому, что применяются не все возможные в конкретном случае методы исследования, а один-два (хотя подчас указывается, что применялись

все). Отсюда страдает и полнота исследования, и объективность результатов. Подчас нарушается логика изложения материалов. В выводах не всегда учитывается исторический аспект, без которого оценить современное состояние правового бытия нельзя. И множество других замечаний, характеризующих отход исследователей от философских и философско-правовых установок.

О наблюдающемся процессе очень точно написал Д.А. Керимов. По его мнению, отрыв отраслевых юридических наук от философии права чреват опасностью воспроизведения лишь традиционных проблем, давно решенных и известных, и отвлечения от новых проблем, постоянно выдвигаемых жизнедеятельностью общества. При этом необходимо отказаться от склонности отдельных представителей отраслевых юридических наук провозглашать в своих произведениях вначале тот или иной философско-правовой принцип, а затем “забывать” его. И только в конце этот принцип опять “вспоминается”, дабы показать соответствие полученных результатов исходному философско-правовому принципу. Такой способ юридического исследования превращает философско-правовой принцип в ширму, за которой можно укрыться от упреков в философско-правовом невежестве, а само исследование, фактически лишенное философско-правового обоснования, теряет научную значимость, приобретает наукообразную форму. Следовательно, само использование методологических установок философии права в отраслевых юридических науках должно осуществляться осмысленно, “со знанием дела”, творчески.¹

И действительно, во многих прикладных работах, авторы пишут о том, что их волнует, не всегда обращая внимание на основы философии, науковедения, юриспруденции, подчас даже не зная этих основ — но при этом не забывают указывать в методологической основе исследования методы, которыми якобы пользовались. Однако без философского

¹ Керимов Д. А. Методология права. М., 2000. С. 82.

фундамента любая наука становится фикцией, винегретом суждений, логически не связанных между собой.

Нам представляется важным, чтобы на указанную проблему обратили председатели и члены диссертационных советов, научные руководители и консультанты, а также сами специалисты.

13. Проблемой, непосредственно связанной с преподаванием и получением высшего юридического образования, является традиционная и перманентная дискуссия о том, сколько в юридической науке отраслей права. Этот вопрос в разных вузах решается совершенно по-разному. Соответственно по-разному и преподается. Более того, из-за имеющейся неопределенности в одних вузах стараются преподавать каждого из множества отраслей «по чуть-чуть», а в других вузах преподавание некоторых отраслей практически отсутствует. Например, не везде преподается прокурорский надзор и оперативно-розыскная деятельность. Проблема даже не в том, действительно ли являются отраслями права взятые для примера прокурорско-надзорное и оперативно-розыскное законодательство, а в другом. Ведь оперативно-розыскное законодательство, чуть ли единственное, закрепляет ограничения прав человека на тайну личной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, разрешает и регламентирует негласное обследование жилища, автомашины, рабочего кабинета, разрешает собирать информацию о состоянии здоровья, имущественном и материальном благосостоянии, друзьях и знакомых. Иными словами, регламентирует и разрешает полностью вторгаться в личную жизнь и естественные права человека.¹ Прокурорско-надзорное законодательство, напротив, является важнейшим инструментом по защите прав человека.

¹ См.: Оперативно-розыскная деятельность: научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А.И. Бастрыкин, В.М. Егоришин, С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, И.Н. Кондрат, Д.В. Ривман, В.П. Сальников, А.Г. Хабибулин, А.В. Шахматов; под ред. А.И. Бастрыкина. М., 2020.

На наши вопросы о том, почему указанные дисциплины не преподаются либо преподаются в режиме «трех занятий» говорится, что это не отрасли права, а упор в обучении в испрашиваемом вузе (факультете) делается на подробное изучение именно отраслей права.

А в итоге молодые юристы не всегда имеют четкое представление даже о системе права. При этом сейчас распространены две крайности. Одни выпускники вузов называют не более десяти существующих в России отраслей права (уголовное, административное, гражданское и соответствующие виды процессуального права, к которым добавляют конституционное, семейное и (редко) еще один – два вида отраслей прав). Либо наоборот: перечисляются всевозможные виды отраслей прав, в том числе те, существование которых очень сомнительно. Самое интересное, что такой же разноречивой и субъективизм встречается в учебной юридической литературе. Там вместе с общепризнанными отраслями права, встречается наименование либо недавно сформированных, либо сформированность которых вообще вызывает вопросы.

Мы уверены, что данная книга главным образом попадет к специалистам, которые дискуссии о количестве отраслей права хорошо знают. Повторять эти дискуссии не будем. Целью написанного является показать необходимость и важность прийти, наконец, по указанному вопросу примерно «к единому знаменателю».

В контексте этого нам очень понравилось предложение С.С. Алексеева о классификации отраслей права и в соответствии с классификацией выделении соответствующих отраслей.

Ученый подразделяет отрасли права на три основных звена:

«1) *профилирующие, базовые отрасли*, охватывающие главные правовые режимы; причем из них нужно выделить и поставить над всей системой отраслей действительно базовую отрасль всей системы — конституционное право; затем три материальные отрасли — гражданское, административное, уголовное право, соответствующие им процессуальные отрасли —

гражданское процессуальное, административно-процессуальное, уголовно-процессуальное право;

2) *специальные отрасли*, где правовые режимы модифицированы, приспособлены к особым сферам жизни общества: трудовое право, земельное право, финансовое право, право социального обеспечения, семейное право, уголовно-исполнительное право;

3) *комплексные отрасли*, для которых характерно соединение разнородных институтов профилирующих специальностей и отраслей: торговое право, право прокурорского надзора, морское право, природоохрнительное право».¹

Нам кажется, что на данном этапе развития науки процесс познания отраслей права через их классификацию вполне приемлем. В связи с этим, предлагаем в учебной литературе и преподавании права базироваться на предложенной классификации С.С. Алексеева.

14. Уже настоящей проблемой стало современное увлечение тестированием на зачетах, экзаменах, проверочных работах. В юридических науках, это, увы, является шагом не вперед, а назад. Применение тестирования, вероятно, может приносить плоды в естественных науках. В гуманитарных это не просто не полезно, а вредно. Все гуманитарии должны на высоком уровне владеть русским языком, уметь четко изложить свои мысли. Для юриста четкость и точность изложения мыслей – его хлеб. Такому умению учатся, в том числе, во время зачетов и экзаменов. Это не единственный аргумент. Надо учитывать, что юридическая наука содержит в себе множество взаимоисключающих подходов к тем или иным явлениям. Например: к праву, государству, закону и т.д., и т.п. Как правильно ответить на попавшийся нам на глаза вопрос теста: что такое право? Оно ведь может пониматься законодателем как мера свободы, равенства и справедливости, как воля господствующего класса, возведенная в закон, как психическое

¹ Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 45–46.

явление, как тождество закона и т.д. Откуда студенту известно, какого мировоззрения придерживается преподаватель либо лицо, будущее проверять ответы? Помимо изложенного надо понимать, что тестирование учит не думать, аргументировать и доказывать, что важно для юриспруденции, а методом исключения отгадывать ответ. Однако такие «отгадки» для практической работы, с учетом многообразия жизненных ситуаций, крайне вредны.

Мы выделили несколько проблем в юридической науке, в том числе проблем преподавания юридических дисциплин в современной России. Очень важно не замалчивать их, а выявлять, критиковать, объединять усилия в их исправлении.

В завершении приведем цитату Д.А. Керимова о том, каким должно быть юридическое образование. Ученый пишет, что смысл юридического образования не столько в «копилке» многочисленных и разнообразных сведений и знаний, сколько в приобретении навыков критического мышления, в способности общения фактов правовой жизни и одновременно конкретно-практических решений соответствующих юридически значимых дел, в их строгой логичности и доказательности. Юридическое образование преследует цель не только постичь сложные правовые явления и процессы, но и заронить в души обучающихся «священный огонь» в творческом дерзании и смелых новациях, открывающих новые горизонты правовой теории и практики.

Для достижения этой цели необходимо знание не только фундаментальных «догм» юриспруденции, но и в определенной мере владение данными иных наук, имеющих в той или иной степени отношение к постоянно возникающим правовым проблемам. Ведь именно на «стыках» двух или нескольких наук рождаются наиболее плодотворные и перспективные идеи, теории, концепции. Уместно в этой связи напомнить, что юридическое образование в России изначально и традиционно было органически связано с целым комплексом иных отраслей знания и прежде

всего с философией, социологией, этикой и психологией. Русский юрист обязан был обладать широтой взглядов, высокой культурой и нравственностью, быть энциклопедистом, знать своеобразие психологического характера своего народа, национальных обычаев, традиций развития. Эти устои должны быть реализованы и современным юридическим образованием.¹

Поднятые в данном параграфе проблемы важны и актуальны. Правда отметим, что современная зарубежная юридическая наука тоже испытывает немало трудностей. Так, часть наших монографий и статей были переведены на иностранные языки и изданы за границей. Поднятые в них вопросы, в том числе связанные с упущениями в юридической науке и правовом регулировании, получили отклики от иностранных специалистов. В свою очередь, они поделились своими трудностями, некоторые из которых носят глобальный характер.

Надеемся, что каждый ученый на своем месте сделает все, что от него зависит, для разрешения указанных и других, не упомянутых здесь, проблем. Нам кажется, что мы достигнем большего, если будем чаще обсуждать имеющиеся проблемы все вместе и договариваться о путях их разрешения.

¹ Керимов Д.А. Избранные произведения в 3-х т. Т. 1. М., 2007. С.ХХI.

§ 2. Этические проблемы в юридической науке

О проблеме этики в научных юридических работах писать не хочется, но и не написать нельзя. Тезисно обозначим четыре наиболее серьезные, на наш взгляд, этические проблемы.

Первая. В последнее тридцатилетие стала особо актуальной проблема корректности и этичности ведения научной дискуссии в праве. До едких фраз, граничащих с оскорблением, начали опускаться не только начинающие юристы, но и маститые ученые.

Причем не щадят как современников, так и давно ушедших. Например, академику АН СССР П.Ф. Юдину в одной из работ по философии права достались слова: «дежурный «философ» режима», «спесивый философ», «вороватый страж полезной для властей «истины». При этом рассуждения П.Ф. Юдина характеризуются не иначе как «пустопорожнее жонглирование цитатами из классиков». Вдвойне неприятно, что указанные ругательства употребил В.С. Нерсисянц.¹

Там же есть и слова в отношении других известных юристов. А.Я. Вышинскому достались такие выражения: «одна из гнуснейших фигур всей советской истории», «ловкий, изощренный и бесстыжий холуй вождя и тоталитарной системы» и т.д. В заключении В.С. Нерсисянц пришел к выводу, что: «“Органы НКВД”, таким образом, помогли Вышинскому, Аржанову и многим другим “правильно” понять марксизм-ленинизм и благодаря этому вскоре стать академиками и член-корреспондентами. Справедливой было бы, конечно, “академиками” признать и соответствующие “органы” за их большой вклад в просвещение идеологических “кадров”»².

Подобные выражения сейчас можно увидеть в немалом количестве юридических работ. Например, И.Ю. Козлихин на чтениях, посвященных

¹ Нерсисянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 355.

² Там же: С. 363-364.

философии права (!), назвал того же А.Я. Вышинского «отъявленным негодяем».¹ «Лакеем беса» назвал А.Я. Вышинского опять же в работе по философии права (!) Л.С. Мамут.² И дополнил в его адрес личные характеристики: «аморальность, разложение нравственности, конъюнктурщина, попадание в тон, держание носа по ветру».³ В той же книге В.Г. Графский обозвал А.Я. Вышинского «погромщик-прокурор».⁴

Изложенное наглядно показывает, что обозначенная нами проблема этики научной дискуссии давно назрела и перезрела.

Сначала давайте определимся: высказывания В.С. Нерсесянца – это оскорбления или нет? Очевидно, что да. Если это оскорбления, то за них по законодательству практически всех стран мира установлена ответственность. Иными словами, если бы подобные высказывания адресовывались в адрес живых людей, то ответственности не избежать. При этом в советском и российском уголовном праве за оскорбления еще недавно существовала даже уголовная ответственность. Собственно, как и во многих зарубежных государствах. Поэтому даже не верится, что такие высказывания исходят от юристов.

Следующий вопрос: где эти высказывания содержатся. Ответ поразителен: в научной и учебной литературе! Однако научная и учебная литература – не бульварная пресса. Мы настаиваем на том, что в науке нет места оскорблениям, унижениям, снисходительности, пренебрежению. Это принципиально не допустимо и совсем не этично.

¹ Козлихин И.Ю. Общая теория, интегральная юриспруденция или энциклопедия права? // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2013. С. 9.

² Мамут Л.С. Евгений Брониславович Пашуканис // Философия права в России: из опыта XX века / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016. С. 164.

³ Мамут Л.С. Феномен Вышинского // Философия права в России: из опыта XX века / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016. С. 49.

⁴ Графский В.Г. Философия права в России: разнообразие предмета изучения. Преемственность и новизна // Философия права в России: из опыта XX века / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016. С. 10.

Помимо того, спор в научной литературе должен вестись в пределах науки.

В своей книге В.С. Нерсисянц приводил очерки о многих философах разного времени. Однако он воздерживался от оскорблений в адрес, например, Аристотеля, считавшего раба (человека!) вещью. Зато своих недавно ушедших современников оскорблял. Допустима ли такая позиция как ученого и как человека?

Двум богам, как известно, одновременно служить нельзя. Нельзя призывать к свободе, правовой культуре, равенству, плюрализму мнений (!) и одновременно употреблять оскорбительные слова в адрес своих коллег за то, что их суждения (пусть даже ошибочные!) не совпадают с собственными измышлениями. Если конкретные люди неприятны лично, то наука не имеет к этому никакого отношения.

Требования к этике дискуссии имеют особую актуальность потому, что некрасивые, оскорбительные выражения ученых в адрес друг друга попали в учебную юридическую литературу. Приведенные и аналогичные цитаты встречаются не где-нибудь, а в учебниках, в том числе по теории государства и права, философии права - предметах по определению чистых, возвышенных, свободных от грязи и житейской суеты. Именно такой философия права видится нам. Использование В.С. Нерсисянцем и другими учеными подобных выражений противоречит духу науки, нарушает этику дискуссии. Красота философской мысли тает. Всем известное выражение Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже!» звучит сильнее чем десятки оскорблений, но при этом оно отменно корректно и красиво.

Следующий вопрос: в отношении кого употреблены оскорбительные выражения? На совещании, проведенном в 1938 году по вопросам науки советского государства и права, которое так «красочно» описал В.С. Нерсисянц, кроме Вышинского присутствовали и выступали М.А. Аржанов,

П.Ф. Юдин, С.А. Голунский, М.С. Строгович. Все они стали член-корреспондентами Академии наук СССР.¹

Давайте кратко рассмотрим их биографии и вклад в науку. М.С. Строгович – один из общепризнанных советских ученых. Крупный специалист в области теории государства и права. В 1940 году М.С. Строговичем совместно с С.А. Голунским изданы один из первых советских учебников «Теория государства и права», по которому обучались несколько поколений юристов². Еще более М.С. Строгович известен как специалист по уголовному процессу и прокурорскому надзору.³ Его двухтомный «Курс уголовного процесса» навсегда и абсолютно справедливо вошел в историю как классический научно-учебный труд.⁴ Памяти М.С. Строговича периодически проводятся содержательные научные конференции.⁵

Его соавтор по учебнику С.А. Голунский, помимо вклада в теорию права, справедливо считается одним из пионеров отечественной криминалистики. Он является автором первых отечественных учебных и научных работ по криминалистике⁶.

М.А. Аржанов – известный теоретик права, несомненно, оставивший след в общей теории права⁷.

П.Ф. Юдин юристом никогда не был. Вместе с тем, как советский философ был известен всему миру. П.Ф. Юдин руководил институтом

¹ Юдин Павел Федорович был избран академиком АН СССР.

² Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940.

³ См., напр.: Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955; Строгович М.С. Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия / Под ред. М. С. Строговича, Г. Н. Александрова. М., 1959 и др.

⁴ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М., 1968-1970.

⁵ Захарцев С.И., Сальников В.П. Классики отечественной юридической науки. Объективная истина: нужна ли она в уголовном процессе? К юбилею члена-корреспондента Академии наук СССР М.С. Строговича // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 2. С. 76-82.

⁶ См., напр.: Голунский С.А. Техника и методика расследования преступлений. М., 1934; Голунский С.А. Осмотр места преступления. М., 1936; Голунский С.А. Криминалистическая методика. М., 1939; Криминалистика. М., 1959.

⁷ См., напр.: Аржанов М.А., Кечежян С.Ф., Маньковский Б.С., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1949; Аржанов М.А. Государство и право в их соотношении. М., 1960.

философии АН СССР. Основные труды П.Ф. Юдина были посвящены истории марксистской философии, проблемам диалектического и исторического материализма, теории научного коммунизма¹. Эти труды известны и чтимы как у нас, так и за рубежом.

Интересны ли работы этих ученых сегодня? Конечно. Уголовно-процессуальные и криминалистические работы совсем не потеряли актуальности. Работы по теории права и философии с позиций сегодняшнего дня во многом кажутся спорными. Но их тоже необходимо изучать, хотя бы для сравнения с современной философией и современным правом. Без прошлого, как известно, понять настоящее и заглянуть в будущее невозможно. При этом не вызывает сомнений, что каждый из перечисленных авторов был крупным ученым.

Зачем же писать, что член-корреспондентами они стали благодаря органам НКВД, которые помогли им ««правильно» понять марксизм-ленинизм и благодаря этому вскоре стать академиками и член-корреспондентами».

Отдельно остановимся на А.Я. Вышинском. Мы вовсе не хотим в данной работе по философии права обсуждать или как-то оценивать эту политическую фигуру. Но А.Я. Вышинский объективно был широко известным ученым – теоретиком права и процессуалистом, – академиком АН СССР, директором Института государства и права. Он был сторонником нормативного (скорее даже узконормативного) понимания права. Его работы ныне подвергаются критике, во многом справедливой, но это не зачеркивает как факта самих работ, так и их научного значения.

Нормативный (если хотите, узконормативный) подход к праву объективно имел место в истории права. У этого подхода, как впрочем и у любого другого, имелись недостатки. Эти недостатки надо выявлять, анализировать, но не оскорблять ученых. Жаль, что именно сейчас, при

¹ См., напр.: *Юдин П.Ф.* Материалистическое и религиозное мировоззрение, М., 1930; *Юдин П.Ф.* Кто такие "национал-социалисты"?, Свердловск, 1942; *Юдин П.Ф.* От социализма к коммунизму, М., 1962.

свободе слова, стали забывать об этике научной дискуссии, культуре, человечности. А потом пишем о нигилизме, отсутствии правовой культуры и удивляемся, откуда это берется? И одновременно один академик в адрес других академиков пишет слова: «Ловкий изощренный и бесстыжий холуй», «спесивый философ» и пр. Причем где пишет - в учебнике! Причем по философии права!

Сейчас в вузах учатся и выпускаются студенты, выросшие в России в период свободы слова и мнения. Задача преподавателей и учебников обеспечить гармоничное развитие этого поколения. Важным шагом в направлении такого развития является возможность студентов получать объективные знания, быть свободными в выборе мировоззрения. Философия, в том числе философия права является основой для формирования мировоззрения. Такая основа должна быть цельной, крепкой и чистой.

Наверное, не надо доказывать то, что обучение имеет и воспитательную функцию. Задача юридических вузов заключается не только в том, чтобы дать студентам соответствующие знания, но и воспитать их в духе соблюдения законов, уважения к правам и свободам каждого человека, любви к Родине и людям. Насколько выяснение отношений между учеными в учебниках способствует воспитанию юристов? Чему же в таком случае мы научим студентов?

Впрочем, сейчас проблема этики ведения дискуссии актуальна не только для юридических дисциплин, но и для всех наук в целом. Т.Г. Лешкевич, говоря о проблемах науки, верно подметила, что очень часто ученые значительно преувеличивают свой личный вклад в науку, сравнивая свою деятельность с деятельностью своих коллег, что порождает массу проблем, обнаруживаемых в проведении научной полемики, и влечет нарушение научной корректности и научной этики.¹

Для работ о праве такое положение по понятным причинам особенно не приятно.

¹ Лешкевич Т.Г. Философия науки. М., 2005. С. 203.

Дорогие коллеги! Давайте уважать друг друга и наших читателей!

Отдельно отметим, что мы с уважением относимся к вкладу В.С. Нерсисянца в юридическую науку. Поэтому читать в трудах этого ученого оскорбительные, пренебрежительные и крайне субъективные высказывания по отношению к другим специалистам особенно неприятно.

Вторая. Открыв конспект лекций по философии права, изданный в 2009 году на Украине (в Харькове), мы с удивлением прочитали, что **«украинский правовой менталитет формировался в процессе постоянной борьбы нашего народа за свою государственность, культуру, язык, религию** (выделено нами –С.З.), а российский – под влиянием сильного абсолютистского государства»¹. Далее авторы цитируемого учебного пособия выделили несколько черт украинского национального характера, к которым, в том числе, отнесли следующее: «Индивидуализм и стремление к свободе – негативное отношение к сильной власти как таковой, что граничит с анархизмом; крайним проявлением индивидуализма является такая черта как **замкнутость, вытекающая из достаточно трагической истории украинского народа, который постоянно пытались поработить другие государства**»². В том же духе в книге имеется еще несколько абзацев. Авторами приведенных строк являются достаточно известный в России философ права С.И. Максимов и менее известный М.П. Колесников.

Вначале зададимся вопросом, какие государства имеют в виду авторы, которые постоянно «стремятся поработить Украину»? Судя по содержанию данной книги, к таким государствам относится в том числе Советский Союз и Россия. То есть, по мнению авторов, находясь в Киевской Руси, царскодержавной России и СССР несчастные украинцы всегда были поработены, но боролись за свою веру, независимость, государственность?

А затем вернемся к непосредственно философии. Думаем, нет смысла тратить слова на то, чтобы убеждать читателей в нечестности

¹ Философия права / Под ред. О.Г. Данильяна. Харьков, 2009. С. 157.

² Там же: С. 158.

процитированного украинского конспекта лекций (обратим внимание хотя бы на словосочетание «Киевская Русь»).

Но почему подобные высказывания появляются именно в литературе по философии права? К сожалению, ответ тоже ясен. Современной украинской власти нужно философское обоснование того, что русские и украинцы – два совершенно разных народа, которых ничего не объединяет. Философское (высшее из научных) обоснование того, что Киевской Руси не было, а также не было того, что Советским Союзом значительную часть его существования правили выходцы из Украины (Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, К.У. Черненко) и их команды.

Иными словами, власть желает опираться на философию и философию права при проведении своей политики. А роль философии права в данном случае сводится к «обслуживанию» власти в ее грязных делах.

Такая политика с опорой в первую очередь на философию и философию права проводится руководителями Украины с 1990-х годов прошлого века по настоящий день, то есть более тридцати лет. При этом процитированный конспект лекций выпущен на русском языке, чтобы запутать молодое русскоговорящее поколение, не заставшее Советского Союза и единого русско-украинского народа. А учебник по философии права аналогичного содержания выпущен в тех же целях уже на украинском языке¹. Результатом такого обмана и запутывания стала гражданская война, случившаяся на Украине в 2014 г. и продолжающаяся в том или ином виде по сей день.

С сожалением задумаемся о том, что в рассуждениях о миссии и значении философии права возможно есть лукавство? Ведь в России философия права всегда обслуживала власть предрешающих. Например, известный религиозный философ Феофан Прокопович в угоду Петру I и монархии обосновал цезаропатизм; в более поздний период Б.Н. Чичерин философски обосновывал необходимость различия политических прав для

¹ Філософія права / За ред. О.Г. Данильяна. Харків, 2009. С. 183-184 и др.

различных общественных классов; угодные власти философские рассуждения затем встречались в советское время, имеются и теперь.

Может быть роль философии права по отношению к юридическим наукам на самом деле сводится именно к философскому обоснованию того права, которое выгодно правящей власти? А само право действительно всего лишь социальный институт по обеспечению интересов правящего (господствующего, руководящего и пр.) класса. И не надо «копья ломать», выдумывая некую особую идею права? Вновь констатируем, что грань, связанная с обеспечением спокойствия власть имущих и их обслуживанием, у права всегда имела и имеется.

Мы, авторы этих строк, стали обладателями богатой юридической библиотеки, в том числе досоветского и советского периода. Ставя советские и постсоветские книги рядом, невольно поражаешься тому, насколько менялись взгляды одних и тех же ученых на право, государство, политических руководителей. Причем обращает внимание интересная деталь. Если ученый ретиво и беззастенчиво хвалил советский строй, к месту и не очень ссылаясь на советских вождей, то именно он в 1990-е годы начинал яростно и беспардонно этот строй ругать. Здесь тоже кроется серьезная этическая проблема современной науки.

В советское время все работы по юриспруденции (и не только) обязательно должны были иметь ссылки на К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и находящегося у власти Генерального секретаря ЦК КПСС. Однако отметим, что даже в такое непростое время ученые поступали по-разному. Кто-то сослался, а далее писал о науке. Но были и другие, которые выдумали поразительные похвалы, от чего потом быстро отказались и начали давать новые, уже резко негативные оценки современной истории и праву.

Эти процессы хорошо подметил Д.А. Керимов. Нельзя умолчать об одном грустном обстоятельстве, - пишет ученый, - в последнее время некоторые представители науки сочли за моду переписывать нашу историю, в том числе и историю права, зачастую извращая ее. И в этом неблагоприятном

деле, к сожалению, активное участие принимают и отдельные юристы. Например, один из них в 1963 г. писал: «Социалистическому строю органически чужды произвол и беззаконие»; в 1972 г.: «Социалистическое право всем своим содержанием, принципами, «нутром»... является фактором морали и культуры»; в 1981 г.: «Социалистическое право – это первое в истории юридических систем Право трудящихся – Право с большой буквы, отвечающее многовековым чаяниям человечества...» Но самое поразительное состоит в том, что цитированный автор буквально через небольшой промежуток времени утверждает прямо противоположное. В 1995 г. он отмечает, что: «... общество в его глубинных устоях, подавленных беззаконием и бесправием, отреагировало на ужасающую действительность, подало сигнал о том, что путь, по которому нужно идти, чтобы вырваться из пучины тоталитаризма и двинуться к правовому гражданскому обществу, – это путь права и законности»; что юридической науке нужны покаяние и очищение, понимание и недвусмысленное признание того, что советская правовая наука служила тоталитарной системе...»; в 1997 г. «советское право представлено как реальность уродливо-страшная по своему существу и своим последствиям». И подобного рода высказывания сопровождаются аналогичной апологетикой теперь уже по отношению к современному российскому режиму... Не следует упускать из виду, что наука – не должность; она безразлично к рангам, титулам и званиям, не терпит высокомерия, лжи и угодничества.¹

Если мы хотим заниматься подлинной философией и философией права, то надо быть честным, избегать конъюнктуры, чиновничества. Кроме того, надо служить истине, всегда стремиться к получению истинных знаний. И наконец, принципиально относиться к заведомой нечестности в угоду властей.

¹ Керимов Д.А. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 1. М., 2007. С. XXIX-XXX.

Пока отмечаем, что обеспечение спокойствия власть имущих и их обслуживание является не только гранью права, но и этической проблемой философии права.

Правда, не скроем, приятно, что нашу пророссийскую монографию по философии права перевели на украинский язык без искажения текста и издали в Харькове.¹

Третьей этической проблемой, актуальной для правовых наук, является проблема плагиата. Всем очевидно, что в правоведении ученый начинает научную работу не с нуля, а на базе уже имеющихся научных трудов. Ознакомление с ними и обозначение их результатов является своеобразной «точкой отсчета», водоразделом, отделяющим уже известное от нового, которое собирается «привнести» автор. Вместе с тем, встречаются и факты «заимствования» научных мыслей для последующей выдачи их за свои. Наверное, не мало специалистов сталкивалось с подобными фактами.

Особенно распространились такие случаи среди студенчества из-за Интернета. Проведенный нами беглый анализ имеющегося в сети показал, что в ней в доступности находятся дипломы на практически любую правовую тему. В нашей преподавательской практике уже собрано достаточно фактов, когда студенты приносят полностью скачанные из Интернета работы. Но опубликованные в Интернете труды могут использоваться и наверное используются нечистоплотными авторами для своих диссертаций и монографий. В Интернете ведь немало полностью опубликованных научных работ.

Кстати об Интернете. Ученые «в возрасте» традиционно не очень хорошо знакомы с Интернетом, электронной перепиской и электронным опубликованием научных работ. Это поколение традиционно доверяет книгам. Однако сейчас появилась и стала распространенной практика опубликования своих работ (как литературных, так и научных) в Интернете.

¹ *Захарцев С.І. Філософія і теорія права: Монографія / Передмова О.М. Ключева. Харків, 2015.*

Причем такая практика в настоящее время по ряду позиций является выгодной. Так, не надо пробиваться в редакции, не надо ждать, когда опубликуют книгу. Не надо думать о тираже. Достаточно всего лишь «выложить» книгу в Интернете и с ней ознакомятся те, кому интересно ее содержание. При этом ознакомиться с электронным изданием имеет возможность значительно большее количество людей, чем с печатным. Кроме того, появились электронные научные (в том числе юридические) журналы и странички.

Надо также учитывать, что, по приведенным в печати данным изучения общественного мнения, поколение россиян в возрасте до двадцати пяти лет и моложе уже не любят читать печатные книги, а все информацию получают из Интернета в электронном виде. Даже классику уже читают на миникомпьютерах.

В ходе работы над данной монографией мы провели опрос 700 юристов различных российских компаний. Было установлено, что 647 из них по спорным вопросам толкования и применения законодательства в первую очередь ориентируется на электронные базы данных, комментарии законодательства, размещенные в электронных сетях и поисковых системах. Проведенные опросы 500 магистров, аспирантов и адъюнктов показали, что 474 человека из них при подготовке научных работ также в первую очередь ориентируются на публикации в Интернете.

И здесь возникнет правовая проблема – проблема авторства научных трудов. Определить, кто из людей первым в Интернете опубликовал свою мысль не всегда возможно. Весьма вероятно, что ученые в перспективе могут столкнуться с массовым нарушением авторских прав. При этом подтвердить авторство на свои работы тем, кто издавался в основном в Интернете, будет не просто.

Кроме того специалистам, работающим на компьютерах, надо учитывать следующее. Как правило, находящиеся дома или на кафедре стационарные компьютеры подключены к сети Интернет. Через Интернет

совсем не трудно похитить все содержимое компьютера. То есть, заинтересованное лицо может скачать все Ваши записи себе и пока Вы будете продолжать над ними трудиться опубликует их под своим именем либо как-то иначе воспользуется вашими трудами. Хищения через компьютерную сеть сейчас достаточно распространены. Правда, похитителей в основном интересуют другие сведения: номера счетов, пароли к электронным картам и др. Факты хищений научных юридических трудов нам не известны (фактов краж технической документации и технических изобретений полно). Однако мы не исключаем, что появятся хищения и юридических научных трудов через сеть Интернет. Поэтому в ряде государственных организаций запрещено составлять секретные документы на компьютерах, подключенных к Интернету.

В принципе, работать на компьютере, подключенном к Интернету, это все равно что писать формулы на своем заборе – увидеть что написано при желании может почти каждый.

В настоящее время юриспруденция не достаточно готова к защите авторских прав научных работ, опубликованных в электронном виде. Видимо юридическому сообществу необходимо выработать какие-то рекомендации по защите авторских прав ученых.

Подчеркнем, что очень важно не потворствовать плагиату. Например, вскрыл плагиат главный редактор «ваковского» журнала «Наркоконтроль» А.В. Федоров: его статью почти полностью переписал и издал от своего имени, без ссылок на фактического автора, один молодой соискатель. Было написано письмо в вуз, где издана статья. Вскоре оттуда получили ответ, из которого следовало, что указанный соискатель «при написании статьи не руководствовался позицией использования трудов других авторов с целью выдачи их за свои и не собирался заниматься плагиатом научных исследований. При этом разъясняется право автора, считающего, что его права были нарушены, обратиться с соответствующим иском в суд».

суд».¹ Иными словами, вместо того, чтобы ученому совету вуза провести разбирательство, установить факт произошедшего и осудить молодого ученого, ректорат вуза дал понять, что расследовать указанный факт он не будет. То есть, у нарушителя, совершившего плагиат, появился прецедент безнаказанности.

Как справедливо заметил В.С. Степин, в идеале научное сообщество всегда должно отторгать исследователей, уличенных в умышленном плагиате или преднамеренной фальсификации научных результатов в угоду каким-либо житейским благам. К этому идеалу ближе всего стоят сообщества математиков и естествоиспытателей, но у гуманитариев, например, ... санкции к исследователям, отклоняющимся от идеалов научной честности, значительно смягчены.²

Четвертое. Важным вопросом является и финансовое обеспечение ученых. Т. Парсонс особо отмечал необходимость адекватных взаимобмен с обществом, позволяющих людям научных профессий обеспечивать свою жизнь за счет только своих профессиональных занятий.³ Для юриспруденции эта проблема вдвойне актуальна. Так, материальное обеспечение профессорско-преподавательского состава юридических вузов оставляет желать лучшего. То же самое относится и к научным учреждениям. То есть, у ученых не всегда есть возможность жить только за счет своей научной работы, что заставляет отвлекаться на другую деятельность. Это, разумеется, не позитивно отражается на качестве научных исследований. Кроме того, в самой юриспруденции стала распространенной практика платных публикаций своих научных работ. Да и защита диссертации тоже влечет определенные затраты. В итоге надо признать, что не все хорошие специалисты имеют возможность проводить нужные им исследования и защищать их. В целом труд ученых-юристов не достаточно финансируван. А

¹ Федоров А.В. О статье Согомонова Д.К. «К вопросу об объекте «переродившейся» контрабанды» // Ученые записки СПб филиала РТА. 2013. № 1 (45). С. 105.

² Степин В.С. Философия науки... С. 118.

³ Леишевич Т.Г. Философия науки. М., 2005. С. 203.

сама юриспруденция при этом стала достаточно дорогой наукой, траты на которую могут себе позволить далеко не все.

Такое положение, помимо всего прочего, создает условия, при которых юридическая наука начинает быть уделом элиты. Людям, не имеющим достаточно средств, с каждым годом пробиваться в ученые становится все тяжелее.

Хорошо или плохо то, что правовые науки становятся уделом избранных? Исторический опыт показывает, что когда доступ к науке имеют не все желающие и жаждущие, она начинает скудеть и чахнуть, переходит в режим стагнации. Кроме того, если юридическая наука будет только для избранных, то мы получим ученых, которые будут создавать законодательство «под себя» и «для себя». Однако насколько такое законодательство будет соответствовать слову «право», насколько оно сможет защищать хотя бы основные права всех жителей России, а не только его незначительной части? Исторический опыт опять же убедительно свидетельствует, что в России подобные эксперименты заканчивается коренной ломкой существующего строя со всеми вытекающими из сего последствиями.

В заключение еще раз отметим, что среди этических проблем правовой науки нами особо выделены четыре: этика научной дискуссии, угодничество власти, плагиат, недостаточность финансирования науки и ученых.

§ 3. *Объективная истина*

Проблема установления / неустановления объективной истины тесно переплетена с философией права и заслуживает отдельного рассмотрения.

Ранее в досоветское время в России в правовых спорах считалось непреложным правилом установление объективной истины. Этот порядок сохранила и советская правовая эпоха. На этом постулате были выращены все поколения русских юристов.

Однако с реформами и катаклизмами, произошедшими в России в конце XX – начале XXI века, в российском законодательстве произошли глобальные преобразования. Их глобальность во многом связана и с тем, что из ГПК, АПК и УПК Российской Федерации исчезло требование устанавливать объективную истину. Она стала заменяться конвенциональной, договорной и прочими «юридическими» истинами.

Вместе с тем, законодатель как всегда спешил и не отредактировал правовые нормы настолько, чтобы они имели однозначное толкование. В результате противоречия законов практику стало сильно лихорадить, специалисты по отраслевым юридическим наукам и по теории права во мнениях разделились. Вопрос тем самым поднялся на новый, уже философский уровень. Требуется заново оценить, что есть объективная истина, возможно ли ее установление и следует ли ее устанавливать в правовых спорах.

В философии под истиной понимают знание, объективно отражающее реальную действительность. Истину можно также определить как соответствие мыслей действительности. Эти определения отражают две характерные черты истины: *объективность* и *конкретность*. Под объективной истиной понимается адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизводящее познаваемый объект так, как он существует сам по себе, вне сознания. Субъективной истины нет, как нет знаний, которые были бы верны для одного человека, но ошибочны для всех остальных.

Конкретность истины — это отражение в знании определенных связей и взаимодействий, присущих изучаемым явлениям в зависимости от условий, места и времени их существования. Абстрактной истины, пригодной на все случаи жизни, не существует. Истина всегда конкретна¹.

Процессуальное право России всегда было нацелено на достижение именно объективной истины.

Необходимости установления объективной истины, несомненно, способствовало развитие диалектического метода познания. В философии диалектическое учение о возможности установления объективной истины было направляющим для всей юридической мысли.

Во многих западных странах², напротив, устанавливать объективную истину было не принято. В определенной степени, это тоже было связано с философией. В названных странах не было ощутимого господства диалектики и основанной на ней теории познания. В философии и культуре таких стран были достаточно распространены другие теории познания, в том числе о невозможности установления объективной истины. При таких обстоятельствах на Западе «родилось» нечто, получившее название «юридическая истина». Указанное понятие имеет мало что общего с объективной истиной в философском смысле. Она связана с решением суда, вынесенным по конкретному делу. И такое решение, вынесенное с соблюдением всех необходимых процедур, считается не просто правовыми, но и истинным!

Фактическая истинность юридической истины условна. Она может совпадать с объективной истиной, а может и не совпадать. В реальности юридическая истина представляет собой некую условную единицу оценки справедливости правосудия. Юридическую истину можно назвать своеобразным плодом, результатом договоренностей, принятых в обществе в части правосудия.

¹ *Философия* / Под ред. В. П. Сальникова. СПб, 1999. С. 285–286.

² В первую очередь, в Англии, США и других странах с англо-саксонской системой права.

Изложенное иллюстрирует влияние культуры и ментальности Запада на право. Западное общество прагматично. Им выгодно быстро и однозначно разрешать споры, нежели чем «копаться» в нюансах дела. Общество привыкло к тому, что оптимальнее принимать решения по правовому прецеденту, чем заново исследовать все доказательства для поиска этой неведомой «справедливости». Кроме того, для Запада всегда имела особое значение экономика. Возлагать судебные затраты на стороны дела – практика, складывавшаяся за рубежом столетиями. Затраты не только связанные непосредственно с судопроизводством, но и затраты, направленные на собирание доказательств. Суд, по сложившейся там практике не должен искать доказательства и доказывать. Он выступает арбитром и лишь оценивает доказательства, на собирание которых стороны понесли затраты, подчас значительные. Помимо этого, фактор быстроты правосудия имеет как психологическую, так и опять же экономическую важность. Плюс к этому, конечно, устанавливать юридическую истину проще, чем объективную. Принять решение о том, кто лучше доказал правоту проще, чем подробно разбираться в деле.

В результате западное общество действительно привыкло к тому, что кто привел лучшие аргументы, тот и прав с точки зрения суда. А кто прав – за тем и юридическая истина. И не важно, что на самом деле эта истина вовсе не истина, а фикция, ширма. И.Л. Честнов приводит интересные результаты исследований, проведенных юристами США. Он пишет, что «реалисты» США уже в 30-е годы XX века показали зависимость решений, принимаемых судьей, от его (судьи) культуры (воспитания в северных штатах или южных), расы, конфессии, возраста, пола, а также подсознательного образа сторон – участников судебного процесса, а сторонники «школы критических правовых исследований» в 70-80-е годы XX века – от политических и

идеологических предпочтений, а также социально-экономического статуса¹. Сейчас в XXI веке в США, с учетом произошедших в 2020 году беспорядков по расовому признаку, раса тоже может играть значимую роль в судебных решениях.

Мы с уважением, относимся к традициям ряда зарубежных государств, в судопроизводстве которых принято устанавливать так называемую юридическую истину. Однако в России было принято устанавливать именно объективную истину. Мы считаем, что отказываться от наших традиций не следует. Они научны и поэтому прогрессивны.

В целом любой судебный процесс — деятельность познавательная. Можно ли с точки зрения познания считать юридическую истину истиной? Очевидно, что нет. С философской точки зрения юридическая истина — это вообще не истина. Слово «истина» в исследуемом словосочетании, наверное, было выбрано из корректности к правосудию. Юридическую истину еще нередко называют: формальной истиной, конвенциональной истиной, судебной истиной, договорной истиной. Применяемые в данном случае как синонимы слова: формальная, конвенциональная, судебная, договорная — тоже, видимо, были выбраны для того, чтобы подчеркнуть ложность и некорректность употребления термина «истина» в таких случаях.

Никакой «юридической истины» на самом деле не бывает. Бывают истинные знания, то есть истина, правда и неистинные знания, то есть — ложные, неточные, неверные. Когда говорится «юридическая истина», то имеется в виду просто *судебное решение*, показавшееся наиболее подходящим для конкретной ситуации. Если же законодателю важно именно слово «истина», то мы для избежания путаницы предлагали употреблять термин **«условная истина»**², то есть знание, которое можно считать соответствующим действительности (верным, точным) только с

¹ Честнов И.Л. Критерии современного правопонимания // Философия права в России: история и современность: мат-лы третьих философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца. М., 2009. С. 258.

² См.: Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. № 2012. № 9. С. 146-152.

установленной долей допущения. Термин «условная истина» показывает и подчеркивает условность и возможную неточность таящихся за ним знаний. Правда законодатель наше предложение пока не воспринял.

В настоящее время в результате проведенных реформ в арбитражном и гражданском судопроизводстве предлагается устанавливать не объективную, а юридическую (условную) истину. При этом принцип установления такой истины трактуется как нормативно-руководящее начало гражданского процессуального права, в соответствии с которым движение судебного процесса ... должно идти в направлении использования всех предусмотренных гражданско-процессуальными нормами средств для *достоверного, а в случае невозможности или предусмотренной законом нецелесообразности – вероятного установления обстоятельств (выделено нами – С.З.)*, имеющих значение для правильного разрешения дела по существу¹.

Такой подход, периодически встречающийся в современной процессуальной литературе, справедливо критикуется авторитетными учеными. Так, М.К. Треушников пишет, что утверждения авторов, отвергающих достижение истины как цели правосудия, построены на абстрактных и формальных суждениях. За основу для рассуждений берется отсутствие в ГПК РФ указания на обязанность суда принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела. Действительно, – указывает автор, – изменилась концепция ГПК РФ с точки зрения действия принципа состязательности как механизма достижения истины, но не отказа от этой цели правосудия. Наоборот, в новых ГПК и АПК расширен набор видов доказательств, детализированы правила оценки доказательств, введен регламент участия специалиста в процессе, сохранены ранее существовавшие

¹ См.: Осокина Г.Л. Гражданский процесс. М., 2013. С. 137.

гарантии проверки законности и обоснованности судебных актов¹. Также думают и другие специалисты².

Утверждения ряда авторов о том, что по современному гражданскому процессуальному и арбитражному праву России перед судами не ставится цель достижения истины, и суды не достигают этой цели, расходятся с объективными показателями судебной статистики. Таковыми являются результаты деятельности судов в апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. Отмена судебных актов данными инстанциями, как правило, свидетельствует о судебной ошибке и недостижении судом первой инстанции истины³. Так было и в досоветское время. Например, Е.В. Васьковский писал, что цель доказывания – установить, что утверждение тяжущегося истинно⁴.

И тем более объективную истину необходимо устанавливать в уголовно-процессуальном праве, также пострадавшем от реформ. О необходимости установления объективной истины в уголовном судопроизводстве писали практически все авторитетные дореволюционные специалисты: И. Я. Фойницкий, С. И. Викторовский, В. К. Случевский и др.⁵ Например, И.Я. Фойницкий писал, что истина – высший закон правосудия, стремлением к ней должны быть проникнуты все его меры. Указанная позиция была поддержана и в советское время. Так, М. С. Строгович указывал, что истина, устанавливаемая в уголовном процессе по расследуемому и разрешаемому судом делу, есть объективная истина...Это полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах

¹ Треушников М.К. Судебные доказательства. М. 2005. С. 12.

² См. напр. работы: Боннер А.Т. Установление обстоятельств гражданских дел. М., 2000; Амосов С.М. Судебное познание в арбитражном процессе. М., 2003.

³ Треушников М.К. Указанное сочинение. С. 15.

⁴ См.: Васьковский Е.В. Гражданский процесс: Хрестоматия / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2005. С. 362.

⁵ См., напр.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб., 1996; Викторовский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1997; Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. М., 2008.

расследуемого и разрешаемого судом дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц.¹

УПК РФ не воспроизвел этих положений.

Ученые, причастные к подготовке нового закона, объясняли это тем, что требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела якобы несовместимо с положенным в основу УПК РФ принципом состязательности, а также с особой ролью суда, призванного в качестве арбитра, не вставая ни на одну ни на другую сторону, разрешать спор между обвинением и защитой.²

Однако и при таких сумбурных требованиях УПК РФ, при его противоречивости цель установления объективной истины по делу, даже не будучи ясно и четко регламентированной, по-прежнему является гарантией законности. Развивая указанную мысль, К. Ф. Гуценко отметил, что исключение из уголовно-процессуального законодательства упоминания истины и некоторых гарантирующих ее достижение положений не может само по себе «ликвидировать» объективные, не зависящие от законодателя закономерности познания. Именно поэтому законодатель вынужден был в УПК РФ предусмотреть ряд процессуальных правил, направляющих предварительное расследование и судебное разбирательство в русло, которое, в конечном счете, должно приводить к установлению по каждому уголовному делу именно того, что издавна называется истиной, правдой. К правилам такого рода относятся, к примеру: предписания, определяющие предмет доказывания, который полно и всесторонне охватывает круг обстоятельств, необходимых для правильного разрешения уголовного дела; четкие требования, предъявляемые к существу и процессуальной форме доказательств; обязанность соответствующих органов и должностных лиц

¹ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 132.

² См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2009. С. 37–38.

выносить решения по внутреннему убеждению, основанному на совокупности относимых, допустимых, достоверных доказательств.¹

Приведенные доводы свидетельствуют о том, что довлеющий в современном УПК РФ принцип состязательности вполне сочетается с принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Что касается суда, выступающего, по мнению авторов современного УПК РФ, лишь в качестве не устанавливающего объективную истину рефери, следует обратить внимание на точку зрения С. А. Шейфера. По его мнению, с такой конструкцией нельзя согласиться по ряду причин, и прежде всего ввиду бесспорности требования о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Это требование, в купе с определением обоснованности приговора как соответствия фактическим обстоятельствам дела, означает, что, вынося обвинительный приговор, суд должен быть убежден в правильности своего вывода о виновности подсудимого, т. е. должен руководствоваться не формальной, а материальной, объективной истиной. Предложенная конструкция основана также на ошибочной трактовке роли в состязательном процессе суда, будто бы полностью отстраненного от установления фактических обстоятельств дела. Суд, оставаясь субъектом доказывания и будучи объективным и беспристрастным арбитром, вправе, однако, собирать доказательства для того, чтобы проверить доказательства, уже представленные ему, либо прояснить то или иное неясное обстоятельство.²

Действительно, раскрытие многих преступлений — это сложная и трудоемкая работа, с которой не всегда удастся справиться следователю. К тому же иногда складывается неблагоприятная для установления истины обстановка: отсутствие информационно насыщенных следов, оставленных событием, их уничтожение вследствие природных явлений или непонимания их значения гражданами и т.п. Но объективные трудности раскрытия

¹ Гуценко К. Ф. Уголовный процесс. С. 206.

² Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. С. 46–47.

преступлений вовсе не означают принципиальной невозможности установить истину по уголовному делу. Против такой возможности не говорит и то, что многие громкие преступления остаются нераскрытыми до сего дня. Возможность познания истины вопреки трудностям, стоящим на этом пути, — это проявление философского принципа познаваемости мира. Иная позиция означает переход на позиции агностицизма, с чем невозможно согласиться. Да и практика раскрытия тяжких преступлений, которые в течение долгих лет оставались нераскрытыми, подтверждает эту закономерность.¹

Такую же позицию всегда отстаивали и мы, помня афоризм известного древнеримского юриста Минуция: истина идет навстречу тому, кто ее ищет.²

Полностью соглашаясь со специалистами в части необходимости отыскания объективной истины по уголовным делам, добавим еще несколько соображений.

1. Отсутствие необходимости отыскания объективной истины в значительной степени осложнит выявление и доказывание фактов привлечения к уголовной ответственности заведомо невиновных и вынесения заведомо неправильных приговоров. Можно ли в принципе говорить о заведомой невиновности лица либо о заведомо неправильном приговоре, если признать, что объективно установить виновность не представляется возможным? Это, кроме того, может повлиять на коррупционную составляющую.

2. Если принципа всесторонности, полноты и объективности расследования, как считают некоторые процессуалисты, не может быть в современном УПК РФ, то, судя по всему, уголовное судопроизводство видится им односторонним, неполным и необъективным процессом. Однако кому такое судопроизводство нужно? Очевидно, что в нем не будут заинтересованы ни потерпевшие, ни обвиняемые.

¹ Там же. С. 44–45.

² См.: *Захарцев С.И., Чабукяни О.А.* Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. СПб., 2010.

Наиболее остро указанную проблему понимают сотрудники следствия, оперативных подразделений, прокуратуры. Они помнят о происходивших в России в 1930–1940-х годах массовых репрессиях, когда отыскивать объективную истину формально требовалось, но на самом деле ее отыскание не поощрялось. Поэтому абсолютное большинство практиков признает: чтобы избежать повторения беззаконий, устанавливать объективную истину необходимо.

Парадоксально то, что ученые, ратующие за формальную, а не объективную истину, прежде как правило боролись за расширение прав обвиняемых. Теперь же их усилия закладывают в уголовное судопроизводство фундамент для беззакония в отношении обвиняемых: следователю, расследующему дело, будет все равно, виновен обвиняемый или нет; прокурор, поддерживая обвинение, будет безразличен к его содержанию; суд, не стремясь установить истину, но доверяя прокурору, вынесет невиновному обвинительный приговор.

В том числе поэтому, о чем мы писали, все указанные работники жадуют показаний с признанием своей вины. Когда есть человек, признающий себя виновным и подробно рассказывающий о совершенном им преступлении спокойнее всем.

В 2008-2009 гг. нами проведен опрос 500 оперативных сотрудников со стажем работы более одного года¹. 477 (95,4 %) из них считают необходимым устанавливать именно объективную истину.

Правда, на вопрос о том, всегда ли удастся установить объективную истину в ходе оперативно-розыскной деятельности, получены следующие ответы:

— 367 человек (73,4 %) заявили, что истина устанавливается в 3/4 случаев;

— 102 человека (20,4 %) указали, что истина устанавливается в 2/3

¹ См.: *Захарцев С.И.* Наука оперативно-розыскной деятельности. Философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2011. С. 214-215.

случаев;

— 31 человек (6 %) воздержался.¹

В 2016-2018 годах мы провели аналогичное исследование, опросив уже 1000 оперативных сотрудников. Были получены схожие результаты.

3. Уже не только в научных публикациях, но и на практике приходится сталкиваться с удивительным мнением: если следователь видит невиновность обвиняемого, он все равно должен направить уголовное дело в суд для получения оправдательного приговора. Это аргументируется тем, что вынесение оправдательного приговора провозглашает лицо невиновным в совершении преступления, а постановление о прекращении дела вопрос о виновности обвиняемого полностью не снимает. Но ведь если устанавливать объективную истину суд не должен, то он при указанных обстоятельствах может вынести как оправдательный, так и обвинительный приговор.

Таким образом, нам представляется, что ранее сформированный в России подход к обязательному установлению именно объективной истины приемлем и необходим для судопроизводства. При этом исповедуемый в ряде стран принцип установления юридической истины в силу своей неоднозначности неоднократно попадал под критику причем иностранных специалистов.

Как уже отмечалось, в 2010 г. в Институте государства и права РАН состоялись пятые философско-правовые чтения памяти В.С. Нерсисянца по теме «Стандарты научности юридической теории». Участники чтений, к стандартам научности юриспруденции относят в том числе требование истинности.² То есть, для юридической науки правоведы тоже требуют установления объективности, истинности, правды. Иначе собственно и не может быть, ибо при отсутствии истинности в науке сама наука теряет смысл.

¹ Следует уточнить, что под неустановлением истины здесь подразумеваются нераскрытые преступления, а не реализация дел в отношении невиновных.

² *Графский В.Г.* Точку ставить рано: вместо заключения // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2011. С. 159.

Но остается загадкой, почему, признавая возможность и необходимость установления истины в правовой науке, некоторые правоведы не считают необходимым достижения истины в правоприменении? Таким специалистам следует попытаться «подняться» над своими сугубо практическими знаниями, оценить сущность правоведения и правоприменения, начать изучать (или глубже изучить) философия права. Можно обратить внимание и на хорошие слова В.Д. Зорькина: «Я думаю, призвание философии права и носителей ее заключается в том, чтобы, не отрываясь от народа, доносить ему идеи, которые ведут к праву, ведут к истине»¹.

Мы признаем правовые традиции зарубежных государств в части необязательности установления объективной истины. Но в России другой путь и другие традиции. Мы считаем, что российское судопроизводство надо направлять по пути обязательного установления именно объективной истины.

¹ Зорькин В.Д. Философия права: прошлое, настоящее, будущее // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. С. 45.

ГЛАВА 5

БАЗОВЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

§ 1. Предмет философии права

Что такое философия права и какой ее предмет? Этот вопрос по-прежнему будоражит умы лучших философов и юристов. Однако к единому мнению ученые так и не пришли. Предлагаются весьма разные подходы. Обозначим для примера некоторые из них.

По мнению Д.А. Керимова, философия права, будучи одним из основных направлений общей теории права, разрабатывает основополагающие проблемы диалектики, гносеологии и логики правового бытия, обслуживающих как саму общую теорию права, так и весь комплекс отраслевых юридических наук¹.

С.С. Алексеев считал, что философия права – это наука о праве в жизни людей, в человеческом бытии. По его мнению, философия права предстает как научная дисциплина, которая призвана дать мировоззренческое объяснение права, его смысла и предназначения, обосновать его под углом зрения сути человеческого бытия, существующей в нем системы ценностей². Как писал автор, решающее значение в философии права имеет ее «мировоззренческий стержень» - мировоззренческое понимание права, постижение смысла права, выраженных в нем ценностей³. В какой-то степени о том же сказал Ю.В. Тихонравов, давший предмету философии права очень короткое определение – учение о смысле права⁴.

О.Г. Данильян и С.И. Максимов пишут, что философия права в первую очередь занимается выявлением смысла права, а также обоснованием

¹ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 83.

² Алексеев С.С. Философия права. М., 1998. С. 2.

³ Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. М., 1999. С. 395.

⁴ Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М. 1997. С. 46.

понимания этого смысла. При этом, по их мнению, предмет философии права – внеюридические (предельные) основания права¹.

В.С. Нерсисянц предоставил несколько иное определение: предмет философии права – это право как сущность и право как явление в их различии, соотношении (совпадении или несовпадении) и искомом единстве. Этот же предмет ученый далее выразил чуть иначе – право и закон в их различии, соотношении и искомом единстве².

Г.И. Иконникова и В.П. Ляшенко, напротив, полагают, что философия права исследует право не только как сущность и явление в их различиях и соотношении (совпадении или несовпадении) и искомом единстве, а прежде всего, ее интересуют наиболее общие принципы правовой реальности и ее познания³.

А.Б. Венгеров мыслит, что философия права изучает проявления в праве лишь отдельных, хотя и фундаментальных аспектов бытия: соотношение материального и духовного, свободы воли человека и ее материальной, духовной предопределенности, содержание общественного сознания и т.п.⁴

По ее мнению Е.А. Фроловой, философия права дедуктивно выстраивает учение о праве, ориентируясь на желательный для мыслителя идеал (правовой, политический, общественный, личностный, этический, религиозный и др.).⁵ Философия права изучает срез идеального права (которого еще нет, но оно желательно).⁶

Примерно также думает Ю.В. Сорокина. Философия права, по ее мнению, ставит перед собой задачу познания сущности права, объяснения и оценки правовых феноменов, а также находит идеальные правовые модели, к которым должно стремиться право конкретного общества.⁷

¹ См.: Философия права / Под ред. О.Г. Данильяна. Харьков., 2009. С. 8.

² Нерсисянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 2.

³ Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права. М., 2013. С. 16-17.

⁴ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2009. С. 302.

⁵ Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права: монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 34.

⁶ Там же: С. 46.

⁷ Сорокина Ю.В. Введение в философию права. М., 2011. С. 17.

С Ю.В. Сорокиной соглашаются Р.А. Ромашов и Е.В. Пеньковский, добавляя, что предметную область права составляют проблемы, связанные с пониманием права как явления; осмыслением общих закономерностей правотворчества и правореализации; восприятием права в качестве нормативной системы, формирование и функционирование которой определяется комплексом различных детерминант (историческим развитием, национальным менталитетом, уровнем экономики, географическим положением и т.д.); определением критериев оценки права в контексте ценностного подхода.¹

Н.В. Михалкин и А.Н. Михалкин считают, что философия права – составная часть философского знания, изучающая общие закономерности возникновения и развития права, основные регулятивы и средства его функционирования, содержание познания юристов и проверку истинности получаемых знаний, осуществляющая методологические обобщения по систематизации и классификации подходов к трактовке права, обобщающая конкретные правовые знания до уровня их распространения среди широкого круга граждан общества, обеспечивающая прогноз развития права в его дифференциации и интеграции.²

По мнению И.А. Иванникова, к предмету философии права относятся вопросы генезиса и сущности права, соотношения права с властью, свободой, справедливостью, критика существующих теорий права, соотношение права с моралью и иными социальными нормами.³

Ю.Г. Ершов полагает, что философию права следует рассматривать как науку о познавательных и социальных основах права.⁴

В.П. Малахов пишет о том, что предметом философии права является его сущность.⁵ Хотя в более развернутом определении, данном в этой же

¹ Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. СПб., 2015. С. 29.

² Михалкин Н.В., Михалкин А.Н. Философия права. М., 2014. С. 19

³ Иванников И.А. Теория и философия права. М., 2018. С. 10.

⁴ Ершов Ю.Г. Философия права. Екатеринбург. 1995. С. 9-10.

⁵ Малахов В.П. Философия права. Идеи и предложения. М., 2008. С. 28.

работе, он определяет философию права несколько по иному: философия права – совокупность базовых методологических допущений, которые только и делают возможным понимание права, содержательное саморазвертывание правосознания, непосредственное становление и воспроизводство правовой жизни¹.

Н.Н. Черногор и О.Ю. Рыбаков обосновывают, что предметом философии права является постижение сущности, появления, назначения права в единстве и в связи с бытием человека. Более того, он может получить уточнение, конкретизацию в зависимости от направлений философии права, отражающих те функции, которые ей свойственны. Такими функциями являются онтологическая, аксиологическая, гносеологическая, методологическая, герменевтическая, мировоззренческая, воспитательная, причем все эти функции сопряжены как с задачами, так и с предметом философии права.²

О.Э. Лейст вообще пришел к выводу, что философия права – «не наука, а идеология, стремящаяся опереться на научное основание и обоснование»³.

Определения других ученых тоже в чем-то схожи, в чем-то весьма различны. Нам понравился обзор мнений о предмете философии права, который осуществил авторский коллектив под руководством М.Н. Марченко.⁴

Существует небольшая группа специалистов, считающих, что предмет философии права совпадает с предметом теории государства и права. Наиболее известным из них является В.М. Сырых.⁵

По-прежнему, если не брать принципиальных критиков философии права, существует два основных подхода к ее изучению. Как отмечал С.С.

¹ Там же: С. 10.

² Философия права / Отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков. М., 2018. С. 22-23.

³ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 264-265.

⁴ См.: Философия права. Курс лекций: учебное пособие в 2 т. Т. 1 / С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, В.Е. Воротилин и др.: отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2014. С. 19-32 и др.

⁵ Сырых В.М. Материалистическая теория права: Избранное. М., 2011. С. 396.

Алексеев, данная научная дисциплина строится в двух науковедческих плоскостях (уровнях):

- в качестве исконно философской дисциплины, рассматривающей право под углом зрения определенной универсальной философской системы или историко-философских разработок;

- в качестве интегрированной философско-правовой области знаний, когда на основе определенной суммы философских идей осуществляется научная проработка правового материала¹.

Так исторически сложилось, что философы права – «выходцы из недр философии», - традиционно базировались и базируются на первом научном подходе.

Философы права, имеющие юридическое образование, напротив, отдают предпочтение второму научному подходу и включают философию права в систему юридических наук. Отсюда и предмет философии права определяется с учетом того, что философия права – юридическая наука, часть общей теории права и пр.

Мы, как и практически все юристы, первоначально тоже придерживались второго подхода. Но чем больше мы заключали философию права в скобки правоведения, общей теории права, тем настойчивее и увереннее философия права из них выходила, ставя вопросы, которые юриспруденция не в состоянии объять.

Это заставило нас заново осмыслить философию и философию права, оценить состояние философии права с позиций современного дня.

Как известно, философия – это особый способ постижения и освоения мира. Как мировоззрение, система знаний, она формирует целостное и ценностное представление о мире и о месте в нем человека. Принято считать и это справедливо, что философия выходит за рамки конкретных наук. Более того, именно из недр философии «родились» технические и гуманитарные науки, в том числе правоведение. Философия дала толчок для формирования

¹ Алексеев С.С. Философия права. С. 2.

правовых наук и определила их направление. Основой для такого развития стали размышления философов о праве. Начиная с античности, все философы без исключения в своих работах касались права, рассматривали его либо непосредственно, либо подразумевали как важную составляющую построения мира и общества. Так зарождалось самостоятельное направление в философии – философия права.¹

Это направление, надо признать, никогда не было основным – философией традиционно рассматривались глобальные проблемы бытия, познания, мира. А право незримо (или зримо) присутствовало среди таких проблем как важный способ регулирования общественных отношений. Объективно: философия породила правовые науки и никак не наоборот. И закономерно, что именно философы сформировали и обосновали к XIX веку философию права как направление в философии, а в дальнейшем – научную дисциплину, предназначенную для формирования мировоззрения о праве, философского осмысления права, уяснения методологии права.

В.С. Степин фундаментально исследовал этот вопрос и отметил, что с середины XIX века в философии начинают формироваться новые подходы. Возникает критическое отношение к классическому идеалу последней и абсолютно истинной философской системы. Философия осознает себя как развивающаяся система знаний, которая, подобно науке, не заканчивается ни на одном этапе своего развития достижением окончательной и всеобъемлющей картины мироздания. Одновременно философия в этот период все больше начинает обращать внимание на специфику познания и знания не только в науке, но и в других областях культуры – искусстве, морали, политическом и правовом сознании, обыденном мышлении, религиозном опыте и т.п. Проверять свои построения путем их постоянного соотнесения с реальным развитием различных сфер культуры, отдельные области философского знания начинают обретать относительную

¹ См.: Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019.

самостоятельность. Они конституируются в качестве специальных философских дисциплин (онтология, теория познания, этика, эстетика, философия права, философия науки и т.п.)¹.

Таким образом, философия права является связующей научной дисциплиной между философией и юридическими науками, но отнюдь не относится к последним.

Философия права не входит в общую теорию права, а обозначает ей направления познания права, методологию права и формулирует подходы и фундаментальные проблемы права, ищет пути их решения. Тогда получается, что в предмет философии права входят основополагающие вопросы правового бытия, сущности права, методологии познания права, ценностей права, осознания права, логики права, места человека в правовых отношениях.

Здесь появляется осязаемое разграничение предмета философии права и общей теории права, поскольку в ведение философии права входит осмысление глобальных фундаментальных проблем права и указание методологических установок, ориентиров для теории права.

Собственно, предназначения отдельных философских направлений как раз в том, чтобы стать своеобразными «мостиками», ориентирами для теоретических наук всех отраслей знаний (от экономической и математической теории до теории права). Философия права выступает тем самым «мостиком», связующим звеном между «чистой» философией и теорией государства и права как основой для всей юридической отрасли знаний.

Обстоятельства, в связи с которыми философия права несколько утратила свое значение для юридических наук, просты и понятны. Многие философы, как мы уже отмечали, считали рассмотрение проблем права не главным направлением философии, не уделяли ему должного внимания. Инициативу перехватили юристы, ставшие, что естественно, рассматривать

¹ Степин В.С. Философия науки. М., 2008. С. 13-14.

философию права в первую очередь с юридических позиций. С этого момента философская составляющая стала заметно ослабевать. А сама философия права стала больше походить на один из сегментов теории государства и права.

Однако подход по отнесению философии права к общей теории права в настоящее время не вполне приемлем.

Во-первых, при таком подходе возникает проблема разграничения предметов теории государства и права и философии права. Предпринятые попытки разграничения лишь усилили субъективизм в теории государства и права. Системных попыток «поднять глаза к небесам» и вывести философию права из чисто юридических дисциплин делалось видимо не достаточно.

При этом, **второе**, важно осознать, что философия не терпит ограничений пределами одной науки. Размещение философии права в юридических науках подразумевает ограничение этой дисциплины рамками общеправовой теории. То есть, речь начинает идти не о философии, а о философствовании в пределах юридических наук. В этом смысле философия права теряет свое подлинно философское предназначение.

Г.Ф. Шершеневич, критикуя философов, писал о том, что они рассматривают право, не вдаваясь в конкретику правовых реалий¹. Во многом это действительно так. Но ведь перед философами права стоят другие, более глобальные вопросы, требующие философского осмысления. Например: право и научно-технический прогресс (право должно способствовать, умеренно регулировать, а где-то и препятствовать такому прогрессу, скажем, в части биомедицинских опытов над человеком); право и истина (должно ли право стремиться устанавливать объективную истину, получать подлинные знания либо достаточно юридической истины); взаимодействие права и вненаучных знаний; право и внеземная цивилизация; проблема формирования единой мировой правовой системы путем

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 15-16. Указанная мысль в том или ином виде неоднократно повторялась в его других работах. См., напр.: История философии права. М., 1907. Переиздана: СПб, 1999. С. 20-21.

конвергенции норм и пр. И само собой: философское осмысление соотношения права и свободы, права и справедливости, права и равенства, правовых ценностей, правового прогресса и др. Кроме того, именно философия права может объективно оценить состояние юридической науки и юридических работ.

Изучение же философией права содержания конкретных правовых норм и реалий осуществляется при необходимости, для решения указанных выше и других глобальных задач.

Кроме того, замечание Г.Ф. Шершеневича относится к началу XX века, т.е. к тому времени, когда философия права еще не стала междисциплинарной наукой, только начала формулирование науковедческих основ и не была в должной мере «вооружена» юридическими знаниями.

Третье. Отдельные юристы, даже подготавливая работу по философии права, не любят и не желают выходить за рамки юриспруденции. То есть, подлинно философские и философско-правовые проблемы стремятся рассмотреть строго в пределах правовых дисциплин, не углубляясь, а подчас и не подгружаясь в философию. Это само собой сильно обедняет и «обрезает» исследование. А иногда написанное и вовсе нельзя отнести к философии права, поскольку работа написана по теории государства и права, истории государства и права, истории политических и правовых учений, но не по философии права. В этом случае философия становится некими закрытыми воротами, прикрываясь которыми можно писать фактически что угодно. Но, увы, это путь не в сторону познания.

Ведущие философы России к проблемам философии права и права подключены. Они поставили перед юристами вопросы, имеющие несомненно философско-правовой характер: право и информационное насилие в мире, право и частная собственность, право и эксперименты над

человеком и человечеством, право и свобода и др.¹ Активно ли включится юридическое сообщество в осмысление этих проблем? Но чем больше оно будет в них погружаться, тем очевиднее станет то, что поставленные вопросы носят не столько правовой, сколько философско-правовой и философский характер.² Это опять же подтверждает наш вывод о том, что философия права в условной иерархии знаний должна размещаться над общей теорией права, а не внутри этой теории. Изучение философии права внутри юридических наук не верно.

В современных юридических словарях состояние философии права отражено достаточно объективно. Так, в словарях под редакцией А.Я. Сухарева и А.Б. Барихина указывается, что философия права – наука о наиболее общих теоретико-мировоззренческих проблемах правоведения и государствоведения. Длительное время выступала как составная часть философских систем. В современном обществе, как написано далее, философия права – по преимуществу составная часть широко развивающейся юридической науки; нередко термин «философия права» употребляется как синоним общей теории (общего учения) о праве. Однако с конца XIX века философия права чаще понимается более узко, как автономная дисциплина, отличная от теории и социологии права, призванная изучать не само действующее право, а идеальные духовные начала, лежащие в основе права. Основным понятием понимаемой таким образом философии права становится «идея права»³.

Такое отражение современного состояния весьма четко показывает, что философия права в XX и XXI веке все более отдаляется от философии. Идеальные духовные начала несомненно надо изучать, однако нельзя сводить философию права к изучению только этих вопросов. В праве

¹ См.: Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Под ред. В.В. Миронова и Ю.Н. Солонина. М., 2010. С. 11-27, 90-93.

² Следует особо отметить вклад В.С. Степина в развитии познания права.

³ См.: Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 2003. С. 737-738; Барихин А.Б. Большой энциклопедический словарь. М., 2005. С. 671.

значительно больше глобальных проблем, оценить которые может именно и только философия. Собственно поэтому, мировоззренческие глобальные проблемы и именуются философскими. В этом смысле О.Э. Лейст верно заметил, что философия права не обязательно критикует действующее право и не всегда противопоставляет ему идеальное право, которое еще не существует. Философия права всегда ставила и ставит цель не только оценки действующего права, но и постижения природы и смысла права вообще¹.

Если предмет философии права урезать только до «идеальных духовных начал права», тогда не совсем ясно, для чего названную науку называть именно «философией» права. Такой узкой и именно юридической дисциплине можно предложить другое более конкретное наименование. И не употреблять философию всуе.

С какой целью мы вводим сами себя в заблуждение, полагая, что «идеальные духовные начала права» и есть философия права? Очевидно, что она в таком истолковании мировоззренческое и методологическое понимание права даст в очень усеченном виде, а говоря точнее – не даст.

Здесь опять же важен подход. «Идею права» в неокантианском, неогегельянском или ином истолковании изучать с философских и философско-правовых позиций можно и нужно. Это рассмотрение будет давать импульс развития общей теории права, указывать ей дорогу к познанию. При этом, что важно, познание неокантианства, неогегельянства и других течений будет осуществляться с философских позиций, комплексно, объективно, широко, с учетом всех философских знаний. Но такое возможно в случае нахождения философии права над общей теорией права. В противном случае (если считать философию права юридической наукой) указанные подходы и течения будут изучаться только в пределах юридических наук, то есть не полно. И тогда подобная научная работа превратится из философии в фикцию, поскольку трудно быть сторонником,

¹ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 272-273.

например, неогегельянства без комплексного изучения трудов Гегеля, его сторонников и противников, работ других философов, философской критики. Если же исследователь попытается обратиться к подлинно философской мысли, то он очевидно значительно выйдет за предмет юридических наук. В связи с этим, философию права нельзя рассматривать как часть общей теории права, то есть ограничивать ее предмет рамками юридических наук.

Поэтому в целом можно согласиться с исследователями в том, что философия права отличается от общей теории права не только более высокой степенью абстрактности философских понятий и категорий, но и выходом за пределы юридической проблематики¹. В принципе о том же сказал и В.П. Малахов, по мнению которого философия права и юридические науки существуют на основе взаимодополнения, как инь и янь в китайской философии: их нельзя смешивать, но бесполезно и разъединять... Вне связи с философией права общеправовая теория поневоле рано или поздно вырождается в догматику, в совокупность отвердевших конвенциональных утверждений и понятий, превращающихся в форму, приспособленную для «влияния» в нее самого разнообразного содержания.²

Важен и другой вопрос, связанный с взаимодействием и взаимопроникновением наук. Сможет ли философия права, не углубляясь в философию, повышать потенциал общей теории права? Видимо, нет, ибо откуда в таком случае философии права питаться идеями?

Это, конечно, вовсе не означает, что философия права должна стать уделом исключительно философов. Об этом Г.А. Гаджиев верно заметил: «Не стоит думать, что философские размышления – монополия профессиональных философов и что занятие философией юристов, экономистов, литераторов – недопустимое интеллектуальное

¹ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 264.

² Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины // Философия права в России: из опыта XX века / Отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016. С. 215-216.

браконьерство»¹. Ярким подтверждением служат и работы досоветских философов Б.Н. Чичерина², Г.Ф. Шершеневича³ и др. В то же время на практике мы нередко видим, что юристы неохотно привлекают философов для постижения философских проблем права, декларируя при этом, что философия права – это юридическая дисциплина и «вотчина» юристов, а не философов.

В-четвертых, в научной дисциплине, одной из составляющей которой является философия, она по определению должна доминировать, играть заглавную роль. В противном случае эта дисциплина перестанет быть философией.

Все подобные дисциплины (философия экономики, философия истории, философия медицины, философия права и др.) создаются на философской базе. Порядок их формирования таков. Философия выступает общим по отношению к конкретной науке (частному). Вначале внутри философии выделяется направление, относящееся к конкретной науке. Одновременно в науке формируются вопросы, выходящие за ее предмет и требующие философского осмысления и разрешения. Дальнейшая интеграция этого философского направления и науки приводит к образованию новой научной дисциплины. Но в такой конструкции частное (знание из конкретной науки) не может довольствоваться общим (философией). Рассматривать философию с позиции, например, экономики или с позиции права не логично и не верно. Должно быть наоборот.

Всегда ли происходит подобная интеграция? Опыт показывает, что не всегда. В ряде естественных и гуманитарных наук она не происходила. Одной из причин является то, что не все, например, естественные науки нуждаются в подобных интеграциях. Философских проблем (или проблем, требующих философского уровня осмысления) в подобных науках

¹ Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 6.

² Чичерин Б.Н. Философия права. М., 2010.

³ Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб, 1999.

относительно немного. Потребности формирования самостоятельных направлений в философии не возникает.

Отсюда ясно, что для образования таких научных дисциплин как философия экономики, философия медицины, философия права и других у соответственно экономики, права должна быть потребность в них, должно быть стремление дотянуться «подняться» до философских знаний. Такие науки стремятся в философию. Стремятся, чтобы с ее помощью разрешить свои научные проблемы, но, конечно, не для того, чтобы оценить саму философию с позиции экономики, медицины или права. Поэтому ключевое слово в названных дисциплинах несомненно за философией.

Таким образом, философия права является междисциплинарной наукой. Подобные научные дисциплины мы предлагали называть **философско-специализированными**.¹ Такое название и такой подход часть специалистов восприняла положительно, часть критично.

Если понимания приоритета философии нет, отсутствует потребность в философах, то для чего формировать философско-специализированную научную дисциплину? Возникающие проблемы можно пробовать решать в пределах конкретных наук. Однако ученые, готовые заниматься философией права без философов, как ни странно встречаются. Но философия ли это будет? Вот ведь в чем вопрос?

Правда, чуть отвлечемся, словами «право», «правоведение», «юриспруденция» прикрываться тоже любят. В подтверждение наших слов приведем пример. В свое время мы ознакомились с одним учебным пособием по юридической психологии. В нем отмечалось, что юридическая психология это психологическая наука и материал в пособии подается в первую очередь с психологической точки зрения. Пособие было интересным и содержательным, наполнено психологическими темами и размышлениями. По ознакомлении у нас возник лишь один вопрос: для чего в названии

¹ *Захарцев С.И.* Философия права: Некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. 2012. № 7. С. 122-131; *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015. С. 56.

пособия фигурировало слово «юридическая»? Это слово было там явно лишним, так как содержание пособия имело явную психологическую направленность. Слова «юридический», «правоведение» мелькали лишь во введении и заключении. Непосредственно в основной части работы мы обнаружили всего два примера, связанных с юридической практикой. И при этом в заключении делался вывод о том, что знания психологии очень важны и должны активно использоваться в юриспруденции. С таким выводом мы, конечно, не спорим. Но ведь надо признать, что данная работа была написана по психологии, а юриспруденция с учетом современной популярности юридических знаний выступала своего рода ширмой, завесой, давала пособию более привлекательное название. Кстати, это не единственный пример. Нам встречалось учебное пособие, посвященное логике, но для юристов. Его содержание представляло собой добротное учебное пособие исключительно по логике.

Возникает вопрос: не схожую ли ситуацию только по отношению к философии мы подчас наблюдаем в философии права, когда готовятся чисто юридические работы, в которых периодически вкрапливается завлекающее и манящее слово «философия»?

В-пятых, размещение философии права внутри общей теории права не могло не повлиять на точность определения предмета исследуемой дисциплины. Философия имеет мировоззренческое и методологическое предназначение. Если базироваться на философии, то очевидно, что предмет философии права обязательно должен сочетать в себе и мировоззренческую, и методологическую составляющую.

Современные российские философы права нередко отталкивались не от философии, а от права. Возможно поэтому в их рассуждениях, как правило, делался акцент только на одну из составляющих предмета. Например, С.С. Алексеев и В.С. Нерсисянц писали об исследуемой науке главным образом с

точки зрения мировоззрения¹. Такой подход, естественно, не являлся полным, почему и справедливо критиковался Д.А. Керимовым и другими специалистами². Попыток объединить мировоззренческую и методологическую позицию предпринималось явно не достаточно.

Таким образом, философия права занимает место между философией и юридическими науками. Условно-схематично это выглядит так:

Возьмем за основу то, что философия разрабатывает фундаментальные проблемы онтологии, гносеологии, аксиологии, антропологии, логики, этики, праксиологии, сознания. В этом случае предметом изучения философии права должны быть соответственно основополагающие проблемы онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики права, праксиологии права, правосознания.

Наша позиция с точки зрения определения составляющих предмета философии права не столь оригинальна. Дискуссии о том, что из названного

¹ Например, С.С. Алексеев писал, что решающее значение в философии права имеет ее «мировоззренческий стержень». См.: Право: азбука – теория – философия. С. 395.

² Керимов Д.А. Методология права. С. 14-15.

включать или, напротив, исключить из предмета ведутся уже длительный период. Наш подход выражен в стремлении приблизить философию права к философии, поднять ее над общей теорией права, а не рассматривать внутри юридических наук. А главное: рассматривать философию права как самостоятельную философско-специализированную науку.

С радостью отмечаем, что в юридической среде появляются специалисты, рассматривающие философию права больше с философских, а не юридических позиций. К таким, например, относится немецкий юрист Р. Алекси. Интересен и комментарий С.И. Максимова по поводу работ этого ученого. С.И. Максимов пишет, что Р. Алекси: «Трудно упрекнуть в какой-либо предвзятости, как это часто бывает у нас, когда профессора философии настаивают на философском характере философии права, а профессора права – на юридическом. Р. Алекси – юрист, наряду с лекциями по философии права он также читает лекции по проблемам публичного права. Поэтому не будем спешить обвинять его в измене корпоративным интересам...»¹.

Надо сказать, что и сам С.И. Максимов, будучи юристом, рассматривает правовую реальность в первую очередь с философских позиций².

О необходимости объединения усилий философов и юристов именно под философским крылом говорит известный юрист В.Д. Зорькин. Реалии времени, – как считает ученый, – подталкивают к тому, «чтобы философы говорили о праве, а юристы слушали философов и понимали, что право состоит не просто из собрания законов, – иначе достаточно одной законодательной реформы, а огромные библиотеки, если даже здесь доверху стеллажи поставить, отправляются в макулатуру. Не нужно замыкаться в узких рамках, необходим широкий взгляд на юриспруденцию, завещанный выдающимися российскими мыслителями нам – тем, кто занимается интеллектуальным трудом, будь то практическая работа юриста, или

¹ Максимов С.И. Философия права как проблема философии права // Философия права: сучасні інтерпретації: Вибрані праці: статті, аналітичні огляди, переклади. Харків, 2012. С. 17.

² См.: Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харків, 2002.

преподавание, или академическая деятельность. И главный импульс, мне кажется, все же должны задать философы»¹.

Попытки рассмотрения предмета философии права внутри юриспруденции постоянно сталкиваются с противоречиями. Например, не все ученые включают в предмет философии права онтологию права. На самом деле, что как не философия изучает онтологию? Можно ли философские размышления об онтологии права, например Гегеля, не относить к философии права?

Вызывало спор, на наш взгляд необоснованный, включение в предмет философии права правовой логики. Хотя очевидно, что логика – философская наука, поэтому препятствий для изучения логики права в рамках предмета философии права не имеется.

Многие не достаточно внимания уделяют вопросам человеческого сознания, осознания человеком права, правосознания, поэтому, видимо, даже не задумаются о необходимости включения этих вопросов в предмет философии права. В.П. Малахов высказал верную мысль о том, что у многих отечественных правоведов правосознание совершенно выпадает из поля зрения; оно представлено лишь имплицитно, в своем содержании².

Не все специалисты почему-то включают в предмет философии права этику права. Право по своей сущности должно находиться на страже добра. Проблема добра и зла является центральной проблемой этики. Учения о добре и зле, нравственности и безнравственности, морали, добродетели, справедливости, счастье и долге традиционно изучаются этикой как философской дисциплиной, но имеют важнейшее значение для философии права.³ Этический взгляд позволяет оценивать право не только, например, с гносеологических позиций, но и нравственной, что особо важно для

¹ Зорькин В.Д. Философия права: прошлое, настоящее, будущее // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. Издание Московско-Петербургского философского клуба. М., 2010. С. 43–44.

² Малахов В.П. Философия права. Идеи и предложения. С. 10.

³ Об этике см: Гусейнов А.А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М., 1987; Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 1998.

осмысления правового бытия. В правовом бытии, кстати, было достаточно примеров, когда то, что столетия назад считалось нравственным, стало безнравственным, а то и преступным. И наоборот.

Этика как наука о высшем благе человека, о добре, выступает своеобразным методологическим ориентиром для познания права. То есть, познание происходит не ради самого познания, а в конкретном направлении.

Именно этические ценности лежат в основе всех правовых концепций. И в этом смысле правовая этика осуществляет поиск идей, принципов, основ, регулирующих поведение человека, направляющих его поступки, устанавливающих критерии добра. Здесь же рассматриваются и основные проблемы применения таких моральных идей, принципов, основ в конкретных ситуациях, связанных с моральным выбором. Процесс познания правового бытия без этики обедняет сам себя, теряет цели и ориентиры. Поэтому несомненно, что этика права входит в предмет изучения философии права.

Таким образом, философия права – философско-специализированная наука, предметом изучения которой являются основополагающие проблемы онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики права, праксиологии права, правосознания. Этот подход не раз обосновывался в наших ранних публикациях.¹

Также думает и А.Н. Савенков. В 2019 году по поднятым вопросам он подготовил солидное исследование. По его справедливому мнению, философия права должна использовать весь инструментарий, накопленный мировой философией в области онтологии, гносеологии, этики, эстетики,

¹ *Захарцев С.И.* Философия права: Некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. 2012. № 7. С. 122-131; *Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014. С. 7-27; *Захарцев С.И.* Проблема предмета философии права: размышления и предложения // Мониторинг правоприменения 2014. № 1 (10). С. 10-18; *Захарцев С.И., Сальников В.П.* О теории и философии права / Теория государства и права в науке, образовании, практике; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. М., 2016. С. 112-117 и др.

философской антропологии, философии истории, философии техники, философии природы, философии науки, философии языка, философии культуры, философии религии. Только обогатившись всем этим знанием философия права способна стать мощным познавательным средством политико-правовой реальности, являющейся неотъемлемой частью глобальных процессов современности.¹

Не бесспорное суждение высказал В.С. Нерсесянц. Вначале он говорил, что в научном профиле и дисциплинарной принадлежности философия права имеет несколько аспектов. Если речь идет о философии права в целом, то очевидно, что мы имеем дело с междисциплинарной наукой, объединяющей те или иные начала, как минимум, двух дисциплин – юридической науки и философии. Этот междисциплинарный компонент является общим для всех версий философии права, независимо от того, разработаны ли они как отдельная юридическая или философская наука².

С тезисом В.С. Нерсесянца о том, что философия права является междисциплинарной наукой следует согласиться³. Однако далее В.С. Нерсесянц пишет: «Когда же встает вопрос о дисциплинарной принадлежности к юриспруденции или философии тех или иных конкретных вариантов философии права, то по существу речь идет о *концептуальном различии* (выделено нами – С.З.) юридического и философских подходов к основной проблеме (подразумевающей и охватывающей и все остальные, более частные проблемы) любой философии права: “Что такое право?”»⁴

То есть, если развивать мысль В.С. Нерсесянца дальше, то фактически получается, что у нас две разные научные дисциплины: философия права в

¹ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. М., 2019. С. 19.

² Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 17.

³ Алексеев С.С. верно написал: философско-правовой, интегрированный уровень научных знаний о праве выражен в формировании и развитии особой самостоятельной научной дисциплины, охватывающей как философию (по своим основам), так и правоведение (по своему основному содержанию). См.: Алексеев С.С. Философия права. М., 1998. С. 3.

⁴ Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 17.

философском подходе и философия права в юридическом подходе. Однако, как мы понимаем, это не так.

Напротив, сила и мощь философии права как раз заключается в ее двугранности, междисциплинарности. Сфера ее познания находится на стыке двух отраслей знаний философии и права. Такие научные пересечения в XIX и XX столетиях открыли широкий пласт для познания окружающего нас бытия. Никто не растаскивает по разным углам философию экономики, философию культуры, молекулярную микробиологию, физическую химию и т.д., и т.п. Если мы говорим о том, что философия права изучается юристами и философами с разных сторон, то тогда следует признать, что науки «философия права» в настоящий момент вообще нет: ее или физически нет либо она находится в стадии формирования. А есть отдельные направления в философии, интересующиеся правом. И кроме них есть отдельные теоретики права, рассматривающие в праве в том числе основы философии.

Но такое мнение, судя по всему, не верно. Философия права есть и существует именно как междисциплинарная наука.

Приведенное суждение В.С. Нерсисянца, на наш взгляд, как раз и связано с неточным определением предмета науки философия права. Если говорить о предмете философии права только с позиции правоведения, что сейчас встречается достаточно часто, то мы действительно получим исключительно юридическую науку, причем несколько оторванную от философии. И такой отрыв будет прогрессировать. Что мы еще можем получить? Философия права в таком виде будет все более «погружаться» в юридические частности и нюансы, отходить от высокого – философского – осмысления правового бытия.

И попытки «зажать» философию права юридическими рамками, увы, встречаются. Например Ю.Г. Ершов написал о том, что философию права «мало интересуют умозрительные конструкции, оторванные от реальных правовых процессов и явлений»¹. Из этого Ю.Г. Ершов сделал вывод, что

¹ См.: *Алексеев С.С.* Философия права. М., 1998. С. 4.

философия права в этом смысле как бы «вырастает» на фундаменте всего юридического знания¹. Но ведь такая точка зрения совершенно не выдерживает критики. Во-первых, это не так с исторической точки зрения: философия права «выросла» из философии, а не из юридических знаний. А, во-вторых (главное), наверное, трудно оспорить то, что именно философия является основой других наук, в том числе юридических. Соответственно, именно на базе (или, если хотите, фундаменте) философии получают юридические знания, изучается правовое бытие. И никак не наоборот.

Уже сейчас, - при юридическом подходе, - многие теоретики права, обозначая разницу между теорией государства и права и философией права, не находят четких и убедительных границ. Да при указанном подходе их и трудно найти. В.С. Нерсисянц пишет, что основной проблемой философии права является вопрос: что такое право? Но если говорить о юридических науках, то познанием того, что такое право, как раз занимается теория государства и права.

Отсюда вывод о том, что философию права нельзя превращать в чисто юридическую дисциплину. Предмет философии права шире, чем у юридических наук. При отрыве от философских знаний философия права как юридическая дисциплина нужна не будет - ее заменят теория государства и права и, частично, социология права и некоторые другие юридические науки. В таком виде пропадет ее смысл и перед философией. Философия не будет обогащаться от юридических знаний.

При этом, естественно, не должно быть и отрыва философии права от права. Научная сила и значимость философии права как раз в ее междисциплинарности, взаимозависимости, взаимном обогащении знаний.

Вместе с тем, В.С. Нерсисянц подходы к изучению философии права на философский и юридический, судя по всему, дифференцировал достаточно жестко. Так, он писал, что *в философии права как особой философской дисциплине* познавательный интерес и исследовательское внимание

¹ Еришов Ю.Г. Философия права. Екатеринбург, 1995. С. 9.

сосредоточены главным образом на философской стороне дела, на демонстрации познавательных возможностей и эвристического потенциала определенной философской концепции права. Существенное значение при этом придается содержательной конкретизации соответствующей концепции применительно к особенностям данного объекта (права), его осмыслению, объяснению и освоению в понятийном языке данной концепции, в русле ее методологии и аксиологии. В концепциях же философии права, разработанных с позиции юриспруденции, при всех их различиях, как правило, доминируют правовые мотивы, направления и ориентиры исследования. Его философский профиль здесь не задан философией, а обусловлен потребностями самой правовой сферы в философском осмыслении. Отсюда и преимущественный интерес к таким проблемам как смысл, место и значение права и юриспруденции в контексте философского мировоззрения, в системе философского учения о мире, человеке, формах и нормах социальной жизни, о путях и методах познания, о системе ценностей и т.д.¹

Как видим, вновь фактически речь идет не о единой науке, созданной на базе интеграции знаний, а о дисциплинах, имеющих совершенно различные предметные области. В единой науке столь ощутимая разница в предметах и подходах быть не может. То есть подспудно опять речь ведется о разных науках, четко разделенных между собой.

Иначе говоря, при таком подходе В.С. Нерсисянца получается, что никакой интеграции знаний между философией и юриспруденцией не было. Соответственно, не создана предметная область изучения философии права, не разработана ее методология. Значит, утверждать о том, что наука философия права существует, как минимум, преждевременно. Однако такой вывод противоречит объективной реальности и, кстати, самим же выводам В.С. Нерсисянца, который всегда писал, что указанная наука есть.

¹ Нерсисянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 18.

Мы считаем, что надо отказаться от классификации философии права на философию права «как особую философскую дисциплину» и философию права «как юридическую науку». Эта классификация с научной точки зрения, как видно, является не точной и регрессивной. Она напоминает известный анекдот о переименовании Российских железных дорог в Министерство под названием «туда» и Министерство «обратно».

Говоря другими словами, могут быть самые различные подходы к предмету философии права. Они могут обосновываться со своих позиций философами, юристами, социологами, психологами, политологами, другими специалистами. Но эти подходы, концепции должны быть в рамках только одной научной дисциплины – философии права. А делить научную дисциплину, науку на части в зависимости от направления мыслей ученых нельзя. Так, нельзя и нелепо говорить о том, что есть особая психологическая наука теории государства и права (например, основанная на взглядах Л.И. Петражицкого), особая социологическая наука теории государства и права и т.д. Речь должна идти о разных подходах, концепциях внутри единой научной дисциплины. Собственно, теорию государства и права на разные науки никто не делит. Однако философию права подчас пытаются разделить на две разные научные дисциплины: «философскую философию права» и «юридическую философию права». Что, конечно, не верно.

Философия права действительно возникла в недрах философии. Далее произошло накопление знаний о праве, как философских, так и юридических. Такое накопление, что естественно привело к диффузии знаний, переосмыслению предмета и в конечном счете образованию новой науки – философии права. Философия права, как и любая отпочковывающаяся от целого отрасль знаний, определенное время «боролась» за свою самостоятельность, разрабатывала свои науковедческие основы, получала общее признание в философской и юридической среде. В настоящее время – это признанная междисциплинарная самостоятельная наука, образованная в

результате интеграции знаний философии и юриспруденции о праве и правовом бытии.

Философия «как мать всех наук» тем самым выполнила свою миссию перед Наукой, «породив» новую важную научную дисциплину. Такой исторический эволюционный процесс типичен в научной жизни.

В итоге следует признать, что философия права является междисциплинарной наукой и именно в таком виде ее необходимо воспринимать. Если из нее исключим либо неоценим любой из компонентов, данная наука перестанет существовать. Опасаться междисциплинарных наук совершенно не нужно. В настоящее время большинство серьезных научных открытий как раз связаны с интеграцией и диффузией научных знаний, даже казалось бы, несовместимых. Но если в физике, химии, медицине, биологии и др. они возможны, то почему они не возможны в праве?

Надо сказать, что не все специалисты принимают предложенный нами подход к предмету философии права. Юристам особенно не нравится «размещение» философии права не внутри юридических наук, а над ними. В качестве критического замечания обычно называется уже не раз затрагиваемый вопрос о том, что такой подход может повлечь отдаление философии права от права. С данным замечанием мы совершенно не согласны. Философия права уже состоялась как междисциплинарная наука. Она уже содержит в себе багаж как чисто философских, так и юридических знаний, необходимых для осуществления своей научной миссии. Поэтому на современном этапе уже нельзя говорить о том, что при установлении философии права «над» юриспруденцией, в философии права будут рассматриваться проблемы, не соответствующие правовым реалиям.

Равно как не верно спекулировать высказываниями о том, что философия права при таком подходе не будет опускаться до рассмотрения конкретных правовых норм и вопросов. Напротив, предложенный нами подход позволяет в рамках философии права не только «рассуждать о высоком», но и разбирать конкретные правовые нормы, необходимость

рассмотрения которых будет связана с решением стоящих перед философией права задач. При анализе философских вопросов, связанных, например, с правом и справедливостью, правом и истиной, рассмотрение конкретных норм по установлению истины в процессуальном праве необходимо. Да и вообще, в праве достаточно вопросов, подлежащих философскому осмыслению.

Здесь уместно привести высказывание Д.А. Керимова о том, что ведущая методологическая роль философии права в системе юридических наук вовсе не исключает, а вполне допускает разработку отраслевыми юридическими науками методологических проблем, которые нередко достигают не только общетеоретического, но и философско-правового уровня (например, проблемы вины и ответственности в гражданском и уголовном праве)... Иначе говоря, философия права использует добытые отраслевыми юридическими науками знания для дальнейшего, более всестороннего и глубокого познания правовой действительности и перспектив ее совершенствования¹. Добавим, что по нашему мнению философские направления непроизвольно формируются и сформированы и в других отраслевых юридических науках. В частности, философской проблемой является сущность частной собственности, особенно в контексте советского периода и современности. Развивается философия оперативно-розыскной деятельности с вопросом широты и пределов полномочий спецслужб (казалось бы удивительно, но в ряде развитых зарубежных странах спецслужбы в ходе оперативно-розыскной деятельности открыто допускают убийства неугодных государству лиц, в том числе за пределами своих государств, не говоря уже о других нарушающих права человека действиях).² Думаем, что к философско-правовым относится проблема заключения однополых браков в семейном праве. А к философским

¹ Керимов Д.А. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. М., 2007. С. 34.

² Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2011.

проблемам уголовного и гражданского права мы бы добавили реабилитацию.¹ Можно привести и другие примеры.

Подытоживая сказанное А.Н. Савенков точно сказал, что философско-правовые категории и понятия, используемые в юридической науке, выступают средством обновления правового мышления и поиска рациональных решений глобальных проблем цивилизации. Если в прошлом философско-правовые учения носили ярко выраженный теоретический характер и были ориентированы на познание внутреннего содержания правовых явлений, смысла права и его социального назначения, то в современный период известные философско-правовые категории «справедливость», «равенство», «право», «закон», «воля», «вина», «намерение», «ответственность», «обязанность» приобретают в том числе и прикладное значение, являются критерием оценки правовой системы, уровня ее гуманизации и прогрессирующего развития.²

Некоторые критики-юристы задают вопрос: если философия права – междисциплинарная наука, то где – на философском или на юридическом факультете – она должна изучаться? При этом говорится, что правовое направление не самое главное для «чистой» философии, значит преподавать философию права надо на юридическом факультете среди юридических дисциплин, после чего опять же делаются попытки обосновать вывод, что и философия права – юридическая наука.

В таком выводе много субъективизма и недостаточно логики. Изучать философию права надо и на философских, и на юридических факультетах. При этом естественно, что философия права больше изучается на юридических факультетах. Это обусловлено тем, что ее создание и предназначение заключается в философском обслуживании общей теории права и других юридических наук. Философия права является главной

¹ *Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П.* Институт реабилитации в российском законодательстве: возникновение, развитие, понятие, перспективы / Под ред. В.И. Рохлина. СПб., 2007.

² *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. М., 2019. С. 19.

связующей между юриспруденцией и философией. Однако из этого вовсе не следует, что философия права – юридическая наука и часть общей теории права. Ведь философия тоже не юридическая наука, хотя и подробно изучается на юридических факультетах.

Проблема соотношения философии права и общеправовой теории входит в сферу научных интересов В.П. Малахова. Он, как и мы, размещает философию права «над» общеправовой теорией, но сильно снижает предназначение последней.

Так, В.П. Малахов пишет, что «философия права нужна юридической науке не для внедрения в нее познавательной “ткани” суждений, не для ее *идейного насыщения* (выделено нами – С.З.). Принципиально важно, чтобы она реализовала функцию методологии критической теории. Речь, конечно, не о самокритике или критике юридической науки извне, а о придании теории способности самостоятельно критически подходить к реальности, выступающей предметной областью теории. *Пока общеправовая теория в сущности лишена этой способности, отсутствие которой и восполняет философия права*»¹ (выделено нами – С.З.). Почему В.П. Малахов так негативно смотрит на общеправовую теорию и на способности теоретиков права критически оценивать правовую реальность совершенно не ясно!

Далее названный ученый отмечает, что «философия права призвана не объяснять реальность или право (это способна сделать наука), а заниматься вопросом, как изменить реальность и право в соответствии с соображениями и принципами разума».² Одним словом, по мнению В.П. Малахова, общая теория права и ее теоретики в рамках общей теории права задуматься и высказать идеи о том, как изменить реальность и право в соответствии с «соображениями и принципами разума» не в состоянии.

Как нам кажется, единственно возможным объяснением таких мыслей В.П. Малахова может быть то, что этот ученый пытается весьма жестко

¹ Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины // Философия права в России: из опыта XX века / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016. С. 214.

² Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины... С. 215.

сузить-сузить предмет общей теории права, чтобы все рассуждения о праве уже относились не к теории права, а к философии.

Мы не позитивно восприняли и некоторые другие рассуждения В.П. Малахова. Например, он пишет, что «сегодня право в его бытии, а не существовании редко становится предметом философствования, с одной стороны, вследствие утраты современными отечественными правоведами философской образованности, которая в дореволюционный период была, как известно, сама собой разумеющейся, а с другой стороны, вследствие юридической необразованности профессиональных философов, обусловленной прежде всего сверхспециализированностью юриспруденции, понятной теперь только самим юристам».¹ В таких мыслях нам видится неуважение как к современным философам, так и современным юристам. Да, по философии права философы, к сожалению, пишут не так часто как хотелось бы, но не из-за необразованности, а потому, что для философии философия именно права не является приоритетным направлением. По той же причине по философии права не часто пишут юристы. Кроме того, далеко не всех хороших специалистов манит философия. Но из-за отсутствия тяги к написанию работ по философии права вовсе нельзя подозревать как философов, так и юристов в необразованности.

Кроме того, очень некорректно звучит фраза, что, мол, раньше, в дореволюционный период, правоведы были отлично философски образованы. Да по-разному они были образованы, в том числе в плане философских знаний! Были и отличники, и двоечники. Были и выдающиеся ученые, чьи работы дошли до наших дней, и средненькие специалисты, не оставившие яркий след. Отдельным россиянам свойственно поклонение дореволюционному периоду как якобы справедливому, правовому, законопослушному, в котором якобы жили исключительно образованные и интеллигентные люди. Причем такое поклонение наблюдалось даже во время Великой Отечественной войны. Его очень хорошо подметил писатель К.М.

¹ Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины... С. 212.

Симонов в романе «Живые и мертвые». Он привел монолог генерала об одном из командующих фронтом. Генерал в частности говорил, что командующего считают интеллигентным человеком, но не потому, что он руководил сложнейшей военной операцией, не потому что он – образованный, культурный и талантливый человек, а потому, что он в царское время был аж прапорщиком.

Мы совершенно не согласны с мнением В.П. Малахова о философии права как учебной дисциплине. Он пишет - ни больше, ни меньше так: «Философия права с большим трудом и с помощью неизбежных упрощений, а нередко и *вульгаризаций* (выделено нами – С.З.) может выступать учебной дисциплиной и чаще всего является по сути только историей философии права, механически соединенной с переложением на неюридический язык проблем общеправовой теории и отраслевых юридических наук»¹.

По нашему мнению, напротив, философия права – это учебная дисциплина.

Интересно, что сам В.П. Малахов не так давно подготовил содержательное учебное пособие по философии права. В нем так и написано: «Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям “юриспруденция” и “философия”».² Более того, как сказано на титульном листе, оно было допущено Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция». Интересно, для чего же этот действительно уважаемый автор готовил весьма интересное пособие, если отрицательно относится к философии права как учебной дисциплине? И насколько опять же допустимо слово «вульгаризация» по отношению как учебной дисциплине, так и к ее преподавателям?

¹ Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины... С. 209.

² Малахов В.П. Философия права. Идеи и предложения. М., 2008.

В заключение еще раз повторим сформулированный нами подход: философия права – это философско-специализированная наука, предметом изучения которой являются основополагающие проблемы онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики права, праксиологии права, правосознания.

§ 2. О происхождении права

Вопрос происхождения права всегда являлся одним из ключевых в юриспруденции. Мы хотим тезисно представить на суд специалистов наши размышления по этому поводу.

Не вызывает сомнений то, что право произошло раньше государства, которое по своей сущности представляет организованное сообщество людей. То есть, исторически вначале появился человек, люди, а затем уже государства. С тем, что человек по отношению к государству первичен согласны все ученые, независимо от того, какой концепции происхождения жизни на Земле (эволюционной, божественной или иных) они придерживаются.

Но в какой момент рядом с человеком появляется право?

Очевидно, что необходимость в праве возникает всегда, когда людей как минимум двое, то есть когда возникает некое общество. Сознание этих человек в данном случае требует установления каких-либо общеобязательных правил поведения, определения «кто старший», чье мнение более приоритетно и т.д. Любое, даже самое маленькое общество, нуждается в порядке, в организации, в нем возникают определенные правоотношения, то есть появляется право. Иначе говоря, как только на Земле рядом оказалось два человека, между ними появились правоотношения, то есть возникло право.

Однако если человек один – он все равно стремится к порядку и устанавливает его для себя сам. Человек сам регулирует свое поведение, распорядок дня, делает в удобном для себя виде отметки о его соблюдении. Именно установленный для себя внутренний порядок подсказывает ему, когда работать, когда отдохнуть, что и в какой последовательности делать. То есть фактически устанавливает сам себе право. Право в виде законов ему не нужно. Но в виде регулятора его поведения право у него уже есть и это право основано на законах природы и на природе самого человека.

Этот вывод подтверждают отшельники, осознанно решившие жить вне людей. По их признанию, находясь в полном одиночестве они все равно устанавливали для себя правовые нормы, создавали правила поведения по которым жили и более того, устанавливали сами себе ответственность за их нарушения. Например, как рассказал нам один из отшельников, одной из форм наказания за нарушения собственного поведения он избрал дополнительное стояние на коленях в течение определенного времени. В истории Православия зафиксировано много примеров, когда тот или иной человек добровольно отказывался жить в обществе с людьми и самостоятельно, но по велению разума, все равно устанавливал себе правовые нормы. Например, как известно, нормы права, ужесточающие собственное поведение, сам для себя устанавливал известный русский святой преподобный Серафим Саровский.

Иными словами, с момента своего зарождения на Земле человек осознанно стремился к праву, оно ему было необходимо для выживания. Эту необходимость ему подсказывало его сознание. Таким образом, сознанию человека свойственно стремление к порядку в жизни. Более того, видимо в сознании человека заложено жить по правилам, по установленному порядку, то есть по праву. Сознание показывает и подсказывает, что по-другому человек не выживет.

Как известно, любой человек создан из двух оболочек: внешней (осязаемой) и внутренней (неосязаемой, духовной). Сознание руководит и внешней, и внутренней оболочками. Оно управляет телом. Но сознание развивает и внутренний мир, требует стремления к знаниям, интеллектуальности. И через сознание любой человек понимает, что он не может, будучи один, выжить без установленных для себя правил. И тем более не сможет прожить среди таких же людей без установленных правил поведения.

Конечно, у первобытных людей право носило откровенно примитивный характер, но важно, что оно возникало с человеком. Тогда же

возникало осознание человеком права на свободу мысли, чувств, уважение собственного достоинства. Поэтому следует признать, что право «рождается» вместе с человеком.

Появление других людей кристаллизовали указанные права. Кроме того, появилось уважение к рождению человека, свободе слова, которой несомненно были наделены первобытные люди, самоуважение и потребность защиты своих прав.

Указанные права свойственны человеку с рождения. Таким образом, по нашему мнению, право было в каждом первобытном человеке, право «рождается» вместе с человеком. И именно отсюда, как мы думаем, берут начало естественные права человека.

Следует обратить внимание на то, что нормы права характерны для всех земных существ. У каждого вида животных есть понимание своих прав и обязанностей! То есть, у них есть право. Наблюдение за любыми животными эту теорию полностью подтверждает. Жизнь животного мира тоже упорядочена.

Надо сказать, что практически все специалисты, изучающие естественные права человека, отмечают наличие у каждого человека указанных прав. Но при этом деликатно обходят вопрос о том, откуда они возникают? Ведь этими правами не наделяет кто-то со стороны по собственному усмотрению. Они имеются именно у каждого, причем с рождения.

Часто применяемое выражение, что естественные права человека свойственны природе самого человека, если так можно выразиться, достаточно «избито» и не конкретно. Оно, с одной стороны, как бы всех устраивает своей отсылкой на некую природу человека. Но, с другой стороны, если вдуматься, ничего не объясняет. И мало у кого из юристов возникло желание разобраться в том, что есть эта «природа», на которую все любят ссылаться?

Одним из немногих, кто пытался в данном вопросе разобраться, был Б.Н. Чичерин. Он написал, что естественные права – это система общих юридических норм, вытекающих из человеческого разума. Вместе с тем, под разумом Б.Н. Чичерин понимал существующее где-то вовне «верховное определяющее начало как в субъективном, так и объективном мире, как в сознании, так и бессознательном», некий «закон всякого бытия».¹

Надо исходить из того, что право не материально. И если оно рождается с человеком, то оно должно изначально закладываться в его психику. Именно там, вместе с самим человеком рождается и право. И в этом смысле следует согласиться с Л.И. Петражицким, обосновывавшим, что право изначально присутствует в психике человека. Он писал, что право есть явление не внешнего, материального мира, как, например, камень, дерево, а явление духовного мира, психическое явление, явление нашей души.²

Иной вопрос в том, где в психике человека «располагается» право? Л.И. Петражицкий считал, что право – это эмоции и полагал, что открыл в психике человека особые правовые эмоции.

Но разве право это эмоция? Как известно, эмоция с латинского «*emoveo*» означает «потрясаю, волную». Отсюда в самом общем смысле эмоция – это волнительное, возбужденное состояние, связанное с оценкой значимости для индивида действующих на него явлений, факторов или событий. Эмоции выражаются в первую очередь в форме непосредственных переживаний удовлетворения или неудовлетворения актуальных потребностей или ожиданий человека.³

Право и эмоция – понятия разные. Право, как и любое другое явление, несомненно может вызвать у человека определенные эмоции (например,

¹ Чичерин Б.Н. *Философия права*. М, 2010. С. 94.

² Петражицкий Л.И. *теория и политика права. Избранные труды* / Науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб, 2010. С.251.

³ По признанию психологов, эмоции как и многие другие психические явления, пока слабо изучены и понимаются разными авторами по-разному. Общепринятого понятия эмоций не имеется.

отрицательные, положительные). Но это лишь подчеркивает различие между ними.

Нам думается, что право есть часть сознания человека. Право находится в сознании каждого человека, рождается и развивается вместе с ним. Любой человек рождается с сознанием. И именно в сознании каждого есть правовая составляющая, своеобразные правовой раздел сознания, ответственный за его поведение в природе и обществе. Именно через сознание у человека появляется потребность в праве, и даже, как мы считаем и видим, стремление к праву. Стремление к праву, по нашему мнению, является одним из законов человеческой психики.

Сознание, судя по всему, выступает истоком естественных прав человека. Как и само сознание, эти права неотчуждаемы: право на свободу мысли, совести, вероисповедания, перемещения и т. д. Потребность в правах заложена в самом человеке, в его сознании как высшей форме психической деятельности человека. Задача бытия, социума в таком случае состоит в обеспечении человека нормальным здоровым сознанием.

В 1980-х годах Е.П. Велиховым, В.П. Зинченко и В.А. Лекторским высказывалось мнение, поддержанное Д.А. Керимовым, что философия до последнего времени ограничивалась общими рассуждениями по поводу сознания (соотношение бытия и сознания), а психология в последнее десятилетие забыла о существовании проблемы сознания¹.

Сейчас интерес к сознанию заметно возрос. В.А. Лекторский по этому поводу сказал, что сознание, которое на протяжении столетий считалось неоспоримой областью философского анализа, стало предметом исследования в рамках различных специальных наук. Эти вопросы не новы. Но сегодня они возникают уже в новом контексте и требуют новых ответов,

¹ См: Керимов Д.А. Методология права. С. 380; Велихов Е.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. №11. С.10.

учитывающих то, что сделано в области исследования сознания специальными дисциплинами.¹

Однако до сих пор полностью ясного ответа на вопрос о том, что такое сознание не получено. В общем смысле сущность сознания четко и понятно изложили М.С. Строгович и Д.А. Керимов. Как они пишут, сознание обычно определяется как некое духовное состояние, которое субъективно отражает объективность и на этой основе производит, создает, творит человеческое знание. Сознание – есть высшая форма психической деятельности человека, подчиняющая, регулирующая и контролирующая все другие явления психической жизни.

Понятие сознания есть понятие психологическое, это явление психической жизни людей. Сознание выражается прежде всего в понимании, в осмыслении определенных факторов и положений, затем – в постановке определенных целей и подыскании средств для достижения этих целей. Деятельность разума – вот что характеризует сознание как доминирующее явление психики человека². При этом важно подчеркнуть, что сознание не сводится к деятельности по отражению объективной реальности. Оно заключается и в мыслительной деятельности, направленной на изменение этой объективной реальности, желании улучшить бытие.

Деятельность человека подчинена его сознанию. И именно в нем – в сознании – заложена необходимость права для жизни.

Таким образом, тезисно:

- право родилось раньше государства;
- право родилось вместе с первым человеком;
- в психике, а точнее, в сознании каждого человека заложена потребность в праве.
- стремление к праву – есть закон человеческой психики.

¹ Цит. по: Канаев И.А. Проблемы сознания в междисциплинарной перспективе (обзор научной конференции) // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 171-175.

² Керимов Д.А. Методология права. С. 384; Строгович М.С. Избранные труды. Т. I. М., 1990. С. 53-54.

- естественные права человека берут свое начало из психики, а точнее опять же, из сознания человека.

Как мы написали, государства родились позднее человека. Образование государств повлекло возникновение и развитие позитивного права, нормативизма. С образованием государств получили бурное развитие юридические науки, образовалось несколько научных школ, подходов. Эти школы стали конкурировать между собой. Именно конкуренция усилила противоречия между направлениями права так, что сейчас их трудно воссоединить. Споры о происхождении права подчас достигают жесткой конфронтации. Хотя, на наш взгляд, подобные споры бесплодны и непродуктивны (что доказано временем).

А главное, дискутируя о происхождении права, большинство специалистов строго придерживаются только какой-либо одной версии его зарождения, абсолютизируют ее, спорят с оппонентами и почему-то не допускают мысли, что происхождений права может быть несколько. Оно вместе с тем может быть связано и с естеством человека, и с волей государства. **Мы считаем, что на разных этапах существования на Земле человечества право в разном виде зарождалось неоднократно.** Как минимум рождение права происходило трижды. Первый: с появлением на Земле человека и его сознания, в котором заложено стремление к праву. Второй: с появлением первого государства и рождением в нем права – уже другого, позитивного, нормативного, жесткого. Третий: с зарождением обычаев, получивших со временем и с учетом ментальности, культуры, развития отдельных обществ, статуса правовых обычаев и норм права.

По этому поводу хорошо высказался Л.И. Петражицкий. Он написал, что мы имеем картину все возрастающего множества конкурирующих теорий, из которых каждая возводит какой-либо особый фактор или элемент человеческой жизни «в основу» всей общественной жизни и ее истории, всех общественных процессов. Одни утверждают, что основой всего в человеческом обществе, фактором определяющим все прочие явления

являются условия производства материальных благ, производительные силы и орудия производства; другие все сводят к подражанию со стороны членов общества более выдающимся и проявляющим личное творчество индивидам; третьи все сводят к столкновению и покорению одних племен и иных общественных групп другими; четвертые считают решающими борьбу за существование и естественный отбор; пятые корень всего видят в свойствах расы; шестые – в физико-географических условиях жизни данного общества и пр., и пр. Ошибочность подобных концепций, по мнению Л.И. Петражицкого, определяется абсолютизацией этого единственного принципа, отбрасыванием других факторов. «При этом, - как считает ученый, - если бы смысл этих и т.п. теорий состоял только в утверждении что такой-то, облюбованный данной теорией, фактор имеет свою, такую-то область действия и долю значения в общественной жизни и ее истории, то все или многие из таких теорий могли бы быть истинными»¹. О том, что при изучении происхождения или сущности права не надо абсолютизировать какой-либо фактор, не раз писали и мы.²

Возвращаясь к государству подчеркнем, что в данном случае не так важно что под ним понимается. А важно то, что появление государства тоже «породило» право, но уже в другом, чем в сознании человека, виде. В виде общеобязательных нормативных установок, соблюдение которых обеспечивается опять же государством.

«Рождение» права государством имело множество всем известных причин. Это и необходимость регулирования общественных отношений между людьми, и необходимость удержания власти, собственности, богатства, и необходимость регламентации естественных прав человека. При этом позитивное право должно было выступить и выступило противовесом желаниям отдельно взятого человека. Ведь будем объективны, в сознании

¹ См: *Петражицкий Л.И.* Теория и политика права. Избранные труды. С. 439-440.

² Захарцев С.И. Возвращаясь к дискуссии о происхождении права // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 6. С. 279-293; Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука. М., 2019 и др.

любого человека рождаются как положительные, добрые мысли, так и отрицательные (плохие и бесчестные), которые тем не менее иногда тоже хочется реализовать. Даже естественные права для каждого человека различны. Кто-то считает естественным и необходимым для себя просто право на жизнь и свободу, но есть и те, кто считает естественным для своей жизни право быть свободным за счет других, право эксплуатации других, получения от других прибыли для своего свободного существования. Именно благодаря государству и позитивному праву удалось сформулировать и очертить примерный перечень прав человека, признаваемых естественными и необходимыми для всех. И значение позитивного права для жизни человека не менее велико.

Таким образом, и ученые, считающие, что право произошло от природы самого человека, и специалисты, считающие, что право произошло от государства, правы.

При этом надо признать, что хотя юснатуралистический и позитивистский подходы объединяются единым термином «право», свести их под единый знаменатель весьма трудно даже потому, что на самом деле речь идет о разных понятиях. Разных по происхождению, по сущности, по способу использования, хотя и именуемыми одинаково – правом.

Надо сказать, что сейчас среди позитивистов практически нет ученых, отрицающих естественные права человека. Равно как среди юснатуралистов практически нет тех, кто жестко задвигает роль государства на вторые роли. Но при этом создать единую и всех устраивающую концепцию не удастся. Одна из пока не преодоленных причин – фактическая разница между понятиями права. Давайте задумаемся. Естественные права человека происходят только от сознания. Позитивизм же во многом исходит от государства. Могут ли естественные права человека взяться от веления государства? Нет. Государство не может заставить быть свободными. Оно может создать условия для реализации свободы и равенства. Может, конечно, и не создавать, но государство все равно не сможет отменить

свободу мысли, вероисповедания, совести и даже слова¹. Таким образом, естественные права человека не могут исходить от государства, они могут исходить лишь от сущности самого человека, от его сознания. Позитивизм, напротив, в значительной степени исходит от государства. От сознания тоже, но приоритет за государством. И воля государства, выраженная в законах, человеку (его сознанию) нравится далеко не всегда.

Представляется, что в современном смысле нельзя говорить о приоритете той или иной концепции. В историческом смысле – да: право образовалось раньше государства, естественные права человека раньше нормативизма. Думается, что сейчас проблему лучше трактовать так. Право исходит от природы человека, от его сознания. Для сознания право является составляющей и имеет огромное значение. Здесь речь идет об упорядочении жизни, бытия, воспринимаемом сознанием. Но право исходит не только от сознания, но и от государства. На практике, право исходящее от государства зависит от экономики государства, политики государства, культуры государства, обычаев в государстве. И все изложенное оказывает влияние на естественные права человека, вплоть до ограничений некоторых прав. В свою очередь, и естественные права человека оказывают на государство и исходящее от него право воздействие. Однако естественные права не могут оказать кардинальное воздействие на экономику государства и на сложившийся менталитет.

Кроме того, право зарождается и на основе существующих в обществе обычаев, получивших с течением времени статус правовых. *При этом мы не отрицаем, помимо названных, и ряд других концепций происхождения права.*

В связи с изложенным, как уже говорилось, считаем более полезным и правильным рассматривать право как сложное многоаспектное социальное явление. Такой подход позволит не пытаться «скрестить ежа и ужа», что подчас наблюдается в научных работах, а комплексно и полно оценить право.

¹ Удерживать несвободу слова какое-то время под угрозой жестких репрессий государство может. Но отменить не получится.

В этом параграфе мы неоднократно упомянули имя известного юриста Л.И. Петражицкого, исходя из чего и с учетом наших психологических размышлений, может создаться впечатление, что мы являемся сторонниками его теории. Вместе с тем, сторонниками концепции Л.И. Петражицкого мы вовсе не являемся.

Если кратко, мы признаем, что психологическая теория Л.И. Петражицкого значительно обогатило юриспруденцию и философию права, а ее автор является одним из серьезнейших мыслителей. Мы согласны, что право зарождается в психике человека, но, во-первых, не только в психике, а во-вторых, не как особая правовая эмоция, а в сознании. Мы полностью поддерживаем этого ученого в том, что нельзя абсолютизировать какой-либо один фактор бытия как универсального средства познания всего, то что называется «на все случаи жизни». Однако с сожалением констатируем, что сам Л.И. Петражицкий, вопреки сказанному, абсолютизировал для познания права психологию. Так, право по Л.И. Петражицкому – это реальное психическое явление особого рода, с природой которого можно познакомиться непосредственно и достоверно в нашей душе, то есть путем наблюдения, сравнения, анализа, наших же собственных состояний в движении. Подразделяя право на интуитивное и позитивное, а также на официальное и неофициальное он пишет, что все эти виды лишь разновидности единого психологического понятия права как императивно-атрибутивных переживаний, но различного психологического состава. Государственная и общественная власть, по его мнению, на самом деле не воля и не сила, а эмоциональная проекция, эмоциональный фантазм, нечто не реальное и т. д.

Тем не менее, в отношении трудов Л.И. Петражицкого добавим еще два позитивных соображения.

Первое: к сожалению, в XX веке вообще и в российской правовой науке в частности создано не много концепций, теорий (пусть даже спорных),

имеющих мировую известность и объективно вызывающих большой интерес. Теория Л.И. Петражицкого востребована.

Второе (о чем немногие знают): как преподаватель, общественный деятель и видный юрист Л.И. Петражицкий внес большой вклад в решение проблемы равноправия между мужчинами и женщинами в России. И в том, что сейчас среди российских юристов много женщин, заслуга указанного специалиста очень велика¹. Завершая работу (одну из первых в России) о необходимости равноправия мужчин и женщин Л.И. Петражицкий писал: «Выскажем пожелание и надежду, что во всяком случае со временем наши будущие коллеги обижаемого теперь пола, ученые-юристы и практики – женщины обратят особое внимание, с одной стороны на изучение обычного права и связанных с ним чувств, представлений и волевых движений как своеобразной, но могучей и недружелюбной для них психической силы (для успеха борьбы надо знать противника и его свойства), с другой стороны, на науку политики права как на средство привести в движении дружественные силы не только путем воодушевленных резолюций, петиций и т.п., но и путем серьезной и истинно-научной, глубоко обоснованной системы аргументации.

Таким образом, яркие и неординарные работы Л.И. Петражицкого оказали существенное влияние как на познание права, так и на философию и психологию. Свидетельствуем, что Л.И. Петражицкий – один из немногих философов права, известных и почитаемых не только в России, но и за рубежом.

В завершении параграфа повторим выводы. Согласно нашей концепции, на разных этапах человеческого существования право в различном виде зарождалось как минимум трижды. Первый: с появлением на Земле человека и его сознания, в котором заложено стремление к праву, необходимость права. Второй: с появлением первого государства и рождением исходящего от него позитивного права. Третий: с зарождением обычаев, получивших со

¹ См.: *Петражицкий Л.И.* Указ. соч. С. 243.

временем и с учетом ментальности, культуры, развития отдельных обществ, статуса правовых обычаев и норм права.

Конечно, представленная нами теория происхождения права не более чем научное предположение, хотя, на наш взгляд, достаточно обоснованное или по крайней мере имеющее право на существование. Впрочем надо понимать, что любая теория о происхождении права не может быть признана истинной до тех пор, пока наука не ответит на вопросы о происхождении жизни и человечества. Ответов на эти вопросы в настоящий момент нет. Много сторонников божественного происхождения человека, жизни, бытия и всего, что с ними связано. Немало сторонников эволюционного происхождения жизни. Сейчас развиваются теории о внеземном (космическом, внеземном) рождении человечества и т.д. В ту или иную концепции сейчас можно только верить.

Но пока мы не будем точно знать правду об указанных главных вопросах, ответить на частные – например, как произошло право? – точно не получится. Ответов на эти вопросы мы ждем.

Вместе с тем, хочется верить, что размышления по таким вопросам медленно приближают нас к разгадкам, помогая либо подтвердить гипотезы либо, напротив, четко их опровергнуть, что на самом деле тоже прибавляет знаний.

§ 3. Кратко о методологии права

Предназначение философии права заключается в том числе в определении единой методологической основы для познания права. Именно наличие единой методологии в праве является философской и философско-правовой проблемой, которую философия права обязана решать.

Преобразования, произошедшие в России 1990-х годах, как ни странно, значительно коснулись философии и методологии научных исследований. В частности, была подвергнута обструкции диалектика, ранее признававшаяся в России универсальным научным методом для познания права.

Такое положение в философии стало лихорадить методологию других наук, в том числе правовой науки. В ней произвольно тоже образовались группы, которые стали исповедовать различные подходы к диалектике. В конечном счете это привело к разрушению выработанной годами четкой методологии правовых дисциплин. В базовой для юридических дисциплин науке - общей теории государства и права - научные методы стали толковаться совершенно по-разному. Например, часть ученых, по-прежнему, считают диалектику всеобщим методом познания¹. Другие специалисты рассматривают диалектику в числе других равных по значению общенаучных методов².

Образовалась и группа ученых, отрицающих методологическое значение диалектики. Например, А.Б. Венгеров писал: «...гиперболизация материалистической диалектики превращала методологию в искусственные поиски «восхождения» научного знания от конкретного к абстрактному, к схоластическим рассуждениям об отсутствии в социалистическом государстве антагонистических противоречий и т.д. Надо понимать, что кризис социалистической идеи в том виде, в каком она была осуществлена в

¹ Керимов Д.А. Методология права. С. 49-50, 83; Макуев Р.Х. Теория государства и права. М., 2010. С. 35 и др.

² См., напр.: Теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2009. С. 11, 15-16.

тоталитарном государстве и его правовой сфере, одновременно означал и кризис догматизированной материалистической диалектики»¹. И далее, продолжая свою мысль, автор писал о формировании принципа научности в изучении государства и права, который «... предполагает избавление от мифотворчества, утопизма и вульгаризма, утверждает примат объективного научного знания над сиюминутными интересами тех или иных классов, социальных групп или отдельных ученых»².

Комментируя увиденное О. Э. Лейст достаточно эмоционально написал так. «Некоторые авторы по инерции продолжают публицистическую критику марксизма-ленинизма; большинство теоретиков отвергает лишь отдельные стороны марксизма, стремясь сохранить ряд прежних привычных идей. Сейчас вряд ли можно обнаружить среди специалистов по теории государства и права хотя бы одного ученого, твердо стоящего на прежних марксистско-ленинских позициях. Но еще труднее найти ученого, сколько-нибудь твердо стоящего на каких-нибудь других философско-идеологических позициях, которые могли бы увенчать здание юридической науки. Если общая теория права, освобожденная от обязательной критики буржуазной идеологии и поиска «особенностей социалистического типа правоотношений», получила возможность спокойно разрабатывать свойственный ей строй понятий и категорий, то с философией права дело обстоит значительно хуже. Идеологическо-философский вакуум, возникший в последние годы, ничем сколько-нибудь значительным еще не заполнен. Не случайно высказывается мнение, что философия права вообще не нужна»³.

Такое высказывание, конечно, крайне субъективно, ибо многие ученые вовсе не теряли методологию в целом и диалектику в частности. Напротив, старались (и не безуспешно) ее еще более развить применительно именно к праву. Взять хотя бы работы Д.А. Керимова⁴. Однако приведенная цитата

¹ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2009. С. 21.

² Там же.

³ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2011. С. 307.

⁴ См.: Керимов Д.А. Избранные произведения. В 3 т. М., 2007.

О.Э. Лейста весьма красноречиво показывает, что в части методологии юридических наук наблюдалась и подчас наблюдается до сих пор определенная «потерянность».

В частности, имеется не характерное для юридической науки явление, когда отдельные специалисты стараются вообще вопрос диалектики в методологии обойти. Так, в учебном пособии С.М. Кошелев пишет, что в теории государства и права используются специальные и частные методы познания права, (например, конкретно-социологический метод, сравнительно правовой и т.д.). Однако метод диалектики автором вообще не упоминается ни среди универсальных, ни среди общих, ни среди частных методов познания¹. Периодически стали встречаться случаи, что в учебной литературе по юридическим дисциплинам авторы начали вообще избегать высказывать мнение о методологии той или иной отраслевой либо прикладной науки².

Мы хотим акцентировать внимание на том, насколько диалектика важна для правовых наук.

Поскольку развитие в широком понимании является одной из основ диалектики, то что есть такое диалектика для науки? Ответ очевиден: наука без развития не может существовать. Развитие научного знания предполагает постоянное изменение, движение, динамику знаний. Без развития наука мертва. Она остановится в развитии, а затем наметится ее заметное отставание от жизненных потребностей. Опыт показывает, что объективное (опять же диалектическое) мировое развитие знаний может заставить вернуться и к временно забытой теории, что не раз показывало эффективность.

Даже у критиков не вызывает сомнений, что применяемые в праве общенаучные методы (системно-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой и др.) без диалектики едва ли в состоянии обойтись.

¹ Кошелев С.М. Теория государства и права. СПб., 2007. С. 12.

² См., напр.: Административное право / Под ред. Л.Л. Попова. М., 2005.

Как известно, диалектика опирается на идею всеобщей связи, которая, в свою очередь, подразумевает взаимную обусловленность явлений. Например, такое социальное явление, как преступность, подразумевает существование борьбы с ней, наличие уголовного права и уголовного процесса. Уголовный процесс не может существовать без криминалистики, равно как и криминастика неразрывно связана с уголовным процессом, уголовным правом, борьбой с преступностью и т. д. Появление, например, компьютерных преступлений вызывает необходимые изменения в уголовном праве, развивает уголовный процесс, требует новых подходов в криминалистике. Исключение из Уголовного кодекса состава преступления «спекуляция» подразумевает, с одной стороны, исключение этого деяния из числа преступлений, с другой стороны — изменение направления криминалистической методики расследования преступлений.

В познании права активно применяются и основные законы диалектики. Закон единства и борьбы противоположностей указывает на сосуществование разных сил и тенденций, причем эти силы одновременно находятся в единстве и противоречии друг другу. В данном случае право — есть яркий образец данного диалектического закона. Право подразумевает справедливость, но допускает и несправедливость; право борется с насилием, но и общественные отношения регулирует в то же время с помощью принуждения и насилия и т.д.

Пример действия закона взаимного перехода количественных и качественных изменений можно наблюдать на информационном или экологическом праве. Вначале они не были известны и не признавались правом, затем появились научные публикации и нормативные правовые акты, рост количества и качества которых в итоге привел к обоснованию информационного права и экологического права.

Размышляя над этим законом диалектики В.С. Нерсесянц отмечал, что количественные изменения философско-правового знания (его умножение, уточнение и конкретизация, увеличение его объема и т.д.) происходят в

целом с позиций и границах того или иного понятия права, которое лежит в основе определенной концепции философии права, ее метода и предмета. Качественные изменения философско-правового знания связаны с переходом от прежнего понятия права к новому понятию права, с формулированием новой философско-правовой теории с соответствующим новым методом и новым предметом. Разумеется, степень подобных качественных изменений может быть различной, но новые понятия выражают качественный скачок в процессе развития философско-правового познания и процессе философско-правовой мысли¹.

Пример действия диалектического закона отрицания отрицания можно рассмотреть на том же информационном праве. Помните, когда кибернетика считалась лженаукой? Однако произошло отрицание предыдущих знаний, возник подъем на новую ступень развития, появилась примитивная информатика. Затем она при отрицании старых знаний и возникновении новых решений уступила место современным технологиям, новым информационным идеям, образовалось информационное пространство и, соответственно, его правовое регулирование.

В.К. Бабаев верно пишет о том, что каждый из диалектических законов проявляет себя в любом юридическом явлении, процессе. Так, любая юридическая норма, и прежде всего вновь принятая, отражает единство и противоположность регулируемых общественных отношений, совпадающие и в то же время противоречивые интересы. Она проявляется тогда, когда изменения в социальной жизни, постепенно накапливаясь, достигают нового качественного состояния и требуют принципиально иной юридической нормы. Новые общественные отношения сменяют прежние, а вновь принятая юридическая норма, регулирующая эти отношения, отрицает старые, предшествующие ей правовые предписания².

¹ Нерсесянц В.С. Философия права. М. 2011. С. 12.

² Общая теория права / Под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 42.

Основными диалектическими категориями являются: целое и часть, отдельное и общее, действительность и возможность, структура и элементы, теоретическое и практическое, содержание и форма, цель и средство, причина и следствие и др. Например, потребность регулирования конкретных общественных отношений выступает причиной издания правовой нормы. Издание же нормы является следствием необходимости регулирования названных отношений. Или: конкретное деяние лица выступает причиной применения правовой нормы. Применение нормы, как и закрепленные в ней последствия, являются следствием деяния лица.

Через описанные принципы, законы и категории реализуется диалектика как универсальный метод познания. Диалектика лежала и лежит в основе развития юридических наук.

В.К. Бабаев по этому поводу написал, что при изучении права метод диалектики проявляется в том, что право рассматривается как явление, которое, во-первых, определяется природой человека, социально-экономическими, политическими, духовными иными условиями жизни общества. Во-вторых, оно самым тесным образом связано с другими социальными явлениями. Трудно найти в обществе сферу общественных отношений, где не действовали бы юридические нормы, общественные явления, с которыми право не соприкасалось бы в той или иной мере. Соотнося право с другими социальными явлениями, можно определить место права в обществе, его характерные черты. Именно поэтому право сопоставляется с политикой, экономикой, моралью, обычаями. В-третьих, право постоянно развивается. Каждый новый этап в поступательном движении общества это и новая ступень в развитии права. Постепенные количественные изменения (обновление законодательства, в частности) в правовой системе приводят к качественным преобразованиям права¹.

В целом, как заключил Р. Лукич, нельзя стать хорошим юристом в том случае, если ограничиваться исключительно специальными, чисто

¹ *Общая теория права* / Под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 42.

профессиональными методами и не походить к праву с позиций более общего, диалектического метода.¹

К сожалению, в правовой науке на суждения иногда оказывают влияние идеологизированность и политизированность. Мы относимся к ученым, стремящимся к так называемой «чистой» науке, не подверженной чьему-либо влиянию. Возможно, что к этому же стремился А.Б. Венгеров и другие активно критикующие диалектику ныне специалисты. Однако, стремясь уйти от идеологии и политики, они, напротив, в них погрузились. Например, А.Б. Венгеров писал: «Ведь опираясь на такие догмы диалектики, как, например, единство и борьба противоположностей, Сталин и его единомышленники говорили о бесконечной и все усиливающейся классовой борьбе в социалистическом обществе. Известно, к каким геноцидным формам борьбы с собственным народом привел этот перенос «диалектического» знания в 1920-1930-х гг. в России на процессы коллективизации, устранение творческой интеллигенции из общественной жизни и т.п.»².

Но разве в диалектике что-то сказано о геноциде собственного народа и устранении интеллигенции? Где научные философские аргументы, конкретно указывающие на невозможность использования диалектики в качестве универсальной методологической основы? Почему действия политиков, возможно и не знавших в полном объеме диалектики, являются аргументом для ее нивелирования? Разве так ведется научная, философская дискуссия?

В этом смысле правильно сказал Е.И. Темнов: «Традиции академической и вузовской науки теории права и государства на протяжении ряда десятилетий в нашей стране связывали ее с развитием материалистического, исторического, диалектического направлений в его марксистско-ленинском понимании. Однако материализм, диалектика,

¹ Лукич Р. Методология права. М., 1981. С. 43.

² Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2009. С. 21.

историзм возникли еще на ранних этапах становления научного знания, последовательно разрабатывались учеными многих поколений и по логике дела должны присутствовать и на его современном этапе. Философской (мировоззренческой) основой теории права и государства выступает диалектика, т.е. учение о наиболее общих закономерных связях, становлении и развитии бытия и познания»¹.

Очень точный пример по этому поводу привел и Т.И. Ойзерман. Философ вспомнил: «3 декабря 1992 г. на страницах “Известий” выступил один из самых известных представителей советской интеллигенции. Я не хочу называть его имени частью из уважения к нему, частью из снисходительности, а также потому, что он высказывал (вернее, пересказывал) не только свое убеждение. Октябрьская революция, писал он, была совершена “непосредственно силами самого российского народа во главе с немецким революционным центром”. Эта революция представляла собой “большевистский предательский мятеж”. Походя автор касается и знаменитого марксистского лозунга: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Автор оценивает его безапелляционно категорически: “шизофренический лозунг”. Естественно возникает вопрос: чем объясняется эта внесудебная расправа над марксизмом, которой больше всего занялись его недавние пропагандисты? Объяснение, которое напрашивается само собой, таково: в СССР марксизм как обязательное учение был конформистской идеологией, а после крушения конформистской идеологией стал воинствующий антимарксизм».² Хорошо сказано.

Разные и взаимоисключающие мнения в науке возможны и необходимы. Без них никак. Однако любые суждения следует проверять, причем проверять научным путем. Только так и только в таком виде можно говорить о научном знании, а не о хаотичном, - или как модно говорить по П. Фейерабенду «анархичном», - наборе понятий, суждений и умозаключений.

¹ См.: Общая теория права и государства. М. 2010. С. 33.

² Ойзерман Т.И. Избранные труды: в 5 т. Т. 2. Марксизм и утопизм / Под ред. И.Т. Касавина. М., 2014. С. 8-9.

А для научной определенности нужна диалектика как универсальный метод познания.

Научные методы познания способны выявить и отличить серьезные правовые концепции от мифотворческих, авантюрно-субъективных, анархических, откровенно неумных, нереализуемых и прочих идей. Об этом хорошо написал М.И. Клеандров. Он обратил внимание, что к сожалению чрезвычайно редко используется метод имитационного моделирования ситуации, которая возникает при реализации конкретных предложений по совершенствованию законодательства, правоприменительной практики и т.д. При применении этого метода относительно отдельных предложений некоторых диссертантов, вынесенных ими на защиту и, по сути дела, являющихся центральными в их диссертационных исследованиях, можно сказать единственное: не дай Бог, если это сбудется. А так, без модели, внешне вроде бы все выглядит благопристойно...¹

Таким образом, юридической науке единая научная методология необходима. Такую функцию успешно выполняла диалектика. Законы диалектики в праве действуют и являются основой для других научных методов. При этом уже отмечалось, что диалектика вовсе не забыта на Западе, а, напротив, достаточно активно используется. В частности, Г. Берман применяет диалектический метод в качестве основного метода исследования для создания интегральной юриспруденции. Такой путь поддержан его учениками и последователями.²

Следует сказать, что вовсе не все российские правоведы отказались от диалектики. Напротив, более широкий подход к ее изучению дает большие возможности для развития этого универсального метода в праве. Например, заслуживают внимания усилия В.М. Сырых по объединению диалектических

¹ Клеандров М.И. Кандидатская диссертация юриста: первые шаги исследователя. М., 2004. С. 52.

² См.: Берман Г. Вера и закон: примирение прав и религии. М., 1999.

идей Гегеля, Маркса, Энгельса и других ученых.¹ Определенные шаги в познании развитии диалектического метода познания в праве принимали и мы.²

Пока трудно понять, к чему указанные усилия приведут. Однако не вызывает сомнений, что такие усилия позитивны и идут в направлении дальнейшего развития науки и ее методологии.

С учетом изложенного мы полагаем, что диалектический метод познания еще долго будет оставаться всеобщим, универсальным методом (методологической основой) для философии права, общей теории права и других правовых дисциплин.

¹ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. М., 2000. С. 180-190, 258-259 и след.

² Захарцев С.И. Философия права и диалектика // Мир политики и социологии. 2012. №11. С. 180-189; Захарцев С.И. Возвращаясь к дискуссии о диалектике как методологической основе познания права // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1. С. 32-39 и др.

ГЛАВА 6

НОВЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

§ 1. Гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле

В 2020 году закончилась пятая часть XXI века. Подводя краткий итог этому временному отрезку можно уверенно сказать о том, что как сложится для мира XXI век еще ничего не известно. То есть, глобальные проблемы бытия и выживания, накопленные человечеством за предыдущие годы и века, продолжают оставаться крайне актуальными.

Так, сохраняется угроза ядерной войны и ядерного оружия. Имевшее место в XX веке противостояние между СССР и США привело в XXI веке к расширению стран, имеющему ядерное оружие. Сокращение количества стран, имеющих такое оружие, не ожидается. Одновременно к XXI веку утихли все разговоры о сокращении ракетно-ядерных сил. Напротив, на рубеже третьего десятилетия XXI века многие страны откровенно декларируют то, что проводят испытания новых систем вооружения – более мощных и эффективных. При этом к поводам для возможного ядерного конфликта может добавиться уже многими забытый – война за веру.

Применяемые новые технологии вовсе не сняли, а напротив, усилили возможность техногенной катастрофы, в том числе с ядерными и военными объектами. В начале века затонула атомная подводная лодка «Курск» с ядерным оружием на борту и атомным реактором. Затем вскоре затонула еще одна российская атомная подводная лодка. Всего на дне мирового океана покоятся уже шесть подводных лодок с атомными реакторами (четыре советско-российских и две американских). Вскоре мы также увидели разрушительную и губительную атомную катастрофу в Японии (Фукусима). Она наглядно показала, что весь мир, включая высокотехнологичных японцев, вовсе не застрахован и никак не защищен от техногенных аварий.

Задумайтесь, сколько атомных объектов на территории США, России, Китая, других стран? Сколько военных производств с не только ядерным, но и химическим, бактериологическим, прочим оружием массового поражения находится в мире? И в любой момент техногенная катастрофа может произойти.

Как известно, такие аварии как с Фукусимой не проходят бесследно. Они значительно ухудшают и без того отвратительную экологическую обстановку на планете. Экологическая безопасность является очередной глобальной не решенной проблемой перед человечеством. То есть все глобальные проблемы человечества взаимосвязаны между собой. Экология, как уже давно доказано специалистами, губительно влияет на здоровье, приводит к новым заболеваниям. В 2020 году эпидемия коронавируса убедительно показала насколько все хрупко.

Помимо этого, известными фактами являются сокращение озонового слоя Земли, проблема с питьевой водой, чистым воздухом, натуральной пищей. Есть обоснованные мнения, что основной причиной новой мировой войны станет борьба за питьевую воду.

С экологической проблемой взаимосвязан вопрос истощения энергоресурсов.

Отдельной проблемой является перенаселение планеты и его дальнейший прирост. Ученые спорят относительно оптимальной численности населения на планете Земля. Например утверждается, что максимальная численность людей не должна превышать одного миллиарда человек. Сейчас население Земли составляет уже более 7 миллиардов человек. По прогнозам к 2025 году людей будет уже более 8 миллиардов. Перенаселение опять же ставит вопросы: чем людям дышать, что есть и пить, чем согреваться.

Новыми глобальными угрозами жизни на Земле в XXI веке стали терроризм и наркотизм. Век начался с террористических актов в США (были взорваны небоскребы). Одновременно в России были террористические

проявления на Кавказе. Угрозы терроризма не избежали и другие страны. Равно как и угрозы наркотиков, заполонивших всю земную цивилизацию.

Но указанные глобальные проблемы – это внешняя сторона нависших над человечеством угроз. Есть и внутренние, содержание которых не менее опасно. К таким относится угроза продолжающихся биомедицинских экспериментов и опытов (клонирование, пересадка органов, в том числе мозга и т.д.). Другой угрозой является наблюдающееся информационное насилие над человеком. По-прежнему проводятся опыты по манипуляции сознанием. К отдельным угрозам относится все чаще встречающиеся нарушение прав человека, связанное с тотальным контролем за его перемещением и общением.

Между человеком как индивидом и человечеством как совокупности людей на планете Земля находятся общности людей, как правило, объединенные в государства. Надо сказать, что сами государства на современном этапе переживают кризисные процессы. Речь в данном случае идет не о войнах между ними (что опасно, но уже упоминалось), а о принципиальном подходе к самому государству, его правах и возможностях. Например, проблема социального государства. Сейчас многие развитые европейские страны страдают от притока мигрантов из так называемых неразвитых стран. Жители неразвитых стран получают сносные пособия по безработице, им оказывается помощь и т.д. – все это за счет работающего, в основном коренного населения страны. Титульное население фактически содержит этих мигрантов. При этом многие мигранты не просто не желают работать, но и даже перенимать культуру и принятый порядок поведения в стране. О том, нужны ли толерантность, равноправие и всеобщие социальные гарантии уже открыто говорят в Европе. Поднят вопрос об установлении пределов толерантности и всеобщих социальных гарантий. Хорошим примером сказанному является успех книги немецкого политика Т. Саррацина «Германия: самоликвидация»¹, имеющей националистический

¹ См.: Саррацин Т. Германия: Самоликвидация: пер. с нем. М. 2013.

характер. Только в Германии было раскуплено более 1 200 000 экземпляров данной книги, что более чем огромно для современного в общем-то не очень читающего населения. С фрагментами и обсуждениями этой книги ознакомилось с помощью Интернета еще столько же. Кризис социальных государств уже начался. А вот куда кризис приведет, что станет с разрушающимися государствами и их гражданами, не будет ли нового витка нацизма – вопрос и одновременно реальная угроза существования людей.

Вот такие глобальные проблемы (угрозы) стоят перед человечеством в XXI веке. Под глобальностью в данном случае мы понимаем то, что они:

1. смертельно опасны;
2. губительны для всего человечества независимо от точки Земного шара;
3. нерешаемы силами одного государства (одной нации).

Возможны как минимум две классификации таких проблем. Первая позволяет разделять проблемы по мере осведомленности о них человечества:

- а). Уже известные человечеству проблемы;
- б). Неизвестные проблемы, которые в свою очередь тоже можно разграничить на угрозы, которые можно предположить исходя из современных реалий и пока совсем неизвестные угрозы (например, угроза наркотизма стала рассматриваться как глобальная проблема человечества относительно недавно, хотя наркотические препараты были известны достаточно давно).

Другая классификация глобальных проблем проведена по другому основанию. Предлагается делить проблемы на два уровня:

1. зависящие от человека и человечества;
2. независящие от человека и человечества.

К первому уровню относятся уже перечисленные проблемы. Ко второму мы отнесли:

- силы Космоса;
- силы Природы.

Несомненно, что человечество и Земля как планета – часть космической системы. Отрицать это, думается, бессмысленно. Равно как бессмысленно отрицать и то, что об указанной системе мы очень мало знаем. И весьма наивно думать, что от этой космической системы мы не зависим. Зависимость от космоса подразумевает и невозможность защиты от него. Например, человечество ничего не может противопоставить столкновению с крупным метеоритом, способным разрушить Землю, разрушению атмосферы, затуханию Солнца и т.д. Метеорит, упавший в 2013 году на Челябинск, при падении выделил энергию равную примерно двадцати взрывам атомной бомбы в Хиросиме. Надо признать, что планета Земля и жизнь на ней по определению и всегда уязвима от космических сил.

Силы Природы также совершенно не изучены человечеством. Мы, достигнув казалось бы крупнейших открытий в физике, химии, биологии, других науках, до сих пор не умеем предсказывать наводнения, землетрясения, другие природные катаклизмы. Опыт XXI века опять же показал, насколько человечество незащищено от природы. Достаточно вспомнить, что в конце 2004 года в Таиланде цунами мгновенно уничтожил более 200 тысяч человек. На самом деле силы природы и ее возможности вовсе не изучены. А фактически эти силы всегда представляют угрозу для человечества.

Вместе с тем, космические силы и силы природы Землю пока не разрушают. Это, во-первых, внушает оптимизм, а во-вторых подразумевает особую роль Земли в космическом пространстве.

Однако Землю и цивилизацию может изнутри разрушить сам человек.

И здесь возникает вопрос: что предпринимает философия как «наука наук» по разрешению указанных нависших проблем, могущих уничтожить цивилизацию? Полагаем, что если что-то и предпринимается, то этих усилий явно не достаточно. С таким выводом, думаем, согласятся все.

Причины неудачных попыток по разрешению названных вопросов связаны и с тем, что философы в настоящее время утратили былой авторитет

и общественное влияние. С таким выводом, вероятно, тоже многие согласятся. О причинах понижения авторитета и статуса философов мы будем рассуждать отдельно. Но данная причина все-таки скорее субъективна и во многом связана с главной причиной: с тем, что философии для разрешения этих проблем по большому счету нечего предложить.

В сумме: грядет кризис бытия, возникла проблема существования бытия как такового. Нам представляется, что для философии сейчас нет более актуальной проблемы, чем проблемы выживаемости человечества в будущем или, как можно сказать, проблемы будущего бытия.

Комментируя сложившуюся ситуацию в науке надо сказать следующее.

Во-первых, надо признать ошибочным путь, что разрешением глобальных проблемы человечества занимаются профильные специалисты отдельных наук (физики, химики, врачи и т.д.), не объединяя свои усилия. Например, проблема ядерного оружия – это проблема не только физиков, но и других ученых (историков, политологов, экономистов, экологов, врачей и пр.). Комплексно проблему, как правило, не решают. Отсутствие комплексного подхода влияет и на качество таких научных работ. В частности, плохо и однобоко прогнозируются последствия того, если какой-либо из рисков для человечества все-таки реализуется. Надо не только четко понимать опасность имеющейся проблемы, но и видеть, что произойдет при ее прорыве, исходя из чего предлагать конкретный план действий.

В подтверждение наших слов приведем пример. В апреле 1986 года произошла авария на Чернобыльской АЭС. Представления о том, что произошло и конкретного плана действий по ликвидации последствий ученые не имели. Действия по ликвидации угроз предпринимались спонтанно. В марте 2011 г. в японской Фукусиме произошла авария на АЭС. Однако как и двадцать пять лет назад (!) японские ученые и специалисты тоже не были готовы к аварии. А действия по ликвидации аварии также носили спонтанный, не всегда продуманный характер.

Во-вторых, надо признать ошибочным путь снятия указанных проблем через возможности права, правового регулирования, правовых запретов, что, увы, нередко встречается. Не все специалисты задумывались о возможностях права и пределах его возможностей. Надо помнить, что право вовсе не всемогуще. Нормы права систематически игнорируются государствами, когда это им выгодно. Ярким примером является США и действия этой страны в Югославии, Иране и т.д. Мы живем в многополярном мире, где каждая из сильных стран, обладающая ядерным оружием, фактически может делать все что угодно со странами так называемого «третьего мира». Другие сильные страны такую политику могут поддерживать или осуждать, но сделать ничего не смогут (опять же для недопущения возможной ядерной войны и, как следствие, катастрофы). Право теоретически может стать эффективным регулятором мира на Земле только в случае однополярного мира. В этом случае господствующая страна может установить жесткие нормы, которые будут обязательны для всех. Однако однополярный мир возможен только в случае поглощения одним государством всех остальных. Сейчас это невозможно даже потому, что немало стран имеет ядерное оружие. Так США практически поглотило СССР, но появилась сильная Россия, по-прежнему имеющая современное вооружение, людские и территориальные ресурсы, экономический потенциал. При этом в противоборстве с СССР США упустило из виду взлет Китая, Индии, мусульманства. И надо признать, что хотя сильные страны сообща и принимают направленные на сохранение мира нормы международного права, но сами же их при необходимости и нарушают. По нашему убеждению, нормы права могут эффективно работать только в том случае, когда контроль за их исполнением находится в одних руках. Поэтому нормы международного права в части предотвращения глобальных проблем скорее носят декларативный характер.

Надо сказать, что весьма часто бывает, когда люди, не зная что делать, пытаются решить вопрос через то, чего не знают, обращаются в незнакомые

им сферы жизнедеятельности. Многие физики, химики, экономисты и другие ученые, являясь в своей массе законопослушными людьми, искренне думают, что путем права можно решить все вопросы. Это вовсе не так. Право не всесильно и не безгранично в своих возможностях.

Нам ситуация видится так. Для разрешения глобальных проблем не хватает их общего осознания, может быть глубины осознания. Сейчас во всех государствах политические режимы имеют элементы демократии, то есть власти народа, населения. Когда население по-настоящему поймет, осознает ужас последствий, то возможно народ заставит правящий класс делать конкретные шаги по разрешению проблем (правда, может и не заставит).

Кроме того, должно быть обязательное преподавание глобальных проблем в средних и высших учебных заведениях. Собственно, именно в школе при формировании личности у человека закладывается отношение к миру и своему месту в мире. К сожалению, в школах стоящие перед человечеством глобальные проблемы практически не преподаются, а если и преподаются, то как правило извращенно. Так, гордость за свою страну смешивается с силой и всемогуществом страны. В Англии, например, пропагандируется борьба за национальные интересы этого королевства во всем мире.

Помимо этого, важно и привлечение общественного мнения к глобальным проблемам человечества во всем мире. Этого тоже не происходит. Если в каком-либо из государств вопросы экологии, войны, аварий поднимаются, то другие страны их не пропагандируют и не анализируют. Все упирается опять же в нескольких ученых конкретной узкой специальности, в рамках которой они разрозненно пытаются что-то разрешить.

При этом достаточно физиков, биологов и других ученых считают, что Земля и человечество прошли так называемую точку возврата и движутся к гибели. Явное перенаселение планеты в сочетании с развитием и эскалацией ядерного и другого оружия массового поражения, экологической

загрязненностью, продолжающимся разрушением озонового слоя, эпидемиями и другими проблемами позволяет считать такой вывод обоснованным. И здесь важно понимать, что для разрушения планеты и ликвидации жизни достаточно по сути реализации любой одной из имеющихся проблем.

Такое развитие событий мы считаем вполне возможным и реальным. Признаемся, несмотря на наши предложения по разрешению проблем, мы не сильно верим в то, что человечество и руководство государств внезапно поумнеют, осознают и разом предпримут все необходимые шаги для минимизации рисков возможной катастрофы.

Однако указанный вывод позволяет нам взглянуть на ситуацию как бы с другой стороны. Ведь накопленный людьми опыт и известные исторические факты позволяют сказать, что человечество выживало всегда – при любых катастрофах и катаклизмах.

Примеров этому множество. В случае появления неизлечимых болезней резко увеличивалась смертность, сокращалось население (до приемлемого уровня), а далее изобреталась необходимая вакцина. При использовании смертоносного оружия и войн опять же сокращалось население, затем войны прекращались и изобреталось антиоружие, позволяющее сдерживать противника.

При перенаселении городов в средние века наступал голод, это вызывало смертность, сокращение жителей до приемлемого уровня, - и опять жизнь.

Указанные вещи звучат, несомненно, очень цинично. Но о них тоже надо думать. Ведь перенаселение, дефицит продовольствия и сырья, а также нехватку энергоресурсов можно рассматривать порознь как самостоятельные глобальные проблемы, а можно и вместе как проблемы, вытекающие одна из другой. Нехватка продовольствия и энергоресурсов рано или поздно неизбежно приведут к голоду и массовому вымиранию людей. Вымирание будет продолжаться до тех пределов, пока люди вновь смогут прокормиться, согреться и жить дальше.

Или разрушение озонового слоя и экологическая проблема приведут к появлению первоначально неизлечимых болезней и массовой смертности. Далее восстановится озоновый слой, леса, а также будет изобретена и нужная вакцина от болезни.

При этом, судя по всему, человечество не возможно уничтожить одномоментно везде. Даже если предположить атомную войну, то страны, имеющие это смертоносное оружие скорее всего уничтожат друг друга, что даст возможность развиваться Австралии, Новой Зеландии, Земле Франца Иосифа, малым океанским островам. Откуда вновь, уже может быть с нуля, пойдет развитие человечества.

Изложенное дало возможность выдвинуть **гипотезу катаклизмов и круговорота человеческой жизни на Земле**. Ее сущность в том, что человечество своими действиями достигает определенного рубежа, после которого оно не в состоянии в полном составе находиться на планете. В результате достижения рубежа происходят катастрофы или катаклизмы, затрагивающие (умертвляющие) абсолютно большую часть населения планеты. После чего оставшиеся в живых после катаклизмов люди начинают новую жизнь. Эта жизнь, вполне вероятно, начнется практически с нуля, так как во время катастроф несомненно теряется значительный багаж накопленных человечеством знаний, достижений, пропадает жизненный опыт. Но решаются проблемы с перенаселением, восстанавливается экология, энергоресурсы и т.д. Далее человечество развивается, достигает перенаселения, нарушает экологию, изобретает смертоносные виды вооружений, воюет, в процессе своей деятельности достигает нового рубежа, происходит катаклизм и затем - новый виток жизни, очищенный от многих изобретенных технологий, опыта, знаний.

В подтверждение правомочности выдвижения этой гипотезы можно сказать, что несмотря на накопленный массив знаний, ученые так и не смогли прийти к выводу о том, откуда образовалось бытие и человечество на планете Земля. Утверждается, например, что нашей Земле много миллионов лет.

Источники мы умышленно не приводим по той причине, что, во-первых, они все противоречивы, а во-вторых, тоже являются гипотезами. Если исходить из того, что Земля сформировалась за миллионы, если не десятки миллионов лет, в результате случайных воздействий сил природы и космоса, то возникает логичный вопрос о человеческом населении этой Земли? Вполне резонно предположить, что это население было и возможно было неоднократно.

Исходить из того, что мир создан Господом Богом наверное не вполне верно, поскольку на момент появления Иисуса Христа бытие на Земле очевидно уже имелось. Господь - Иисус Христос, если исходить из Православной веры, сильно изменил мир и бытие. Но мир и бытие на планете Земля уже несомненно существовали. И вполне возможно то, что пришествие и воскресение Христа как раз является одним из витков жизни человечества.

При этом ученые по-прежнему находят непонятные и неизвестные предметы, которые не в состоянии объяснить и даже назвать возраст. Есть специалисты, которые предполагают у обнаруженных ими предметов внеземное происхождение. Но может быть – это земные предметы из существовавших на Земле ранее, но уже уничтоженных цивилизаций?

И здесь важно задаться вопросом: кто уничтожал эти цивилизации? Нам приходит только один ответ: человек уничтожал себя сам.

Надо объективно признать, что человечество постоянно всю свою жизнь занимается уничтожением друг друга. В каждом столетии постоянно происходит как минимум две страшнейших войны, значительно сокращающие население планеты. Опыт убедительно показывает, что человечество, сформировавшееся в государства, не может долго созидать. Оно стремится к разрушению, убийству и самоликвидации. Братские народы России и Украины, вместе пережившие страшную Великую Отечественную войну и находившиеся длительное время в составе одного государства, в начале 2014 года стали выяснять отношения и убивать друг друга.

Суждение о том, что человечество становится или когда-то будет добрее, мудрее, умнее себя не оправдывает. Исторический опыт убедительно показывает, что человеку и человечеству помимо добродетелей свойственны зависть, алчность, агрессия. Вновь вспоминается великий русский мыслитель Л. Толстой, говоривший, что войн не будет тогда, когда в человека вместо крови заливают воду.

Увы, самоуничтожение есть свойство человечества. Почему не предположить, что таких самоликвидаций было несколько?

Суждения о том, что какой-либо из глобальных рисков человеческого существования реализуется, иногда встречаются в философской литературе. В.С. Степин писал, что по-видимому, в 3-м тысячелетии по христианскому летосчислению человечество должно осуществить радикальный поворот к каким-то новым формам цивилизованного прогресса. Некоторые философы и футурологи сравнивают современные процессы с изменениями, которые пережило человечество при переходе от каменного к железному веку. Эта точка зрения имеет глубокие основания, если учесть, что решения глобальных проблем предполагают коренную трансформацию ранее принятых стратегий человеческой жизнедеятельности. Необходимы пересмотр прежнего отношения к природе, идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира, выработка новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека.¹

Такая точка зрения более оптимистична чем наша, хотя тоже аккуратно указывает на неизбежность катаклизмов.

Завершая параграф отметим, что гипотезу катаклизмов и круговорота человеческой жизни на Земле мы выдвинули на обсуждение в 2015 году.² Эта

¹ Степин В.С. Философия науки. М., 2011. С. 104.

² Захарцев С.И. Глобальные проблемы человечества и гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 4-5. С. 9-23; Захарцев С.И., Сальников В.П. О гипотезе катаклизмов и круговорота жизни на Земле в контексте глобальных угроз человечеству // Мир политики и социологии. 2016. № 5. С. 174-183 и др.

гипотеза вызвала значительный интерес как в науке России, так и за рубежом, наши работы по ней переведены на английский, немецкий, китайский и другие языки, откуда поступили интересные и положительные отклики от широкого круга специалистов.

Повторим также и то, что нередко предлагаемый путь снятия нависших перед человечеством проблем с помощью возможностей права ошибочен или, по меньшей мере, не полон. Надо четко понимать, что право всего лишь одно из социальных явлений, сложное, противоречивое и вовсе не всемогущее.

§ 2. Убыстрение темпа жизни и опасность информационного пространства

Есть легенда, что в одном из православных монастырей уже столетия существует традиция: раз в год в Рождество ставить свечу, которая горит ровно один календарный год - день в день. Из года в год традиция соблюдалась, а свеча, изготовленная по неизменным веками способам, по-прежнему сгорала ровно за год. Однако последнее пятнадцатилетие свеча стала сгорать быстрее календарного года. Монахи обосновали этот факт так: человеческая жизнь стала идти значительно быстрее!

Но что значит: человеческая жизнь стала идти быстрее? ¹Ведь календарный год не меняется. В нем как и раньше 365 суток, а в сутках 24 часа. Время как физическая величина измеряется также как и прежде. Не изменился и процесс летоисчисления.

Монахи, как мы полагаем, имели в виду то, что значительно убыстрился темп жизни. Он стал не просто быстрее, а значительно быстрее того темпа, который установлен мирозданием для людей. Человечество стало быстрее жить.

Определение сущности темпа жизни относится к вопросам философии. Как понять: человек и человечество в целом стали жить быстрее? На этот вопрос напрашивается ответ: за жизнь каждого человека стало происходить больше событий, чем было раньше, а также человек стал получать значительно больше информации и знаний, чем было раньше.

Отчего так произошло?

Как мы уже писали в этой работе, это произошло благодаря:

- увеличению доступности информации;
- широкому распространению информации.
- развитию средств связи.

¹ Солидную философскую монографию по вопросу времени подготовила П.П. Гайденоко. См.: *Гайденоко П.П.* Время. Длительность. Вечность: проблема времени в европейской философии и науке. М., 2006.

- развитию средств перемещения.

Благодаря совокупности указанных причин произошла значительная экономия времени. Это время люди стали тратить на себя (свою работу, заботы, удовлетворение интересов или развлечения). То есть люди стали реально больше успевать, получать с меньшими затратами больше информации, значительно расширили географию своих перемещений. Отсюда можно сделать вывод, что сокращение временных затрат в сочетании с увеличением информированности являются одними из главных показателей увеличения темпа жизни. Эти показатели позволяют человеку в течение жизни гораздо больше успевать: увидеть, услышать познать, оценить и т.д.

Еще одним показателем, разумеется, является значительное увеличение образованности человека. Объем знаний любого (как высокообразованного, так и необразованного) человека стал заметно больше, чем у предыдущих поколений. Посмотрите, какими темпами в XX веке развивалась наука!

Образование и образованность заметно влияют на кругозор современного человека и широту его интересов.

Кроме того, образование и образованность определяют психическое отношение человека к происходящему, формируют его стремление к прогрессу и развитию.

Появившиеся технические возможности быстрого получения и передачи информации в основном служат для удовлетворения человеком жизненных потребностей, относящихся к его внутреннему миру. Посмотрите, сколько людей с помощью Интернета слушают музыку, читают книги, смотрят фильмы, объясняются в любви, получают именно духовные, а вовсе не технические знания. Иной вопрос, конечно, в качественной составляющей музыки, фильмов, книг и даже чувств. Но все равно, давайте признаем, что еще каких-нибудь сорок лет назад молодой человек не смог бы физически просмотреть столько фильмов и прослушать столько музыки, сколько сможет и реально слушает с помощью, например, Интернета. Количество,

разумеется, перерастет в качество, вкусы изменятся, а возможность получать дополнительные крупницы культуры и искусства останутся.

Таким образом, в общем виде темп жизни определяется изменением временных затрат человека в жизненных процессах в сочетании с изменением информированности человека, его образованности и психическим отношением к происходящему.

Темп жизни относится, конечно же, к философским понятиям. Ни одна наука не сможет более точно и полно охарактеризовать его, максимально наполнить названное понятие содержанием.

Разумеется, темп жизни неразрывно связан с таким понятием как время. Наверное, с нами согласятся и в том, что время является не только физической величиной, но и философским понятием. Причем как философская и физическая величина время недостаточно изучено. Оно гораздо глубже известных физических формул по определению времени через скорость, расстояние и т.п. Можно ли говорить о времени как о некоторой константе? Может ли оно начать двигаться медленнее или быстрее, причем не только по нашим возрастным ощущениям? Или когда мы говорим, что время стало идти быстрее, «начало лететь» и т.д. – мы имеем в виду только изменившийся темп нашей жизни?

Человек, как известно, не может управлять временем. Но может ли он управлять своим темпом жизни? Думается, очень частично. Человек, как социальное существо непроизвольно воспринимает окружающие его события и факторы, изменяющие темп жизни. Он не может быть вне них. Если, банально, оплату необходимых в жизни услуг и бытовых вопросов принимают через Интернет, то человек рано или поздно научится с ним работать. И поймет, что с помощью Интернета удобнее, быстрее, менее затратно по времени, а высвободившееся таким образом время можно потратить на другие дела. И другие дела опять же «подскажет» Интернет, а человек непроизвольно воспримет находящуюся там информацию, будет

находиться в информационном круговороте и станет получать всевозможные сведения о событиях в мире и обществе.

Событий из различных сфер бытия, с которыми через Интернет и средства массовой информации будет ознакомлен человек, станет много. И многие из них (будь то войны, катастрофы, заболевания или, напротив, открытия, новые музыкальные произведения, книги, фильмы и т.д.) обязательно и ежедневно будут оцениваться человеком.

Мобильные средства связи и Интернет сейчас активно используют даже люди, стремящиеся к уединению, в том числе монахи. Они по электронным средствам связи общаются между собой, делятся наблюдениями и также невольно вовлечены в калейдоскоп событий.

Надо признать, что человек - информационное существо и стремление к новой информации, новым знаниям есть свойства его психической деятельности.¹

И здесь обратим внимание на то, что с человека, естественно, по-другому стали спрашивать. Начальники, организации, общество, государство ориентируются на то, что конкретный человек может сейчас, а не даже сто лет назад. Государство и общество требуют, чтобы человек был более образован, подталкивают к тому, чтобы человек больше успевал.

В этой связи интересен вопрос: а как влияет и влияет ли на темп человеческой жизни право? Приведенные выше примеры убедительно показывают, что правовые нормы могут оказывать значительное влияние на темп жизни. Так, правовой статус военнослужащего во многом определяет темп его жизни. Или врачи дают клятву Гиппократова об обязательном оказании помощи больным, а нарушение этой клятвы влечет уголовную ответственность. Рабочий день сотрудника уголовного розыска ненормирован потому, что он зависит от внезапности и частоты совершения преступлений – а выезжать на место совершения преступления он обязан.

¹ Захарцев С. И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. 2015. № 8. С. 11-19 и др.

Право может регулировать темп жизни и в совершенно безобидных случаях. Так, в России (в отличие от достаточно большого количества стран) допускается получения среднего и высшего образования экстерном, то есть быстрее, чем бы это произошло в обычном процессе получения образования. Иногда в профессиях допускается в виде исключения сокращенные курсы. И здесь можно усмотреть зависимость темпа жизни от права.

Вместе с тем, данные примеры могут свидетельствовать и об обратном. Именно высокий (убыстренный) темп человеческой жизни заставляет принимать правовые нормы по его дальнейшему ускорению, в частности по более быстрому получению образования, специальности.

Поэтому темп человеческой жизни и право можно признать в определенной степени взаимозависимыми.

Здесь важно отметить, что к XXI веку темп жизни изменился, разумеется, не только у законопослушных людей, но и у преступников. Средства связи стали позволять быстрее планировать преступления, расширить границы преступной деятельности, рынки сбыта нажитого преступным путем имущества и т.д. Это опять же побуждает издание правовых, в том числе международно-правовых актов в сфере борьбы с преступностью, защиты от терроризма и др.

Эти размышления заставляют задуматься над тем, что наблюдаемое убыстрение темпа человеческой жизни в определенной степени убыстряет и развитие государств. Государство вынуждено реагировать на такие убыстрения не только правовыми нормами, что уже было сказано. Убыстрение темпа заставляет государство увеличить затраты на образование, медицину, транспортные услуги, средства связи и пр. То есть, темп жизни в определенной степени определяет темп развития государства. В свою очередь, и темп развития государства также в достаточной степени определяет быстроту темпа жизни его граждан. Иными словами, опять взаимовязанность и взаимозависимость.

И здесь мы подходим к важному философскому вопросу: что дает человеку убыстрение темпа жизни? Каковы плюсы и минусы этого процесса? Наконец, полезно или вредно увеличение темпа жизни для здоровья: как физического, так и для психического?

В данном параграфе мы рассмотрим обратную сторону убыстрения темпа жизни – опасности информационного пространства и бесконтрольного распространения информации.

Далеко не все люди представляют себе масштаба этой проблемы, не могут в полной мере оценить возникающие для них риски, связанные с неприкосновенностью личной жизни, свободой, физическим и психическим здоровьем.

Мы в данном случае говорим не о запрограммированности общества. Это отдельный вопрос. Мы предупреждаем об опасности, связанной с бесконтрольностью распространения информации. Информационная безопасность является одной из серьезнейших проблем, стоящих перед человечеством и человеком в XXI веке. Ее разрешение, несомненно, будет связано с правом, должным правовым регулированием. Здесь хотим отметить работы Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногора по вопросам информационного регулирования и информационной безопасности.¹

Большинство людей обычно мало задумываются над тем, где хранится информация о них, кто ей пользуется и как охраняет. Типичный ответ, который можно услышать в ходе опросов: «Наверное, информация обо мне хранится в полиции». Но как раз там ее хранится меньше всего. Органы полиции, как и все субъекты оперативно-розыскной деятельности, в основном накапливают информацию о лицах, судимых либо представляющих оперативный интерес. Законопослушные граждане их интересуют значительно меньше.

¹ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С.85-102; Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5-16 и др.

Вместе с тем, на каждого человека в разных государственных и частных организациях накапливается гигантский массив информации. Причем, информации в электронном виде, которая, как все понимают, мало подконтрольна и слабо защищена от массового распространения.

Рассмотрим основные места накопления сведений о человеке.

На самом деле информация о каждом человеке начинает накапливаться еще до рождения. В роддоме, на каждую беременную женщину в обязательном порядке заводят обменную карту. Указанная карта – это специальная медицинская форма учета, которая предназначена для контроля за течением беременности. Первый лист содержит в себе персональные биографические данные будущей роженицы, в том числе данные об обследованиях, заболеваниях, вредных привычках и отклонениях от нормы (в том числе алкоголизм, наркомания, психическое заболевание и т.п.).

После рождения ребенка в роддоме в обменную карту вносят информацию о состоянии новорожденного. В том числе указываются: особенности протекания родов и их последствий для ребенка, физиологические параметры (рост, вес) в их динамике, данные о способе вскармливания, сделанных в роддоме прививках, информация о врожденных заболеваниях, отклонениях от норм, уродствах и болезнях, которыми переболел новорожденный в родильном отделении, диагноз перенесенных заболеваний и лечение, информация об индивидуальных особенностях родившегося ребенка, дефектах опорно-двигательного аппарата, врожденных уродствах, аномалиях и т.д., присущие только этому ребенку.

Указанная информация концентрируется в бумажном виде в архивах лечебных учреждений, где защита персональных данных существует, мягко говоря, условно, а также на компьютерах врачей и базах медицинских учреждений.

Нам известно немало случаев, когда врачи, переходя на новое место работы, автоматически копировали данные о своих пациентках и родившихся малышах на съемные носители информации. Где они теперь? Из

любопытства можно почитать переписку некоторых врачей в Интернете. Иногда там подробно и цинично обсуждаются как роженицы, так и младенцы. Причем обсуждаются с профессиональными деталями, то есть медицинские документы то что называется «под рукой».

Далее в отношении любого человека следует несколько этапов, где фиксируются о нем и его родителях сведения, причем полные:

- регистрация факта рождения человека (в ЗАГСе);
- регистрация ребенка по месту жительства;
- оформление полиса обязательного медицинского страхования;
- оформление гражданства;
- постановка на учет в детскую районную поликлинику;
- оформление в детские дошкольные учреждения (ясли, детские сады).
- оформление в общеобразовательные средние учебные заведения.

В каждом из этих органов имеются подробные базы данных, которые ведутся в электронном виде. Доступ к ним, как правило, имеет весь персонал. Они же имеют и возможность копирования сведений.

Далее у человека начинается этап взрослой жизни. И на каждом ее отрезке в электронном и бумажном виде он десятки раз заполняет все сведения о себе, своих близких (как родителях, так и детях, жене), здоровье, имущественном и социальном положении, месте жительства своем и близких, собственности и т.д., и т.п. Подобные сведения хранятся во многих учреждениях:

- налоговые органы;
- места выдачи общероссийского паспорта и места регистрации;
- военные комиссариаты;
- органы росреестра;
- учеты ГИБДД;
- органы ЗАГСа;
- и т.д.

Каждое из этих учреждений располагает полными и подробными сведениями о человеке. Эти сведения опять же хранятся в электронном виде. И хотя они, несомненно, защищаются лучше, чем в медицинских учреждениях, но все равно попадают в открытый доступ. Мы, например, лично видели базы всех названных структур (!) в продаже на рынках Москвы.

Кроме этих учетов, имеются базы данных в организациях, без которых человек точно не обойдется:

- учебных заведений (училищ, институтов, академий, университетов);
- медицинских учреждений (поликлиник, больниц, диспансеров).

Сюда же относятся базы авиакомпаний, железнодорожных и морских компаний. Они тоже встречаются в продаже. В таких базах, помимо паспортных данных, хранятся сведения о том, когда, куда, на каком рейсе и в какое время человек выезжал и, соответственно, приезжал. То есть, факт поездки, скрываемой человеком в силу каких-то причин, легко установить.

Если человек был вовлечен в орбиту бизнеса, пусть даже небольшого, то количество информации о нем значительно больше. Сейчас созданы несколько огромных баз данных для поиска юридических лиц, их учредителей и руководителей, оценки благонадежности их бизнеса.

Например, специализированные информационные базы данных («Кронос», «Спарк», «Интегрум» и т.п.) содержат постоянно пополняемые сведения о юридических и физических лицах, их регистрационных и учетных данных, местах регистрации, уставном капитале, дате образования, владельцах и акционерах, исполнительных директорах. Помимо того, там имеются сведения об аффилированных с ними лицах (физических и юридических), о балансе компании, ее отчетах и финансовом положении, наличии рисков и т.д. Помимо этого, на сайте ФНС «Egrul.nalog.ru», можно получить актуальные сведения из ЕГРЮЛ о любом юридическом лице. А сайт «Service.nalog.ru» дает возможность проверить, не подавались ли документы в налоговый орган для внесения изменений в учредительные

документы какой-либо организации и в сведения о юридическом лице, в том числе связанных со сменой состава участников, адреса (места нахождения), изменением сведений о руководителе.

Есть и несколько других сайтов, предоставляющих подобную информацию. Например, «Финразведка.ру» представляет исследование деятельности и экономического состояния компаний - конкурентов, партнеров поставщиков, клиентов путем анализа их финансовой документации. Информационное агентство «valaam-info.ru» содержит информацию о юридических и физических лицах. База данных «Центральный каталог кредитных историй» содержит сведения об исполнении субъектом кредитной истории (заемщиком) принятых на себя обязательств по договорам займа (кредита) и пр.

Однако это далеко не все. Человек не задумываясь оставляет сведения о себе не только по мере необходимости (в государственных учреждениях или для бизнеса). Он оставляет эти сведения всюду, даже в сфере услуг. Сейчас распространено, что крупные магазины имеют базы своих клиентов, где фиксируют полностью и фамилию-имя-отчество, и адрес проживания, и состав семьи, и средства связи (номера мобильного и домашнего телефонов, адрес электронной почты). Такие же базы имеют сервисы доставки, массажные кабинеты, бассейны, кредитные учреждения, страховые компании и пр. В каждом из них находится достаточно подробная база данных, сведения в которой хранятся далеко не всегда надежно.

Свои базы данных имеют и средства массовой информации (телевидение, радио, газеты). Их базы, конечно, избирательны. Они не касаются широких слоев населения. Как правило, они содержат сведения только об известных или интересных изданиям людях. Если это политическое СМИ - то там собирается информация на политиков, в том числе компрометирующие их материалы. Если бизнес-журнал – то объектами журналистов становятся бизнесмены и их семьи и т.д. Журналисты не редко проводят свои собственные расследования, выносят собранный материал, в

том числе касающийся интимных вопросов, на обсуждение общества, а иногда и хранят собранное «до лучших времен». Впрочем, «жертвами» таких расследований могут стать и обычные люди.

Особого внимания заслуживает Интернет. Интернет по своей сути – и огромная база данных, и средство массовой информации. Во-первых, в нем можно найти многие из перечисленных информационных баз и сведений. Во-вторых, информация о человеке, в том числе сугубо личная, может активно обсуждаться и распространяться на форумах и в социальных сетях. Причем без ведома этого человека. Там же могут быть опубликованы фотографии, в том числе компрометирующие или порочащие человека. Про личные фотографии скажем еще несколько слов. Почему-то многие люди считают, что пересланная по электронной почте фотография не может попасть в чужие руки. На самом деле это, конечно, не так. Но удалить свою фотографию из Интернета уже практически невозможно. Напротив, существует целая группа специалистов, занимающихся поиском интимных фотографий, и затем широко публикующих их на различных сайтах.

В мире в целом и России в частности, процесс дальнейшей информатизации продолжается. Так, активно вводятся единые платежные электронные документы, единые электронный идентифицирующий документ, личный код и т.д.

В Китае при переводе наших книжек и статей обратили внимание, что у них цель постепенно отменить многие документы и завести всю информацию о человеке в мобильный телефон, который будет и официальным паспортом, и водительским удостоверением, и платежным документом, и медицинской книжкой, и студенческим (или ученическим) билетом, и проездным документом и т.д., и т.п. Серьезные шаги по движению в таком направлении сделаны и в других странах.

То есть, процесс получения полных сведений о человеке будет еще более улучшен и упрощен. С одной стороны, так, возможно, удобнее. Но есть и другая сторона. Она связана как с запрограммированностью общества и

удобством контроля за человеком, так и с беззащитностью человека от информации.

При этом сейчас не составляет труда как получить необходимую информацию, так и распространить ее через Интернет.

Однако надо понимать, что есть право на личную и семейную тайны, охрану доброго имени. Уже сейчас в обществе циркулирует огромный электронный массив данных и он не поддается контролю. Несмотря на заверения организаций о сохранении личных сведений в тайне, рынки постоянно пополняются свежими базами данных.

Подобная ситуация уже давно вредит человеку, его правам и свободам, что подтверждается многими примерами. В частности, совершено немало преступлений, когда преступники, имея в руках точные установочные данные других лиц, оформили на последних долговые обязательства. Другие преступники, узнав из информационных баз магазинов о богатых клиентах, совершили у них хищения. Распространены и случаи хулиганства, некоторые из которых закончились трагически. Так, взятую из социальной сети фотографию девушки незадолго до свадьбы разместили среди фотографий проституток на порносайте. Свадьба не состоялась. А опозоренная соседями мать девушки покончила жизнь самоубийством. Случаев использования личных данных человека в противоправных и аморальных делах много.

Кто может дать гарантии того, что каждый из нас не столкнется с подобного рода преступными действиями или глупыми шутками? Таких гарантий нет. Равно как нет и четкого правового регулирования информационного пространства. А защиты личных данных фактически нет совсем. Изложенное требует от юристов серьезнейшего осмысления происходящего и выработки конкретных правовых мер.

Как уже отмечалось, отход от наличных денежных средств, рекомендации использовать безналичные электронные средства (скажем, пластиковые банковские карты) приводят к тотальному контролю за человеком, его платежами, покупками, личной жизнью. Более того, это дает

возможность управлять тратами человека (например, при необходимости заблокировать платежи, списать без согласия человека сумму на какой-нибудь штраф и т.д.). Не все люди пока не понимают, что с полным введением этих систем они станут полностью подконтрольными и зависимыми. При этом имеющегося сейчас правового регулирования явно не достаточно.

Другой проблемой стал стремительно развивающийся массовый контроль за перемещениями людей.

Сегодня в крупных городах камеры слежения установлены почти всюду, где только возможно. Они имеются на магистралях и перекрестках, площадях и скверах, вокзалах и ресторанах, гостиницах и уборных, школах и детских садах, в частных офисах и государственных учреждениях, супермаркетах и маленьких магазинах, наземном транспорте и метро и т.д., и т.п. Одним словом - везде.

В Интернете мелькала цифра, что за один день среднестатистический москвич, двигаясь на работу и назад, попадает в поле зрения видеокамер 30-50 раз! В 2014 году мы проверили это на собственном примере и убедились, что данные не врут. Но проведя аналогичные исследования в 2020 году мы пришли к выводу, что среднестатистический москвич, отправляющийся на работу и назад ежедневно попадает в поле зрения 70-80 видеокамер. А если учитывать, сколько раз человек попадает в поле зрения офисных видеорегистраторов на работе, то это число будет еще больше.

Многое из изложенного может дать положительный эффект. Например, система видеоконтроля обстановки на дороге может позволить объективно узнать, кто был виновен в ДТП. Или видеокамера может зафиксировать грубость социальных работников клиентам.

Однако возникает и много вопросов. Так, где хранятся эти видеозаписи и кто имеет к ним доступ? Жизненный опыт показывает, что доступ к ним имеют многие. Более того, спустя незначительное время кадры со скрытых камер размещаются в Интернете на всеобщее обозрение. Сейчас от этого не

застрахован ни один житель. И неловкое падение человека (могущее со стороны кому-то показаться смешным), нефотогеничное лицо, конфликт с прохожим, ссора с близкими может в момент оказаться достоянием всех. Еще более неприятно, если видеокамеру установят в уборной и опубликуют увиденное. Ничего нового там, разумеется, не увидят, но несомненно, запечатленному человеку будет неприятно.

Сейчас появилось достаточно много людей, нашедших себе занятие в видеоохоте за известными людьми, собирание и тиражирование в Интернете про них любых неприятных моментов жизни: нарушений правил дорожного движения, скандалов, неловкостей в поведении, ошибочных высказываний. С такими людьми столкнулся ректор МГУ академик РАН В.А. Садовничий, который, оговорившись, неправильно сосчитал проценты во время выступления в аудитории. Запись выступления В.А. Садовниченко зафиксировала висящая в аудитории видеокамера (уж не знаем, для чего она там находилась). Но уже к вечеру фрагмент с оговоркой академика был опубликован в Интернете, а затем растиражирован. Причем, естественно, только фрагмент с оговоркой, а не выступление этого известного ученого целиком. На следующий день весь Интернет был в копиях этого фрагмента. А кто-то уже внес факт оговорки уважаемого ученого в Википедию.

Имеется и другая опасность. Как все понимают, к любым записям с видеокамер всегда тянется криминал. Подсмотренное всегда можно использовать для шантажа, тайной слежки за человеком для совершения нападения и т.д.

Заверения о том, что подобные записи не станут достоянием посторонних, не соответствуют истине. Они уже появились и будут появляться на «черных рынках», как там давно имеются конфиденциальные базы данных, учеты МВД и таможни. Кроме того, на «черном рынке» будет и тайная переписка. Это касается абсолютно всех людей, включая и руководителей страны. Вспомните скандал, случившийся в конце 2020 года, когда выяснилось что сотрудники ГИБДД, ответственные за сопровождение

первых лиц государства, переписывались по мобильным телефонам о том, кто кого куда возил. Оглашение подобной переписки с указанием маршрутов движения может повлечь реальную опасность для руководителей.

Опять же надо понимать, что если родители купят записи, где будет запечатлено поведение ее дочери, это одно. Но если купят киллеры или грабители для отслеживания жертвы – это уже другое.

Но главное, действительно ли необходимо устанавливать камеры на каждом шагу? Хорошо ли то, что человек всегда находится под наблюдением? Должна ли быть у человека личная жизнь, личные дела и личные тайны?

Человечество так долго боролось за свои права и свободы, чтобы сейчас все это поставить под сомнение?

Сейчас уже не является секретом то, что мобильный телефон позволяет не только быстро дозвониться до вас в любой точке, но и установить ваше местоположение. Операторами связи уже официально предлагаются услуги по определению, например, места положения ребенка или супруга с помощью его мобильного телефона. Мобильный телефон по своей сущности является передатчиком, своеобразным вашим маяком и поэтому в какой-то степени вашим ошейником. Сведения о перемещениях владельца телефона хранятся только у операторов связи, но почему-то все равно просачиваются на рынок и становятся широко доступными. Фактически с широким использованием мобильных телефонов люди потеряли право на тайну перемещений и частично тайну на личную жизнь.

Здесь надо упомянуть и о прослушивании телефонных переговоров. Как все знают, тайна телефонных переговоров – одно из важнейших естественных прав человека, охраняемое государством. В Российской Федерации это право закреплено в статье 23 Конституции Российской Федерации. Напомним, что телефонные переговоры можно прослушать на основании Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», с обязательным соблюдением указанных там оснований и условий для

проведения этого мероприятия. Право прослушивать телефонные переговоры предоставлено только органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Нарушение тайны телефонных переговоров влечет установленную законом ответственность.

Однако раньше технические средства, способные прослушивать телефоны, были строго учтены. Сейчас развитие технических средств и недостаточная правовая регламентация повлекли то, что рынок прослушивающей и записывающей техники в России стал почти бесконтрольным. Появилось много людей, рекламирующих оказание подобных услуг. А люди перестали удивляться фактам появления в Интернете записей личных переговоров. Профессионалы, конечно, возразят, что прослушивать телефоны – не дешевое удовольствие, требующее к тому же и финансовых, и временных затрат. Прослушивать телефон будут только в случае, если разговоры человека представляют или могут представлять какой-либо интерес. Но это слабое утешение для тех, кому пришлось с этим столкнуться. А главное, опять же любой человек фактически может оказаться беззащитным от произвола.

Кроме того, современная информационная техника предоставляет широкие возможности для монтажа записей и их фальсификации. Конечно, экспертиза в большинстве случаев может отличить оригинал записи от подделки. Однако это произойдет уже после того, как человека публично дискредитируют.

То же касается и личной переписки. Тайна переписки и сообщений в Российской Федерации признается естественным правом человека, охраняется Конституцией и другим законодательством. Но на практике личная переписка в компьютерах и Интернете может быть легко взломана хакерами. И на рынках продается множество программ, позволяющих вскрывать и прочитывать сообщения в Интернете.

В целом, ситуация с тотальным контролем за человеком характерна не только для России, но и для всего мира. Как в середине XX века человечество

наделало столько атомных бомб, что теперь не знает, что с ними делать, так и сейчас изготовлено столько видеокамер и регистраторов, что люди сами от этого начали страдать.

Наверное, в большинстве семей сейчас стоят современные цифровые телевизоры и компьютерные мониторы. В них обычно вмонтирована видеокамера, используемая, например, для совершения видеовызовов. Однако абсолютное большинство людей совершенно не задумываются, что уже существуют хакерские программы, позволяющие эти видеокамеры тайно активировать и с их помощью начать видеонаблюдение за квартирой. Иными словами, вы думаете, что смотрите телевизор, а на самом деле телевизор смотрит (следит) за вами. Кто и как распорядится полученными сведениями о вашей личной жизни?

Следующей важнейшей проблемой, связанной с электроникой и информационным пространством стало здоровье!

Сейчас мы все напичканы электронной техникой. Электроника находится у нас дома и на работе, люди компьютеризированы и носят с собой как минимум по одному мобильному телефону. Однако пока не проведено честных исследований того, насколько эта электронная техника вредна для здоровья. Мы можем повторить, что мобильный телефон – это передатчик. О том, что постоянно носить передатчик не полезно для здоровья догадываются многие. Тем более, долго разговаривать по нему.

В России еще не выросло поколение, которое постоянно пользовалось мобильными телефонами и другими электронными средствами связи. Пока врачи, наверное, не могут объективно оценить имеющийся вред здоровью. Остается надеяться, что он будет минимальным.

Кроме физического здоровья, информационное пространство значительно воздействует и на психику человека.

Такое воздействие можно классифицировать на несколько направлений. Наиболее распространенными являются:

1. Воздействие на политической основе. Оно осуществляется в ходе периодически проводящихся в России выборов в различные органы власти, а также при формировании отношения к политикам, общественным деятелям. Понятно, что такое воздействие бывает направлено как на позитив, так и на негатив, незаслуженное очернение человека.

2. Воздействие на экономической основе. Имеются в виду постоянно давящие на сознание объявления о скидках, распродажах, улучшениях, льготах и пр. Все эти скидки и улучшения хорошо просчитаны экономически и приносят продавцам реальную прибыль. И нередко вслед за как бы скидками следует желание реализовать залежалый (и в общем-то не очень нужный) товар, но с прибылью. Информационное пространство оказывает воздействие на людей и провоцирует их к приобретению не особенно нужных предметов, вещей.

3. Воздействие на религиозной основе. Помимо мировых религий, которые следует уважать, сознание и мышление человека обрабатывается десятками различных сект, всяких пророческих движений и т.д. На финансирование этих религиозных организаций затрачиваются большие средства, существуют и реализуются программы по втягиванию в сектантство молодежь и т.д.

4. Воздействие на аморальной основе. Человек устроен так, что в нем пропорционально сочетаются как моральное, так и безнравственное (животное) начала. Средства массовой информации с откровенно аморальными передачами, безнравственными сюжетами, провоцирующими насилие и жестокость, увы, имеют большие рейтинги. Интернет – любимая игрушка подростков – заполнен сюжетами с порнографией, убийствами, хулиганством, драками и пр. В сумме: у многих людей соблазн подобных зрелищ побеждает разумность и побуждает желание хотя бы раз попробовать, поучаствовать. В особенно такое воздействие сильно влияет на молодых людей, подростков.

5. Воздействие на расовой и националистической основе. Казалось бы в России – стране победившей фашизм, - нацистов быть не должно. Однако этот вопрос есть. И в России в последнее время он стоит достаточно остро. Чему свидетельствуют войны в Чечне, сепаратизм Кавказских республик, многочисленные националистические движения.

С учетом распространения средств информации человек уже не может спрятаться от этих видов психологического насилия. В любой точке города его настигнет реклама, предвыборный слоган, националистический призыв, предложение вступить в партию или секту и пр. Указанные призывы и предложения редко несут положительные эмоции. Отсюда у человека накапливается агрессия, требующая выплескивания. Негативная энергия выплескивается на семью, коллег по работе и просто на прохожих.

При этом надо понимать, что рекламу (как социальную, так и политическую), а также другие предложения и призывы готовят профессионалы. Они хорошо знают психологию человека и толпы, на основе чего активно применяют изобретенные человечеством информационные технологии влияния на общественное сознание. Сами технологии, собственно, изобретены достаточно давно. Просто сейчас, с учетом развития информационного пространства, они становятся более эффективными.

Исследований того, насколько опасны подобные воздействия для психического здоровья человека, проводится, на наш взгляд, явно не достаточно.

Кроме того, надо знать и понимать, что чрезмерное воздействия на сознание всегда влечет социальный взрыв. Нужно ли нашему обществу очередное потрясение? Насколько губительно оно отразится на каждом из нас и России в целом?

Добавим, что сейчас активно идут работы по созданию искусственного интеллекта. Эти работы тоже не поставлены под жесткий правовой контроль. Роботы с искусственным интеллектом разве не смогут использовать его в

преступных целях? Где правовые механизмы защиты от таких экспериментов? Ответов нет.

В заключение повторим, что темп человеческой жизни в XXI веке заметно увеличился даже по отношению к XX веку. Увеличился и темп развития государств. Значительно изменились средства связи и средства перемещения, а также способы доставки и распространения информации. Однако бесконтрольность распространения информации, информационная безопасность является одной из серьезнейших проблем, стоящих перед человечеством и человеком в XXI веке.

§ 3. Биомедицинские эксперименты над человеком

Во второй половине XX века в результате свершенных открытий получила бурное развитие биомедицина. Этот всем очевидный процесс продолжается по сей день.

Появились работы и конкретные результаты по:

- искусственной репродукции человека;
- трансплантации человеческих органов;
- замене генетического кода;
- манипуляции с психикой;
- клонированию человека;
- обновлению внутренних органов человека с помощью стволовых клеток;
- другие достижения.

Казалось бы, такой процесс надо только приветствовать. Однако на самом деле это не совсем так, поскольку до сих пор не учтены и не просчитаны последствия подобных биомедицинских действий.

Право к названным процессам в биомедицине тоже оказалось не готово. Оно явно должным образом не регулирует как сами процессы в целом, так и последствия отдельных операций с конкретными людьми.

Вместе с тем, как обратил внимание Б. Юдин, современная биомедицина расширяет технологические возможности контроля и вмешательства в естественные проблемы зарождения, протекания и завершения человеческой жизни. Различные методы искусственной репродукции человека, замены пораженных органов и тканей, замещение поврежденных генов, активное воздействие на процессы старения приводит к тому, что во всех подобных случаях возникают пограничные ситуации, когда последствия достижений научно-технического прогресса непрогнозируемы. Вместе с тем возникает реальная опасность разрушения исходной биогенетической основы, угроза

человеческому естеству, его физическому и психическому здоровью¹... Например, генная инженерия за весьма непродолжительный период оказалась авангардом научно-экспериментальных исследований мира живого. Сейчас она предоставляет возможность вмешиваться в генетический код человека и изменять его, что считается позитивным при лечении ряда наследственных болезней. Однако возникает соблазн планомерного совершенствования человеческой природы с целью все большей его адаптации к нагрузкам современной искусственно созданной техносферы. Опасность состоит в том, что организмы, участвующие в генетических экспериментах, могут обмениваться генетической информацией с прочими особями, и результаты подобных взаимодействий могут привести к неконтролируемым мутациям. Многие эксперименты в сфере геной инженерии свидетельствуют о непрогнозируемости ее ближайших и отдаленных последствий².

Задумавшись, что может произойти в результате мутаций и получим ответ: все что угодно. Включая то, что полученные таким образом человеческие организмы могут лишиться возможности к воспроизводству потомства нормальным естественным путем. Или в результате мутаций выведется неизлечимая болезнь и т.д.

Здесь сразу подчеркнем, что мы вовсе не против развития науки. То, что медицина научится лечить наследственные болезни – великолепно. Однако все исследования над человеком и человечеством, по нашему убеждению, должны находиться в строгих правовых рамках. То есть должны быть четко предусмотрены условия проведения подобных экспериментов, порядок наблюдения за людьми с искусственно измененным геном кодом, организации, отвечающие за это и т.д., и т.п. То же касается и экспериментов со стволовыми клетками. Без глубоких исследований подобные процедуры нельзя распространять.

¹ Цит. по: *Леишкевич Т.Г.* Философия науки. М., 2005. С. 204.

² Там же: С. 205.

Наличие правовых рамок важно и в глобальном смысле, имея в виду возможные последствия для человечества в целом, и в частных случаях – для защиты конкретных людей, которые могут пострадать и страдают в результате экспериментов и мошеннических действий со стороны врачей.

Приведем пример, который, думаем, не является уникальным в наши дни, рассказанный нам одним из ведущих врачей - специалистов по экстракорпоральному оплодотворению (так называемому ЭКО)¹. Как известно, в России хватает семейных пар, у которых не получается самостоятельно завести детей. Такие пары обращаются в клиники для зачатия искусственным путем. По утверждению указанного специалиста врачи еще до всех необходимых манипуляций, как правило, в состоянии определить тех, у кого точно детей не будет. Пациенту вместе с тем, об это не сообщается и предлагается попробовать. Почему? Да потому, что ЭКО-процедура очень дорого стоит и является отличным заработком как для клиники в целом, так и для врачей в частности. Когда первая ЭКО-процедура, как и ожидается, результатов не даст, предлагается сделать вторую, третью попытки и т.д. Несчастные люди, желающие иметь детей, продают машины, квартиры, берут кредиты, залезают в долги, чтобы окупить ЭКО, не зная, что все эти попытки бесплодны. В результате на чужой беде зарабатываются большие деньги.

Применяются схемы заработка на ЭКО и в отношении людей, могущих произвести ребенка. Там врачи искусственно «портят» первую попытку и предлагают провести вторую-третью, с которой уже все получается. Первая попытка, искусственно испорченная, фактически является чистым заработком. Кроме того, получение ребенка со второй-третьей попытки опять же является косвенным алиби перед теми, кто не может иметь детей даже с помощью ЭКО. При этом врачи сразу предупреждают, что с первого раза ребенок получается не всегда. Определить, так получилось объективно либо по умыслу врачей можно далеко не всегда. Мы, ради эксперимента, опросили

¹ По этическим причинам имя человека не называем.

300 женщин, родивших детей с помощью ЭКО. 288 из них удалось получить забеременеть и родить ребенка только со второй-третьей попытки! И надо понимать, что роженицы искренне безмерно рады результатом – рождению ребенка! Поэтому даже если они поймут, что их могли обмануть, то жаловаться они не пойдут.

Все специалисты знают, что преступления в области медицины являются самыми труднодоказуемыми. Во-первых, для доказывания требуется отличное медицинское образование, которого явно нет у следователей, прокуроров, оперативников. Во-вторых, врачи почти всегда могут сослаться на уникальность и непредсказуемость отдельно взятого человеческого организма. В-третьих, медицинское сообщество очень корпоративно и практически всегда защищает врачей, совершивших медицинское преступление, даже повлекшее инвалидность или смерть. Формы защиты стандартные: врач все делал правильно, в соответствии с медицинскими протоколами, по показаниям и т.д.

Сейчас технологии экстракорпорального оплодотворения получили поддержку со стороны руководства страны, а регионам выделены оплаченные государством квоты на проведение соответствующих операций. Это несомненно вызовет всплеск мошенничества со стороны недобросовестного медперсонала. Схема проста: у пациентки берут деньги на процедуры, одновременно, в тайне от нее, оформляя оплату операции по «квоте», то есть за счет бюджета. А наличные, вырученные в результате двойной оплаты, распределяются между врачами.

Надо помнить и то, что еще не выросли поколения людей, зачатых искусственным образом (с помощью ЭКО или суррогатной матери). Сейчас нельзя точно сказать, какое здоровье будет у таких людей, какой иммунитет, какие способности. Будем надеяться, что все будет хорошо.

При этом надо понимать, что технологии и возможности иметь детей искусственным путем уже опередили науку и здравый смысл. Даже если в дальнейшем выяснится, что рождение детей подобным образом опасно для

человечества, остановить этот процесс будет едва ли возможно, поскольку он, во-первых, поставлен на широкую коммерческую основу, во-вторых, уже имеется много специалистов по искусственному оплодотворению и суррогатному материнству, а в-третьих, на подобные процедуры есть спрос, который, по крайней мере в России постоянно растет. Иначе говоря, например, на ЭКО зарабатываются большие деньги, а профессия врача по названной специализации очень престижна. В свою очередь, люди, не имеющие детей, конечно не остановятся перед возможностью их родить, даже понимая возможные негативные последствия. И их тоже можно понять.

С суррогатным материнством появляются новые, неизвестные ранее, этико-юридические вопросы. Например, как пишут В.П. Сальников, О.Э. Старовойтова, А.Е. Никитина и Э.В. Кузнецов, суррогатное материнство разрушает традиционные представления о социальных ролях матери, отца, сына, дочери и т.д. Не понятным является юридическое соотношение биологической матери (вынашивающей) и генетической (донора яйцеклетки). Это в полной мере относится к искусственной инсеминации спермой донора. Этими технологиями ставится под сомнение вековой принцип ответственности родителей за своих детей, значимость семьи в жизни отдельного человека и всего человеческого общества. Острые споры вызывает возможность законодательного разрешения коммерческого суррогатного материнства. В данном случае, сложные моральные проблемы возникнут в случае рождения ребенка «по заказу» «ненадлежащего качества», то есть больного или нежелательного пола.¹

Кроме того, не урегулирована ситуация, когда ребенок становится невостребованным ни биологической матерью, ни генетическими родителями.

Поэтому, задумывается И.Х. Бабаджанов, не высока ли цена решения проблемы супружеской пары, когда заложником возможного конфликта

¹ См.: Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии / Под ред. В.П. Сальникова. СПб, 2003. С. 28-33.

станет ни в чем не повинный ребенок? Он станет не только никому не нужным, но и изгоем матери, которая его родила и родителям, которые от него отказались. Ребенок – это не животное, выведенное специальным путем и не жертва биологического эксперимента¹.

Опыты по искусственному продлению человеческой жизни тоже таят много опасностей как чисто этических, так и правовых. Это, например, (в случае успеха опытов) явное перенаселение планеты с вытекающими отсюда экологическими и экономическими катастрофами – людям надо что-то есть, пить, чем-то дышать и т.д. Экологические изменения в свою очередь рожают мутации как среди людей, так и среди животных с опять же непрогнозируемыми последствиями.

Значительных успехов за последнее время добилась медицина в трансплантации человеческих органов, замене поврежденных органов и тканей². К сожалению медицинские достижения в этом сегменте вновь значительно опередили их правовое регулирование. Пока рождались соответствующие правовые нормы, экономика, следуя потребностям, быстро сформировала «черный» рынок человеческих органов. Естественно, такой рынок по определению является криминальным. Он криминален как с точки зрения его «курирования» преступными лидерами³, так и с точки зрения получения, транспортировки и доставки необходимых органов. Достаточно сказать о том, что в мире в настоящее время имеются десятки преступных группировок, занимающихся поставкой человеческих органов. Такие группировки особенно распространены в странах с плохой экономической обстановкой. Какими способами «добываются» сердца, почки, печень

¹ Бабаджанов И.К. Суррогатное материнство: некоторые вопросы правового регулирования // Мир политики и социологии. 2012, № 10. С. 107.

² В России основоположником трансплантологии считается известный хирург Н.И. Пирогов. В 1835 году Н.И. Пирогов в Санкт-Петербурге впервые в России подготовил и прочитал лекцию: «О пластических операциях вообще, и о рикопластике в особенности». В лекции, основываясь на собственном опыте он обосновал проблему трансплантации и высказал идеи о ее дальнейшем развитии. См.: Мирский М.Б. История отечественной трансплантологии. М., 1985. С. 9.

³ Употребим «модное» ныне слово «крышевание».

человека, например, в африканских странах можно только догадываться. Причем, несмотря на формально существующий в ряде стран запрет на ввоз человеческих органов, ни для кого не секрет, что подобный процесс осуществляется. Причем, как мы думаем, не без ведома государства и его чиновников.

У нас в России защита человека в части донорства своих органов, на наш взгляд, должным образом не урегулирована. Как оценить то, что люди (россияне!) ради получения средств к существованию добровольно продают свою почку? И это в XXI веке на фоне, как мы видим, развития медицины! О какой же защите прав человека и равенстве прав может идти речь, если общество экономическим способом четко поделено на две части: тех, кто может много заплатить за чужие органы и их пересадку (их меньшинство) и тех, кто вынужден в том числе путем продажи своих органов выживать (их большинство). Фактически вторые – это доноры для первых.

Вообще для трансплантации, конечно, желательны молодые здоровые человеческие органы. Где их взять? Одним из источников их получения в России (и ряде других стран) являются дорожно-транспортные происшествия. Получается парадокс, что и больные люди, которым требуются соответствующие операции, и делающие их врачи в какой-то степени заинтересованы в увеличении количества смертельных ДТП с молодежью! И здесь возникает вопрос, с которым столкнулись правоохранительные органы одного из иностранных государств. Там обнаружили, что два врача не оказывали помощь молодым людям, тяжело пострадавшим при ДТП, что приводило к летальному исходу (или оказывали помощь не в полной мере, с опозданием). Необходимые клиентам органы погибших тут же продавали. Такой же факт был вскрыт в больнице, когда тяжело больных молодых людей, но со здоровыми органами, требуемыми другим для пересадки, «залечивали» до смерти. Органы продавали, пересаживали. Вопрос в том, а могут ли происходить подобные случаи в России...?

Если замена человеческих органов, человеческих кодов и др. – вещи достаточно новые, то опыты по изучению и воздействию на психику человека известны достаточно давно. Особенно преуспела в таких бесчеловечных экспериментах фашистская Германия. Вместе с тем, после Второй мировой войны исследования не прекратились. Отдельные специалисты проводят их, как заявляется, в благих целях, например, для повышения работоспособности, увеличения бодрости, препятствия наступления сонливости, утомляемости и пр.

На самом деле опасность подобных экспериментов абсолютно очевидна. Повышение работоспособности в особенности в сочетании с искусственным замедлением умственного развития может превратить людей в рабов, способных выполнять лишь конкретную работу (человек-водитель, человек-токарь, человек-пекарь и т.д.). То есть, в результате подобных опытов по выведению «служебных пород» человека речь опять же может пойти о ликвидации человека как личности перед теми, кто подобному психическому воздействию не подвергался. Но это один – видимый - этап. А что будет дальше? Дальше вполне возможно, что произойдет потеря знаний, накопленных человечеством и возвращение к цивилизованному рабовладельческому строю.

Конечно возможно, что подобные манипуляции по повышению работоспособности люди будут применять к себе добровольно и индивидуально, например, повысить работоспособность при подготовке к экзаменам. Однако тогда подобные «врачевания» будут представлять собой ни что иное как разновидность наркотических или психотропных веществ. Но опять же не просчитаны последствия для здоровья. Например, будет ли эффект привыкания к подобным манипуляциям, на сколько лет жизни хватит сил у человеческого организма быть чрезмерно работоспособным и бодрым и т.д.?

Еще одним очень серьезным вопросом для права является допустимость или недопустимость клонирования.

Серьезное изучение клонирования началось примерно в 1950-1960-х годах. Именно тогда в Европе и США ученые заговорили о принципиальной возможности искусственного создания живого существа, генетически тождественного родительским. Настоящий научный прорыв произошел в 1990-е годы, когда искусственно было создано млекопитающее – овечка Долли, и поднялся вопрос о подобном эксперименте с человеком.

Весьма подробно рассмотрела эту проблему Т.Г. Лешкевич. Она пишет, что когда речь зашла о клонировании человеческого существа, потребовались усилия многих теоретиков для осмысления последствий такого шага. Так, по мнению известного американского ученого П. Диксона, любой способ, который испробован на млекопитающих, может быть применен к людям. В этом случае мы получим копии взрослых людей, копии своих родственников, друзей и вообще попадем в ситуацию множественности, в которой и не отличить, где генетически подлинное человеческое существо, а где артефакт, т.е. искусственно созданное. Вместе с тем, согласно публикациям в 1998 г. американский физик Р. Сид на симпозиуме по репродуктивной медицине громогласно заявил о намерении приступить к работам по клонированию человека. Есть и желающие участвовать в этом эксперименте¹.

Однако большинство научного мира восприняли идею клонирования резко отрицательно. В первую очередь потому, что последствия такого эксперимента очень опасны. Во-вторых, станет ли полученный клон человеком, будет ли иметь нормальную разумность, согласится ли жить по установленным обществом нормам морали, законам, как воспримут его люди и как воспримет людей он и пр.?

Есть и другие аргументы против клонирования, подмеченные Т.Г. Лешкевич, которые мы кратко приведем. Она пишет, что чистота эксперимента клонирования в условиях резко обострившихся глобальных проблем современности вызывает большие сомнения. Такого рода

¹ Лешкевич Т.Г. Философия науки. М., 2005. С. 206.

экспериментирование, пусть даже засекреченное, может привести к незапланированным мутациям, исход которых будет не предсказуем. Маловероятно и то, что клонирование будет давать точные копии отобранных образцов. Поскольку появление знаменитой овечки Долли последовало после 227 неудачных попыток, то опасения обретают еще и чисто технический характер. Как утверждает Е. Платонов, удачное клонирование первого ребенка потребует не менее 1000 попыток; появится большое количество мертворожденных или детей-уродов. Клонирование в целях помощи бездетным семьям также проблематично, ибо даже в случае положительного исхода и абстрагирования от всех социально-негативных факторов клонирование предполагает воспроизводство не нового организма, а однояйцового близнеца отца или матери, т.е. родители получат не ребенка, а родственника – сестру или брата. Кроме того, клонирование станет поддержкой инвертированных лиц – гомосексуалистов и пр. Технологии искусственного размножения отменяют самый веский аргумент против гомосексуальных отношений – угрозу недовоспроизводства человечества. Подобные технологии откроют возможности для различных форм семейно-брачных отношений, укрепят основание неполных семей и поставят под сомнение всю систему кровно-родственных отношений. Обсуждение клонирования выдающихся людей выявляет еще один неожиданный аспект: данная технология во многом уязвима, поскольку гении зачастую страдают серьезными патологиями. Шизофрения, циклотемия, эпилепсия, ряд разнообразных нервно-психических расстройств, - лишь незначительный набор характеристик гениальных личностей.

В целом, пишет Т.Г. Лешкевич, клонирование как очень сложная экспериментальная технология, в принципе может приводить к воспроизводству не только эталонов (когда цель согласуется с результатом), но и уродцев. С методологической точки зрения речь идет о рассогласовании

поставленных целей и полученных результатов, что в условиях клонирования на человеке аморально и преступно¹.

В.П. Сальников, О.Э. Старовойтова, А.Е. Никитина и Э.В. Кузнецов выделяют пять основных проблем клонирования.

1. Клонированные человеческие существа будут повторять геном уже существующего человека, то есть, не будут обладать, в полном смысле слова, генетической неповторимостью².

2. Клонирование человека – противоестественный для природы способ размножения³.

3. Клонирование человека возрождает евгенические идеи. В целях улучшения человеческого генофонда высказывались идеи клонировать Нобелевских лауреатов, выдающихся личностей и других индивидов, принесших много пользы. Такое клонирование может привести к расколу общества на «элиту» и «простых» людей. При этом последняя группа рискует подвергнуться дискриминации. Например, это может выразиться в обеспечении лучших условий жизни и развития. Дискриминируемые лица могут быть использованы в качестве рабов и, даже, подвергаться геноциду. Надо также отметить, что в категории «элиты» могут оказаться как клоны (например, на основании обладания генотипом А. Эйнштейна), так и люди, появившиеся на свет обычным путем (на основании «естественности» происхождения). Еще одним проявлением евгеники может стать обычная попытка установить категории лиц, имеющих и не имеющих право на клонирование. Совершенно ясно, что даже в случае законодательного санкционирования такого способа размножения, невозможно будет

¹ Леишевич Т.Г. Философия науки. М., 2005. С. 207-209.

² Официальная позиция Русской Православной Церкви гласит: «Замысел клонирования является несомненным вызовом сомой природе человека, заложенному в нем образу Божию, неотъемлемой частью которого являются свобода и уникальность личности. См.: Информационный бюллетень отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 2000. № 8. С. 79.

³ Директор республиканского центра репродукции человека Минздрава РФ А. Акопян отмечает, что «клонирование закрывает эволюционную цепь. См.: Василенко К. Клонирование и другие сенсации // Медицинские ведомости. 2001. № 4. С. 8-9.

допустить клонирование всех. Так, необходимо будет учесть важнейший фактор здоровья. И кроме этого, очевидно, что клонирование антисоциальных личностей (например, таких как Чикатило) допустить нельзя.

4. Отношение к клонированному существу не как к человеку. Некоторыми религиозными конфессиями, в том числе католиками были высказаны сомнения в том, что клонированное существо будет обладать Душой. Данная точка зрения поддерживается отдельными лицами, не имеющими отношения к религии, но убежденными в том, что именно при половом размножении происходит нечто важное для становления человека в человеке.

5. Непредсказуемость последствий клонирования человека. Опасность для жизни и здоровья людей, принимающих участие данной процедуре¹.

К таким же выводам пришли и другие ученые, при этом возлагая на право одну из главных ролей по должному урегулированию указанных процессов. Так, М.И. Ковалев пишет, что уже на современном уровне развития генной инженерии возникает реальная опасность злоупотребления генетическими знаниями² и непредсказуемыми по своим последствиям экспериментами с человеческой породой. Чтобы не опоздать с постановкой и решением этих задач в рамках прав человека и человечества, уже сейчас необходимо наметить реальные пути нормативного решения многих вопросов. Юридическая наука и законодательная практика в области регулирования проблем биологии и генетики человека должна развиваться в соответствии с достигнутыми результатами и открытыми перспективами в сфере генетической медицины, биологии и самой генетики, опираясь на первые и предугадывая социальные, а следовательно, и юридические последствия вторых.

¹ Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии / Под ред. В.П. Сальникова. СПб, 2003. С. 28-33.

² Ковалев М.И. Генетика человека и его права (юридические, социальные и медицинские проблемы) // Государство и право. 1994. № 1. С.15-17.

Как верно подытожил Д.А. Керимов, в западных странах активно обсуждается (но менее всего у нас) множество вопросов евгеники, клонирования, патернализма, пересадки органов, пробирочного зачатия – всего биосоциального и биоэтического спектра. Эти обсуждения имеют прежде всего нравственную направленность, однако без подключения к ним правоведения и права едва ли будут достигнуты практически эффективные результаты. Непредсказуемость же некоторых экспериментов над людьми чревата огромными и тяжелыми последствиями, непоправимым вредом. Поэтому-то настоятельно требуется в подобного рода исследовательские новации интегрировать правоведческий компонент, право, и в первую очередь, международное право, с помощью которого представится возможность установить мораторий на отдельные эксперименты в масштабах всей планеты. Иначе мы получим нежелательный разноречивый в тех негативных последствиях, которые породят несогласованные научные исследования и их результаты, затрагивающие интересы всего человечества. Возьмем, в частности, упоминавшееся «улучшение» человеческого рода с помощью массового клонирования. Получит ли человечество действительно «улучшенный вариант» своего рода? Будет ли соответствовать это вариант исторически изменившимся общественным условиям жизни? Кому будет поручено определить «улучшился» ли человеческий род? Какими методами, средствами, способами, будет определено это «улучшение»? Удовлетворяют ли современные представления об «улучшении» человеческого рода последующее поколение? Без предварительного научно-обоснованного ответа на эти и многие иные вопросы недопустимо проводить эксперименты на людях и в целом над человечеством. Без правового решения здесь (равно как и в других подобных случаях) не обойтись¹.

С указанным выводом, несомненно, следует согласиться. Но, работая над правовым регулированием, надо обязательно учитывать две имеющиеся трудности.

¹ Керимов Д.А. Методология права. М., 2000. С. 534-535.

Первая. Если исходить из того, что клоны своей плотью являются людьми, но не имеют человеческой души в полном смысле этого слова, то весьма вероятно, что они не будут и настоящих людей воспринимать как людей. В таком случае клонов возможно использовать для проведения боевых действий в качестве солдат, а также для совершения убийств, террористических актов. Рассматривают ли государства подобные варианты нам не известно. Однако такой сценарий, к сожалению, вполне возможен. И отдельные реакционные режимы, внешне не поддерживающие клонирование, тем не менее тайно будут их создавать для участия в боевых действиях, выполнения специальных заданий и пр. К сожалению человечество знает не мало примеров, когда запрещенные всюду исследования тем не менее проводятся. Яркий пример – создание атомного оружия. Несмотря на то, что все западные государства заявляют об опасности ядерного оружия, принимают соответствующие нормы и моратории, исследования в направлении его совершенствования, судя по всему, не прекращаются. Более того, несмотря на всяческие правовые запреты, количество стран, являющихся атомными державами, растет. За последнее десятилетие к ним добавились Северная Корея, Иран, Израиль. Это объективно показывает, что право сейчас может лишь замедлить некоторые негативные мировые процессы, но не полностью остановить. Либо надо более хитро или более жестко регулировать общественные отношения в области запретов.

И здесь надо особо учитывать другую трудность. Суть ее в том, что все люди, в том числе и очень состоятельные, страдают от болезней. Они заинтересованы в своем излечении любыми способами. Поэтому многие из них готовы вкладывать гигантские средства в генную инженерию, оплачивать работы по замедлению старения, продлению жизни, пересадке органов. Они же, являясь в своем большинстве влиятельными людьми, лоббируют продвижение подобных исследований в своих государствах. Этот процесс очень трудно остановить по причине личной заинтересованности в подобных опытах и исследованиях. А если добавить то, что не все из

мировых олигархов имеют нормальную половую ориентацию, то в клонировании присутствует их несомненный интерес как в продолжении таким образом своего рода.

Помимо этого, сверхопасными для человечества могут быть работы по пересадке мозга. Во-первых, мозг далеко не изучен и его пересадка может повлечь необратимые последствия как в плане болезней, так и в плане поведения. Во-вторых, возникнет много юридических вопросов. Например, фамилия-имя-отчество будет оставаться или приниматься от того чей мозг, как быть с его правами, в том числе имущественными, наследования, обязательствами и т.д. По названным и другим причинам должны быть строго контролируемы работы по созданию искусственного интеллекта.

Сейчас лишь следует констатировать, что появляющиеся нормативные акты, ограничивающие биомедицинские эксперименты над человеком и человечеством, пока не совершенны, поскольку не выполняют свое предназначение.

Поднятые биомедицинские проблемы актуальны не только по вопросу жизни, но и по вопросу смерти. Биомедицинские технологии в ряде случаев стали позволять поддерживать физическую жизнь человека как особи, даже после полного отключения сознания. Речь идет о случаях, когда у пострадавшего в результате, например, дорожно-транспортного происшествия перестала функционировать часть мозга, безвозвратно пропало сознание. Однако в таком состоянии человека как особи, при здоровом сердце и других внутренних органах, современная медицина может длительное время держать как бы живым. Несчастный при этом ничего не осознает, не чувствует, не воспринимает. Без шансов на выздоровление и возвращение сознания. Заканчивается это всегда одинаково – смертью, которая наступает иногда быстро, а иногда через несколько лет.

Такое обездвиженное существо в данном случае является человеком или нет? Имеет ли он право на смерть?¹ Могут ли родственники попросить врачей об эвтаназии², чтобы дальше не мучить? Эти вопросы актуальны, в особенности с учетом большого количества тяжелых ДТП, военных действий, терактов, других травм³.

В разных странах вопрос о допустимости эвтаназии решается по-разному. Первыми официально разрешили эвтаназию в отношении людей Нидерланды. Затем ее разрешили и некоторые другие страны, в том числе отдельные штаты США. В России эвтаназия в отношении людей в настоящее время запрещена⁴. Своеобразной альтернативой эвтаназии являются хосписы, которые функционируют в России с 1990 года⁵.

Здесь же возникает вопрос о принадлежности тела усопшего. Допустимо ли врачам использовать тело или его части в медицинских целях, в том числе для пересадки органов? Нужно ли согласие на это родственников, а если нужно – то кого именно. Подобные вопросы должны быть тщательно взвешены не только с точки зрения этики, но и права.

¹ Ковалев М.И. пишет: «Нет никаких веских аргументов против того, чтобы провозгласить, что человек имеет право на жизнь и смерть. Оба эти человеческих права так тесно связаны, что являются как бы двумя сторонами одной медали, при этом такой деликатной и хрупкой, что требуется особая осторожность в обращении с ней. Однако с правом на смерть возникает значительно больше проблем, чем с правом на жизнь». См.: Ковалев М.И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. 1992. № 7. С. 71.

² Эвтаназия (греч. εὖ- «хороший» + θάνατος «смерть») - способ медицинского решения проблемы смерти. Считается, что этот термин предложил Ф. Бэкон. Спустя более чем 300 лет эвтаназия была применена в отношении З. Фрейда.

³ Весьма содержательное исследование правовой танатологии провела Старовойтова О.Э. По ее мнению, правовая танатология - это отрасль правового знания, включающая в себя всю совокупность правовых проблем танатологии. Основные из них – юридическое определение смерти, право на смерть, смерть как юридический факт, эвтаназия и закон, правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека, а также другие проблемы, непосредственно связанные с соматическими правами человека. См.: Основы правовой соматологии / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2006; Она же: Тело и закон. СПб., 2006.

⁴ Даже в религии ответы на этот вопрос не однозначны. Например, в православной вере, к которой принадлежим мы, такого права у человека нет. Однако некоторые религии право на смерть допускают.

⁵ См.: Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология. СПб, 2002. С. 112.

К указанному примыкает проблема искусственного замораживания человека. Каков, например, правовой статус человека, замороженного в стадии клинической смерти (с целью сохранения до тех пор, пока ученые не найдут способ излечения рака или другого неизлечимого заболевания)? Такие случаи, как отмечают исследователи, уже известны. В частности первым добровольцем стал Джеймс Бердфорд, замороженный в 1967 году. В США создано «Общество продления жизни». Подобные крионические общества возникли и в других странах. В такой ситуации возникает, прежде всего, юридическая проблема. С одной стороны, человек не жив, и, значит, не является субъектом права. С другой – по отношению к нему сохраняется обязанность третьих лиц осуществлять все возможные действия в целях его оживления и излечения. При этом не ясно, что произойдет в случае, если указанные цели не будут достигнуты. Повлечет ли это юридическую ответственность и если да, то перед кем и в какой форме. Кроме того, встает вопрос о принципиальной этической допустимости подобных экспериментов. Результаты такого эксперимента неизвестны, поскольку ни один из «замороженных» не был пока разморожен. Многие люди могут изъявить желание продлить жизнь таким способом. Допустимо ли в данном случае подвергать криоконсервации всех желающих? В каком порядке и при соблюдении каких необходимых условий таких людей нужно будет возвращать к жизни?¹

В завершение подчеркнем, что биомедицинские эксперименты являются одной из важнейших глобальных проблем философии и права, требующих при этом очень *взвешенного и аккуратного* разрешения. Это та проблема, которую по разным причинам далеко не все хотят решать и не заинтересованы в решении. Но она опасна и может быть губительна для человечества.

¹ Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии. С. 14.

В конечном счете, человек по-прежнему уничтожает себя сам. Чтобы этот процесс остановить задача будущего – добавить человеку разума, воспитания, любви.

ГЛАВА РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Фундаментальный трехтомник о праве.

Рецензия на научное издание В.В. Лазарева «Избранные труды (В 3 т.) / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». – М.: Новая юстиция. 2010»¹

Перед нами раскрыт трехтомник избранных трудов В.В. Лазарева. И удивительно: после приведенной фразы с одной стороны хочется много-много написать, а в то же время есть желание поступить наоборот – поставить многоточие и взять паузу. С чем это связано? Наверное с тем, что писать рецензию на труды столь значимого российского юриста каким является В.В. Лазарев весьма трудно. Невольно задумываешься над тем, что, собственно, рецензировать: все труды ученого, его отдельные работы, конкретную статью? Или просто без повода, от души написать о том, сколько много сделал В.В. Лазарев для российской юридической науки, образования, сколько воспитал учеников и последователей, сколько тысяч человек читали его учебники, цитировали идеи и т.д., и т.п. Наконец, скольким людям юридическая образованность от В.В. Лазарева помогла сохранить жизнь и свободу, защитить здоровье и собственность.

Такие мысли не раз приходили в голову при прочтении названного трехтомника. Он имеет следующее содержание. В первом томе подобраны работы, посвященные закону, законности и правоприменению. Лейтмотивом второго являются пробелы в праве. Третья книга посвящена истории политико-правовой мысли. А в сумме: все о праве – его происхождении, сущности и применении. Собственно, В.В. Лазарев, именно занимаясь применением права со своих первых научных статей, получил известность.

¹ Сальников В.П., Захарцев С.И., Исмагилов Р.Ф., Хабибулин А.Г. Научное творчество классика теории государства и права, профессора В.В. Лазарева обгоняет время. К 80-летию юбиляра. Фундаментальный трехтомник о праве. Рецензия-размышление о научном издании В.В. Лазарева «Избранные труды» (в 3 т.) / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». – М.: Новая юстиция. 2010» // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 10. С. 16-44.

Он выбрал нехарактерную для советского времени тему, связанную с пробелами в праве. Писать о пробелах в советском праве было не принято. Считалось, что оно совершенно, а советский законодатель при необходимости всегда вовремя вносит требуемые изменения. Поэтому тема пробелов имела даже политическую окраску и не каждый мог отважиться ее разрабатывать. Хотя на самом деле в ней, как справедливо пишет В.В. Лазарев, наличествуют тонкие, сугубо юридические вопросы, актуальные для государств с любой правовой системой. Как бы то ни было, вспоминает ученый далее, первые статьи, опубликованные в 1967 г., и защита кандидатской диссертации по теме пробелов вызвали реакцию в юридическом мире.¹

Что можно сказать о выпущенных книгах? Если кратко: фундаментальный труд. Работ такого уровня в нашей науке выходит не много. В.В. Лазарев хотя во введении и написал, что опубликование настоящего сборника есть простое тиражирование ранее изданного, но думается что он поступил так из скромности и корректности (что опять же характеризует его как Ученого с большой буквы). Будем объективны, мало кто может похвастаться наличием интересных, зрелых и актуальных научных работ, количество которых едва уместилось в три толстые книги. А рассмотрение их в совокупности дает совершенно другой эффект, чем раздельное чтение. Совокупность трудов образует и наглядно иллюстрирует юридическую школу В.В. Лазарева, ее значение в нашей науке, широту и фундаментальность исследований. А сам ученый предстает как классик юридической науки.²

Скажем об изданном еще несколько слов.

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 9.

² Сальников В.П., Эбзеев Б.С., Хабибулин А.Г. Классики современной российской теории государства и права. К 75-летию доктора юридических наук, профессора Валерия Васильевича Лазарева // Мир политики и социологии. 2015. № 11. С 11-19.

Что сразу бросается в глаза при ознакомлении с трехтомником и вызывает поддержку? Это то, что в нем представлены как современные, так и ранние советские труды автора. Причем советские труды представлены без «купюр», без «посыпания головы пеплом» и отказа от своих мыслей. В современной России нам не раз приходилось видеть, что вроде бы маститые ученые как двоечники буквально оправдывались за свои цитаты руководителей СССР, обещали исправиться и с ненавистью ругали то, что ранее безудержно восхваляли. Но в ненависти нет объективности. А в таком поведении нет честности, которая для правоведения важна особо. Да и действительно хорошие статьи и книги цитатами вождей не испортишь.

Собственно, автор по этому поводу хорошо сказал сам. Он написал, что очень хотелось бы поколебать скептицизм молодых, сомневающихся в достижениях на поприще юридической науки в советское время. Удивительное дело – в литературе, в кино, в других областях творческой деятельности именно в годы советской власти достигались общепризнанные мировые результаты. В постперестроечное время свободы, по признанию многих специалистов, их нет. Юриспруденция здесь не исключение, и можно было бы перечислять именно советских юристов, обогативших сокровищницу правовых знаний... И если о чем-то не говорилось, то фиговый листок умолчания только подчеркивал то, что пытались скрыть. Конечно, юридическая литература – особая разновидность литературы, но и в ней можно читать между строк.¹

В.В. Лазарев верно и мудро опубликовал свои советские труды целиком. Именно труды. Они интересны для философии, политологии и самой юриспруденции. Кроме того, они уже история, в том числе история государства и права и пусть эту историю изучают честно.

Правда, в отдельных современных работах В.В. Лазарева иногда почему-то пропадают ссылки на советских юристов. Например, в одной из

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 8.

особо понравившихся нам статей под названием «Поиск права», присутствуют цитаты российских юристов XIX века, а также мелькают мысли ... зарубежных ученых: Жан-Луи Бержеля, Г. Бермана, Г. Кельзена. Демонстрации работ советских ученых нет. В этой связи нам понравилось наблюдение А.Н. Савенкова о русской юридической науке XIX-начала XX века. Он констатировал, что видные русские юристы, создавая вполне оригинальные тексты, сами не могли до конца освободиться от ощущения своей интеллектуальной зависимости от Запада. Для многих из них привычно было смотреть на европейских светилах снизу вверх, а ссылаться на их авторитет в научном споре считалось хорошим тоном.¹ Такие же процессы, видимо, происходят и сейчас. По крайней мере, к сожалению, мы их наблюдаем последнее тридцатилетие.

Вместе с тем, западный научный мир с большим вниманием относится к российской юриспруденции. Не так давно нашу книгу «Философия. Философия права. Юридическая наука» перевели на английский и издали в Кембридже, где она пользуется спросом.² Мы уверены, что такого ученого, как В.В. Лазарев, на Западе тоже знают. Собственно, в нашей книге на него достаточно много ссылок.

Наши взгляды на право с В.В. Лазаревым несколько различаются. Несколько лет назад мы обосновали компрехендную теорию права. Предметом этой теории является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции. Разрабатывая компрехендную теорию права, мы высказали мысль, которая то что называется «пришлась по вкусу» российским и зарубежным ученым. Ее многократно стали цитировать, перевели на несколько языков мира, стали распространять не только среди юристов, но и среди философов. Мы

¹ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 108-109.

² S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 280 с.

сравнили право с большим бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что ученые видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом. Специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства. Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, не мало. Однако их и не так много, как граней бриллианта. Наши исследования позволили нам высказать предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно диалектически перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть удивительным для нас всех.¹

Наша теория вызвала заметный интерес у ученых.² Приятно, что она набирает все большую популярность в юридическом мире.

¹ Захарцев С.И., Сальников В.П. *Философия. Философия права. Юридическая наука*. М., 2015. С. 77.

² Баранов В.М. *Российская книга по философии права и юриспруденции на английском языке. Рецензия-презентация монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.)* // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 1 (41). С. 304-307; Борзова Е.П., Покровский И.Ф. Замечательная публикация в Кембридже уникальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) и ее перевод: (Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. *The Philosophy of Law and Legal Science*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // *Мир политики и социологии*. 2018. № 2. С. 188-192; Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова

В.В. Лазарев, по его признанию, является сторонником интегративного похода к праву. Он вроде бы и соглашается, что для глубокого познания права все определения, если они отражают хоть какую-то часть реалии, полезны.¹ Но сам интегративный подход подразумевает попытки брать лучшее из имеющихся концепций. И право, как пишет В.В. Лазарев далее, в его понимании в идеале более всего вяжется со свободой, с правдой, со справедливостью.²

Для нас же является загадкой, почему абсолютное большинство ученых стремится право идеализировать, а не оценивать его комплексно, объективно и честно? Право имеет как разумные, так и откровенно бессмысленные черты, проявляет как позитивные, так и негативные грани. Например, в Нидерландах официально разрешена проституция и торговля наркотиками. И эти негативные поступки являются правом жителей названной страны. Незыблемым правом! При интервью они искренне говорят, что право – это в первую очередь свобода и правда, поэтому они как свободные люди честно и с удовольствием употребляют наркотики и занимаются проституцией, что справедливо! Причем заметьте, указанные аморальные поступки по иронии полностью подходят под идеал права как формы свободы, правды и

«Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. *The Philosophy of Law and Legal Science*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Правовое государство: теория и практика. 2018. Т. 2. № 52. С. 206-208; Дворецкая Е.В., Кузнецов Э.В. Сохраняя величие предмета. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 11. С. 193-197; Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 78-85; Кузнецов Э.В., Масленников Д.В., Покровский И.Ф., Экимов А.И. Английская версия русского издания S.I.Zakhartsev, V.P. Salnikov. *The Philosophy of Law and Legal Science*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018 // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 9. С. 191-194.

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М. 2010. С. 444.

² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М. 2010. С. 446.

справедливости. Но право в ряде случаев не только аморалка. Право – это в радикальном исламе сведение счетов и обид путем «кровной мести», а убийство неверных там не наказывается. И государства с таким правом имеются. Право – это возможность страны разрабатывать и совершенствовать смертоносное вооружение, проводить античеловеческие опыты, осуществлять биомедицинские эксперименты, в результате которых появляются самые разнообразные заразные заболевания, нарушается экология. Список негативных, но объективно существующих граней права можно продолжать.

Но можно обойтись и без красноречия, а просто задуматься вот о чем. Сейчас в мировую моду вошел так называемый состязательный процесс. Он считается наиболее демократичным, обеспечивающим равенство сторон и т.д. В ходе такого процесса стороны нередко предоставляют суду противоположные и взаимоисключающие сведения о предмете спора. Сие означает, что как минимум одна из сторон откровенно врет! В результате суд выносит решение. И указанное действие считается правовым! При этом решения суда зависят не только от норм права, но и от хитрости сторон, изворотливости адвокатов, красноречия и т.д. Как все понимаем, решения суда отнюдь не всегда правильны. А право в данных случаях, - что парадоксально! - по сути выступает регулятором вранья, провокатором и стимулятором лжи, а вовсе не установления справедливости. И действительно: право своими процессуальными нормами фактически регламентирует ложь (или возможность лжи) как минимум одной из сторон в суде. Опрошенные нами пятьсот российских и зарубежных адвокатов по гражданским делам признались, что каждый из них (вдумайтесь!) неоднократно предоставлял в суд заведомо искаженную в свою пользу информацию. И искажение информации (умолчание об одних фактах, недостоверная интерпретация других, уничтожение отдельных документов и т.д.) приводит к судебному решению, которое считается правовым и в ряде государств является прецедентом для других судей!

Наконец, с чем вообще не смогли поспорить наши оппоненты, право в ряде случаев представляет собой банальную глупость. Глупость исходящую от первых лиц государства, от парламента, от суда, других чиновников, от прецедентного права и т.п. Коллекции откровенно глупых правовых норм сейчас имеют не только юмористы, но и юристы!

Это же, собственно, относится и к государству. Государство тоже бывает жестоким, кровавым, несправедливым, откровенно грабительским, с глупыми решениями и т.д. И ведь нередко таким бывает! О неоднозначности государства много написано в третьем томе научного труда.¹ Но ученые государство обычно не идеализируют. Возможно потому, что уж больно очевидна его недостоверность.

Но почему даже такие яркие специалисты как В.В. Лазарев все грани права замечать не хотят, а искусственно возвеличивают только его отдельные позитивные проявления, которые пытаются объединить в интегративный подход, не знаем. А может быть В.В. Лазарев прав: человечество не просто стремится, но и когда-нибудь придет к чистой и светлой (одним словом – идеальной) организации жизни. И в таком идеальном обществе право будет лишь отражением свободы, правды и справедливости.

Сомнения по этому поводу у нас, не скроем, имеются. Идеальное общество должно подразумевать единый подход к культуре, морали и нравственности. На этой основе будет единый подход к правовой культуре, о чем мы не раз писали.² Сформировать такой единый подход при весьма

¹ *Лазарев В.В.* Избранные труды [В 3 т.]. Т. III: Из истории политической мысли / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010.

² Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Сборник научных статей. Выпуск 1 / МВД России. Санкт-Петербургский университет; Под общ. ред. В.П. Сальникова; ред. кол.: Д.И. Луковская и др. СПб., 2000. С. 3-5; Сальников В.П. Правовая культура общества: понятие и структура // Вопросы теории государства и права. Саратов. 1986. № 7. С. 44-54; Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // *Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах* / Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. М., 2013. С. 503-530; Сальников В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства // *Демократия и законность: проблемы развития и соотношения.*

различных ценностях, религии, образе жизни и даже банальных человеческих слабостях нам кажется сомнительной идеей. Но все может быть.

Вместе с тем, вызывает восхищение, насколько глубоко, подробно и увлеченно В.В. Лазарев погружается в проблемы права, в его философию и сущность. Он всю жизнь посвятил познанию права и все время его изучает, осмысливает и переосмысливает, постоянно с начала научной карьеры находится в творческом поиске. Именно на основе трудов таких идеалистов-активистов любое явление, в том числе право, познается наиболее хорошо.

В начале данной рецензии мы обратили внимание на обращение Валерия Васильевича в конце 60 – начале 70-х годов XX века к проблеме пробелов в праве. Как известно, именно тогда вышли две его новаторские книги: одна в издательстве Казанского университета, другая в Москве в издательстве «Юридическая литература».¹ Безусловно, это был очень смелый и в то же время весьма прогностический шаг, определивший многолетнюю, по существу бесконечную, научно-практическую работу по восполнению пробелов в праве.

Увлечшись темой пробельности в праве, В.В. Лазарев в то же время видел и пределы правового регулирования. Уже в конце 1970 года в самом авторитетном советском юридическом журнале он опубликовал интересную и совершенно оригинальную статью, посвященную пределам правового регулирования,² и провел серию выступлений в ведущих научно-исследовательских учреждениях и ведущих университетах страны, включая Институт государства и права Академии наук СССР, Московский

Самара, 1991; Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. 2014. № 3. Том 19. С. 1096-1099; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3(37). С. 13-19.

¹ Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974; Лазарев В.В. Пробелы в праве: Вопросы понятия пробелов и критика теорий беспробельности права / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 1969.

² Лазарев В.В. Сфера и пределы правового регулирования // Сов. государство и право. 1970. № 11. С. 38-44.

государственный университет им М.В. Ломоносова, Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова и др.

Другими словами, с одной стороны, он говорил о пробелах в праве и путях их устранения, а с другой – о рамках, за которые право не должно выходить. Такой подход исследователя свидетельствует о том, что к анализируемой проблеме он подходит всеохватывающе, видит ее с разных сторон. В частности, мы читаем у него:

«Следует заметить, что законность и правопорядок страдают не только в случаях нарушения действующих норм права, но и при выходе посредством нормотворческих или правоприменительных актов за пределы правовой сферы. Подобные действия нежелательны как с точки зрения интересов личности в... обществе, так и с точки зрения коренных общественных интересов».¹

Безусловно, это так. И здесь проявляется еще одна очень значимая черта В.В. Лазарева как исследователя, учитывающего в своем творчестве разные подходы к праву и закону. Нам даже представляется, что в своем подходе к вопросам пределов правового регулирования он очень близок к нашей комплексной доктрине понимания права. Чему, например, свидетельствует следующая его идея: «может возникнуть вопрос: не решена ли уже данная проблема в юридической науке и практике? По своему существу проблема пределов сферы правового регулирования не может иметь раз и навсегда найденного решения. Развитие общественной жизни вносит постоянно коррективы в вопрос о фактической принадлежности соответствующих явлений в правовой сфере. Само они настолько многогранны, что практически всегда затруднительно охватить их даже посредством общих

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М., 2010. С. 167.

правил. Ни одна кодификация не прекращает дальнейших поисков в области правового регулирования и совершенствования принятых норм».¹

Это именно те аргументы, которые с успехом можно использовать для обоснования именно комплексной концепции понимания права. Об этом прямо пишет сам автор, характеризуя пробелы в праве: «На наш взгляд, понимание пробелов в праве производно от понимания права, правового регулирования и его границ».²

Символично и то, что исследователь пишет о пробелах в праве и путях их устранения, в том числе и в материале, посвященном проблеме пределов правового регулирования. Это тоже очень значимо и свидетельствует о взвешенном подходе автора к анализу изучаемых проблем.

Здесь важно обратить внимание еще на одну особенность творчества профессора В.В. Лазарева. Говоря о пределах правового регулирования, он обращается к естественно-правовому учению и формулирует следующую мысль: «Едва ли не первыми, кто задавался вопросом о пределах правового регулирования, были сторонники естественно-правовых воззрений. Несмотря на различие в их взглядах и множество оттенков естественно-правовой идеологии, общим оставалось положение, согласно которому позитивное право должно основываться на праве естественном, соответствовать ему, не нарушать его, не выходить за его пределы и т.д.».³

И далее В.В. Лазарев указывает: «Положительным моментом в классическом естественно-правовом учении следует считать критику беспредельного вмешательства государства во все сферы общественной жизни, указание на нечто такое, чего государство не может добиться ни

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М., 2010. С. 168

² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М., 2010. С. 177.

³ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М., 2010. С. 167-168.

угрозами, ни наградами. Положительно также и то, что большинство его представителей, идеологов нарождающейся буржуазии, стали “рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии”... Марксистская теория, признавая нравственные черты права, отражение в нем человеческих ценностей, вместе с тем отвергает существование надпозитивного права. Она рассматривает право как продукт деятельности людей, как выражение воли господствующего в обществе класса. Поэтому определение сферы правового регулирования является чисто «человеческой» проблемой, связанной с пониманием свободы волеизъявления и поведения людей».¹

Обратим здесь особое внимание на характеристику права как человеческой проблемы, связанной со свободой именно людей. Нам показалось, что здесь Валерий Васильевич имел в виду, где-то в глубине своего сознания, опасность беспредельной свободы человека и отражение такой свободы в законе, опасность для общества, мы бы сказали, безудержного либерализма по отношению к конкретному человеку вкупе с забывчивостью его принадлежности к обществу. Когда одиночный человек представляется как сгусток всех имеющихся ценностей общества, в котором он находится, с игнорированием интересов этого общества и государства. Не ведет ли это к господству общества потребления, к превращению ценностей в антиценности, а истинной культуры – в ее массовый эрзац? Не такие ли гипертрофированные ценности подсовывают нам Запад и США? Западные идеалы и ценности² в корне отличаются от наших. Нам же их под видом

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М., 2010. С. 168.

² Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 86-91; Ананских И.А., Силантьева В.А., Кулева М. Трансформация традиционных семейных ценностей как угроза национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 1. С. 40-46; Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 1. С. 23-40; Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С. Эволюция семейных ценностей в современном

верховенства свободы отдельного человека над всем остальным предлагают западные партнеры. Здесь уже, вероятнее всего, необходимо вести речь о нашей суверенной государственно-правовой идеологии и суверенной русской философии права, на что посягает Запад, что напрямую связано с государственным суверенитетом России.

Человек может свободно жить, развиваться, реализовывать свои права и чувствовать себя достойно лишь в истинно суверенном государстве, со своей суверенной идеологией, философией права и суверенной культурой.¹ В зависимой от других государств, в своей собственной стране человек не может быть свободен. Безудержной свободы у одного не может быть без нарушения свободы другого. Здесь важна внутренняя свобода каждого, видящего границы своей собственной свободы и уважающего свободу каждого другого. Мы должны быть свободными и в то же время цельными во всем: в культуре, искусстве, литературе, идеологии, семье и т.д. Кроме того, обладать внутренней целостностью и ценностью, которые должны быть во всем. Идея полной свободы человека неразумна, это опасно для общества, государства и самих людей. Там, где имеются элементы ее достижения, возникают серьезные проблемы, а если их нет сегодня, то они появятся

западном мире // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 5. С. 96-100; Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. 2015. № 8. С. 11-22; Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. 2015. № 9. С. 193-202; Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 58-68; Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 173-179; Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. 2015 № 38(48). С. 192-198; Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. 2019. № 9; Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. 2013. № 10. С. 170-191.

¹ Кокошин А.А. Реальный суверенитет в мирополитической системе. М., 2006; Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. 2-е изд. М., 2019.

завтра. Примеры тому – нынешняя Германия и те же США, о чем пишут сами идеологи и политики этих государств.¹

Западная идеология навязывает нам вседозволенность человека и противопоставляет ее дозволенности общества. В этих условиях нам важно противопоставлять западным партнерам собственную суверенную государственно-правовую идеологию и философию права.

Нам думается, что где-то об этом думал В.В. Лазарев, когда в начале 70-х годов XX века рассуждал о правовом регулировании как чисто «человеческой» проблеме и определял его пределы.

Хочется обратиться еще к одной проблеме, которая волнует профессора В.В. Лазарева. Это соотношение международного и национального права.²

Это те вопросы, которые вызывали острую дискуссию в советские времена, хотя, как указывает В.В. Лазарев, «господствующая среди советских ученых точка зрения о суверенитете и примате национального права во многом исключала применение каких-либо источников международного права вопреки нормам права национального».³ Они были дискуссионными и в 90-е годы XX века. Да и сегодня данная проблема вызывает много споров, особенно в контексте закрепленного в нашей Конституции положения о приоритете международно-правовых норм над внутригосударственным законодательством (ч. 4 ст. 15).

Особенно, конечно, беспокоило российских исследователей ситуация с обязательностью исполнения Россией всех международно-правовых норм без исключения, в том числе решений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). В частности, В.В. Лазарев обращал внимание на необходимость

¹ Саррацин Т. Германия: самоликвидация / Пер. с нем. – М.: АСТ, 2013; Фрэнсис Фукуяма: Америка в упадке. Источники политической дисфункции // <https://eadaily.com/ru/news/2016/12/12/frensis-fukuyama-amerika-v-upadke-istochniki-politicheskoy-disfunkcii>.

² Лазарев В.В. О соотношении принципов и норм международного и национального права // Адвокатура. Государство. Общество: Сб. матер. III Всерос. науч.-практ. конф. – М., 2006. С. 207-214.

³ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М., 2010. С. 496.

отстаивания «своего видения» применения норм иностранного права и норм международного права. Определять значимость этих норм с учетом собственного волеизъявления в собственных договорах, исходить не только из содержания международных правовых актов, но и из международно-правовых обычаев и судебных решений. Он с горечью подчеркивал, что «сегодня высшие судебные инстанции ориентируются на применение при осуществлении правосудия общепризнанных принципов и норм международного права, закрепленных не только в международных пактах или международных договорах Российской Федерации, но и в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека».¹

Необходимость обязательного исполнения Россией всех международно-правовых норм, в том числе и всех решений ЕСПЧ, постепенно стала вызывать возмущение патристически настроенных исследователей. Предпринимались попытки разработать механизмы избирательной оценки решений ЕСПЧ на предмет их обязательного исполнения.² В конечном счете

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М., 2010. С. 497.

² Брылева Е.А. Решения Европейского суда по правам человека: дальнейшие перспективы // Мир политики и социологии. 2015. № 9. С. 32-37; Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5. С. 1-11; Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации. СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург); Рязань, 2014; Кузнецова С.Н. К вопросу о системных нарушениях Европейской конвенции о правах человека и пилотных постановлениях Европейского Суда // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 159-164; Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2008. № 2. С. 210-213; Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. 2014. № 10. С. 34-42; Сальников В.П., Романовская В.Б. Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. Душанбе, 2014. С. 23-27; Тарнавская М.И. Морально-оценочные подходы в практике Европейского суда по правам человека // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 11. С. 145-150.

такой механизм был выработан. В основу его легли российские конституционные ценности¹ и соответствие им решений ЕСПЧ.

Вместе с тем найденный выход, являясь верным, представляется в то же время временным. Вероятнее всего, данный вопрос должен найти свое урегулирование все-таки в Основном законе государства.

И кроме того, представляется очень конструктивной мысль Валерия Васильевича о небесспорности мнения вообще, «согласно которому общепризнанные принципы и нормы международного права являются частью федерального права России и функционируют именно в этом качестве. Соответственно ратифицированные, вступившие для России в силу и должным образом опубликованные международные договоры также рассматриваются частью федерального законодательства России. Конституция Российской Федерации включает общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в правовую систему Российской Федерации. Не в систему права и не в право. Правовая система, как установлено в теории права и государства, включает в себя и систему правоотношений, и правоприменение, и органы, обеспечивающие действие права. Часто употребляемый для характеристики соотношения внутреннего и международного права термин «имплементация» как раз говорит о соответствующей реализации принципов и норм международного права (implement – осуществлять, обеспечивать выполнение). Сказанное позволяет, например, утверждать, что содержащаяся в ст. 1 УПК норма («3. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего

¹ Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. М., 2013; Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6 (12). С. 1-11; Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 3-14.

уголовное судопроизводство...”), на наш взгляд, не соответствует Конституции Российской Федерации».¹

В.В. Лазарев привел пример несоответствия, по его мнению, конкретной нормы федерального законодательства нашей Конституции. Если следовать сформулированному им подходу, то можно обнаружить и много других таких норм, не соответствующих нынешней формулировке в Основном законе.

На предлагаемый нами подход решения проблемы соотношения международного и национального права наталкивает и предложенная Валерием Васильевичем идея «ранжирования разных проявлений международного права».² Но это является «отступлением, - как совершенно справедливо указывает В.В. Лазарев, - от смыслового содержания данной нормы Конституции» (имеется в виду ч. 4 ст. 15). Прав Валерий Васильевич и тогда, когда пишет о высшей юридической силе, которая «признается все-таки за правилами, содержащимися в международном договоре. Только применительно к нему Конституция подчеркивает верховенство по отношению к закону. Кстати, - подчеркивает В.В. Лазарев, - было бы неправильно относить термин «общепризнанные» и к принципам, и к нормам, и к договорам. Последние по определению не могут быть общепризнанными, если не иметь в виду условно договоры, участниками которых является подавляющее число государств. Вообще «общепризнанными» по большому счету могут быть только принципы международного права, поскольку на этих общих положениях сходится большинство государств. Нормы же могут быть и не быть общепризнанными. И даже региональная норма международного права

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М., 2010. С. 499.

² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М., 2010. С. 499-500.

может быть общепризнанной, если она является воплощением общепризнанного принципа международного права».¹

Предложенный выше тезис теоретика права также ориентирует на решение проблемы с помощью внесения изменений в Конституцию.

Нам представляется также в этом контексте конструктивной мысль В.В. Лазарева о специфике «правил определения соотношения юридической силы норм российского и международного права».² К этой мысли исследователь пришел благодаря анализу различных норм гражданского, уголовного, налогового и других отраслей права.

И конечно, нам очень импонирует заключительная мысль ученого в рецензируемом разделе научного труда. Здесь В.В. Лазарев указывает: «Если мы хотим эффективно использовать в практике не только нормы национального права, но и признаваемые им нормы и принципы иностранного права или международного права, следует определиться, в какой системе координат следует рассматривать то или другое правовое положение применительно к конкретному делу. *Представляется, что система национальных ценностей* (выделено нами – Авт.), принятая в государстве, правовая система, принципы и связи национальной системы права имеют в ряде случаев приоритетное и непосредственное действие. Суды, равно как и все другие органы, будут руководствоваться не только ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, но в первую очередь нормой ч. 2 ст. 4 Конституции, согласно которой Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации».³

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М., 2010. С. 500.

² ² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М., 2010. С. 501.

³ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». М., 2010. С. 502.

В данном случае мы наблюдаем по существу гимн суверенной государственно-правовой идеологии и российской суверенной философии права, а следовательно, и обоснование при любых обстоятельствах необходимости беспокоиться о суверенитете своего собственного государства.

Пожалуй, Валерий Васильевич один из первых ученых-юристов стал привлекать к своему творчеству художественную литературу. Во всяком случае, он это делает очень умело. Научный материал в данном случае усваивается читателем значительно успешнее, рельефнее и глубже. В качестве примера можно привести его монографию «Социально-психологические аспекты применения права», изданную в Казанском университете в 1982 г.¹ и помещенную в I том Избранных трудов (С. 244-422). При этом В.В. Лазарев использует не только произведения русской классики, скажем, повести М.Е. Салтыкова-Щедрина, но и романы американского писателя Артура Хейли («Аэропорт», «Колеса»), которые только начали издаваться в Советском Союзе в начале 80-х годов XX века. Здесь необходимо заметить, что Валерий Васильевич не ограничивается творчеством лишь М.Е. Салтыкова-Щедрина, он анализирует романы и других русских классиков: Ф.М. Достоевского и М.А. Булгакова, не обходит и западную классику (Вольтер).

Справедливости ради необходимо отметить, что исследователь обращается не только к классике. Он не обходит стороной и творчество молодых писателей. Так, обращаясь к мотивации принимаемых по делу решений, в частности адвокатами, Валерий Васильевич апеллирует к повести Вадима Пеунова «Дело принял адвокат» и приводит его рассуждения, вложенные в уста адвоката: «Нянчимся-нянчимся... а они (имеются в виду преступники – Авт.) самые обыкновенные, этакie выродыши, мутанты... Но где-то должен быть разумный предел нашей гуманности!». Далее В.В. Лазарев предлагает свой комментарий: «Внутренне адвокат, по-видимому,

¹ Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982.

может произносить подобные монологи. Увы, в качестве мотивировок его официальных действий они не подходят. Лично заинтересованный в деле (хотя бы и косвенно) правоприменитель вынужден тщательно скрывать подлинные мотивы своих действий. Но такая ситуация всегда граничит с должностным правонарушением».¹

В.В. Лазарева интересуется и публицистика, в частности, он обращается к «Литературной газете» и приводит совершенно необычный для криминальной практики материал. Два молодых инженера (одному из них было 25 лет) по пути на свадьбу избили и ограбили гражданина Т. (статья Евгения Добровольского в Литературной газете. 1978. 27 сентября. С. 12). Но «изюминка» этого «интересного в психологическом отношении факта состоит в том, - пишет В.В. Лазарев, - что деньги необходимы были (и были потрачены сразу же) на подарок и цветы молодоженам, к которым инженеры шли на свадьбу».²

Здесь важно заметить, что данное обращение к «Литературной газете» не единичное. Чуть дальше В.В. Лазарев анализирует полемику доктора психологических наук Л. Анциферовой с профессором Принстонского университета Джеймсом по вопросам отождествления сознания с самосознанием,³ представленной на полосе газеты (1978. 21 июня), опирается на интересный вывод видных советских ученых А. Прангишвили, Ф. Бассина и А. Шерозия, предложенный также в «Литературной газете» (1980. 27 мая. С. 13). Или обращается к критике личных выгод⁴ должностных лиц

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 382.

² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С.354.

³ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 357.

⁴ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 387.

правоохранительных органов при решении служебных вопросов («ЛГ». 1978. 22 ноября), и т.д.

А в другом разделе своей книги он обращается к иной дискуссии, представленной в «Литературной газете» (1978. № 4; 1978. № 11) о том, как бороться с нарушителями дисциплины: заставить их работать или заинтересовать в результатах труда, или и то и другое. При однозначном подходе к укреплению дисциплины, - приходит к выводу В.В. Лазарев, - как решение вопроса, так и мотивирование его значительно расходятся».¹

У читателя может возникнуть вопрос – а почему Валерий Васильевич обращается именно к «Литературной газете», а не каким-то другим публицистическим изданиям? Просто надо знать то время 70-80-х годов XX века. «Литературная газета» тогда занимала в интеллектуальной жизни Советского Союза особое место. Это был не столько партийный рупор КПСС, сколько полемическая трибуна интеллектуалов. Публикуемые здесь материалы вызывали всегда большой и живой интерес.

Кроме того, будет неправильным полагать, что Валерия Васильевича интересует только «Литературная газета». Он с успехом обращается и к газетам «Правда» (1979. 29 июля), «Известия» (1978. 10 декабря). В частности, когда изучает критику печати таких «личных выгод» должностных лиц, как «обыкновенная бюрократическая канцелярская лень, ложно понятый ведомственный престиж, желание выгородить провинившегося ответственного работника, получение материальных и иных благ».²

При этом ученый сам объясняет причину обращения к литературным источникам: «Лирическое отступление, связанное с обращением к литературным примерам, - замечает В.В. Лазарев, - укрепляет наше мнение о

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 381.

² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 387.

существовании неясного, непознанного в механизме психологической регуляции поведения, хотя все это никак нельзя расценивать в качестве бихевиористского представления о сознании в качестве непознанного "черного ящика"».¹

Соглашаясь с Валерием Васильевичем, мы хотим обратить внимание на другую сторону глубокой компетенции ученого – для тщательности и глубины анализа проблемы исследователь посчитал необходимым наряду с юридическим и психологическим материалом (в работе использованы многочисленные источники научно-психологической литературы – публикации К.А. Абульхановой-Славской, В.Ф. Бахана, Л.П. Буге, В.Л. Васильева, А.В. Дулова, А.Г. Ковалева, Б.Д. Парыгина, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Уснадзе и др.) прибегнуть и к анализу различных примеров из юридической практики и художественной литературы, а также публицистике. Конечно, это «оживляет» научный текст, но для того, чтобы что-то использовать, необходимо это знать. То есть Валерий Васильевич в своих научных произведениях демонстрирует не только глубокую научную эрудицию, но и широкий интеллект хорошо образованного человека, шагающего в ногу с представителями современной общественной элиты.

Большой заслугой и его визитной карточкой является опора на творчество отечественных философов, и конечно, внимательное, добросовестное, и мы бы сказали, трепетное использование произведений учителей и современников-юристов (Н.С. Алексеева, С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, В.М. Баранова, С.В. Боботова, А.Г. Братко, С.Н. Братуся, С.М. Васильева, Н.В. Витрука, Б.С. Волкова, В.М. Горшенева, Е.В. Додина, И.Я. Дюрягина, В.Д. Зорькина, В.П. Казимирчука, Ю.Х. Калмыкова, Д.А. Керимова, С.Ф. Кечекьяна, С.Н. Кожевникова, А.П. Коренева, В.Н. Кудрявцева, О.Э. Лейста, Е.А. Лукашевой, В.З. Лукашевича, П.А. Лупинской, Г.В. Мальцева, Н.С. Малеина, Н.И. Матузова, П.Е. Недбайло,

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 355.

В.С. Нерсисянца, И.С. Ноя, М.Ф. Орзиха, Г.С. Остроумова, А.С. Пиголкина, И.Ф. Покровского, П.М. Рабиновича, Т.Н. Радько, Р.К. Русинова, С. Сабикенова, И.С. Самощенко, В.А. Сапуна, М.С. Строговича, В.А. Туманова, А.А. Ушакова, И.Е. Фарбера, Ф.Н. Фаткуллина, Д.И. Фельдмана, Г.И. Курдюкова, В.А. Шебалина, В.М. Шафирова, В.А. Юсипова, Л.С. Явича и др. Это те имена, которые должны быть вписаны золотыми буквами в Отечественную юридическую науку.

Мы не случайно так подробно перечислили тех авторов-юристов, на работы которых В.В. Лазарев опирается. Это те ученые, которые внесли существенный вклад в развитие юридической науки, который невозможно переоценить. Многие, к сожалению, ушли от нас в мир иной, и нам их не вернуть, лишь память о них и их творчестве нас согревает, другие оказались, как это не удивительно и что невозможно было представить в те годы, когда вышла книга В.В. Лазарева, в иных государствах, с которыми порой у современной России сложные отношения, а немногие продолжают трудиться на благо нашего Отечества и юридической науки.

И какой же молодец В.В. Лазарев, который и тогда, в 70-80-е годы XX века, и сегодня, завершая второе десятилетие XXI века, чтит и помнит тех, с кем работал и творил, у кого учился, кого продолжает уважать сегодня. И тогда, когда западные партнеры навязывают нам не наши, а их собственные, чуждые для нас ценности, стремятся сделать из нас «иванов, не помнящих родства», не знающих своей истории, не желающих вспоминать о своих учителях и коллегах, предлагают опираться на научные работы, опубликованные не позднее пяти лет. Как же можно забыть и игнорировать публикации тех творческих, талантливых, удивительных, уникальных и добрых людей, с которыми встречался на ежегодных научных конференциях в пансионате Академии наук СССР в городе Звенигороде, или, скажем, накануне развала СССР на советско-американском форуме в Кремлевском Дворце Съездов, в Колонном зале Дома Союзов, или на научных конференциях в Московском государственном университете им. М.В.

Ломоносова и Ленинградском государственном университете им А.А. Жданова, а уже в новой России – в том же Санкт-Петербургском университете МВД России на грандиозных международных конференциях в конце XX и начале XXI веков.

На всех этих форумах происходили неизгладимые встречи единомышленников и профессионалов, интеллектуалов и патриотов, глубоких и добрых людей, юридическая наука для которых стала не просто профессией, а самой жизнью. И эту жизнь нельзя забыть. Именно об этом свидетельствуют работы профессора В.В. Лазарева.

Здесь будет правильным указать, что мы привели список далеко не всех ученых, на труды которых опирается в своем творчестве Валерий Васильевич. Это авторы только тех исследований, на которые ссылается ученый в своей монографии, посвященной социально-психологическим аспектам применения права. Будет правильным сказать, что В.В. Лазарев не игнорирует ни одной сколько-либо значимой научной публикации по той проблематике, которой он занимается. Являясь энциклопедистом по своим знаниям, он большой патриот, помнящий и знающий русскую дореволюционную (1917 г.) классику, литературу советского периода и современной России, кроме того, внимательно следящий за творчеством зарубежных коллег. Вспомним хотя бы его книгу и научные статьи о П.Я. Чаадаеве¹ или материалы о Г.В. Плеханове.² Или, например, рецензии на книгу В.С. Нерсисянца «Политические учения Древней Греции»³ и на книгу

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. III: Из истории политической мысли / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010; Лазарев В.В. Чаадаев. М.: Юридическая литература, 1986.

² Лазарев В.В. Плеханов Георгий Валентинович // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. I. М., 2009. С. 568-571; Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. III: Из истории политической мысли / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 337-345.

³ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. III: Из истории политической мысли / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 36-40; Лазарев В.В. Рецензия на книгу В.С. Нерсисянца «Политические учения Древней Греции» (Москва: Наука, 1979) // Сов. государство и право. 1980. № 5. С. 151-153.

Н. Неновски «Приемственность в правото».¹ Здесь важно вспомнить и материал, подготовленный В.В. Лазаревым и посвященный памяти профессора Нено Неновски;² его благодарную публикацию о своей alma mater – Казанском университете – юридический факультет которого он окончил в 1963 году с отличием.³

А чтобы быть таким, необходимо являться не только большим эрудитом, но и глубоким, добрым, душевным, чистым и доброжелательным Человеком с большой буквы. А около большого человека всегда можно найти место другим талантливым и добрым людям.

В предлагаемой рецензии мы уже обращали внимание читателя на то обстоятельство, что в трехтомном труде В.В. Лазарев очень тщательно анализирует российские национальные ценности, и мы увидели в этом его подходы через них к суверенной государственно-правовой идеологии и суверенной русской философии права и, в конечном счете, к российскому государственному суверенитету.

Здесь мы считаем необходимым обратить внимание читателя на то, как Валерий Васильевич подходит к исследованию социально-психологических аспектов применения права с позиций правовых ценностей. Подчеркнем еще раз – это было в начале 80-х годов XX века, а значимость его подхода к ценностной детерминации профессиональной ориентации правоприменителя⁴ продолжает оставаться актуальной и сегодня.

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. III: Из истории политической мысли / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 19-21; Лазарев В.В. Рецензия на книгу Н. Неновски «Приемственность в правото» (София, 1975) // Сов. государство и право. 1976. № 1. С. 152-153.

² Лазарев В.В. Курс истории политических учений: значение, предмет и метод (Памяти проф. Неновски посвящаю) // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3(4). С. 233-251.

³ Лазарев В.В. Понимание права в трудах ученых Казанского университета // Материалы Юбилейной всероссийской научной конференции «Два века юридической науки и образования в Казанском университете». Казань, 2004. С. 18-25.

⁴ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 401-402.

По мнению В.В. Лазарева, и с ним необходимо согласиться, мотивация правоприменителя имеет свою аксиологическую окраску. «Как бы ни формулировать идею зависимости поведения от оценочных актов сознания и воли, - пишет ученый, - ясно одно: поступки людей определяются объективно существующими ценностями человеческого существования, отраженными в психических процессах, протекающих в голове конкретного индивида. Правоприменитель под воздействием общественной и личной жизни вырабатывает определенные установки и позиции, которые побуждают его к соответствующей деятельности, детерминируют профессиональные ориентации и находят затем обьективированное воплощение в избранной линии поведения».¹

Он подчеркивает важность для правового поведения ценности мотивов и ценности результатов. Актуальность именно ценностного подхода к характеристике правоприменения. Отсюда понимание того, на какие ценности ориентируется правоприменитель в своей профессиональной деятельности.²

Обращаясь к творчеству известного специалиста В.П. Тугаринова, Валерий Васильевич предварительно устанавливает, какой же смысл вкладывается учеными в понимание категории «ценность», и каково же отношение к оценочным предикатам.

Затем выявляет направления видения ценности права. Подчеркивает, что одни ученые видят в праве ценность в силу присущих ему свойств. Способность удовлетворять определенные цели; другие же подходят к нахождению ценности права с позиции отношения людей к действующему законодательству, законности, правопорядку и т.д. Констатирует, что при нормальной ситуации наступает один и тот же результат, ибо оба указанных

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 402.

² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 403.

подхода не только совместимы, но и немыслимы один без другого. Только в совокупности оба направления «выявления ценности права могут дать достоверный результат».¹

Далее ученый рассуждает об объективности и полезности вещей, их значимых свойствах, о познании и оценке этих свойств. Приходит к заключению о том, что «объективно полезные и необходимые свойства вещей. Равно как и сами эти вещи, вообще могут какое-то время оставаться неосознанными, неценными, непонятными».²

Создается ситуация, когда «они как бы утрачивают ценностные качества из-за неприятия их людьми».³ Возможна и обратная ситуация, когда «вещи не являются для людей жизненной необходимостью, в силу различных процессов, происходящих в индивидуальном и общественном сознании, вдруг начинают приобретать в глазах отдельных индивидов, групп или общества в целом, какой-то вес и значение. Более того, - уточняет исследователь, - такое значение начинает играть даже не сам материализованный объект (и скорее всего не он сам, так как он не обладает объективными ценностными свойствами), а его образ, идея, идеал. Помимо того что происходит диалектический переход объективного в субъективное, субъективное получает объективированное выражение и происходящие при этом отклонения еще более усложняют общую картину».⁴

То есть В.В. Лазарев в начале 80-х годов XX века предупреждал нас об опасности того, применительно предположительно к ценностям человека, что мы стали наблюдать, к сожалению, с начала 90-х годов. То, что для нас

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 403-404.

² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 404.

³ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 404.

⁴ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 404.

не является жизненно необходимым, более того, на самом деле очень даже опасно, стало овладевать сознанием отдельных граждан, потом групп, а в последующем пытается посягать на общество в целом. При этом, это вредное и опасное стало насаждаться в России ее «партнерами» из Западной Европы и США. Нас стали очень агрессивно убеждать в ценности вредных для нас не только вещей, но и мыслей, навязывать чуждые нам, да и всему человечеству, западные ценности.¹ Насколько же прозорлив профессор В.В. Лазарев, он увидел то. Что не увидели, или не захотели увидеть и понять тогда многие идеологи и политики. А некоторые не хотят это понимать и сегодня. Хочется порекомендовать им ознакомиться со следующим замечанием классика теории государства и права: «И тем не менее ценность, - пишет он, - это то, что служит людям. Реальные ценности в действительности обладают полезным свойствами и могут приносить реальный результат. Мнимые ценности - наделяются полезными свойствами сознанием индивидов, и «полезность» их относительна, преходяща и всегда уязвима с точки зрения основной линии жизнедеятельности людей».²

Валерий Васильевич рассуждает о расхождении в понимании ценностей, их значимости и важности для человека. Подвергает критике позицию профессора Массачусетского технологического института Джорджа Пага, отстаивающего идею биологического происхождения «системы первичных

¹ *Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А.* Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // *Юридическая наука: история и современность.* 2017. № 4. С. 181-188; *Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И.* От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // *Мир политики и социологии.* 2015. № 11. С. 90-98; *Сальников В.П., Романовская В.Б.* «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // *Мир политики и социологии.* 2014. № 11. С. 11-15; *Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б.* Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // *Мир политики и социологии.* 2015. № 7. С. 11-18; *Сальников М.В., Вележнев С.И., Тищенко А.Г.* Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России.* 2004. № 4(24). С. 29-31.

² *Лазарев В.В.* Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 404.

человеческих ценностей», к которым, по его мнению, относятся, гедонистические ценности (ценности удовольствия, наслаждения, удовлетворения), охранительные ценности (самосохранения, стабильности и пр.), природно-этические и эстетические ценности (красота природы, сексуальная привлекательность и т.п.).

Вспоминает профессор В.В. Лазарев и о биологической трактовке ценностных стремлений и мотивов поведения человека, присущих канадскому ученому Гансу Селье.

Обращает внимание на то, что трактовка человеческих ценностей Джорджем Паг и Гансом Селье удобна для интерпретации поведения людей в индивидуалистическом аспекте. Другими словами, Валерий Васильевич предупреждал о возможности формирования в России общества потребления, подмены наших традиционных российских национальных ценностей (соборность, коллективизм, патриотизм, традиционная семья, уважение к старшим, любовь к Родине, готовность к самопожертвованию, национальная гордость и т.д.¹ теми, которые сегодня навязывает Запад (однополой браки; сексуальная распущенность; свобода без ограничений и беспорядочность; игнорирование традиционной семьи; безграничная свобода во всех проявлениях: наркотики, агрессия, индивидуализм и др.; ювенальная юстиция). Запад стремится доказать нам, что все человеческие ценности сводятся к чисто биологическому представлению и активно использует этот

¹ Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 1. С. 23-40; Сальников М.В. Геополитические, экономические и социокультурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 47-66; Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2004. № 3 (23). С. 20-22 Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. 2013. № 10. С. 27-44; Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 1. С. 170-188; Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. 2013. № 9. С. 62-81.

свой вывод против наших коллективистских, патриотических, традиционно-семейных, истинно-исторических и внутренне духовных начал.

Обращаясь к тому историческому периоду развития нашего Отечества, В.В. Лазарев подчеркивает, что мы «вовсе не против (да и как можно быть против) удовлетворения биологических потребностей». Российское общество тогда не выступало против удовлетворения биологических потребностей. И сейчас мы тоже не против этого. «Но оно, - замечает ученый, - принципиально враждебно низменным, антисоциальным склонностям и мотивам индивида».¹

Приведенные слова были написаны (напомним) в начале 80-х годов XX века, но они значимы и сегодня. Прав Валерий Васильевич и далее, когда подчеркивает исключительную важность активной социальной деятельности человека для формирования его как всесторонне развитой личности. Опираясь на достижения отечественной психологической науки, солидаризируется с высказыванием о том, что смысл жизни человека состоит не просто в удовлетворении каких-то потребностей, в достижении определенных результатов, но и в самой деятельности, в самом функционировании человека, в его человеческом качестве. Исходя из собственной жизнедеятельности, мы полностью поддерживаем коллегу и полагаем, что человеческое в человеке предназначено для того, чтобы он творил добро на благо человека и общества.

Сформулировав свое отношение к человеческой деятельности, Валерий Васильевич идет дальше. Он обосновывает смысл жизнедеятельности правоприменителя, полагая, что он (смысл) состоит «не только в удовлетворении собственных биосоциальных потребностей, но и в активном стремлении обеспечить достижение закрепленных правом возможностей третьими лицами. Альтруистское начало не противно человеческой природе.

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 405.

Можно только приветствовать возведение его в официальный принцип должностной деятельности».¹

Здесь исследователь вновь демонстрирует соответствие собственных ценностей высшим ценностям российского общества и противопоставление их вульгарному индивидуализму.

Интересна в работе и позиция ученого по вопросам соотношения ценностей и норм (в том числе правовых норм), определения возможности ценностей проявляться в качестве регуляторов поведения. Заслуживает внимания и рассмотренная автором классификация ценностей, связанных с правом. Здесь очень значимым, с нашей точки зрения, следующее высказывание Валерий Васильевича: «государство использует правовые нормы для официального (всеобщего и обязательного) возведения соответствующих отношений и явлений в ранг социальных ценностей».²

Ученый ведет речь не только о ценности права, но и о ценности государства. В крайние года Запад пытается обосновать идею о том, что государство становится лишним и далее опасным для людей и общества, доказывая, что институты гражданского общества вполне способны заменить государство с всей его бюрократией. Это очень опасная и разрушительная для жизнедеятельности человека идея. Она способна привести общество к хаосу, страшным беспорядкам и человеческим жертвам. Другое дело «нельзя однозначно ответить на вопрос о том, - как справедливо замечает В.В. Лазарев, - являются ли на деле охраняемые правом интересы и институты действительно ценностями».³

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 405.

² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 407.

³ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 407.

По нашему мнению, предложенное выше замечание классика теории государства и права просто льет воду на нашу мельницу компрехендной доктрины права, которая, кроме всего прочего, выступает против идеализации права. Мы неоднократно писали об абсурдности, безнравственности, бессмысленности, неразумности и других негативных свойствах закона и права. Взять хотя бы западные ценности, такие как однополые браки, право потребления легких наркотиков, изъятие детей из нормальных семей в рамках ювенальной юстиции, снос и уничтожение исторических памятников и т.д. — они закреплены в законах и обеспечиваются государством в различных европейских странах и некоторых штатах США, но они (и указанные ценности, и право вместе с законом явно не способствуют нормальной и объективной жизнедеятельности человека.

Мы полностью согласны с мнением В.В. Лазарева о том, что ценность права и его норм преходяща (или правовых норм, а следовательно, и права в целом, преходяща и весьма относительна). В.В. Лазарев приводит соответствующий пример: «Принятие... в качестве основного мерила поведение норм, исходящих от законодательных органов, зависит от характера и уровня политической культуры. Реальное действие норм зависит от того, в какой мере они отражают потребности общественного развития; в какой мере эти потребности и сами нормы осознаются правоприменителем и гражданами. В государствах с различной социально-экономической основой и неодинаковым политическим строем по-разному проявляются ценностные ориентации правоприменителя».¹

Действительно это так. Да и не только по-разному проявляются ценностные ориентации правоприменителя, но и других участников общественных правоотношений, в том числе и простого человека.

Сегодня нас заинтересовал вывод В.В. Лазарева о том, что общество сильно только беззаветным служением блюстителей закона общественным

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 408-409.

(коллективным) интересам. «Всякие иные ориентации, - пишет ученый, - идут в ущерб коллективистскому началу, несмотря на то, что при этом не исключается достижение общественно значимых результатов. Социально ценным в... обществе может считаться только такое поведение должностных лиц, которое правомерно по своей объективной стороне и высоконравственно по внутренним мотивам».¹

Валерий Васильевич ведет речь о социалистическом обществе. Мы распространили бы этот его вывод на наше российское общество. Именно в таком подходе проявляется ценность и суверенность нашего Отечества, нашего российского общества. А отсюда, как совершенно справедливо считает ученый, весьма значима проблема формирования ценностных отношений в нашем обществе, то есть, как мы считаем, российская суверенная государственно-правовая идеология, да и вся российская философия права.

Формирование истинно ценностных отношений людей в нашем российском национальном обществе возможно лишь благодаря суверенной государственно-правовой идеологии. Предложенный тезис не исключает плюрализма идеологий, он (плюрализм) не только возможен, но и необходим в обществе. Но мы ведем речь об идеологии государства. В суверенном государстве идеология должна опираться на господствующую в данном обществе правовую культуру и быть суверенной, то есть независимой от идеологии других государств.

Трехтомное издание профессора В.В. Лазарева настолько увлекает, что с ним не хочется расставаться. Оно притягивает к себе и не отпускает. Хочется вновь и вновь листать его страницы, вникать в написанный текст. Книги будируют много серьезных размышлений, дают значительную пищу для ума, активизируют мыслительный процесс читателя. Для того, чтобы убедиться в

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 411.

справедливости приведенных выше слов, достаточно лишь ознакомиться с оглавлением каждого тома. Содержание книги говорит само за себя.

Мы не будем в рецензии перечислять содержание каждого тома, скажем лишь, что в первом томе в контексте применения права, кроме тех вопросов, о которых мы говорили, обсуждается: правовое сознание; нетипичные ситуации этого процесса; эффективность соответствующих актов; закономерности правомерного поведения; необходимое количество законов; законодательство и перестройка советского общества; юридическая наука и практика в условиях перестройки, и др.

Мы не удержались от того, чтобы хотя бы чуть-чуть сказать о некоторых других, порой и небольших по объему, но очень емких по содержанию материалов, помещенных в первом томе.

Нас не могла не заинтересовать публикация, помещенная в 1990 г. в «Московских новостях»: «Власть права или право власти?».¹ Здесь ученый рассуждает о метаморфозах построения в СССР правового государства. Вспоминает о противоречивых резолюциях XIX партконференции, в одной из которых говорилось о завершении построения социалистического правового государства, в другой же – только о начале этого строительства.

Исследователь делится информацией об обещаниях многих кандидатов в народные депутаты СССР активно формировать Советское правовое государство, но, освоившись в кремлевских палатах, они стали заявлять, что «это путь долгий и трудный». В.В. Лазарев иронично заявляет, имея в виду последние слова депутатов: «Трудно, оказывается, обеспечивать права человека, следовать принципу разделения властей, добиваться реальной юридической ответственности».

Мы тоже помним эти непростые времена и полностью согласны с коллегой.

¹ Лазарев В.В. Власть права или право власти?» // Московские новости. 1990. № 41. 14 октября. С. 6.

С горечью ученый заявляет: «Сдается мне, сегодня провозглашается и получает практическое воплощение позиция, свидетельствующая о явном отходе от правового государства. На заседаниях парламента можно услышать: “закон пишется для граждан государства”. И ни слова не говорится о должностных лицах. А ведь концепция правового государства изначально исторически связана с идеями общественного договора, по которому общество, передавая часть своих прав государству, строго регулирует при этом деятельность всех его органов. Правовое государство предполагает весьма широкое, но не безграничное действие принципа «что не запрещено – дозволено», но принцип этот действует только по отношению к гражданам, использовать его в отношении государственных органов и должностных лиц – опасно».¹

Конечно, опасно. Об этом вел речь Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, профессор В.Д. Зорькин спустя аж 23 года в лекции в другом парламенте, уже новом, Российском – Государственной Думе, в лекции, посвященной 20-летию принятия Конституции Российской Федерации.

Анализируя ситуацию с правовым регулированием в современной правовой доктрине России, профессор В.Д. Зорькин ведет речь о двух принципах: «разрешено все, что прямо не запрещено» и «запрещено все, что прямо не разрешено». Если первый принцип относится к частным лицам, то второй распространяется лишь на представителей публичной власти. Понятно, что данная позиция В.Д. Зорькина совпадает со взглядами В.В. Лазарева. Мы тоже об этом подходе много писали и солидарны с коллегами.

К сожалению, указанные принципы носят лишь доктринальный, а не нормативно-правовой характер. Они не закреплены в нормах Конституции. Возможно, нам следует пойти по пути Конституции Французской

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 474.

Республики и прямо зафиксировать эти теоретико-методологические принципы в качестве конституционной нормы.

Хотя и действующая Российская Конституция ориентирует именно на эти два принципа оценки правового регулирования. Так, В.Д. Зорькин обращает внимание на то обстоятельство, что первый принцип («разрешено все, что прямо не запрещено») «легко выводится из статьи 2 Конституции, а разрешительный порядок осуществления государственно-властных полномочий («запрещено все, что прямо не разрешено» - указано нами – Авт.) – это всего лишь логическое развитие принципа приоритета прав человека. С позиций этих доктринальных критериев, логически вытекающих из правового смысла статьи 2 Конституции Российской Федерации, очевидно, что при трактовке конституционного текста надо ориентироваться на выявление дополнительных гарантий прав человека, а не дополнительных оснований для ограничения этих прав».¹

В этой же лекции профессор В.Д. Зорькин сетует: «базовый принцип оценки правового регулирования – «разрешено все, что прямо не запрещено» для частных лиц, и вытекающий из него принцип «запрещено все, что прямо не разрешено» для представителей публичной власти – до сих пор не получили надлежащего теоретического осмысления в исследованиях, посвященных методологии толкования Конституции Российской Федерации. Поэтому главный план конституционно-правовой теории в работу по преодолению тенденции к монополизации и бесконтрольности политической власти, заключается в формировании доктрины, содержащие четкие теоретико-методологические основания для разграничения права от произвола, опираясь на которые можно было бы в рамках юридико-

¹ Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М., 2013. С. 28.

догматической интерпретации конституционных норм выстроить последовательную доктрину критериев ограничения прав человека.¹

И далее председатель Конституционного Суда Российской Федерации ссылается на научных авторитетов: «Нынешние постсоциалистические реалии, - указывает В.Д. Зорькин, - свидетельствуют, пишет в этой связи академик В.С. Нерсисянц, что такую работу “пока это возможно, должны делать сторонники действующей Конституции, не откладывая дело до прихода к власти ее противников”».²

Мудрые и здоровые мысли В.С. Нерсисянца и В.Д. Зорькина, хотя ставшие достоянием общественности спустя много лет после приведенной нами позиции В.В. Лазарева, к сожалению, до сих пор никто не услышал.

Вернемся же к статье профессора В.В. Лазарева. В 1990 г. он пишет: «Существуют вполне определенные причины нынешнего паралича власти. Однако есть люди, не желающие видеть эти причины. Им больше по душе “ниноандреевское” толкование современного хаоса: “нарождающаяся демократия все больше и больше приобретает уродливые черты охлократии, власти толпы”. О какой толпе идет речь? Если о той, которая собиралась на Манежной площади, в Лужниках, в шахтерских регионах, то она заслуживает уважительного отношения. Да и не видно, чтобы народные массы с Лужников и Манежа властвовали. Они требовали отставки правительства, но кто выполнил их требование?»³

Почти тридцать лет прошло с момента описываемых событий. Как много утекло воды с того времени, сколько было многочисленных и противоречивых групповых выступлений граждан и к чему они в конечном

¹ Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М., 2013. С. 28-29.

² Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М., 2013. С. 29.

³ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 474-475.

счете привели, мы сегодня все хорошо знаем. Возможно, не всегда нужно идти на поводу различной толпы, но слышать ее необходимо, как и нужно каждый раз делать соответствующие выводы.

Очень важно, с чьего голоса поет толпа, кто этих людей вывел на улицу, какую цель перед ними поставил и каковы источники финансирования данных публичных выступлений. Очень часто массовые выступления инспирированы из-за рубежа, воодушевляются и поддерживаются далеко не нашими друзьями, да и цели-то у них далеки от благородных, зачастую примитивно пошлые, направленные против нашего российского суверенитета, на нарушение законности и правопорядка, насаждение опять же чуждых нам ценностей, в конечном счете противный простому человеку и его правам.

С другой стороны, очень важно слышать и понимать людей, разговаривать с ними на равных, быть функционером, доступным для рабочего человека, студента, интеллигенции, любого труженика. У нас есть хорошие примеры нашего российского лидера, его открытые массовые, транслируемые на всю страну и весь мир ответы в прямом эфире не только корреспондентам, но и жителям страны из самой далекой глубинки, на любой интересный и злободневный вопрос. Такое общение лидера с народом формирует необходимый уровень общественного сознания. Нашему, как и любому государству, необходимо общественное доверие, доверие простых людей между собой, между институтами гражданского общества, между обществом и властью. Трудно определить, какое из этих трех направлений доверия значимее – важны все три. И мы полностью согласны не только с В.В. Лазаревым, но и В.Д. Зорькиным, который также об этом говорит. «Особенно важно, - он, - то доверие общества к власти, на котором базируется легитимность власти, и то доверие власти по отношению к обществу, на котором только и может основываться эффективная

государственная политика. Очевидно, что доверие может быть только взаимным».¹

В.Д. Зорькин видит ту роль, которую обязаны сыграть в обеспечение данного доверия институты законодательной и судебной власти, а также элита и лидеры общественного мнения. Законодательная власть, являясь и представительной, обязана не только представлять, но и адекватно выражать «интересы всех социальных слоев и групп нашего общества. Роль законодателя – слышать запросы общества. Она должна слышать социальные запросы и доверять им. Не навязывая обществу то или иное решение социальных проблем, а, относясь с уважением и доверием к различным, зачастую противоборствующим социальным интересам, искать способы и формы достижения согласия между ними. Только на этой основе – на основе равносправедливого учета всех социальных интересов в рамках принимаемого Думой законодательного решения – можно добиться ответного доверия к законодательной власти со стороны общества. И только на такой основе возможна выработка правовых законов».² А правовое качество законов способно обеспечить правосудное решение конкретного судебного спора.

Невозможно переоценить роль законодателя, а также суда и правосудия, в формировании доверия со стороны общества, власти. В этом едины и Лазарев, и Зорькин.³

Законодательная, а вслед за ней и судебная власть сегодня должны выступать гарантом спокойствия и стабильности. «Недопустимо вмешательство в осуществление правосудия и, конечно, применение каких-

¹ Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М., 2013. С. 27.

² Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М., 2013. С. 27.

³ Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М., 2013. С. 29, 64.

либо санкций к судьям за содержание вынесенных ими решений, за высказанное ими в ходе осуществления правосудия мнение. Вместе с тем, недопустимость воздействия на судей с помощью административных методов, несовместимых с принципом судейской независимости, не означает невозможности общественной реакции на деятельность судебной системы – в виде обсуждения, анализа и оценки как решений по отдельным делам, так и целых направлений судебной деятельности. Иное означало бы полное устранение судебной власти от диалога с обществом, делегировавших ей ее полномочия, закрытость судебной власти, возвращение средневекового принципа управления ”Король не может ошибаться”».¹

И, безусловно, очень важна роль элиты и лидеров общественного мнения в установлении и поддержании взаимного доверия между властью и обществом.

Эти люди должны заботиться о том, чтобы не перекладывалась вина за имеющиеся в обществе проблемы, в том числе и связанные с массовыми выступлениями, с исполнительной власти на самих граждан, и не делегировались должностным лицам дополнительные прерогативы. Нельзя, совершенно прав в этом В.В. Лазарев, утверждать, что во всех проблемах лежит природная расхлябанность «наших людей по отношению к закону», отсутствие «в народе правосознания».

Нам очень понравился заключительный вывод, предложенный В.В. Лазаревым в его небольшой статье «Власть права или право власти?»: «С древнейших времен ставился вопрос: нужны ли правителям законы для выполнения своих функций? Платону, например, представлялось несущественным, будут ли управлять по законам или без них, - важно, чтобы управляли мудрейшие. Аристотель возражал Платону: закон необходим для предотвращения произвола правящих. Именно это мнение лежит в основе идей господства права. Право власти производно от предписаний закона. А

¹ Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М., 2013. С. 29.

он, в свою очередь, должен находиться под властью права. Только на этой основе позволительно «людям править людьми», и людям же “править законом”».¹

Мы считаем, этот вывод созвучен позиции В.Д. Зорькина о цивилизации права.² Конечно, прав Валерий Дмитриевич, когда утверждает, что «если право погибнет, то мир окажется у края бездны». Данное утверждение полностью совпадает с нашей комплексной доктриной понимания права, хотя мы и выступаем против его идеализации. Одно другому не мешает. В.Д. Зорькин не видит той великой цели, которая может заменить собою право, спасая мир от низвержения в бездну. Думаем, и В.В. Лазарев тоже такого же мнения. Мы также не видим замены праву при всей его неоднозначности. «А право, - по мнению В.Д. Зорькина, - рушится. Рушится стремительно. Я говорил об этом тогда, - пишет он, - когда международное право рушилось и подменялось грубой силой в Ираке, Югославии, Египте, Тунисе, Ливии, Сирии. Теперь в Украине мы видим беспрецедентные масштабы внешнего вмешательства во внутренние дела находящегося в центре Европы суверенного государства. Вмешательства, сопровождаемого беспрецедентной компанией информационно-пропагандистской фальсификации реальных событий и произвольными заинтересованными интерпретациями международного и национального права.

Если международные отношения и далее будут развиваться по подобным сценариям, то это чревато гибелью всей цивилизации права, которую человечество выстрадало в кровавых войнах и революциях XX в. Гибнущая цивилизация права потянет за собой в бездну и все остальные цивилизации, являющиеся сейчас, по сути, реликтовыми структурами».³

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 475.

² Зорькин В.Д. Цивилизация права. Если право погибнет, то мир окажется у края бездны // Российская газета. 2014. 13 марта.

³ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 316-317.

Приходится констатировать, что рушится цивилизация права не только тогда, когда грубо попираются нормы международного права, но и при игнорировании национальных правовых предписаний, и не важно, от кого они исходят – от власти или народа. Вот почему жизненно необходимо единство народа и власти. И тысячу раз прав Вольтер, утверждавший: «Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов». И конечно, нельзя не согласиться с Кантом, считавшим, что главным мерилom свободного человеческого поведения всегда должен быть нравственный закон внутри каждого из нас: и представителя государственной бюрократии, и каждого индивида. Правовая культура в современном мире синкретична,¹ она вбирает в себя достижения всех социальных регуляторов и, конечно, морали. Общество нуждается в настоящей цивилизации права, в которой человечество, по мнению В.Д. Зорькина должно обрести высшую в своей истории степень свободы.²

Очень актуальны и сегодня проблемы, затрагиваемые В.В. Лазаревым в статье «Закон и его применение», опубликованной в конце 80-х годов XX века. Здесь он ведет речь о кризисе правосознания, кризисе законности, кризисе и правоприменительной деятельности: «расхождении слова и дела, возмутительном разрыве между тем, что декларировалось, и тем, что делалось на практике, ... беззастенчивом вуалировании и извращении действительности, представлении должного как сущего. Отсюда, - продолжает ученый, - неэффективность законодательства, частые сбои в

¹ Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. 2013. Том 18. № 4. С. 1352-1356; Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С. 36-73; Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 182-190; Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры. Уфа, 2011; Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа, 2018.

² Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. М., 2020.

механизме правового регулирования, злоупотребления, коррупция, а подчас срастание государственного механизма с преступностью».¹

Ученый приводит убийственные примеры, ссылаясь, скажем, на вопиющий случай, ставший достоянием общественности благодаря публикации в «Литературной газете»,² когда прокурора одной из союзных республик (а из в СССР было 15) освободил с занимаемой должности не Генеральный прокурор, как этого требует закон, а партийный орган.³

Проявление кризиса исследователь иллюстрирует и другими примерами. Некоторые авторы, несмотря на понимание того, что «организация и управление регламентированы законами и подзаконными актами» предлагают рисковать и идти напролом,⁴ порицают стремление к порядку и руководству нормативно-правовыми актами, а превозносят «стихийное начало в общественной жизни».⁵

В.В. Лазарев приводит интересные зарисовки раздвоения правосознания юристов, как теоретиков, так и практиков. «Так, судья В. в городе Свердловске, - указывает В.В. Лазарев, - оштрафовал гражданина Н., который принимал участие в несанкционированном митинге, признав его виновным в нарушении ст. 165 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях. На другой день, прекращая дело в отношении других участников митинга за отсутствие состава правонарушения, судья сделал заявление: «Прослушав доклад Горбачева на партконференции, я отменяю решение, принятое мною вчера в отношении Н.»... Суды под давлением прессы пересматривают вынесенные ранее приговоры в отношении ряда

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 479.

² Ваксберг А. Бурные аплодисменты // Литературная газета. 1988. 21 сентября.

³ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 477.

⁴ Корхов Ю. Паутина принуждения // Новый мир. 1987. № 5. С. 243.

⁵ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 480.

хозяйственников, - с сожалением констатирует В.В. Лазарев, - прокуроры ориентируют на снисходительное отношение предприимчивым людям, милиция свертывает работу по выполнению указа о борьбе с нетрудовыми доходами. Всех тяготят правовые установления, не соответствующие новой экономической политике.¹

Исследователь тщательно разбирается в причинах, связанных со смятением в умах и действиях должностных лиц на стезе правоприменения. И очень справедливо его обоснование того, что правоприменитель может выполнять свое социальное предназначение лишь при наличии определенных условий:

1. единство правовой системы;
2. верховенство в ней закона;
3. соответствие юридического закона естественно-исторической закономерности общественного развития.

В предложенном подходе сразу же виден классик теории государства и права, как в общем-то в призыве всегда отстаивать разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, дополнение и сдерживание одной другую. «Нельзя допустить, - пишет В.В. Лазарев, - чтобы правоприменитель превращался в законодателя, но и законодатель не должен решать конкретных вопросов за правоприменителя.²

В контексте диалогов юриста и философа вызывают понятный интерес у каждого читателя рассуждения о том, есть ли законность «калужская» и «казанская».³

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 480-481.

² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 483-484.

³ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 494-604.

И, конечно, мы не могли обойти вниманием статью, помещенную в первом томе избранных трудов «Теоретические вопросы взаимосвязи профессиональных и общественных начал в деятельности органов внутренних дел».¹

Согласившись в начале статьи с В.Е. Гулиевым о том, что органы внутренних дел, точно так же, как и армия, суды, платный аппарат государственного управления, «отнюдь не представляет собой самоуправляющихся единиц»,² исследователь довольно подробно выясняет, что следует понимать под профессиональной и общественной деятельностью (профессиональным и общественным началами). В этом, с нашей точки зрения, также проявляется классик теории государства и права.

«Профессиональное начало, - заключает В.В. Лазарев, - предполагает специальную подготовку, усвоение определенного комплекса знаний, постоянное обновление и углубление их в тесной связи с практически-преобразовательной работой. Это по существу. А по форме – профессиональное начало предполагает особое закрепление (удостоверение) в специальном документе приобретенных знаний, навыков и умений. Между формой и содержанием в действительности может не быть полного соответствия, но это уже издержки той же деятельности..., профессионализм непременно связывается с наличием специальных знаний».³

Что же касается общественной деятельности, то исследователь выясняет ее сущность путем сравнения с государственной деятельностью. Говорит о необходимости отличать главную государственную деятельность от работы на общественных началах (неоплачиваемой). В то же время с сожалением констатирует, «наша социально-политическая практика часть не сочетается с

¹ Лазарев В.В. Теоретические вопросы взаимосвязи профессиональных и общественных начал в деятельности органов внутренних дел: история и современность // Труды Академии МВД СССР. М., 1990.

² Гулиев В.Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Сов. государство и право. 1986. № 2. С. 8

³ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 606-607.

теорией. В ущерб делу происходит неоправданное смещение и смешение различных начал. Например, наиболее квалифицированная работа часто выполняется специалистом бесплатно, на общественных началах (отсюда далеко не качественно). С другой стороны, распространены так называемые «общественные профессии», занятие которыми вызывает сегодня разные вопросы... В общественных организациях, заорганизованных и обюрократившихся, имеется такое засилие платных функционеров, «что возникает необходимость их коренной реорганизации».¹

Такая задача выдвигалась в конце 80-х годов XX в., она продолжает оставаться актуальной и сегодня, спустя почти сорок лет. Действительно, социально-политическая практика далека от теории и не всегда десятилетия способны их сблизить.

В.В. Лазарев анализирует позицию Ю.А. Тихомирова по вопросам участия народа в осуществлении власти, который выделяет три основных формы этого участия:

1. Непосредственную, когда все население или его часть участвуют в решении вопросов государственной жизни.

2. Представительную, при которой такие вопросы решают выборные представители.

3. Профессиональную, означающую выделение для выполнения текущих и специальных функций управления особого слоя людей.²

В.В. Лазарев дискутирует с ним и приходит к выводу о том, что при таком подходе все три формы осуществления власти предполагают выполнение соответствующих функций на общественных началах. Выходит с рекомендацией внедрения профессионального начала во все сферы государственной деятельности и на всех ее уровнях, выделяет уровни государственной работы. Опираясь на научное творчество профессора М.И.

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 608.

² Тихомиров Ю.А. Власть и управление в социалистическом обществе. М., 1968. С. 54.

Пискотина,¹ справедливо утверждает о том, что не может быть государства без чиновничества. В то же время доказывает: «коллективизм, демократия, самоуправление нужны нам постольку, поскольку они удовлетворяют духовные и материальные ценности общества, поскольку служат социально-экономическому развитию. Ценностный подход позволяет сопоставлять, сравнивать, и не догматически, а жизнью проверять, что наиболее приемлемо в настоящих условиях, что наиболее эффективно работает на нас».²

Нетрудно заметить, здесь так же, как и в других работах В.В. Лазарев обращается именно к нашим, отечественным ценностям; представляется это очень важным.

Он прослеживает также связь самоуправления с общественными и профессиональными началами решения социальных вопросов. Используя системный подход, исследуем взаимоотношение различных социальных сил и институциональных образований, устанавливает господствующее влияние между элементами одной системы.

Опираясь на работы Л.А. Григоряна, Б.П. Курашвили и Ю.А. Тихомирова, приходит к следующему заключению: «Государственное самоуправление, конечно же, в той или иной мере контролируется обществом, которое оказывает государству поддержку или доверие, или, напротив, борется за гласность, реформы и коренные внутригосударственные преобразования. Вместе с тем самоуправление здесь осуществляется, как правило, без привлечения общественности.

Что касается общественного самоуправления, то оно вообще исключает участие государства, хотя государственное влияние и контроль, конечно, имеют место, так как любая деятельность в государственно-организованном обществе проводится в рамках закона. Проблемы участия общественности в

¹ Пискотин М.И. Социализм и государственное управление. М., 1984. С. 51-52.

² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 610-611.

государственных делах актуализируется применительно к общественной деятельности государства».¹

Обращаясь к органам внутренних дел, В.В. Лазарев замечает, что здесь соотношение профессионального и общественных начал так же проявляется, как и в государстве в целом. Но при этом предлагается учитывать два фактора.

Первый связан с тем, что система МВД воплощает в себя несколько различных составляющих. Одни относятся к органам управления, другие – к органам юрисдикции, а также к материальным придаткам. Отсюда, «соотношение указанных начал следует выявлять не только применительно к Министерству внутренних дел вообще, но и применительно к его различным подразделениям и службам». Кроме того, «по сравнению с невоенизированными органами и учреждениями, МВД имеет ряд специфических черт, скорее ограничивающих внедрение общественного начала, нежели развивающих его».²

Данное замечание В.В. Лазарева, в то же время и авторитетного сотрудника МВД (полковник, проходившего службу в академии) имело очень большое значение, особенно в 1990 году, когда в нашем Отечестве наблюдались безудержные попытки избавиться от всего государственного, все заменить на общественное. Эта тенденция коснулась и органов внутренних дел.

В.В. Лазарев не только теоретически, как доктор юридических наук и профессор, пришел к сформулированному выше выводу, но и как практический сотрудник, полковник МВД, видел изнутри системы, что все попытки «потеснить» профессиональное начало здесь за счет внедрения общественного, не привели и не могли привести к успеху, «поскольку при

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 613.

² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 614.

этом игнорировались объективные закономерности развития государства в целом и органов внутренних дел в частности, природа человека и человеческого общежития».¹

Ученый обратил внимание на имевшие место ранее исторические попытки реализовать идеи сочетания профессионального и общественного начал в организацию и деятельность органов внутренних дел. В частности, сослался на Второй Всероссийский съезд административных работников (1928 г.), где Нарком внутренних дел РСФСР В.Н. Долмачев предложил реализовать «милиционную систему в милиции». В частности, предлагалось «при незначительном основном постоянном (кадровом) составе работников обязанности милиционеров осуществляют “в порядке общественной повинности” товарищи из общественных организаций, из рабочего класса. Внедрение этой системы, - пишет В.В. Лазарев, - расценивалось как переход к формам социалистического управления, как один из первых шагов на пути преобразования и последующего отмирания социалистического государственного аппарата, который, по тогдашним представлениям, не должен состоять из наемных чиновников».²

На съезде вопрос ставился и более радикально – доказывалась необходимость укрепления таким образом связи милиции в целом с общественностью, не исключался из этого процесса и уголовный розыск. Многим тогда идея милиционной системы виделась перспективной. Вместе с тем, среди делегатов были и сомневающиеся, которые высказывались против немедленного введения рассматриваемой системы.

Введенная милиционная система в органах внутренних дел не прижилась.

Подводя итог проведенному в конце 20-х годов XX века эксперименту, профессор В.В. Лазарев пишет: «Взаимосвязь профессионального и

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 614.

² Второй Всероссийский съезд административных работников. 23-30 апреля 1928 г. / Сокращенная стенограмма. М., 1929. С. 18.

общественного начал нельзя анализировать вне времени и социально-политической обстановки, без уяснения отношения населения к деятельности милиции».¹

Он обращается также к зарубежному опыту, в частности, к творчеству исследователей английской полиции Д. Олдерсону и его статье «Общественный надзор за правопорядком», а также к статье «Автономия полиции политика свободы действий» его коллег Р. Кинсея и Д. Янга.² В статьях представлены два противоположных друг другу взгляда на роль общественного контроля за полицией.

Обращаясь к истории нашей страны, В.В. Лазарев рассматривает ситуацию после февральской и октябрьской революций (1917 г.) и приходит к выводу: «После победы социалистической революции, когда государство диктатуры пролетариата начало осуществлять свои функции в масштабах всей страны, были образованы органы внутренних дел. В условиях пролетарской государственности они не могли базироваться ни на какой другой основе, кроме как профессиональной, штатной, сугубо служебной, а отчасти и более того – воинской».³

Он говорит о бесспорных преимуществах профессионального начала в деятельности органов внутренних дел:

1. Специальная подготовка сотрудников по овладению комплексом соответствующих знаний, навыков и умений.

2. Оно базируется на приобретаемом, непрерывно пополняемом и передаваемом от одного к другому опыте. Все это обеспечивает высокий профессионализм и культуру правоохранительной деятельности.

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 617.

² Policing z Riots. London, 1982.

³ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 618-619.

3. Деятельность штатных сотрудников строго регламентирована нормативно-правовыми актами, что весьма значимо для обеспечения законности и правопорядка.

4. В отношении аттестованных сотрудников органов внутренних дел установлены строгие дисциплинарные правила и жесткая юридическая ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

Валерий Васильевич обращает внимание также на такой субъективный фактор, существенно влияющий на эффективность осуществления органами внутренних дел своих функций, как высокий уровень профессионального, а мы бы уточнили – правового сознания личного состава органов внутренних дел по сравнению с общественниками. В.В. Лазарев особо подчеркивает, что необходимость профессионального уровня правосознания сотрудников диктует сам характер соответствующей деятельности личного состава.¹

При этом он высказывает интересную мысль, любопытные прогнозы, которые спустя почти тридцать лет (напоминаем, статья была опубликована в 1990 г.) полностью подтвердила практика деятельности современной российской полиции, т.е. сама жизнь. Это та практика, которая заставляет серьезно задумываться, размышлять современных мыслителей и искать выходы из создавшегося положения. Мы тоже об этом пытаемся рассуждать.²

В частности, Валерий Васильевич, анализируя положение дел при капитализме и социализме, позицию классиков марксизма-ленинизма, пишет: «В свое время классики марксизма-ленинизма отметили в числе пороков капитализма одностороннее развитие профессиональных качеств работников в ущерб другим общественным функциям. Социализм должен преодолеть эту тенденцию, поскольку его целью является всестороннее развитие личности. Но при социализме нельзя недооценивать необходимость

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 619-620.

² Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 183-194.

профессионализации труда, недооценивать кадры управления и стремиться без достаточных оснований заменить их общественниками. Более того, анализ научно-технического прогресса позволяет думать, что и в перспективе потребуется углубленная профессиональная подготовка, специализация труда».¹ И далее, солидаризируясь с Ю.А. Тихомировым, обсуждает ситуацию о будущем, которая потребует формирования групп специалистов, организаторов для повседневного осуществления управленческих функций в специализированных формах. То есть речь идет об отсутствии в будущем специального слоя управленцев и о необходимости вместе с тем учитывать профессионализм в этой области. В.В. Лазарев обращает внимание на то обстоятельство, что «потребность в группах своих специалистов ощущается уже сегодня. Временные коллективы специалистов можно и следует создавать в каждом министерстве или ведомстве (в том числе и в МВД) для решения крупных комплексных проблем, которые не под силу работникам, занятым одновременно выполнением иных функциональных обязанностей. В эти группы следует приглашать работников других учреждений и ведомств, ученых. ... Для обсуждения общих проблемных вопросов совершенствования организации и деятельности органов внутренних дел целесообразно создание... научно-консультативных советов. Создание таких советов на постоянной или временной основе является одним из наиболее перспективных направлений сочетания профессионального и общественного начал».²

Надо сказать, что практика создания научно-консультативных советов при различных ведомствах, в том числе при МВД России, оправдала себя. Начиная с 90-х годов, она и сегодня дает свои положительные результаты.

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 619-620.

² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 620.

Коллективные размышления еще никому не мешали, более того, они стимулируют индивидуальные мысли. Коллективное обсуждение, в том числе и управленческих вопросов, приносит плодотворные результаты, учитывая, что коллективное обсуждение проблем позволяет руководителю подойти к принятию управленческого решения с учетом всестороннего познания ситуации.

Нам представляется, что к аналогичным объединениям можно отнести и различные создаваемые, например, при Полномочном представителе Президента в Федеральных округах, структуры. Они позволяют Полпреду выработать наиболее оптимальное направление деятельности и принять значимое и справедливое решение.

Сама жизнь заставляет искать способы решения назревших проблем. Создание научно-консультативных и иных аналогичных советов позволяет принимать управленческие решения, в том числе в сфере правоохранительной деятельности, но не на повседневном, а на достаточно высоком уровне. Проблемы же возникают и значительно чаще, в повседневной правоохранительной службе. Причин здесь много, в том числе, скажем, и излишняя нормативно-правовая заорганизованность, требующая зачастую очень узких, но в то же время и глубоких юридических знаний, предполагающих узкую специализацию, в том числе и юристов-практиков. Данное обстоятельство требует решения определенных методологических проблем, мы бы сказали, связанных с суверенной российской философией права.

В.В. Лазарев обращает внимание и на другое направление, более традиционное, в привлечении общественности к деятельности органов внутренних дел. В частности, речь идет о совместном осуществлении ряда функций, например, по охране общественного порядка. Валерий Васильевич здесь совершенно прав.¹

¹ Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2000.

Он также касается проблемы передачи общественности некоторых функций, осуществляемых государственными органами, и приходит к заключению о том, что в исследовательском отношении данный вопрос продолжает оставаться актуальным и в историческом плане, и на перспективу.¹ Исследует и мнение научной общественности, в частности, позицию профессора Б.П. Курашвили по поводу эффективности государственного управления. Она (эффективность) связывается с условием, когда полномочия органов государства в максимально возможной мере дополняются и уравниваются полномочиями общественности.² В таком подходе к проблеме Валерий Васильевич видит известную «самостоятельность общества по отношению к регулирующему влиянию государства и автономия отдельных индивидов от управленческого воздействия каких-то государственных органов».³ В.В. Лазарев обращает внимание и на место органов внутренних дел в их взаимоотношении с обществом, отдельными индивидами и государством. «Было бы неправильным представлять дело так, - пишет ученый, - что органы внутренних дел во всех случаях выступают от имени государства и уже в силу этого они солидарны со всеми остальными государственными органами и должностными лицами государства. Органы внутренних дел находятся под контролем и общественности, и государства, они защищают (в пределах своей компетенции) законные права и интересы граждан, от кого бы то ни было, в том числе от незаконных посягательств на них со стороны работников государственного аппарата. В этом последнем случае

¹ ¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 620.

² Курашвили Б.П. Очерк теории государственного управления / Отв. ред. М.И. Пискотин. М., 1987. С. 257-258.

³ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 622.

общественное начало может оказаться бессильным без подкрепления властными полномочиями сотрудника органов внутренних дел».¹

Нам представляется, что предложенное заключение В.В. Лазарева имеет методологическое значение и в определенных ситуациях носит политический характер. Как это ни удивительно, нельзя забывать, при всей отдаленности от политики, тем не менее объективно в своем глобальном предназначении деятельность органов внутренних дел все-таки довольно часто носит политический характер. Как бы мы не хотели «избавиться» от указанной ситуации, она постоянно преследует их деятельность, да и сами правоохранительные органы в целом. Возможно, именно теснейшее взаимодействие с общественностью и есть тот путь, который хотя бы в какой-то степени будет способствовать нейтрализации указанной характеристики. Нам показалось, что Валерий Васильевич так же об этом думает, в том числе привлекая к своим рассуждениям и имеющуюся в то время научную литературу.²

Совершенно прав В.В. Лазарев, когда в завершающей части статьи говорит о необходимости законодательного закрепления характера участия общественности в деятельности органов внутренних дел. «Вся деятельность МВД, - пишет он, - должна основываться на принципах всестороннего и последовательного развития демократии, расширения гласности, необходимости учета общественного мнения. Во всех этих актах должна быть расширена и организационно конкретизирована сфера совместной деятельности органов внутренних дел с различными общественными организациями. Глобальное направление деятельности органов внутренних дел и других правоохранительных органов – постоянная поддержка

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 622.

² Общественные организации, право и личность / Азовкин И.А., Батыгин К.С., Витрук Н.В., Кудрявцева Г.А., и др.; Отв. ред.: Щиглик А.И., Ямпольская Ц.А. М., 1981.

общества, содействие граждан в поддержании правопорядка и всяческое повышение уровня компетентности и зрелости» сотрудников».¹

Мы помним те добрые времена, когда авторитет сотрудников органов внутренних дел был непререкаем. Конечно, это было связано с законной и справедливой их профессиональной деятельностью по вопросам охраны правопорядка и борьбы с преступностью, теснейшим сотрудничеством с различными общественными формированиями (добровольные народные дружины, оперативные комсомольские отряды, внештатные сотрудники милиции и т.д.). Кроме того, проводилась большая работа с населением по формированию положительного образа участкового уполномоченного, оперативного работника уголовного розыска, постового милиционера. Достаточно вспомнить художественные кинофильмы и театральные спектакли, посвященные участковому Анискину, художественные кинофильмы о сотрудниках уголовного розыска в исполнении главной роли Кириллом Лавровым, или кинофильм «Ко мне, Мухтар!», по повести И.М. Меттера с Юрием Никулиным в главной роли, многочисленные ленты по повестям братьев Вайнеров, произведениям Аркадия Адамова, прославлявших оперативных работников милиции, или тот же роман Ивана Лагутина «Сержант милиции». Всех творческих работ просто не перечислить. Хотя обязательно надо назвать книгу первого заместителя министра внутренних дел СССР Ю.М. Чурбанова «Товарищ милиция».²

¹ Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 622-623.

² Брежнев М.А. Министр Щелоков. М., 2010; Вознесенский Л.А. Истины ради. М., 2004; Гутман М.Ю., Сальников В.П. Министры внутренних дел СССР в последнее тридцатилетие Советской власти // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 1. С. 47-78; Карпец И.И. Сыск. Записки начальника уголовного розыска. М., 1994; Кредов С.А. Щелоков. М., 2010; Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. СПб., 2002; Некрасов В.Ф. МВД в лицах: министры от Виталия Федорчука до Анатолия Куликова. М., 2000; Чурбанов Ю.М. Мой тесть Леонид Брежнев. М., 2007; Чурбанов Ю.М. Товарищ милиция. М., 1980.

Советская власть беспокоилась об имидже милиции и проводила в этом направлении серьезную работу. Инициатором всей этой деятельности был министр Н.А. Щелоков.¹

Прав В.В. Лазарев в своем заключительном выводе здесь: «Нельзя решать вопросы правового регулирования участия населения, трудовых коллективов, общественных организаций и формирований в борьбе с преступностью без учета требований времени и политической ситуации».² Добавим от себя: власть должна постоянно беспокоиться об имидже материальных средств ее обеспечения, в том числе и органов внутренних дел, снабжая и насыщая их всем необходимым для успешного функционирования, беспокоясь об их авторитете среди населения.

Очень трудно, даже невозможно обойти вниманием какую-то из работ В.В. Лазарева. Каждая из них «притягивает» добросовестного читателя, захватывает его, долго не отпускает, будирует мысли и воспоминания. Это же касается и учебников.³

Вот такие, совершенно необычные впечатления вызывает знакомство с работами профессора В.В. Лазарева.

Рецензируемый трехтомный труд настолько интересен и актуален сегодня, что обращение к любой его части вызывает не только исторические воспоминания о его восприятии в свое время, и самого автора, но и продолжает демонстрировать современную злободневность. Классика – она актуальна была и много лет назад, продолжает оставаться такой и ныне.

Вместе с тем в рецензируемом труде есть такие его моменты, которые представляют собой лишь исторические зарисовки. Они остались там, в нашем прошлом, в неустроенном порой быте и практике правоохранительной

¹ *Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И.* Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Библиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).

² Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010. С. 623.

³ Лазарев В.В., Липень С.В. теория государства и права. М., 2016; Лазарев В.В. Липень С.В. история и методология юридической науки. М., 2016.

и судебной деятельности. Мы имеем в виду те части работы, которые связаны с социально-психологическими аспектами применения права и с самим процессом применения права. К счастью, материальная неустроенность правоприменителей, о которой писал В.В. Лазарев, осталась в истории.

Кроме того, читая представленный трехтомник, сразу бросается в глаза научный кругозор автора, глубина изучения им российского и зарубежного законодательства, практики, истории правовой мысли. Строчки светятся талантом!

Рецензируемый трехтомник избранных трудов В.В. Лазарева, конечно, удался.

Он очень полезен теоретикам права, историкам права, философам. Его обязательно надо изучить профессорско-преподавательскому составу юридических вузов и факультетов, аспирантам, студентам. Книги интересны и практикующим юристам.

Поздравляем автора с научным достижением. После публикации трехтомника прошло десять лет. За эти годы Валерий Васильевич опубликовал много значимых и серьезных научных работ. Мы публикуем эту рецензию накануне его юбилея – 80-летия со дня рождения. Искренне желаем, кроме здоровья и благополучия, нового творческого вдохновения, чтобы количество замечательных избранных трудов переросло в четырехтомник, пятитомник и далее!

*Достойная книга
про выдающегося русского философа.
Рецензия-размышление на монографию Т.Я. Хабриевой и Н.Н.
Черногора: «Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и
юридическая наука / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор. – Москва: Российская
академия наук; Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М,
2020. – 176 с.»*

2020 год получился для всех достаточно сложным. Но были и позитивные моменты, к которым мы безусловно относим выход в свет книги о вкладе академика РАН В.С. Степина в юридическую науку.

Вячеслав Семенович Степин – выдающийся советско-российский философ, бывший многолетний директор Института философии Академии наук СССР (РАН), организатор науки. Основной сферой научных интересов ученого была философия науки, природа научного познания и его специфика, методология.

В последнее пятнадцатилетие В.С. Степин в своей деятельности много внимания уделял философии права. Благодаря в том числе его трудам юридической науке удалось подняться на новый уровень.

В.С. Степин покинул нас в конце 2018 года, похоронен в Санкт-Петербурге.

Дальше, скорее всего, все было бы как обычно: фамилия вспоминалась бы все реже, а к работам обращались меньше и меньше. Мы неоднократно обозначали эту научную проблему, что как только видный современный ученый уходит, про него и его труды почти молниеносно забывают.¹ Почему-то так получается, что с большим удовольствием пишут про юристов и философов начала XX века и ранних, а про недавно ушедших замечательных специалистов почти ни слова.

Посмотрите, еще совсем недавно с нами работали В.Н. Кудрявцев, О.Е. Кутафин, Д.А. Керимов, С.С. Алексеев, другие выдающиеся юристы. Но кто внимательно, подробно и конспективно изучал их труды? Кто ловил их

¹ Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука. М., 2019. С. 327.

мысли и полунамеки по всем отраслям права? Увы, к их работам, как правило, обращаются только в контексте конкретной диссертации или монографии, причем в части касающейся. И все реже, реже...

В чем причина такой грустной ситуации не знаем. Но в отношении В.С. Степина ожидали увидеть примерно то же самое.

И здесь очень порадовала выходом в свет книга Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногора. Эта монография посвящена будущему права в контексте мыслей В.С. Степина о юридической науке, философии права и ее сущности.¹ В каждой из глав, а их в книге семь, авторы рассмотрели различные пути дальнейшего развития права. Такой подход получился весьма интересным и прогрессивным.

Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор констатировали, что в начале нулевых годов юридическая наука была во многом ориентирована на прикладные исследования, преобладали комментарии законодательства, наблюдался дефицит концептуальных подходов, необходимых в условиях новой парадигмы развития государства и права. Наука не успевала за стремительной динамикой общественной жизни. Не хватало методологических разработок, обеспечивающих поступательное обновление правовой доктрины. Преодолению такой ситуации способствовала работа с коллегами – обществоведами, в первую очередь с академиком В.С. Степиным в орбите Отделения общественных наук РАН.² Авторы специально отметили, что написанная ими книга представляет собой дань памяти и уважения к В.С.Степину. Однако не только в этом ее замысел. Одна из задач, которую ставили перед собой авторы, показать ценность творческого наследия Вячеслава Семеновича для юридической науки, его методологическое значение для правоведения, а также инструментальные

¹ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020.

² Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука М., 2020. С. 10-11.

возможности при решении фундаментальных и прикладных проблем, стоящих перед наукой о праве.¹

Центральное место в философско-правовых взглядах В.С. Степина занимала идея права. В этом он родился с Гегелем и в какой-то степени являлся его продолжателем. Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор отмечают, что многие идеи Гегеля были В.С. Степину близки.²

В одной из наших последних монографий «Логос права: Парменид-Гегель-Достоевский» мы рассматривали творчество выдающегося немецкого философа в контексте спекулятивно-логических оснований метафизики права.³

В.С. Степин, как нам показалось из его работ, больше думал о Гегеле как о разработчике идеи права и естественных прав человека. Так же, видимо, полагают Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, которые обратили внимание, что Вячеслав Семенович говорил о необходимости переосмысления идеи прав человека. Необходимость переосмысления он обосновывал двумя обстоятельствами:

Во-первых, применением современных технологий программирования человеческого сознания, инициирующих разнообразные практики информационного насилия, которые камуфлируются и внешне выглядят как добровольный выбор личности в демократическом обществе... Это обуславливает проблему защиты человека от информационного насилия, ее философско-правовое осмысление и отражение в современной концепции прав человека. На основании результатов философского анализа этой проблемы В.С. Степин сформулировал идею о новой миссии права как социального регулятора, способного защитить человека от этого насилия.

¹ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020. С. 20.

² Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020. С. 32.

³ Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019.

Обосновывалось, что ослабление права, вероятнее всего, явление временное, недолговечное. Развитие конвергентных технологий является тем фактором, который объективно и многократно повышает роль и значение права в жизни каждого человека и общества, выводит его авторитет, цели и задачи на новый уровень. Право является тем социальным регулятором, который позволит защитить человека не только от физического насилия и нелегального государственного принуждения, но и от насилия информационного.

Во-вторых, все более широким использованием биотехнологий и возможностями манипулирования биологической основой человеческой жизнедеятельности. С этим связаны риски биологической трансформации человека, изменения его естественной природы.¹

В целом, пришли к выводу авторы монографии, будущее права В.С. Степин связывал с изменением типа цивилизованного развития, признавая возможность разных сценариев его трансформации и существенное значение смены технологического уклада жизни общества для дальнейшей эволюции этого феномена. Он был убежден в том, что новая эпоха принесет изменения его социокультурного генома, а изменение рациональности вследствие смены технологического уклада послужит основанием для переосмысления идеи права, его сущности и миссии. Этот вывод Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор успешно развили на страницах монографии.²

Кроме того, указанные ученые ввели в научный оборот новое понятие: «информационно-технологический фактор». Этот термин аргументированно использован авторами для описания новых угроз личности и его правам, наблюдающихся в XXI веке.³

¹ Степин В.С. Идея права как социокультурный феномен // Трансформация парадигмы права в цивилизованном развитии человечества: доклады членов РАН. М., 2019. С. 111.

² Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020. С. 50.

³ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020. С. 48.

Следуя идеям В.С. Степина и развивая их, авторы монографии много внимания уделили цифровизации во всех ее проявлениях. Как справедливо отмечено авторами, цифровизация оказывает заметное воздействие на общество, прежде всего на сферу правового регулирования, являясь важным (хотя и не единственным) фактором, обуславливающим его динамику. В нее вовлекаются новые общественные отношения, которые прежде либо не существовали, либо объективно не могли быть урегулированы правом. Так, в сфере правового регулирования наблюдается появление отношений:

- между субъектами, которыми становятся виртуальные или «цифровые» личности;
- связанных с юридически значимой идентификации личности в виртуальном пространстве;
- возникающих в связи с реализацией прав человека в виртуальном («цифровом») пространстве, в частности новых, иногда именуемых «цифровыми правами», таких как право на доступ в Интернет, право на забвение, право на цифровую смерть и др.;
- связанных с применением робототехники. В сфере правового регулирования появляются отношения, в которых если не субъектом, то, как минимум, участником становится цифровая личность – робот;
- возникающих по поводу нетипичных объектов, прежде всего таких, как информация, цифровые технологии (например, «финтех», «регтех» и др.), и создаваемых посредством их применения новых цифровых сущностей, например, криптовалюты) и объектов материального мира, а также связанных с использованием и оборотом того и другого;
- связанных с использованием оцифрованных информационных массивов – информационных баз данных;
- иные.¹

¹ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020. С. 108-112.

Надо сказать, что представленная книга – не первый труд Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногора, в котором они активно используют идеи В.С. Степина, базируются на них и развивают в праве, в том числе в части цифровизации. Показательны и интересны также другие публикации.¹

Заслуживают всяческого внимания рассуждения Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногора о кодировании. По их мнению, будущее права во многом зависит от того, какой способ кодирования правового опыта, обеспечивающий трансляцию правовых норм, и программирования правового поведения будет преобладающим (привычный текст, электронные документы, размещение в информационно-поисковых системах, базы данных или базы знаний, программный код). «В современную эпоху, - пишут они – изобретаются новые способы такого кодирования. Развитие цифровых технологий, с одной стороны, создает возможность автоматизации правового регулирования (во всяком случае, некоторой его части), с другой – диктует необходимость это делать. Практика пошла по пути автоматизации принятия правореализационных и правоприменительных решений (актов). По мере внедрения соответствующих технологий все более актуальной становится задача перевода на машиночитаемый язык (программный код) юридических норм, на основе которых должны применяться правовые решения».²

В.С. Степин, а за ним Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, видят угрозу правам человека через биотехнологии. По их мнению, применение таких технологий может создать резкое различие между индивидами в их биологической основе. Доступность технологий продления жизни, формирования новых когнитивных способностей для разных слоев общества (богатых и бедных) вероятнее всего будет неодинаковой. Вследствие этого в обществе может быть создано нечто подобное кастам высших и низших рас.

¹ Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5-16; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С.85-102.

² Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020. С. 134.

И к чему в названном случае сведется функция права: к обслуживанию высших каст? Только и всего!

Об опасности подобных экспериментов не раз писали и мы. И нам приятно, что Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, как и мы, смотрят на право без иллюзий. Ждут от него многого, но понимают, что оно - весьма противоречивое явление. В этом проявляется комплексная теория права.

В плане биоэкспериментов и биотехнологий крайне важно, чтобы не только философы и юристы, но и специалисты других научных направлений объединялись против описанных выше процессов. Указанные эксперименты и технологии не просто опасны, они именно губительны. И здорово, что руководители такого заметного института как Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации организовали работу по разъяснению этой проблемы.

Показательно, кстати, что когда нашу книгу по философии права перевели на английский язык и издали в Кембридже, вопросы опасности информационных технологий и биоэкспериментов, судя по откликам, заинтересовали широкий круг не только английских, но и других зарубежных читателей.

Завершая монографию, Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор отметили, что их исследование является предварительным осмыслением идей В.С. Степина. Изложенные в книге их гипотезы и выводы представляют собой, по мнению авторов, лишь самое начальное приближение к решению задачи прогнозирования будущего права. Доктрина юридического прогнозирования не ограничена приведенными в монографии сюжетами. Научные воззрения В.С. Степина, имеющие значение для теории и практики научного предвидения будущего права, также не исчерпываются ими. Их инструментальная ценность и потенциал в полном объеме еще предстоит осмыслить правоведам. Однако даже сейчас становится очевидной перспективность их освоения и интеграции в систему научного знания о

праве, государстве, а также о прогнозировании их будущих состояний.¹ Мы искренне желаем Т.Я. Хабриевой, Н.Н. Черногору и другим исследователям дальнейших успешных исследований будущего права.

Что можно особо выделить в этой монографии относительно многих других?

1. Во-первых, академический стиль преподнесения материала. Книга детально раскрывает серьезнейшие проблемы, при этом написана логично, достаточно простым языком. Причем не упрощая проблему, а именно максимально доступно и понятно изложена.

Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор вспоминают, что В.С. Степин славился умением детально и четко донести любую научную проблему до любой аудитории, не упрощая сути, но делая ее понятной всем.²

2. Книга открывается развернутым введением, которое по сути является рефератом по данной монографии.

Такое описание монографии важно вот почему. Будем объективны и честны, сейчас многие люди, даже специалисты, мало читают современные книги (кто-то ссылается на отсутствие времени, кто-то, о чем мы писали выше, опирается исключительно на классиков предыдущих столетий, кого-то смущает объективно большой массив имеющейся научной информации, кто-то по другим причинам). Но такие процессы мы не раз подмечали и не только у студентов. Мы в свое время предложили к каждой монографии выпускать и прилагать автореферат, в котором кратко излагать основные положения работы. Если он заинтересует, то возникнет потребность прочитать всю работу. Этот автореферат широко распространять в Интернете,

¹ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020. С. 174.

² Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор. – М.: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2020. С. 12

издательствах, средствах массовой информации. Примерно такой же принцип, как и с диссертациями.

Есть и другой вариант: писать в книге развернутое введение или заключение. Читатель на момент покупки монографии знакомится с ним и оценивает для себя важность ее приобретения.

По второму варианту пошли Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, подробно изложив во введении содержание представленного исследования. Мы, со своей стороны, больше любим отражать основные моменты и выводы не во введении, а в заключении, но это дела вкуса авторов.

3. Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор не просто развивают мысли В.С. Степина, но и дополняют их, получая новые знания и новые направления науки. На базе этой книги пытливые исследователи могут по-новому взглянуть на теорию права, медицинское право, информационное право и др. И такой подход, несомненно, является выигрышным. Память об ученом реализуется через его работы, суждения.

Как хорошо сказали Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, обращение к научному наследию В.С. Степина открывает новые горизонты перед доктриной юридического прогнозирования, позволяет готовить более совершенные и точные методики предвидения будущего состояния права, государства, государственно-правовых явлений, обуславливает постановку новых научных задач и использование нетрадиционных для юридической науки подходов к их решению.¹

Вспомните, кстати, не так давно вопрос об информационном праве даже не поднимался и считался несерьезным. Сейчас ситуация изменилась, наличие информационного права мало у кого вызывает сомнения, уже имеется «ваковский» журнал «Информационное право», а в самом праве можно подумать о новых перспективных направлениях.

¹ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020. С. 174.

Мы полагаем, что самое время задуматься о биоинформационном праве, информационно-космическом праве и др.

Говорят, что в любой хорошей рецензии должно быть и замечание. Мы выскажем скорее не замечания, а пожелания. Мы считаем, что поднятые в монографии проблемы и направления исследования нужно довести не только до российских, но и до зарубежных специалистов. Желательно перевести рецензируемую книгу и издать в солидном издательстве. Российская философия и философия права должны быть признанными во всем мире!

В конце XX века, после распада СССР и предпринятых социально-экономических преобразований, многие ученые мира заговорили о том, что в российской философии не было никаких достижений, что она была оторвана от мировой философской мысли и все надо начинать с нуля. На подобные, не соответствующие истине, суждения не раз обращал внимание В.С. Степин, считая их чисто идеологическим феноменом, но с грустью добавляя, что они проникли даже в философские словари и учебники того времени.¹ Подобны откровенно нелепые размышления встречались и применительно к праву.

До сих пор многие отечественные ученые почему-то смотрят на зарубежные правовые системы и иностранных коллег снизу-вверх, их цитируют и по ним сверяют собственные мысли.

Задача российских специалистов - своими работами убедительно показать мировому сообществу, что отечественная философия и философия права находится в авангарде. Показать, не пытаясь копировать зарубежные правовые мысли, а, напротив, развивая российскую суверенную философию права и правовую систему.²

Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор написали достойную книгу, и мы уверены, что ее высоко оценят в мире.

¹ Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. С. 185.

² Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 183-194; Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149-162.

Другое пожелание относится к списку использованной литературы в рецензируемой монографии он почему-то отсутствует. Внимательный читатель, разумеется, обратит внимание на сноски. Их много, они разнообразны и полезны. Однако, на наш взгляд, было бы неплохо привести в конце книги как список использованных источников, так и список рекомендуемой литературы. Ведь работа адресована в первую очередь образованной интеллигентной среде: как ученым (философам, юристам и др.), так и просто творческим людям, стремящимся расширить горизонты своих познаний о современной картине мира. И им всем, как мы думаем, важно знать, какие книги рекомендуют уважаемые авторы для изучения.

В завершение скажем, что мы нечасто пишем рецензии. Их подготовка считается не очень благодарным трудом, причем затратным по времени. Но в данном случае мы все же решили опубликовать наши размышления о вышедшей книге. Это связано, во-первых, с данью уважения к памяти В.С. Степина, труды которого всегда были нами почитаемы, а, во-вторых, с фундаментальностью и прогрессивностью идей Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногора.

Желаем авторам новых научных достижений!

Вышла значимая работа по философии права

Рецензия на монографию А.Н. Савенкова «Государство и право в период кризиса современной цивилизации. - М.: Проспект, 2020. – 448 с.»

В 2020 году вышла в свет монография А.Н. Савенкова по философии права. Мы внимательно ознакомились с ее содержанием и пришли к выводу, что книга получилась.

Основная мысль, поднятая в книге, состоит в том, что право находится в кризисе из-за политики государств. Многие современные государства, в том числе считающиеся высокоразвитыми, отходят от соблюдения правовых норм, беззастенчиво продвигают свои узкогосударственные и порой откровенно антигуманные интересы, тем самым усугубляя общественный и мировой кризис. А.Н. Савенков в частности пишет, что агрессивная эволюция блока НАТО, развитие Евросоюза, некоторых объединений и государств являет пример того, как государства готовы отказаться от некоторых суверенных прав и функций в пользу более крупных наднациональных, территориальных, политических, военных или экономических образований. Между тем подобные структуры утрачивают свое изначальное значение. США без каких-либо ограничений доминируют в НАТО и Евросоюзе, частично в структурах Организации объединенных наций. В тех случаях, когда это невозможно, США просто покидают соответствующую структуру или не участвуют в ней. Так, в 2017 году они вышли из ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), в том же году из Парижского соглашения по климату, а в 2018 году даже из Совета ООН по правам человека! Более того, США не признают юрисдикции Международного уголовного суда, прекратили выполнение обязательств между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, заявили о выходе из Договора о торговле оружием, регулирующим международную торговлю обычными вооружениями, - начиная от стрелкового оружия и заканчивая боевыми танками, самолетами и судами!

США ставят под сомнение даже прерогативы Всемирной торговой организации, не участвуют даже в Конвенции по морскому праву 1982 года, хотя, как восклицает А.Н. Савенков, - здесь-то какие могут быть проблемы?!¹

В контексте игнорирования норм международного права автором проделана огромная работа по изучению современных США, их политических шагов и выступлений. Среди наиболее заметных ее итогов приведена цитата из выступления Президента США Трампа в Техасе, где он называет себя националистом. А.Н. Савенковым особо обращает внимание на комментарии американских экспертов, которые считают что «национализм определяется как "лояльность и преданность нации", особенно "возвышая одну нацию над всеми другими и делая основной акцент на продвижение ее культуры, национальных интересов в отличие от других наций или национальных групп". Националист – это тот, кто выступает за национализм. Национализм отличается от патриотизма, что означает "любовь или преданность своей стране", но не обязательно предусматривает отношение превосходства. Вот так, одно слово может изменить политику сверхдержавы, а завтра, может быть и мира, поскольку этим словом может стать – "война"! На фоне, практически, отсутствия правовых, юридически обязывающих документов на тему мира, риторика политических, военных и даже экономических мероприятий не обходится без него, его производных или синонимов»².

Не о том ли менее ста лет назад говорил Адольф Гитлер и чем подобные выступления закончились? Все ли делают верные вывод из истории, не забыли ли ее уроков? Здесь надо вновь похвалить А.Н. Савенкова, от внимания которого не ушел факт значительного усиления национализма в Техасе после указанного выступления Трампа. А ведь аналогичные выступления и настроения могут быть не только в Техасе.

¹ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., С. 332-333.

² Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., С. 339

Надо также отметить, что автор монографии А.Н. Савенков не просто ученый, но и профессиональный военный, имеющий воинское звание генерал-полковник. В книге радуют глаз профессиональные и точные размышления о вооруженных силах России и зарубежных стран, оценка их мощи и подготовки. Верно отмечается, что количество сильных армий на Земном шаре растет, растет мощь и смертоносность вооружения. Кроме того, показывается опасность для человечества информационное насилие и распространение биоэкспериментов.

В своих наблюдениях и размышлениях автор монографии приходит к выводу о том, что современная эпоха характеризуется победой политики над правом. Об этом не раз писали и мы. Ведь если признать истиной всем известное выражение, что политика - есть концентрированное выражение экономики, то надо признать и то, что право, увы, от экономики и политики зависит. Конечно хотелось бы, чтобы право формировало экономику и политику, определяло хотя бы то, что делать можно, а чего нельзя. Но история убедительно свидетельствует о том, что все-таки право значительно чаще зависит от экономики и политики.¹

Нам очень приятно, что А.Н. Савенков не стал смотреть на право «через розовые очки», а подошел к изучению этого явления объективно.

В целом, книга главным образом посвящена праву. Точнее тому, во что превратилось право за последние годы. А.Н. Савенков верно написал, что право перестает играть позитивную роль в обществе. На это накладывается постоянный процесс изменения норм, за которым не успевают не только обычные граждане, но и профессионалы. Законодательная власть намеренно игнорирует известный тезис о том, что принятие закона (равно как его отмена и изменение) – это социальный факт.²

¹ Захарцев С.И. Экономика и право: проблемы соотношения // Правовое поле современной экономики. 2012. № 8. С. 49-54

² Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., С. 8-9.

Все это рождает правовой нигилизм, который хорошо виден во многих странах мира, не только в нашей России, но и, например, в США. Посмотрите, какие погромы устроили там чернокожие граждане. А ведь США последние тридцать лет являлись для России примером законопослушности, незыблемости соблюдения демократических основ и естественных прав человека! Ситуация в 2021 году в США по-прежнему нестабильна.

А.Н. Савенков обоснованно полагает, что глобальный кризис современности тоже надо относить к предмету изучения философией права.¹ Мы с ним согласны.

В рецензируемой книге абсолютно точно написано, что сейчас обостряется необходимость в подготовке фундаментальных научных трудов в области философии права. Вместе с тем, в номенклатуре научных специальностей для защиты диссертаций в настоящее время философия права не входит ни в область социальной философии, ни в сферу теории и истории государства и права. Это, естественно, негативно сказывается и на подготовку кадров высшей квалификации, кандидатов и докторов наук – специалистов по философии права.² Собственно, всем известна расхожая цитата Б.Н. Чичерина о том, что законодатель не может черпать руководящие начала из самого положительного права, ибо это именно то, что требуется оценить и изменить; для этого нужны иные, высшие соображения, а из может дать только философия.³

Мы согласны с А.Н. Савенковым, что в современной правовой системе любые изменения требуют предварительного научного, не только узкоотраслевого, но и широкого философско-правового обоснования, учета современного типа правопонимания, накопленного юридического знания, в сочетании различных философско-правовых концепций. При этом

¹ Савенков А.Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. № 4. 2019. С. 5-19.

² Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 21-22.

³ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900. С.1-2.

дальнейшее развитие науки в России, да и во всем мире, повышение ее практической значимости возможно лишь на основе интеллектуальной мобилизации отечественного и международного сообщества правоведов и философов, при поступательном и одновременно интенсивном развитии философско-правовых исследований.¹

Самое удивительное, что при наличии современных средств связи и возможностях быстрого обмена мнениями, ученым давать своевременную и глубокую правовую оценку не так сложно, по крайней мере гораздо проще по сравнению с предыдущими годами.

Нам понравился раздел книги, посвященной истории российской философии права. Констатируем, что А.Н. Савенков изучил и тщательно проанализировал творчество Б.Н. Чичерина, В.С. Соловьева, С.А. Муромцева, П.И. Новгородского, Б.А. Кистяковского, Г.Ф. Шершеневича, Л.И. Петражицкого, И.А. Ильина, Н.М. Коркунова, А.Л. Байкова, Н.Н. Алексеева и других русских философов права. Причем, что встречается в современных книгах очень редко, А.Н. Савенков честно и объективно пишет об их трудах и их влиянии на мировую юридическую мысль. Он констатирует, что сочинения русских авторов были малоизвестны в Европе. Правда причина данного факта, - по мнению А.Н. Савенкова, - состояла не в отсутствии в них теоретической глубины и оригинальности, а в ощущении самодостаточности и известной корпоративной замкнутости западноевропейской юридической науки. Как показано в книге далее, на протяжении всего XIX в. и в начале XX в. европейские юристы продолжали смотреть на российскую науку, как на ученическую, где вряд ли можно обнаружить самостоятельную мысль. Они вполне обоснованно воспринимали себя центром научного мира и не считали нужным обращать внимание на такую, с их точки зрения периферию этого мира, как Россия. Со своей стороны, русские юристы, создавая вполне оригинальные тексты,

¹ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 23.

видимо, сами не могли до конца освободиться от ощущения своей интеллектуальной зависимости от Запада. Для многих из них привычно было смотреть на европейских светил снизу вверх, а ссылаться на их авторитет в научном споре считалось хорошим тоном.¹

Для написания такого в общем-то нехитрого научного вывода требуется определенное научное мужество. Увы, с момента развала СССР мы нередко встречаем безудержное восхваление и преклонение перед названными выше именами, причем с обязательным отмечанием их мифических лидирующих позиций в мировой юриспруденции и философии права. На самом деле Европа из русских философов и философов права отлично знала только одного – марксиста В.И. Ульянова (Ленина). Да и то, знания о нем скорее были связаны с политической деятельностью.

В 2020 году в период трудной политической и эпидемиологической обстановке мы достойно отпраздновали 75 годовщину Победы в Великой Отечественной войне. Однако нам не попались официальные публикации того, как эмигрировавшие философы и философы права встретили приход к власти Гитлера и его нападение на СССР. Вместе с тем, у нас немало служебной информации о том, что некоторые из в том числе поименованных ученых активно поддерживали Гитлера и радовались вторжению фашистов на территорию нашего государства. Мотивы у всех были разные: кто-то боролся с коммунизмом, а кто-то просто хотел вернуться на родину. Но рядом фашистами были и русские ученые, в том числе философы права.

А.Н. Савенков о фактах поддержки русскими философами фашистов не написал – это сделаем за него мы. Но о таких фактах в биографиях забывать нельзя! А объективный взгляд на русскую философию права конца XIX – первой половины XX века мы полностью поддерживаем!

Нам понравилось и то, что А.Н. Савенков попытался вернуть в широкий научный оборот труды «забытых» или «немодных» сейчас

¹ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., С. 108-109.

советских юристов: Е.Б. Пашуканиса, Н.В. Крыленко, А.Я. Вышинского. Надо помнить и то, что Е.Б. Пашуканис и А.Я. Вышинский руководили Институтом государства и права Академии наук.

Другая часть монографии посвящена кризису современной цивилизации и роли права в его разрешении. В книге впервые в отечественном правоведении предлагаются к рассмотрению результаты философско-правового осмысления законов, стратегий и доктрин России, США, Китая, Великобритании, Германии, ООН, НАТО и Евросоюза, трудов ведущих российских, американских, европейских и китайских ученых, экспертов и политиков по вопросам устройства мирового порядка, взаимоотношений в «клубе ядерных держав», критики законодательной экспансии и правовой интервенции, кибер- и технологической безопасности, политики, побеждающей право.

Автором, например, высказывается совершенно верная мысль о том, что вызовы цифровизации и информатизации для современного общества являются серьезным испытанием для теории прав человека и их реального соблюдения, конфиденциальности частной жизни, обеспечения естественных прав. Интенсивный рост технологических инноваций, роботизация, которая уже не является предметом футурологии, киборгизация, возможности современной медицины вновь остро ставят проблему равенства и неравенства. На фоне этого всепоглощающий индивидуализм, гедонизм, корысть, личная выгода, обман, насилие жестокость, цинизм, несусветное и несправедливое богатство отдельных людей при глубочайшей нищете миллионов являются главными препятствиями на пути решения многих проблем современной цивилизации.¹

А.Н. Савенков предложил вернуться к идее коллективизма. Он достаточно убедительно обосновал, что коллективизм в данном случае – это способ не ограничения человеческой свободы, а условие выживания

¹ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., С. 309-409.

коллективного социума, без которого человек самостоятельно реализовать себя не сможет.¹

Эта мысль требует дальнейшего осмысления даже потому, что ментальность русских людей всегда была связана с коллективным выживанием в трудных условиях, коллективным трудом, открытостью и искренностью в личных человеческих отношениях. Именно коллективная жизнь помогла славянам на протяжении веков выигрывать все войны, сохранять суверенитет и независимость. Сейчас с принятыми в июле 2020 года поправками к Конституции Российской Федерации темы суверенитета и коллективизма стали еще более актуальны. И великолепно, что А.Н. Савенков их развивает.

В книге, кроме того, на основе новейших статистических данных приводятся аргументированные оценки и суждения о фактах и явлениях глобальной правовой действительности. Эти размышления равно как подробный и всесторонний анализ современных работ по вопросам права и государственного устройства не оставит равнодушным самых взыскательных читателей. А для профессорско-преподавательского состава – юридических, философских и исторических факультетов – книга просто незаменима. Равно как без нее едва ли обойдутся студенты названных вузов и факультетов.

Прочтение не вызывает сомнений, что книга удалась.

Вызывает уважение широкая образованность и эрудированность А.Н. Савенкова. Чувствуется, что вопросы военной и международной безопасности он познал не только с научной, но и с практической стороны, длительное время занимая высокие должности на государственной службе.

У книги авторитетные рецензенты, – академик РАН А.А. Кокошин² и академик РАН А.Г. Лисицын-Светланов,¹ – известные своими работами. Уверены, что монография им тоже понравилась.

¹ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., С. 414.

² Кокошин А.А. Международная энергетическая безопасность. М., 2006; Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной

В завершение хотим выразить признательность А.Н. Савенкову за подготовку новой интересной и значимой монографии. И искренне желаем ученому новых научных достижений.

безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. А.А. Кокошина. М., 2017 и др.

¹ Лисицын-Светланов А.Г. Современное международное частное право в России и Евросоюзе. М., 2012; Двадцать лет Конституции Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Лисицын-Светланов. М., 2015 и др.

*Ученые о демократии.**Рецензия на книгу А.Д. Керимова «Демократия: опыт критического анализа. М. Норма. 2019. – 184 с.»¹*

Рецензируемая монография А.Д. Керимова произвела на нас положительное впечатление.² Книга получилась, во-первых, интересной, во-вторых, актуальной, в-третьих, глубокой.

Надо признать, что на протяжении последних десятилетий для нашей страны примером в построении государственности выступают демократические политические режимы западных стран. Однако объективных и честных исследований таких демократий было явно недостаточно. Недостаточно был изучен и сам феномен демократии. Это притом, что подсказанные нам из-за рубежа т.н. демократические принципы нашли отражение даже в Конституции РФ.

Представленная работа претендует на восполнение этого пробела.

В книге А.Д. Керимов поднял несколько актуальных и наиболее острых для современной юридической науки и российского общества вопросов. Кратко остановимся на них.

Как известно, в соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Однако А.Д. Керимов задается вопросом: должно ли демократическое государство в приоритетном порядке защищать интересы отдельной личности или его предназначение состоит в том, чтобы заботиться о всеобщем благе?

В ходе проведенных исследований автор монографии пришел к выводу, что абсолютное большинство россиян склонны на основе приобретенного опыта, рационально-прагматического выбора, твердых убеждений и аксиологических установок полагать, что для каждого из них право подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению

¹ Захарцев С.И., Сальников В.П. Ученые о демократии. А.Д. Керимов. Демократия: опыт критического анализа // Государство и право. 2020. № 11. С. 174-178.

² Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа. М., 2019.

религиозных и национальных чувств, почитаемых святынь, угрожало бы существованию Отечества. Опасным видится и “изобретение” таких “прав”, которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями.

Укреплению суверенитета России посвящены последние поправки в Конституцию РФ, сделанные в 2020 г. Суверенитет Российской Федерации, суверенная идеология и суверенная философия права всегда находились в поле наших научных интересов.

Весьма интересен другой поднятый в рецензируемой монографии вопрос. В России слово «демократия» в последние десятилетия ассоциировалось с чем-то незыблемо добрым, правильным, честным, означающим власть народа и большинства. Однако А.Д. Керимов провел достаточно убедительные исследования и пришел к выводу, что еще со времени зарождения государственности и до наших дней независимо от кажущейся мнимой демократичности в государстве всегда явное меньшинство (элита) правит большинством. При этом обнаруживается явно демонстрируемое как господствующим меньшинством, так и подчиняющимся большинством стремление к сохранению и поддержанию статус-кво, в соответствии с которым существует класс правящих и класс управляемых. Как продолжил А.Д. Керимов далее, когда речь идет о политико-правовой сфере, т.е. сфере динамичной, насыщенной разнообразными событиями, вбирающей в себя множество различных организационных структур и институтов, чутко реагирующих даже на незначительные изменения во всех других областях общественного бытия и т.п., не следует стремиться окончательно и беспелециционно (в т.ч. и законодательно) решать вопрос: кто, условно говоря, значимее: государство или гражданин, и чьи интересы — социума или личности целесообразно обеспечивать в первую очередь? В подтверждение своих слов А.Д. Керимов ссылается на известного русского философа права В.А. Соловьева, пояснившего что «сущность права состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага». Поэтому, как

считает автор, гораздо разумнее руководствоваться поиском «золотой середины», иными словами, попытаться максимально сочетать и наиболее полно обеспечить интересы и государства, и права отдельного индивида, поставить его на один уровень с обществом.¹

О том же не раз говорили служители Русской Православной Церкви. Православная Церковь, будучи носителем и выразителем мнения народа, выступает против навязывания России западных правовых ценностей. В Декларации о правах и достоинстве человека от 6 апреля 2006 г., принятой X Всемирным Русским Национальным Собором, говорится: «Права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества. Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности, между элитами и контрэлитами, либо в силу народного волеизъявления, выраженного в той или иной, чаще революционной, форме) не отменяют этого правила и своеобразного консенсуса».²

Обеспечивается названное правило в т.ч. с помощью права. И в подтверждение приведенного вывода А.Д. Керимов привел цитату Л.Н. Толстого: «Ведь все дело очень просто: есть насилующие и насилуемые, и насилующим хочется оправдать свое насилие. И вот свои распоряжения о том, как они в данном случае и в данное время намерены насиловать людей, они называют законами, разрешение же, которое они сами себе дают совершать свои насилия, и предписания насилуемым делать только то, что не запрещается им, называют правом».³

Заслуживает внимания и другая цитата. А.Д. Керимов пишет, что высший слой мировой буржуазии совершенно подчинил себе демократию, умело приспособил её идеологию, структуры и институты к своим нуждам. Более

¹ Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа. М., 2019. С. 93-94.

² Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа. М., 2019. С. 50

³ Толстой Л.Н. Письмо студенту о «праве» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Сер. первая. Т. 38. Произведения 1909–1910 гг. М., 1936. С. 55-56.

того, именно она на современном этапе исторического развития оказалась наиболее приемлемой для капиталистической элиты и посему наиболее востребованной формой её властвования. И о том же: на современном этапе исторического развития дуумвират крупного капитала и высшего слоя политического истеблишмента осуществляет свою деспотическую власть отнюдь не открыто, а напротив, в тщательно завуалированной разнообразными демократическими институциями форме и при этом чрезвычайно искусно и изощренно. Так что у перманентно обманываемого и эксплуатируемого плебса, к которому сегодня уверенно можно отнести и средний класс (или по крайней мере большую его часть), нередко возникает абсолютно пустая и удручающе наивная иллюзия сопричастности к делам и помыслам властвующей демократической элиты.

Столь же призрачны иллюзии масс насчет свободы и равенства. Свобода в условиях четко классово ориентированной политики верхов, полнейшей бездуховности и жесткого идеологического диктата общества потребления практически невозможна. Что касается равенства, то если оно заключается лишь в том, что у всех членов государственно-организованного социума, точнее у всех граждан, есть равные возможности раз в несколько лет отдать свой голос за того или иного представителя правящего класса для подтверждения его легитимности в качестве легата власти, то грош цена такому равенству.¹

В подтверждение слов А.Д. Керимова приведем высказывание Г.В. Мальцева: практика проводимых президентских, парламентских и региональных выборов свидетельствует о том, что демократия не способна призвать к государственному правлению людей одарённых и честных².

Что ж, такая грань, как «обеспечение спокойствия власть имущих и их обслуживание» у права тоже имеется. Мы рассматривали эту грань права в рамках сформулированной нами компрекендной теории права. А вывод А.Д. Керимова о том, что в государстве, несмотря на наличие различных

¹ Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа. М., 2019. С. 144.

² См.: Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2013. С. 599.

демократических выборных институтов и как бы равенства, всегда незначительное меньшинство правит большинством, требует размышлений и дальнейших исследований.

Следующий хорошо освещенный в рецензируемой монографии вопрос связан с демократичным принципом разделения властей. Как известно, в демократических странах выделяют три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Этот постулат воспринят Россией и закреплен в Конституции РФ. Однако А.Д. Керимов отмечает, что с некоторых пор и российских, и зарубежных ученых-юристов, политических деятелей волнует вопрос: правомерно ли, оправдано ли, наконец, целесообразно ли вычленение лишь трех ветвей государственной власти?¹ И действительно, в подавляющем большинстве демократических стран имеются государственные институты, которые крайне затруднительно отнести к любой из трех традиционных ветвей власти, но играющие в государстве не менее важную роль.

Далее автор такие власти кратко рассмотрел. Так, многие отечественные и зарубежные государствоведы не дают четкого и однозначного ответа на вопрос: к какой из властей относится президент страны и его администрация (или секретариат), оказывающая, как известно, огромное влияние на функционирование как государственного механизма, так и всей политической системы общества?

Аналогичный вопрос возникает и в отношении прокуратуры. По непонятным причинам посвященная прокуратуре ст. 129 Конституции РФ находится в главе «Судебная власть». Вместе с тем прокуратуру к судебной власти вряд ли можно отнести. В подтверждение своих слов А.Д. Керимов привел мысль Президента РФ В.В. Путина, высказанную еще в 2001 г.: «Конституция Российской Федерации оставила открытым вопрос о месте прокуратуры в системе органов власти». «К сожалению, — продолжил он, — действующий Закон о прокуратуре не восполняет этот пробел в полном объеме.

¹ Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа. М., 2019. С. 68.

Действующая концептуальная модель не дает полного и ясного ответа как на теоретические, так и на многие практические вопросы».¹

В Конституции, собственно, есть и другие дискуссионные положения.²

Далеко не очевидно в системе разделения властей и многих других государственных институтов, в частности таких как Уполномоченный по правам человека (омбудсмен), Центральный банк, Счетная палата, Центральная избирательная комиссия.

К органам власти, правда, не государственным, но функционирующим в государстве, относят средства массовой информации. Как написано в монографии, практически все солидарны с тем, что СМИ, манипулируя общественным мнением, оказывают огромное влияние на политический климат в стране, результаты выборов в представительные и иные государственные органы всех уровней и даже на кадровые перестановки во властных структурах.³

На основе этой поднятой проблемы А.Д. Керимов делает совершенно справедливый вывод: формирование новых ветвей власти, как и модификация традиционных — процесс неизбежный и исторически закономерный.⁴ Таким процессам мы дали название «правовой прогресс»⁵. Научное сообщество с наличием правового прогресса в целом согласилось и признало нашу правоту. Так же, видимо, думает и автор рецензируемой монографии.

* * *

В работе много и других интересных положений, и выводов, требующих отдельных исследований. Не сомневаемся, что А.Д. Керимов их проведет.

¹ Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа. М., 2019. С. 72.

² Лукашева Е.А. Двадцать лет Конституции Российской Федерации. М., 2013; Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2018; Запесоцкий А.С. Права человека и правовое социальное государство в России. М., 2020 и др.

³ Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа. М., 2019. С. 77.

⁴ Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа. М., 2019. С. 78.

⁵ Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 13–30; Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс — новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. 2016. № 4. С. 171–188.

По содержанию монография выдержана в строго научном академическом стиле. Однако в ней приводятся и достаточно простые примеры, делающие аргументацию автора легко доступной и для не специалистов. Ее с интересом прочитают как ученые, так и обычные люди.

Особенно приятно то, что ее автор является достойным продолжателем династии ученых Керимовых. Отец Джангир Аббасович Керимов (1923–2015) – выдающийся теоретик и философ права, член-корр. АН СССР, РАН, доктор юрид. наук, мать Тамара Викторовна Керимова (1929–2016) – известный философ, доктор филос. наук.

Оценивая книгу А.Д. Керимова «Демократия: опыт критического анализа» позитивно, желаем ему написать новые интересные работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении мы повторим отдельные выводы.

1. Мы отрицаем внеземное происхождение права. По нашему мнению, право есть социальное явление, неразрывно связанное с бытием и человеком. Право – это бриллиант: яркий, красивый, блестящий. Однако самый твердый и имеющий 57 граней. Как только в изучении права ученые откроют примерно такое же количество его граней (сильные и слабые стороны права, противоречия и изъяны, возможности права и пределы этих возможностей и т.п.), откроется и сущность этого сложнейшего социального явления.

Традиционно большинство юристов и философов, исследуя право, рассматривают его под углом той концепции, которой отдают предпочтение сами. Главным минусом таких попыток является отсутствие всеохватываемости, разносторонности и объективности изучения права и его проявлений, то есть отсутствие компрехендного подхода. Основываясь на диалектическом методе познания, предметом компрехендной теории права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции.

Нам – основоположникам компрехендной теории права – особенно приятно, что это теория находит все больше сторонников и становится все более популярной.

Мы все более убеждены, что компрехендная теория представляет собой наиболее точный путь познания права.

2. Право имеет такую грань как разумность, а также и грань под названием бессмысленность и безумство. Исторический опыт убедительно свидетельствует, что без последней грани право никогда не существовало.

В предыдущих монографиях мы обосновали межотраслевой правовой институт бессмысленности права, объединяющий все бессмысленные и безумные нормы. Отношение к нашей идее наличия такого межотраслевого

правового института разделило ученых на две части: кто-то отнесся к этому предложению с юмором, а кто-то поддержал и признал наличие названного института права. Но поразительно то, что и сторонники, и противники активно поддерживали поднятую тему и прислали нам уже более двух сотен примеров откровенных глупостей права. Поэтому можно сказать, что идея вызвала интерес. А главное, все признали, что глупость тоже является составляющей права.

3. Право регламентирует и разрешает не только положительные, но и отрицательные поступки человека и государства. Отсюда право имеет грань, названную нами негативно-развратное право.

4. Наши исследования показали, что судопроизводстве у права проявляются такие самостоятельные грани как:

- решение конкретного судьи, основанное на его личном понимании нормы;
- достаточно большая зависимость права от показаний;
- регламентация лжи в судопроизводстве;
- регламентация аморального поведения отдельных участников процесса.

5. У права есть такая грань как наличие обвинительного уклона в уголовном процессе и оперативно-розыскной работе. Это свойственно не только российскому праву, но и праву других стран.

6. Последние наши исследования показали, что право и правоприменение можно рассматривать как изобретенный человечеством обычный вид ремесла и заработка. А объективно имеющаяся у права такая грань как формализм нередко помогает правоприменителям зарабатывать.

7. У права существует такая грань как *недоверие к самому себе*. Ярким примером, подтверждающим этот вывод, является суд присяжных.

Но здесь надо обратить внимание, что право изучается юридической наукой. На основе научных рекомендаций и заключений формулируются правовые нормы, законы, формируется правоохранительная система,

осуществляется судопроизводство. Получается, что юридическая наука, выработавшая за столетия подходы к составу преступления, доказательствам, требования к следствию, суду и т.д. считает, что все ее разработки профессиональным судьям (юристам) доверять не надо, а надо доверять случайным людям? Тогда выходит парадоксальный вывод, что наша правовая наука на самом деле ничего не изобрела, если случайно отобранные и юридически неподготовленные люди вершат правосудие лучше чем судьи? Ведь вердикт присяжных для суда обязателен. То есть, подразумевается, что присяжные понимают ситуацию по делу лучше, точнее.

Представительно народа в судопроизводстве, конечно, должно быть. И это давно научно обосновано. Но вот четко обосновать, почему двенадцать случайно отобранных человек судят лучше, чем хорошо подготовленные опытные юристы, почему главное слово в судебном решении именно за этими двенадцатью, не смог никто. Обосновать сей факт, наверное, и не возможно. Это показывает еще одну грань - *допущение ненаучности в своей системе*.

8. Л.Н. Толстой ориентировал нас на понимание права, исходя не из предлагаемых учеными теоретических конструкций, точнее, не только из того, что обосновывалось исследователями, а заставлял учитывать при этом реальную правовую жизнь. А она очень неоднозначна и неоднородна, порой существенно противоречива, - как и само право. В этом проявляется его компрехендный характер. Приведенные в монографии произведения Л.Н. Толстого еще раз демонстрируют обоснованность компрехендной теории познания права.

Л.Н. Толстой наглядно показал, что право – это в том числе и насилие власть имущих над безвластными, а также оправдание такого насилия. Кроме того, право в ряде случаев является формой обслуживания сильных мира сего, а иногда выступает ширмой для прикрытия их нечестных, аморальных и даже преступных дел.

В ходе исследований мы тоже пришли к выводу о наличии у права такой грани как обеспечение спокойствия власть имущих и их обслуживание.

9. Философское учение о праве и творчество Ф.М. Достоевского дало толчок развитию русской суверенной философско-правовой мысли в конце XIX – XX веке. И в контексте русского суверенитета, русской самобытности оказало влияние на зарубежную философию права.

10. Творчество и биографию И.А. Ильина в настоящее время стали публиковать односторонне и необъективно. Вместе с тем, его жизнь и деятельность весьма противоречивы. Он вроде бы был монархист, но поддерживал февральскую революцию 1917 года и свержение монархии. Считал себя верующим, причем православным человеком. Но при этом одобрял жестокую войну, что никак не соответствует православной вере! Позиционировал себя как русский патриот, но поддерживал фашизм и готов был истреблять русских коммунистов и большевиков, а значит на тот момент значительную часть русского населения нашей страны.

Изучать творчество Ильина нужно честно, объективно, непредвзято, полно и справедливо. Поэтому важно при издании книг Ильина или об Ильине вначале обязательно писать о том, что он поддерживал фашизм, Гитлера, Муссолини. Чтобы это бросалось в глаза. И уже потом переходить к сочинениям философа, которые объективно интересны и содержательны. След в философии и юриспруденции Ильин, несомненно, оставил.

11. Космическое право в настоящее время становится перспективным научным направлением в юридических науках. Актуальность научной разработки космического права диктуется как потребностью жизнедеятельности и безопасности человечества, защитой его прав и здоровья, так и развитием теории права.

12. Нам представляется, что роль права и закона в запрограммированном таком обществе связана, как минимум, с двумя плоскостями. Первая плоскость: декларирование всеобщего равенства, абсолютного равенства между высшим чиновником и рабочим, миллионером и бедным

крестьянином, бизнесменом и школьным учителем и т.д. Другая плоскость права и закона связана с тем, чтобы с их помощью рабочий тем не менее оставался рабочим, крестьянин – крестьянином, а миллионер – миллионером. Обеспечивают эти процессы нормативно-правовые акты.

Иными словами, роль права в программируемом обществе связана с обеспечением нормального существования тех, кто это общество программирует, то есть тех, кому принадлежит реальная власть. В зависимости от конкретной страны и ее исторического этапа власть в ней может принадлежать официальному главе государства, окружению главы государства, духовному лидеру, самому богатому человеку страны или группе таких людей.

13. Регламентация программирования человеческих жизней является одной из граней права. Отдельной гранью является и обязательное взаимодействие права с экономикой, где последняя нередко играет главенствующую роль

14. На основе проведенных исследований мы пришли к выводу об опасности роботизации судопроизводства.

15. Среди современных этических проблем правовой науки нами особо выделены четыре: этика научной дискуссии, угодничество власти, плагиат, недостаточность финансирования науки и ученых.

16. Философия права является важнейшим направлением философской мысли. Философия права – это философско-специализированная наука, предметом изучения которой являются основополагающие проблемы онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики права, праксиологии права, правосознания. Философия права является главной связующей между философией и правом, правовыми науками.

17. Мы ожидаем сближения философии и права. Право нуждается в философии. В свою очередь философия через право может выступать определенным регулятором общественных отношений, быстрее и

эффективнее развивать и реализовывать философские идеи, еще более привнести в право гуманности, справедливости и разумности.

Философы будут больше стремиться к праву и частичной интеграции с юристами. Этому способствует то, что право обретает в жизни людей все большую роль. Тем более, что в XXI веке нас ждут новые научные открытия, которые значительно изменят мир и бытие. Такие открытия потребуют правовой оценки и правового регулирования применения результатов этих открытий. То есть, у философов и юристов прибавится общей интересной работы.

18. Мы полагаем, что на разных этапах человеческого существования право в различном виде зарождалось как минимум трижды. Первый: с появлением на Земле человека и его сознания, в котором, как мы считаем, заложено стремление к праву, необходимость права. Второй: с появлением первого государства и рождением исходящего от него позитивного права. Третий: с зарождением обычаев, получивших со временем и с учетом ментальности, культуры, развития отдельных обществ, статуса правовых обычаев и норм права.

20. В конце XX века перед человечеством появились новые глобальные проблемы, касающиеся, во-первых, его телесной природы и, во-вторых, воздействие на человека через информационное пространство. Их опасность надо как можно быстрее осознать и разработать конкретные правовые механизмы разрешения названных проблем.

21. В настоящее время человечеством накоплено множество глобальных смертоносных для Земли проблем (угроза атомной войны и применения иного оружия массового поражения, перенаселение, нехватка энергоресурсов, экология, эпидемии и т.д.). Мы уверены, что, к сожалению, в перспективе какая-либо из названных угроз для жизни реализуется.

Изложенное дает возможность вернуться к сформулированной нами ранее гипотезе катаклизмов и круговорота человеческой жизни на Земле. Интерес к этой гипотезе пока проявили только зарубежные специалисты. Ее

сущность в том, что человечество своими действиями достигает определенного рубежа, после которого оно не в состоянии в полном составе находиться на планете. В результате достижения рубежа происходят катастрофы или катаклизмы, затрагивающие (умертвляющие) абсолютно большую часть населения планеты. После чего оставшиеся в живых после катаклизмов люди начинают новую жизнь. Эта жизнь, вполне вероятно, начнется практически с нуля, так как во время катастроф несомненно теряется значительный багаж накопленных человечеством знаний, достижений, пропадает жизненный опыт. Но решаются проблемы с перенаселением, восстанавливается экология, энергоресурсы и т.д. Далее человечество развивается, вновь достигает перенаселения, нарушает экологию, изобретает смертоносные виды вооружений, воюет, в процессе своей деятельности достигает нового рубежа, происходит катаклизм и затем - новый виток жизни, вновь очищенный от многих изобретенных технологий, опыта, знаний.

Правда, выразим надежду, что такой виток наступит не скоро, не связан с коронавирусом и современными эпидемиями. Сюда добавим, что на протяжении многих столетий Российская Федерация два раза в век тяжело воюет. Надеемся, что в текущем веке Россия войны избежит.

В завершение хотим поблагодарить за прочтение этой книги. Мы пытались писать ее достаточно доступным языком и по возможности разъяснять трудные для восприятия понятия. Надеемся на доброжелательные отклики и конструктивную критику.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень социологических исследований

1. В 2014 году проведен опрос двух тысяч москвичей по вопросу: **«Что такое право, по Вашему мнению? Если затрудняетесь, то с каким словом (словами) у Вас ассоциируется право?»**. 83 % опрошенных заявили, что право у них ассоциируется с запретом и наказанием.

В 2018-2019 г.г. по названному вопросу опрошено пять тысяч москвичей. 86 % респондентов ответили, что право – это запрет, либо это слово ассоциируется в первую очередь с запретом и наказанием!

2. В 2019-2020 г.г. мы опросили десять тысяч москвичей, из которых пять тысяч имеет высшее образование, а пять тысяч не имеет. Затем по такому же принципу опросили десять тысяч петербуржцев, десять тысяч нижегородцев. Кроме того, опросили десять тысяч екатеринбуржцев, красноярцев и хабаровчан, правда уже без жесткой разбивки на наличие-отсутствие высшего образования). Опрашивали людей возраста от 25 лет с неограниченным верхним пределом.

Анкетированным задавались вопросы:

- **«Что такое право? Если затрудняетесь, то с каким словом (словами) оно у вас ассоциируется?»**.

- **«Чего, по Вашему мнению, не хватает Вашему национальному праву? Что Вы хотите видеть в праве?»**

86 % опрошенных россиян ответили, что право – это запреты и наказание! Причем ассоциации с запретом и наказанием среди людей, не имеющих высшего образования, в Москве и Нижнем Новгороде превышали 90 %.

За явным преимуществом во всех городах России люди в первую очередь хотели видеть в российском праве человечность. Чуть меньше набрала справедливость. Других ответов было относительно немного.

3. В 2018-2020 г.г. провели опросы пяти тысяч жителей Германии, пяти тысяч жителей Италии, пяти тысяч жителей Испании и пяти тысяч жителей Франции. Опрашивали граждан названных стран и, обязательно, этнических немцев, итальянцев, испанцев и французов. Опрашивали людей возраста от 25 лет с неограниченным верхним пределом.

Анketируемым задавались вопросы:

- **«Что такое право? Если затрудняетесь, то с каким словом (словами) оно у вас ассоциируется?».**

- **«Чего, по Вашему мнению, не хватает Вашему национальному праву? Что Вы хотите видеть в праве?»**

В среднем 75-80 % европейских жителей сказали, что право – это наказания и запреты.

78 % жителей Германии, Италии и Испании ответили, что их национальному праву не хватает свободы и увеличенных социальных гарантий. 82 % опрошенных французов сказали, что им кроме свободы хочется смягчения ответственности.

4. В Москве, Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде мы опросили двадцать тысяч человек, из которых десять имеют высшее образование, а десять тысяч – не имеют. Им был заданы вопросы:

- **Что представляет из себя, по Вашему мнению, современный российский суд?**

- **Пойдете ли Вы в суд защищать свои права?**

- **Верите ли Вы в честность и справедливость российского суда?**

78 % людей с высшим образованием показали, что российский суд в настоящее время представляет собой коррумпированную структуру, готовую за деньги или по команде принять любое решение. Все 78 % в его честность и справедливость не верят.

Самостоятельной, независимой и справедливой ветвью власти суд назвали примерно пятая часть опрошенных (около 20 %).

Защищать свои права и законные интересы в суд пойдут, при необходимости, 43 % опрошенных.

Обобщая ответы людей, не имеющих высшего образования, было выяснено, что 89 % суду не доверяют, в его честность и справедливость не верят и к его услугам при нарушении их прав обращаться не будут, так как бесполезно. Суд, по их мнению, представляет собой коррумпированную (иногда говорилось «ручную») структуру властимущих (правительства, богатых, силовых структур и т.д.).

5. В 2019-2020 году опросили 3000 действующих и бывших работников силовых структур: органов внутренних дел, органов налоговой полиции, органов наркоконтроля, прокуратуры. Заданы вопросы:

- Что представляет из себя, по Вашему мнению, современный российский суд?

- Верите ли Вы в честность и справедливость российского суда?

Было выяснено, что более 90 % опрошенных в честность и справедливость современного российского суда не верят, что подтверждает их жизненный опыт. Дополняя свои ответы они заявили, что конечно, судебные органы нужны просто потому, что без них не может работать государство. Но задача современно суда, по мнению опрошенных, обслуживать властимущих.

6. Неофициально опросили 200 судей в различных субъектах Российской Федерации. Задали вопрос: **«Оказывает или не оказывает влияние при вынесении оправдательного приговора или условного срока факт того, что коллега, нередко известный лично, ранее арестовал данного человека?»**.

Из 200 судей 107 ответили: оказывает.

7. Неофициально опросили двести судей по вопросу значения признания подсудимым своей вины.

198 судей сказали, что при вынесении приговора для них очень важно, чтобы в уголовном деле были признательные показания подсудимого.

8. Неофициально опрошено пятьсот зарубежных и российских и адвокатов по гражданским делам **по поводу предоставления суду недостоверной информации.**

Получены ответы, что каждый из адвокатов когда-либо предоставлял суду заведомо искаженную в свою пользу информацию (сообщал только часть правды, не сообщал уличающей клиента информации, умышленно искаженно толковал факты в пользу клиента и т.д.)

9. Официально и неофициально опросили 10 тысяч человек: студентов, курсантов, аспирантов, профессорско-преподавательский состав различных юридических вузов, а также сотрудников государственных юридических учреждений, правоохранительных органов и спецслужб. Вопрос:

- Зачем вы пошли учиться на юриста, стали работать юристом, связали свою жизнь с правоохранительной системой?

Абсолютное большинство пошли работать юристами для хорошего заработка, получения престижной (и высокооплачиваемой) работы, обретения влиятельных знакомых. Сотрудников правоохранительных органов волновали также возможность быстрого выхода на пенсию по выслуге лет и льготы. Защищать права физических и юридических лиц, раскрывать преступления, восстанавливать права потерпевших хотели не более 15 процентов опрошенных, в основном – достаточно молодых! Остальные 85 процентов относились к праву и правоохранительной деятельности как к изобретенному человеком виду ремесла и соответственно виду заработка! О праве говорили, что оно представляет собой обыкновенную профессию, такую же как рабочий, служащий, инженер и т.д.

10. Опрошены 700 юристов различных российских компаний. Было установлено, что 647 из них по спорным вопросам толкования и применения законодательства в первую очередь ориентируется на электронные базы данных, комментарии законодательства, размещенные в электронных сетях и поисковых системах. Проведенные опросы 500 магистров, аспирантов и

адъюнктов показали, что 474 человека из них при подготовке научных работ также в первую очередь ориентируются на публикации в Интернете.

Литература

Авакьян С.А. Конституционное право России: В 2 т. М., 2007.

Автономова Н.С. Философские и методологические проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977.

Адлер А. Лекции по аналитической психологии. М., 1996.

Административное право / Под ред. *Л.Л. Попова*. М., 2005.

Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в Российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы.

Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб., 2013.

Александров Р.А. Проблемы противодействия наркобизнесу в Российской Федерации / Под ред. *В.П. Сальникова*. СПб., 2005.

Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки / Под ред. *В.А. Томсинова*. М., 2008.

Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М., 2005.

Алексеев С.С. Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма. М., 1962;

Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций в двух томах. Свердловск, 1972—1973;

Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в Российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы.

Алексеев С.С. Право и перестройка. М., 1987.

Алексеев С.С. Правовое государство — судьба социализма. М., 1988;

Алексеев С.С. Уроки: Тяжкий путь России к праву. М., 1997;

Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на Земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998.

Алексеев С. С. Философия права. М., 1998.

Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.

Алексеев С.С. Философия права: История и современность, проблемы, тенденции, перспективы. М., 1999.

Алексеев С.С. Избранное: Наука права. Общесоциальные проблемы. Публицистика. М., 2003.

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс (экспериментальная психологика). СПб., 2000.

Амосов С.М. Судебное познание в арбитражном процессе. М., 2003.

Аналитическая философия. Избранные тексты. М., 1993.

Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. 2015.

Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. 2017.

Ананских И.А., Силантьева В.А., Кулева М. Трансформация традиционных семейных ценностей как угроза национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. 2018.

Андреев И. Д. Теория как форма организации научного знания / Отв. ред. Н. К. Вахтомин. М., 1979.

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. *Н.И. Лапин.* М., 2016.

Антонов И.А., Горленко В.А., Н.Н. Михайлов, И.Л. Третьяков. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы. СПб., 2006.

Апель К.О. Трансформация философии. М., 2001.

Аржанов М.А., Кечекьян С.Ф., Маньковский Б.С., Строгович М.С.
Теория государства и права. М., 1949.

Аржанов М.А. Государство и право в их соотношении. М., 1960.

Арзамасов Ю.Г., Баранов В.М., Варламова Н.В., Веденеев Ю.А., Веденеев Ю.А., Головкин Р.Б., Головина А.А., Гончаров И.В., Графский В.Г., Гревцов Ю.И., Гук П.А., Давыдова М.Л., Дудко И.Г., Захарцев С.И., Исаков В.Б., Кирдяшова Е.В., Колоколов Н.А., Комаров С.А., Корнев А.В., Курза Н.В. и др.
 Теория государства и права в науке, образовании, практике / Пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. М., 2016.

Аристотель. Сочинения: В 4-х т. М., 1975-1981.

Арон Р. Мнимый марксизм. М. 1993.

Атмажитов В. М., Бобров В. Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности. М., 2003.

Бабаджанов И.К. Суррогатное материнство: некоторые вопросы правового регулирования // Мир политики и социологии. 2012

Баглай М.В. Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Роль, порядок выборов, полномочия М., 2012.

Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. 13-е изд., изм. и доп. Москва, 2018.

Баев О.Я. Избранные работы: В 2-х т. Воронеж, 2011.

Баранов В.М. Российская книга по философии права и юриспруденции на английском языке. Рецензия-презентация монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018.

Барихин А.Б. Большой энциклопедический словарь. М., 2005.

Бастрыкин А. И. Криминалистика. СПб., 2003.

Бастрыкин А.И. Суд присяжных в России: мечты и реальность // Время и право, 2003.

Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997.

Бачинин В. А., Сальников В. П. Причинность как философско-правовая проблема. СПб., 2002.

Башиляр Г. Новый рационализм. М., 1989.

Белкин А. Р. Теория доказывания. М., 1999.

Бельсон Я.М. Россия в Интерполе / Под общ. ред. *С.Ф. Зыбина*. СПб., 1994.

Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986.

Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998.

Берман Г. Вера и закон: примирение прав и религии. М., 1999.

Берман Дж. Гарольд. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е издание. – М. 1998.

Бехтерева Н.П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. Л., 1974.

Бехтерева Н.П. Здоровый и больной мозг человека. Л., 1980.

Бехтерева Н.П. О мозге человека. СПб., 1994.

Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. М., 2008.

Бибихин В.В. Введение в философию права. М., 2005.

Боброва Н.А. О вреде современных критериев оценки научной деятельности вузов: общетеоретический анализ // Образование и право. 2018.

Блосфельд Г.Э. «Законная сила» Свода законов в свете архивных данных / Под ред. В.А. Томсинова. М. 2006.

Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.

Боер В.М., Городенец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее / Под ред. *В.П. Сальникова*. СПб., 1999.

Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Кругских. М, 1998.

Бондарь Н.С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. Саратов, 1997.

Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009.

Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. М., 2013.

Бондарь Н.С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. М., 2013.

Боннер А.Т. Установление обстоятельств гражданских дел. М., 2000.

Борзова Е.П., Покровский И.Ф. Замечательная публикация в Кембридже уникальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015).

Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: Жемчужины мысли / Э. Борохов. М., С. 439.

Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. 2015.

Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) / Под ред. В.Н. Карташова. М., 2014.

Босхолов С. С. Основы уголовной политики. М., 1999.

Брежнев М.А. Министр Щелоков. М., 2010;

Брылева Е.А. Решения Европейского суда по правам человека: дальнейшие перспективы // Мир политики и социологии. 2015.

Будущее фундаментальной науки. Концептуальные, философские и социальные аспекты проблемы / Под ред. А.А. Крушанова, Е.А. Мамчур. М., 2011.

Бурданова В. С. Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2003.

Ваксберг А. Бурные аплодисменты // Литературная газета. 1988. 21 сентября.

Варламова Н.В. Современный российский федерализм: конституционная модель и политико-правовая динамика. М., 2001.

Вартамян Г.А., Петров Е.С. Эмоции и поведение. Л., 1989.

Василенко К. Клонирование и другие сенсации // Медицинские ведомости. 2001

Васильев А.А. Концепция правового воспитания в контексте консервативной правовой доктрины России // Юридическое образование и наука. 2012. № 3 С. 11-14.

Васьковский Е.В. Гражданский процесс / Под ред. *М.К. Треушников*. М., 2005.

Вдовин Ю.И. Защита прав граждан при внедрении системы оперативно-розыскных мероприятий в сетях связи. СПб., 2000.

Велихов Е.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988.

Великие мыслители Запада. М., 1998.

Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2009.

Викторовский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1997;

Винниченко Н. А., Захарцев С. И., Рохлин В. И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под ред. *В. П. Сальникова*. СПб., 2004.

Витгенштейн Л. Избранные философские работы. М., 1994.

Вобликов А.Б. Органы внутренних дел в системе политической власти. М., 1999.

Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы, теория, библиография. СПб., 2003.

Волеводз А.В. О действенности внедрения достижений уголовно-процессуальной науки в практику уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014.

Волеводз А.Г., Соловьев А.Б. Международный розыск, арест, конфискация и передача иностранным государствам денежных средств и имущества, полученных преступным путем, а также вещественных доказательств по уголовным делам. М., 2007.

Воронцов С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность. Ростов-на-Дону, 1999.

Всемирная энциклопедия. Философия XX век / Под ред. А.А. Грицанова, М.А. Можейко, Т.Г. Румянцевой, С.Ю. Солодовникова, О.В. Терещенко. Мн, 2002.

Габов А.В. Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций, М., 2016.

Габов А.В. Предпринимательское право: современный взгляд, М., 2019.

Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.

Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980.

Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М., 1997.

Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Гайденок П.П. Время. Длительность. Вечность: проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006

Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры. Уфа, 2011.

Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. 2013

Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. 2013.

Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016.

Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа, 2018.

Гармаев Ю.П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о взяточничестве. М., 2005.

Гвай А.М., Захарцев С.И. Уголовная ответственность за совершение убийства и причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству зарубежных государств // Юридическая наука: история и современность. 2019.

Гегель. Политические произведения. М., 1978.

Гегель. Философия права. М., 1990.

Гегель. Наука логики. СПб., 1997.

Гегель. Феноменология Духа. Философия истории. М., 2007.

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

Герцензон А. А. Уголовное право и социология. М., 1970.

Гинзбург В.Л. О физике и астрофизике. М., 1992.

Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Канюкова Т.Е., Лядов А.А., Сальников М.В. Российское право V-XIX вв (исторические зарисовки) / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2002.

Голубовский В.Ю., Кондрат И.Н., Хабибулин А.Г., Числов А.И. Вклад профессора С.И. Захарцева в развитие уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной науки // Мониторинг правоприменения. 2020.

Голунский С.А., Рогинский Г.К. Техника и методика расследования преступлений. М., 1934.

Голунский С.А. Осмотр места преступления. М., 1936;

Голунский С.А. Криминалистическая методика. М., 1939

Голунский С.А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940.

Голунский С.А. Криминалистика. М., 1959.

Гольбах П.-А. Избранные произведения в двух томах. М., 1963.

Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации. М.: КДУ, 2018.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М., 2020.

Гражданское общество: история и современность / Науч. ред. *И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский*. СПб., 1996.

Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. *И.И. Кальной, А.В. Горбань*. Симферополь, 2011.

Графский В.Г. Интегральная (общая, синтезированная) юриспруденция // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. М., 2006

Графский В. Г. и др. История политических и правовых учений / Под общ. ред. *В. С. Нерсесянца*. М., 2010.

Графский В.Г. Точку ставить рано: вместо заключения // Стандарты научности и homo iuridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. М., 2011.

Графский В.Г. Философия права в России: разнообразие предмета изучения. Преемственность и новизна // Философия права в России: из опыта XX века / отв. ред. *В.Г. Графский*. М., 2016.

Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю. Энциклопедия права. СПб., 2008.

Гриб В. Г. Противодействие организованной преступности. М., 2001.

Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (Правовое обеспечение, организация, методика). М., 1994.

Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс. М., 2005.

Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.

Гулиев В.Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Сов. государство и право. 1986.

Гумбольт В. Язык и философия культуры. М., 1985.

Гуревич П.С. Философская антропология. М., 1997.

Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.

Гусейнов А.А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М., 1987.

Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. 3-е изд. М., 1988.

Гусейнов А.А. Великие моралисты. М., 1995.

Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 1998.

Гусейнов А.А. Философия. Мораль. Политика / научная и учебная литература. М., 2002.

Гусейнов А.А. У философов и юристов много общих тем // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Под ред. В.В. Миронова и Ю.Н. Солонина. М., 2010.

Гусейнов А.А. Десятисловие Моисея: канон справедливости//Философия права Пятикнижия: сб. статей. М., 2012.

Гусейнов А.А. История и философия науки. М., 2018.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1994.

Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994.

Гутман М.Ю., Сальников В.П. Министры внутренних дел СССР в последнее тридцатилетие Советской власти // Юридическая наука: история и современность. 2020.

Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002.

Гуценко К. Ф. Уголовный процесс. М., 2005.

Гуцериев Х. С., Сальников В. П., Степашин С. В., Федоров В. П., Худяк А. И. Человек и правоохранительная деятельность / Под ред. В. П. Сальникова. СПб., 2000.

Дворецкая Е. В., Кузнецов Э. В. Сохраняя величие предмета. Рецензия на монографию С. И. Захарцева и В. П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука: история и современность. 2016.

Дворецкая Е. В., Масленников Д. В., Гук А. И. Вышла интересная книга о философии и праве. Рецензия на монографию С. И. Захарцева и В. П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) // Мир политики и социологии. 2016.

Деррида Ж. Позиции. Киев, 1996.

Долгов К. М. От Киркегора до Камю. Философия. Эстетика. Культура. М., 1991.

Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009.

Дубягин Ю. П., Дубягина О. П. Проблемы розыска без вести пропавших. М., 2003.

Егоришин В. М. Милиция. Полиция. Шерифат. СПб., 1994.

Егоришин В. М. Проблемы обеспечения экономической безопасности современной России. СПб., 1998.

Ермолович Г. П. Полиция. Общество. Преступность в США. СПб., 2008.

Ершов В. В. Юридическая природа принципов российского права с позиций легистского и интегративного правопонимания // российское правосудие. 2010.

Ершов Ю. Г. Философия права. Екатеринбург. 1995.

Жданов В.Л. Космическая политика и власть // Юридическая наука: история и современность. 2012

Жданов В.Л. «Политика» и «власть» - соотношение понятий // Юридическая наука: история и современность. 2013.

Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. 2015.

Жуков В.И., Федякина Л.В. Плен: социология бесправия. М., 2018.

Жуков В.И. Социально-демографический НАБАТ. М., 2017

Журавлев А.Л. Личность профессионала в современном мире, 2013.

Журавлев А.Л., Позняков В.П., Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М., 2012.

Зарубин А., Вагин В. Репутация — капитал личности. М., 2007.

Запесоцкий А.С. Культура. Взгляд из России. СПб, 2015.

Запесоцкий А.С. Права человека и правовое социальное государство в России. М., 2018.

Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом. СПб., 2003.

Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения. СПб., 2004.

Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2011.

Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014.

Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015.

Захарцев С.И., Сальников В.П. О теории и философии права / Арзамасов Ю.Г., Баранов В.М., Варламова Н.В. и др. Теория государства и права в науке, образовании, практике; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. М., 2016.

Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / Под ред. С.И. Захарцева. М., 2017.

Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука. М., 2019.

Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019.

Захарцев С.И., Ананских И.А., Грибов И.Н., Зорина Н.В. и др. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) / Под ред. С.И. Захарцева. М., 2020.

Захарцев С.И. Глобальные проблемы человечества и гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 4-5. С. 9-23.

Захарцев С.И., Сальников В.П. Объективная шкала оценки научного труда: по силам ли индексу Хирша? // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 11. С. 20-24.

Захарцев С.И., Сальников В.П. О праве в программируемом обществе // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.Я. Капустин и др.: отв. ред. В.В. Лазарев. М., 2020. С. 93-99.

Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991.

Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007.

Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008.

Зорькин В.Д. Философия права: прошлое, настоящее, будущее // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. 2010.

Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. 2012

Зорькин В.Д. Цивилизация права. Если право погибнет, то мир окажется у края бездны // Российская газета. 2014.

Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015.

Зотов А.Ф. Современная западная философия. М., 2002.

Иванников И.А. Теория и философия права. М., 2018.

Иванов В.Н., Сергеев В.К. Всегда Великая Победа / В.Н. Иванов, В. К. Сергеев. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2020;

Иванов В.Н. Великая победа и современные реалии // Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты / С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов и др.; Отв. ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов. М., 2020. С. 11-30.

Иванов О.Е. Самосознание как основа метафизики. Опыт философской пропедевтики. СПб., 1995.

Иванов И. И. Предупреждение преступлений. СПб., 2005.

Иванов С.Б., Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2019; Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы: в 2 т. / под общ. ред. Т.Я. Хабриевой, Р.А. Курбанова. М., 2019.

Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) / Под ред. С.И. Захарцева. М., 2020

Идея справедливости в традициях постклассической философии права: научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. СПб., 2012;

Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права. М., 2013.

Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. Кн. 1. М., 1993.

Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935-1946). М., 2000

Ильин И.А. Теория государства и права / Под ред. и с предисловием *В.А. Томсинова*. М., 2003.

Ильин И.А. Теория права и государства. Издание 2-е, дополненное / Под ред. и с биографическим очерком *В.А. Томсинова*. М., 2008

Информационный бюллетень отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 2000

Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1962.

Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость в контексте исторических традиций // Мир политики и социологии. 2016.

Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. 2016.

Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.). СПб., 2017.

Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права. СПб., 2017.

История информатики и философия информационной реальности / Под ред. *В.М. Юсупова и В.П. Котенко*. М., 2007.

История современной зарубежной философии: компаративистский подход. СПб., 1997.

История спецслужб России / Сост. *С. Шумов, А. Андреев*. М., 2004.

История философии права. СПб., 1998.

Ищенко Е.П. Реформой правит криминал? М., 2013.

Камышанский В.П. О юридическом образовании и профессии юриста в России // Власть закона. 2010. № 2.

Канаев И.А. Проблемы сознания в междисциплинарной перспективе (обзор научной конференции) // Вопросы философии. 2012.

Кант И. Критика чистого разума / Перевод Н.М. Соколова. СПб.: Издание книжного магазина М.В. Попова, 1902

Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1963.

Карнап П. Философские основания физики. Введение в философию науки. М., 1971.

Карпец И. И. Сыск (записки начальника уголовного розыска). М., 1994.

Карташов В.Н. От интегральной к синтетической теории права, или все-таки наоборот? // теоретические и практические проблемы правопонимания: Материалы 3 Международной научной конференции, 24 апреля 2008 г. в российской академии правосудия, г. Москва / Под ред. В.Н. Сырых, М.А. Заниной. М., 2010.

Касавин И.Т. Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд, М., 2008.

Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2013.

Керимов Д.А. Избранные произведения в 3-х томах. М., 2007.

Керимов А.Д. Сильное государство. М., 2009.

Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. М., 2011.

Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности. М., 2014.

Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. 2019

Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа. М., 2019.

Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972;

Керимов Д. А. Законодательная техника. М., 1998.

Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000

Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства: В 3 т. М., 2001.

Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015.

Керимова Т.В. Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2016.

Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры. СПб, 2006.

Кларк Р. Преступность в США. Замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля М., 2002.

Клеандров М.И. Кандидатская диссертация юриста: первые шаги исследователя. М., 2004.

Клеандров М.И. Судейский корпус России: совершенствование механизма формирования. М., 2019.

Клеандров М.И. Правовая организация механизма правосудия РФ: проблемы совершенствования, М., 2019.

Ключарев Г.А., Мошкова Д.М., Барбашина Н.С. Интеграция российской науки и производства: социологический анализ / Под ред. акад. Г.В. Осипова / Г.А. Ключарев, Д.М. Мошкова, Н.С. Барбашина. М., 2020.

Ключевский В. О. Русская история. СПб., 2009.

Ковалев М.И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. 1992.

Ковалев М.И. Генетика человека и его права (юридические, социальные и медицинские проблемы) // Государство и право. 1994.

Козлихин И.Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы // Философия права в России: история и современность: Материалы третьих

филос.-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / Отв. ред. В.Г. Графский. М., 2009;

Козлихин И. Ю. Избранные труды. СПб, 2012.

Козлихин И.Ю. Общая теория, интегральная юриспруденция или энциклопедия права? // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2013.

Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации. М., 1995.

Козловский А.Ю. Теоретико-правовые основы оперативно-розыскной деятельности таможенных органов Российской Федерации. М., 2011.

Кокошин А.А. Международная энергетическая безопасность. М, 2006.

Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2006;

Кокошин А.А., Бартенев В.И., Белоконь С.П. и др. Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / под редакцией. М., 2017.

Кокошин А.А. В опросы прикладной теории войны. 2-е изд. М., 2019.

Колесников А.С. Философия Бертрана Рассела. Л., 1991.

Колесников А.С., Масленников Д.В., Гук А.И. Размышления о философско-правовых работах С.И. Захарцева и своеобразии его философии // Юридическая наука: история и современность. 2015.

Колоколов Н.А. Судебная власть: о сущем и будущем феномена в логосе. М., 2005; Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии: (избранное). М., 2006

Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М., 2010;

Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность. М., 2014.

Колоколов Н.А. Судебная власть в современной российской науке: теория государства и права // Теория государства и права в науке, образовании, практике / Пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. М., 2016.

Колоколов Н.А. Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.Я. Капустин и др.: отв. ред. В.В. Лазарев. – М., 2020.

Колядин А.М. Субъектность политического класса и его социальная значимость. СПб., 2015.

Колядин А.М. Институты гражданского общества и субъектность политического класса // Юридическая наука: история и современность. 2016.

Колядин А.М. Управленческая деятельность политической системы и субъектность политического класса // Юридическая наука: история и современность. 2016.

Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2001.

Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации. СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург); Рязань, 2014;

Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / Вступ. ст. В.Д. Зорькина. М., 2006.

Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений. М., 2014.

Концепции развития российского законодательства / Под ред. и с предисл. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010.

Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб. 2004.

Корнев А.В. Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX- начало XX в.). М., 2003.

Корнев А.В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа. М., 2016.

Корольков А.А. Русская духовная философия. СПб., 1998.

Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиция // История философии права / Авторы-составители: *А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников.* СПб., 1998.

Корольков А.А. Философия права как компонент русской культуры // [Философия права](#). 2000. № 1. С. 57.

Корольков А.А. Духовная антропология. СПб., 2005.

Корхов Ю. Паутина принуждения // Новый мир. 1987

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2004.

Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915.

Кошелев С.М. Теория государства и права. СПб., 2007.

Кредов С.А. Щелоков. М., 2010

Криминология / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 1999.

Кромби Д. Самые глупые законы мира, М., 2006.

Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999.

Кропачев Н. М., Прохоров В. С. Механизм уголовно-правового регулирования: уголовная ответственность. СПб., 2000.

Кропачев Н.М. Государственный язык России: нормы права и нормы языка, монография, Санкт-Петербургский государственный университет, 2018.

Кропачев Н.М., Судебная практика. Законодательство о государственном языке в российской судебной практике., издательство: Санкт-Петербургский государственный университет, 2018 г.

Крылов И. Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. Л., 1984.

Крючков В. А. Личность и власть. М., 2004.

Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1976.

Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005.

Кудрявцев В. Н., Трусев А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002.

Кузнецов В.Н. Теория Коммуникационного Общества 3.0: Социологический гуманистический аспект. М., 2015.

Кузнецов В.Н. Особенности гуманистической безопасности в Коммуникационном Обществе 3.0. Колл. авт.; ред.-сост. и авт. глав М., 2015.

Кузнецов В.Н. Культура национальной безопасности: облачные 3.0 методологии, теории, институты и технологии в России 2015–2020.

Кузнецов Э.В. Философия права в России. СПб, 1989.

Кузнецов Э.В., Масленников Д.В., Покровский И.Ф., Экимов А.И. Английская версия российского издания S.I.Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018 // Юридическая наука: история и современность. 2018.

Кузнецова С.Н. К вопросу о системных нарушениях Европейской конвенции о правах человека и пилотных постановлениях Европейского Суда // Юридическая наука: история и современность. 2015.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

Курашвили Б.П. Очерк теории государственного управления / Отв. ред. М.И. Пискотин. М., 1987.

Кутлуниин А.Г. Немецкая философия жизни. Иркутск, 1986.

Лазарев В.В. Пробелы в праве: Вопросы понятия пробелов и критика теорий беспробельности права. Казань, 1969.

Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974.

Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982.

Лазарев В.В. О соотношении принципов и норм международного и национального права // Адвокатура. Государство. Общество: Сб. матер. III Всерос. науч.-практ. конф. М., 2006.

Лазарев В.В. Плеханов Георгий Валентинович // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. I. М., 2009.

Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. М., 2010.

Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М., 2015.

Лазарев В.В., Липень С.В. История и методология юридической науки. М., 2016.

Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.

Лапаева В.В. интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность /Законодательство и экономика. 2008.

Лапаева В.В. Типы правопонимания, правовая теория и практика. М., 2012.

Лапин Н.И. теория и практика инноватики. М., 2010.

Лапин Н.И., Здравомыслов А.В. Социология. Хрестоматия в 2 т. М., 2016.

Лаут Рейнхард. Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А.В. Гулыги. Пер. с нем. И.С. Андреевой. М., 1996.

Лебедев С. А. Философия науки. Словарь основных терминов. М., 2004.

Лебедев С. А., Ильин В. В., Лазарев Ф. В., Лесков Л. В. Введение в историю и философию науки. М., 2007.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.

Лейбин В.М. Психоанализ и философия неотрейдизма. М., 1977.

Лейст. О.Э. Сущность права.

Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011.

Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.

Лекторский В.А., Философия, познание, культура. М., 2012.

Лекторский В.А. Человек и культура. Избранные статьи. СПб., 2018.

Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М., 2013

Лешкевич Т.Г. Философия науки. М., 2005.

Лившиц Р.З. Современная теория права. М., 1992.

Лисицын-Светланов А. Г., Ледях И. А. Нюрнбергский процесс и защита прав человека // Нюрнбергский процесс: урок истории: сб. статей. М., 2007.

Лисицын-Светланов А. Г. Современное международное частное право в России и Евросоюзе. М., 2012,

Лисицын-Светланов А.Г. Двадцать лет Конституции Российской Федерации/ отв. ред. А.Г. Лисицын-Светланов. М, 2015.

Лобанов С.Д. Бытие и реальность. М., 1999.

Локосов В.В. Шульц В.Л. Основания консолидации российского общества (социологические аспекты). М., 2008.

Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930.

Лосский Н.О. История русской философии. М., 1994.

Лукашева Е.А. Двадцать лет Конституции Российской Федерации. М., 2013.

Лукашева Е.А. Мифологизация политической и правовой жизни М., 2015

Лукашева Е.А. Трансформация прав человека в современном мире. М., 2018-2020.

Лукич Р. Методология права. М., 1981.

Лукьянов В.П., Очередыко В.П., Сальников В.П., Соболев И.А. Общество и природа в дореволюционной России: правовой анализ. СПб., 2003.

Лунеев В.В. Необходимые перспективы развития Института государства и права Российской академии наук // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 2. С. 413-427.

Лурье Ф.М. Политический сыск в России. 1649-1917. М., 2006.

Лысенко В.В. Полиция и нравственность. СПб., 1996.

Макаревич Э. Ф. Политический сыск. Истории, судьбы, версии. М., 2002.

Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002.

Максимов С.И. Философия права как проблема философии права // Философия права: сучасні інтерпретації: Вибрані праці: статті, аналітичні огляди, переклади. Харьков, 2012

Макуев Р.Х. Теория государства и права. М., 2010.

Малахов В.П. Философия права. Идеи и предложения. М., 2008.

Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины // Философия права в России: из опыта XX века / Отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016. С. 215-216.

Малько А.В., Мазуренко А.П. Правотворческая политика России: история и современность. М., 2014.

Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2013.

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.

Мамий М.Р. Судебный контроль и прокурорский надзор как гарантии законности. Ростов-на-Дону, 2007.

Мамут Л.С., Варламова Н.В., Лаптева Л.Е., Пахалов М.Ю., Дождев Д.В., Ефремова Н.Н. Правовое общение. Постановка проблемы. М., 2012.

Мамут Л.С. Евгений Брониславович Пашуканис // Философия права в России: из опыта XX века / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016.

Мамут Л.С. Феномен Вышинского // Философия права в России: из опыта XX века / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50-ти томах. 2-е изд. 1956 – 1981

Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность. М., 2012.

Марогулова И.Л. Некоторые вопросы судебной реформы / Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства: По материалам научно-практической конференции. Москва, 28 мая 2001 г. М., 2001.

Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Правовая система Европейского Союза. М., 2012.

Масленников Д.В., Хлебосолова О.Ф. Лаут и Достоевский: метафизическое и социально-этическое измерение // Образование. Экономика. Общество. Научно-практический образовательный журнал. 2009.

Масленников Д.В., Гук А.И., Числов А.И. Философско-правовые работы С.И. Захарцева: от происхождения права до перспектив правового бытия // Юридическая наука: история и современность. 2016.

Матвейчев О.А. Политические онтологии. М., 2001.

Махов В., Пешков М. Сделка о признании вины // Российская юстиция. 1998.

Минин А. Я., Попов В. И., Кудин В. А. Практика и порядок проведения тайных действий против организованной преступности в США. М., 1999.

Миронов В.В. Философия и метаморфозы культуры М., 2016.

Миронов В. В. Социальная философия и философия истории. М., 2019.

Мирский М.Б. История отечественной трансплантологии. М., 1985. С. 9.

Михайлов В.И. Противодействие легализации доходов от преступной деятельности. Правовое регулирование, уголовная ответственность, оперативно-розыскные мероприятия и международное сотрудничество. СПб., 2002.

Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006

Михалкин Н.В., Михалкин А.Н. Философия права. М., 2014.

Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М., 1998.

Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. 2019.

Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада. М., 2006.

Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С. Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // Юридическая наука: история и современность. 2017.

Назирова А.Э. Философия науки. СПб., 2009.

Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М., 2021.

Немытина М.В. Проблемы современного правопонимания // Современные методы исследования в правоведении: сб. науч. ст. / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007.

Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. М., 1987;

Неновски Н. Преемственность в праве. М., 1978.

Нерсесянц В.С. Философия права: история и современность; вступительная статья / Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. М., 1990.

Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. М., 1993;

Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. М., 1998.

Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в общий курс теории права и государства. М., 1998.

Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. М., 2005.

Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2011.

Ницше Ф. Сочинения в двух томах. М., 1990.

Новиков С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб., 2004.

Новиков С. А. Правдивые показания: правовые меры стимулирования в России и за рубежом. СПб., 2008.

Общая теория права / Под ред. К. В. Бабаева. Н. Новгород, 1993

Общая теория прав человека / Под ред. Е. А. Лукашевой. М., 1996.

Общая теория права и государства. М. 2010.

Общественные организации, право и личность / Азовкин И.А., Батыгин К.С., Витрук Н.В., Кудрявцева Г.А., и др.; Отв. ред.: Щиглик А.И., Ямпольская Ц.А. М., 1981.

Овчинский А.С. Информация и оперативно-розыскная деятельность / Под ред. *В.И. Попова*. М., 2002.

Овчинский В. С. Криминология и биотехнология. М., 2005.

Оганян К. М. Философия человека. СПб., 2010.

Огородников В.П. Познание необходимости: детерминизм как принцип научного мировоззрения. М., 1985.

Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. М., 1982.

Ойзерман Т.И. Философия как история философии. СПб., 1999.

Ойзерман Т.И. Избранные труды: в 5 т. Марксизм и утопизм / Под ред. *И.Т. Касавина*. М., 2014.

Оль П.А., Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Государство, общество, личность: Проблемы совместимости / Под ред. *Ромашова Р.А., Нижник Н.С.* М., 2005.

Осипенко А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: международный опыт. М., 2004.

Осипкин В.Н. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью. СПб., 2003.

Осипов Г.В. Новая социальная реальность: концептуальный взгляд на состояние и перспективы развития // Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносоциальном пространстве. М.; СПб., 2020. С. 24-34.

Осипов Г.В., Климовицкий С.В. Виртуализация социальной реальности и фальшивые новости // Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносоциальном пространстве. М.; СПб., 2020. С. 60-69.

Основы гуманитарного знания / Под ред. *К.К. Колина*. М., 2017.

Основы правовой соматологии / Под ред. *В.П. Сальникова*. СПб., 2006.

Осокина Г.Л. Гражданский процесс. М., 2013.

Отческая Т.И., Володина Д.В. Актуальные вопросы юридической ответственности судей в Российской Федерации. Новокузнецк, 2012.

Пернацкий В.И. Философия политики и права. М., 2013.

Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. 3-е изд., 1908.

Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / Науч. ред. *Е.В. Тимошина*. СПб, 2010.

Петренко В.Ф. Политическая психология. Психосемантический подход. М., 2020.

Петренко В.Ф. Человек в мире знания. К 80-летию Владислава Александровича Лекторского. М., 2012.

Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть). М., 1998.

Петрухин И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М., 2008.

Пискотин М.И. Социализм и государственное управление. М., 1984.

Победкин А.В. От внеправовой действительности к правовому нигилизму (концептуальные методологические подходы к оценке состояния законности в России) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 4 (4). С. 109-122;

Победкин А.В. Гарантии независимости или корпоративные привилегии? // Вестник Воронежского государственного университета. 2014. № 1 (16). С. 115-126.

Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014.

Поляков А.В. В поисках интегрального типа правопонимания. «Круглый стол»: проблемы современного правопонимания // История государства и права. 2003.

Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004.

Попова С.М., Шахрай С.М., Яник А.А. Измерения прогресса. М., 2010.

Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.

Права человека и современное государственно-правовое развитие / Отв. ред. А.Г. Лисицын-Светланов. М., 2007.

Практика уголовного сыска / Под ред. А. И. Алексеева. М., 1999.

Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020.

Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М., 2002.

Проблемы теории права и государства / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 1999.

Радько Т.Н. Теория функций права. М., 2014.

Радченко В.И. Действующий УПК тормозит развитие судебно-правовой реформы // // Мониторинг правоприменения. 2020.

Разумовский И.П. Проблемы марксистской теории права. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1925.

Рассел Б. История западной философии: В 2 т. М., 1993.

Раянов Ф.М. Политическая философия государственности. Уфа, 1998.

Раянов Ф.М. Трудный путь к правовому государству. Уфа, 1999.

Раянов Ф.М. Государственно-правовые «болезни»: исторический диагноз. Уфа, 2005.

Раянов Ф.М. Проблемы теории и практики правового государства. Уфа, 2013.

Раянов Ф.М. Теория правового государства. М., 2014.

Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы. М., 2017.

Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. Н. Новгород, 1998.

Рикер П. Герменевтика и психоанализ: Религия и вера. М., 1996.

Розин В. М. Генезис права. М.: 2003.

Романовская В.Б. Репрессивные органы в России в XX веке / Под ред. В.П. Сальникова. Нижний Новгород, 1996.

Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2008.

Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 161-169.

Романовский Г. В. Право на неприкосновенность частной жизни. М., 2001.

Ромашов Р.А. Конституционное государство: История, современность, перспективы развития. Красноярск, 1997.

Ромашов Р. А., Оль П. А., Сальников М. В. Основы теории государства и права. СПб., 2002.

Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного понимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005.

Ромашов Р.А. Интегральная юриспруденция и энциклопедия права: историко-методологический анализ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013
Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. СПб., 2015.

Ронин Р. Своя разведка: способы вербовки агентуры, методы проникновения в психику, форсированное воздействие на личность, технические средства скрытого наблюдения и съема информации: Практическое пособие. Мн., 2003.

Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.

Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.

Российский прокурорский надзор / Под ред. А. Я. Сухарева. М., 2001.

Россинская Е. Р. Криминалистика. Вопросы и ответы. М., 1999.

Рохлин В. И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. СПб., 2003.

Рохлин В. И., Захарцев С. И., Миронов М. А., Стуканов А. П. Институт реабилитации в российском законодательстве / Под ред. В. И. Рохлина. СПб., 2007.

Руденко В.Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург, 2011

Руденко В.Н. Большие гражданские жюри в Калифорнии и их роль в противодействии коррупции // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: Сборник материалов II Всероссийской научной конференции 29 сентября - 1 октября 2015 г. Екатеринбург, РАН, 2016.

Рузавин Г. И. Методология научного познания. М., 2009.

Румянцева Т.Г. Агрессия. Проблемы и поиски в западной философии и науке. Мн, 1991.

Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру. М., 1985.

Рыжаков А. П. Собираение (проверка) доказательств. Показание как средство доказывания. М., 2007.

Рязанцев С.В., Иванов В.Н. [и др.]; Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты / Отв. ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов; ИСПИ ФНИСЦ РАН. М., 2020.

Савенков А.И., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. 2012. № 7. С. 7-16.

Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной академии. 2012. № 1(41). С. 14-34.

Савенков А.Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4.

Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. М., 2019.

Савенков А.Н. Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизованном развитии человечества: Доклады членов РАН / Под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019

Садчикова П.И. Психология и логика чувств. Саратов, 2000.

Сальников В.П. Правовая культура общества: понятие и структура // Вопросы теории государства и права. Саратов. 1986.

Сальников В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. Самара, 1991.

Сальников В. П., Гуцериев Х. С., Федоров В. П., Худяк А. И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. СПб., 1996.

Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Сборник научных статей. Выпуск 1 /МВД России. Санкт-Петербургский университет; Под общ. ред. В.П. Сальникова; ред. кол.: Д.И. Луковская и др. СПб., 2000.

Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибуллин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. СПб., 2001.

Сальников В. П., Сандулов Ю. А., Гуцериев Х. С., Кальной И. И. Философия для аспирантов / Под ред. И. И. Кального. СПб., 2001.

Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибуллин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. СПб., 2001.

Сальников В. П., Степашин С. В., Хабибулина Н. Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2002.

Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология. СПб, 2002;

Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии / Под ред. В.П. Сальникова. СПб, 2003.

Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С.153-156.

Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 9. С. 174-192.

Саррацин Т. Германия: Самоликвидация. М. 2013.

Сартр Ж.П. Проблема метода. М., 1994.

Сергеев А.П. Жилищное право. М., 2008.

Семеняко Е., Пилипенко Ю. Скрамное обаяние подлинного таланта // В.В. Лазарев. «Избранные труды [В 3 т.]. Т. 1 / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». М., 2010.

Сидоров С.А., Честнов И.Л. Механизм правового регулирования в системе социального контроля. СПб., 2014.

Симония Н.А., Торкунов А. В. Глобализация и проблема мирового лидерства // Международная жизнь. 2013

Сильнов М. А. Вопросы обеспечения допустимости доказательств (досудебные стадии). М., 2001.

Синюков В.Н. Юридическое образование в контексте российский правовой культуры // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 31-42.

Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. М., 2008.

Смирнов А.В. Событие и вещи. М., 2017.

Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М., 2019.

Смирнов А.В. Процессуальная логика. М., 2019.

Смолькова И.В. Юридические афоризмы. М., 2013.

Современная западная философия / Под общ. ред. *Т.Г. Румянцевой*. Мн., 2009.

Соловьев А. Б. Актуальные проблемы досудебных стадий уголовного судопроизводства. М., 2006.

Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб., 1914.

Сорокин В.В. Фундаментальная теория права. М., 2020.

Сорокин В. Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003.

Сорокина Ю.В. Введение в философию права. М., 2011.

Социология Великой Победы / под ред. *В.Н. Кузнецова*. М., 2005.

Социологическая мозаика-2018 / *А.В. Дмитриев, В.Н. Иванов, Ж.Т. Тощенко*; предисл. *М.К. Горшков*. М., 2018.

Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001.

Спиноза Б. Сочинения: В 2-х т. СПб., 1999.

Ставцев С.Н. Введение в философию Хайдеггера. СПб., 2000.

Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права / Отв. ред. *В.Г. Графский*. М., 2011.

Старовойтова О.Э. Тело и закон. СПб., 2006.

Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии / Под ред. *В.П. Сальникова*. СПб., 2006;

Степашин С. В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы). СПб., 1994.

Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992

Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000.

Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2008.

Степин В.С. Философия и методология науки. М.: 2015.

Степин В.С. Идея права как социокультурный феномен // Трансформация парадигмы права в цивилизованном развитии человечества: доклады членов РАН. М., 2019.

Стратегия демографического развития России / под ред. *В.Н. Кузнецова* и *Л.Л. Рыбаковского*. М., 2005.

Строгович М.С. Избранные труды. М., 1990.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. М., 1968-1970.

Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955

Строгович М.С. Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия / Под ред. М. С. Строговича, Г. Н. Александрова. М., 1959

Сырых В.М. Логические основания общей теории права. М., 2000.

Сырых В.М. Материалистическая теория права: Избранное. М., 2011.

Тарнавская М.И. Морально-оценочные подходы в практике Европейского суда по правам человека // *Юридическая наука: история и современность*. 2012.

Тейман С. Правовое сотрудничество российских и американских политиков и юристов: новые возможности и перспективы // *Судебная реформа и становление правового государства в Российской Федерации* (по материалам международной научно-практической конференции) / Под ред. Комаровского В.С., Мизулина М.Ю. М., 2003.

Теория государства и права / Под ред. *М.Н. Марченко*. М., 2009.

Тихомиров Ю.А. Власть и управление в социалистическом обществе. М., 1968. С. 54.

Тихомиров Ю.А., Шахрай С.М. Риск и право. М., 2012.

Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски. М., 2018.

Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997.

Тихонравов Ю. В. Основы философии права. М., 1997.

Толмосов В.И., Шейфер С.А. Проблемы допустимости доказательств на досудебных стадиях российского уголовного процесса. Самара, 2003.

Толстой Л.Н. Письмо студенту о «праве» / Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. М., 1909-1910.

Толстой Л.Н. О жизни. М., 2017

Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959.

Толстой Г. К. Жилищное право. М., 2015.

Толстой Г.К. Портреты заговорили...М, 2014.

Томсинов В.А. История русской и политической правовой мысли X-XIII века. М., 2003.

Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. Т. 2. М., 2007.

Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Деньги и власть. Теория разделения властей и современность. М., 1998.

Тосунян Г.А. Генезис и теоретические основы института несостоятельности (банкротства) гражданина в системе российского права. М., 2020.

Тосунян. Г.А. Философия финансового рынка. М., 2020.

Тоценко Ж.Т. Неизбежные уроки пандемии // Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Осипов Г.В. и др.; отв. ред. В.К. Левашов. М., 2020. С. 57-68.

Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2005.

Тузова Т.М. Специфика философской рефлексии. Мн, 2001.

Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984.

Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990.

Уолкер Р. Английская судебная система. М., 1980.

Учёные записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М.К. Горшков. Выпуск 7. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: исследование социокультурного механизма. М., 2020;

Учёные записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М.К. Горшков. Выпуск 8. Общество травмы: между эволюцией и революцией. М., 2020.

Ученые-юристы МГУ о современном праве / Под ред. М. К. Треушников. М., 2005.

Ушаков Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М., 2003.

Ушаков Д.В. Психология интеллекта и одаренности. М., 2011.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М., 2007.

Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А.В. Гулыги. Пер. с нем. И.С. Андреевой. М., 1996.

Философия и методология науки / Под ред. В. И. Купцова. М., 1996.

Философия права / Под ред. О.Г. Данильяна. Харьков, 2009.

Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Под ред. В.В. Миронова и Ю.Н. Солонина. М., 2010.

Философия права: В 2 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2014.

Философия права. Курс лекций: учебное пособие в 2 т. Т. 1 / С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, В.Е. Воротилин и др.: отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2014.

Философия права: Учебное пособие / отв. ред. Н.Н. Черногор., О.Ю. Рыбаков. М., 2018.

Философия права в России: из опыта XX века / Отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016.

Философия / Под ред. В. П. Сальникова. СПб., 1999.

Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб., 1996.

Фомушкин А.А. Голос и речь раскрывают криминальные тайны: о применении психолингвистических познаний в криминалистике и оперативно-розыскной деятельности. СПб., 2003.

Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.

Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2002.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.

Хабибуллин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути и их решения // Журнал российского права. 2007. № 2.

Хабибуллин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. М., 2008.

Хабибуллин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. М., 2011.

Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018.

Хабриева Т.Я. Проекция развития конвергентных технологий в праве // Трансформация парадигмы права в цивилизованном развитии человечества: Доклады членов РАН / Под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019;

Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: Теория и практика. М., 1998.

Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной Конституции. М., 2007.

Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018

Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М., 2018.

Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степаина и юридическая наука. М., 2020.

Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб., 1997.

Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты). М., 2000.

Хропанюк В.Н. Теория государства и права / Под ред. В. Г. Стрекозова. М., 1995.

Чашин А.Н. Современные правовые учения России / Под ред. Т.Н. Радько. М., 2014.

Черепанов С.К. Философия неопределенности: неопределенность и парадоксы. Новосибирск, 2004.

Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. 2015.

Честнов И.Л. Критерии современного правопонимания // Философия права в России: история и современность: мат-лы третьих философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца. М., 2009.

Чиркин В.Е. Наднациональные и межгосударственные образования и наднациональное право // Юридическая мысль. 2015

Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005.

Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006.

Чичерин Б.Н. Философия права. М., 2010

Шароградский В.И. Диалектика становления философской системы марксизма. Л., 1987.

Шафиров В.М. Конституция. Отраслевое право. Правоприменение // Российская юстиция. 2016.

Шахрай С.М. Глобализация в современном мире / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2004.

Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политико-правовые аспекты. СПб., 2004.

Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политико-правовые проблемы / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2005.

Шамхалов Ф.И. Подготовка и аттестация научных и научно-педагогических кадров Российской Федерации. М. 2009.

Швырёв В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М., 1988.

Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2009.

Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб, 1999.

Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 15-16. Указанная мысль в том или ином виде неоднократно повторялась в его других работах. См., напр.: История философии права. М., 1907. Переиздана: СПб, 1999

Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001.

Шестов Л. Избранные сочинения. М., 1993.

Шульц В.Л., Цыганов В.В., Модернизация системы национальной безопасности: модели и механизмы федеральной, региональной, муниципальной и корпоративной безопасности. М, 2010.

Шульц В.Л., Кульба В.В., Шелков А.Б., Чернов И.В., Информационное управление в условиях глобализации. М, 2017.

Шумилов А.Ю. Введение в юридическую наукометрию. М. 2012.

Шумилов А.Ю. Новый индекс «научной индивидуальности» и некоторые другие индексы цитирования в отечественной юридической науке // Оперативник (сыщик). 2015.

Эбзеев Б.С. Личность и государство в России. М., 2007.

Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980.

Экимов А. И. Коркунов / Отв. ред. В. Д. Зорькин. М., 1983.

Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. 2015.

Энциклопедия афоризмов. М., 2003.

Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания / Отв. ред. В.Г. Графский. М., 2013.

Энштейн А. Физика и реальность. М., 1965.

Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб., 2011.

Юдин П.Ф. Материалистическое и религиозное мировоззрение, М., 1930

Юдин П.Ф. Кто такие "национал-социалисты"? Свердловск, 1942.

Юдин П.Ф. От социализма к коммунизму. М., 1962.

Юревич А.В. Психология и методология. М., 2005.

Юревич А. В. Методология и социология психологии. М., 2010.

Юревич А.В. Социальная психология научной деятельности. М., 2013.

Яковлев В.Ф. Избранные труды. В 2. т. М., 2012.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.